МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2023 **№ 75**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии (№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология) E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief;
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology);
Deriglazova L.V. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science);
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor;
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology);
Borisov E.V. (Tomsk, Russia);
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia);
Syrov V.N. (Tomsk, Russia);
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia);
Ladov V.A. (Tomsk, Russia);
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia);
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia);
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Полковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishcev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskyi D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Архиереев Н.Л. Принципы построения кластерной семантики для основных нормальных модальных систем ... 5
Гущин И.А. Некоторые возражения нейтральному модализму ... 21
Козырева О.А. Я-высказывания: реальна ли угроза тезису об автоматической референции индексикала «я»? ... 29
Ладов В.А., Чаплинская Я.И. Аналитический реализм в формальном аспекте: теория и практика ... 38
Моисеева А.Ю. Контекстные роли в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри. Путь к значению через эпистемологию и прагматику ... 49
Нехаев А.В. Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов? ... 64
Mikhailov I.F. Fallibilism as the basis of rationality: philosophical implications for natural and artificial intelligence ... 76

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Борисов Е. В. Смысл и референция в семантике Катца ... 94
Московец С. А. Анти-эссенциализм и проблема причинности в философии Ф. Ницше ... 105
Тетерин А. Ю. «Царство сатаны» в эсхатологии Томаса Гоббса ... 115

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Барышников Д.Н. Корейские диаспоры в системе дипломатической коммуникации ... 124
Ложникова А.В., Хлопцов Д.М., Мазаев А.Г. Некапиталистическая система хозяйствования современной России в контексте теории А.В. Чаянова ... 138
Миркушина Л.Р., Трубина Н.А. Время и любовь в пространстве города ... 154
Шавлохова А.А. «Расширенное Я» как коммуникативный концепт цифровой реальности ... 164

СОЦИОЛОГИЯ

Воробьева И.Н. Ресурсный подход как методологический принцип выделения агентов социальных изменений ... 179
Гузь Н.А., Дуброва М.В., Дзусова С.С., Рябова И.С., Фрумина С.В. Инициативное бюджетирование в России: как не препятствовать гражданской активности ... 193
Осьмук Л.А., Скалабан И.А., Сергеева З.Н. Встречное лоббирование интересов экономических и общественных групп в городских конфликтах ... 207
Петрова Е.В., Ван И.Д. Доходная стратификация в Бурятии ... 221
Рахманов А.Б. Винтовки Маузера, пулеметы Максима, пушки Круппа, коммуникативная связность и концепция легитимного господства Макса Вебера. Часть вторая ... 230
Торлопова Л.А., Голдовская А.В. Пересечения траекторий социального активизма и развития технологий как основания для интеграции людей с инвалидностью в общественные процессы ... 240

ПОЛИТОЛОГИЯ

Борисов Д.А. Осмысление роли идеологии в современных международных отношениях: аксиологический аспект международной власти Японии в Центральной Азии ... 253
Палитай И.С., Зорин В.А. Российская политическая элита и лидеры в условиях вариативности сценариев политического развития: политико-психологический анализ ... 267
Пилкина М.В. Проблема категоризации гендерных вопросов в исследованиях образования ... 279
Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Традиционный элемент политической культуры России: конституирование православных основ ... 289

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Наука между пост- и нормой

Тихонова С.В. Праксис и дейксис научного гуманитарного исследования: в поисках новой нормальности ... 300
Аласания К.Ю. «Парадокс Агамбена»: о границах политического действия в эпоху пост-нормальной науки ... 307
Вархотов Т.А. Неконвенциональное согласие: как мы все еще мыслим вместе ... 313
Мелик-Гайказян И.В. «Пост-нормальное» состояние науки: противостояние впечатлений измерениям ... 319

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Arkhiereev N.L. Principles of construction of cluster semantics for the main normal modal systems 5
Guschchin I.A. Some objections to neutral modalism 21
Kozyreva O.A. I-cases: Is the thesis of automatic reference of "I" in danger? 29
Ladov V.A., Chaplinskaya Ya.I. Analytical realism in the formal aspect: Theory and practice 38
Moiseeva A.Yu. Contextual roles in situation semantics of Jon Barwise and John Perry. The way to meaning through epistemology and pragmatics 49
Nekhaev A.V. Metaphysical debates about words: What does it mean to be a realist about words? 64
Mikhailov I.F. Fallibilism as the basis of rationality: Philosophical implications for natural and artificial intelligence 76

HISTORY OF PHILOSOPHY

Borisov E.V. Sense and reference in Katz's semantics 94
Moskovets S.A. Anti-essentialism and the problem of causality in the philosophy of Friedrich Nietzsche 105
Teterin A.Yu. The "Kingdom of Satan" in Thomas Hobbes' eschatology 115

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Baryshnikov D.N. Korean diasporas in the system of diplomatic communication 124
Lozhnikova A.V., Khloptsov D.M., Mazaev A.G. Modern Russian non-capitalist economic systems in the context of Chayanov's theory 138
Mirkushina L.R., Trubina N.A. Time and love in the urban space 154
Shavlokhova A.A. "Extended self" as a communicative concept of digital reality 164

SOCIOLOGY

Vorobyova I.N. Resource approach as a methodological principle for identifying agents of social change 179
Guz N.A., Dubrova M.V., Dzusova S.S., Ryabova I.S., Frumina S.V. Participatory budgeting in Russia: How not to hinder civic engagement 193
Osmuk L.A., Skalaban I.A., Sergeeva Z.N. Counter-lobbying of interests of economic and social groups in urban conflicts 207
Petrova E.V., Van I.D. Income stratification in Buryatia 221
Rakhmanov A.B. Mauser rifles, Maxim machine guns, Krupp cannons, communication connectivity and Max Weber's theory of legitimate domination. Part Two 230
Torlopova L.A., Goldovskaya A.V. Intersections of social activism trajectories and technology development as a basis for the integration of people with disabilities into social processes 240

POLITICAL SCIENCE

Borisov D.A. Understanding the role of ideology in contemporary international relations: An axiological aspect of foreign power of Japan in Central Asia 253
Palitay I.S., Zorin V.A. Russian political elite and leaders in conditions of variability of political development: political and psychological analysis 267
Pilkina M.V. The problem of gender categorization in education research 279
Shcherbinina N.G., Avanesova E.G. The traditional element of the political culture of Russia: Constitution of Orthodox foundations 289

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Science between post- and normal

Tikhonova S.V. Praxis and deixis of scientific humanitarian research: In search of a new normality 300
Alasania K.Yu. Agamben's paradox: About the limits of the political action in the age of post-normal science 307
Varkhotov T.A. Non-conventional consent: How we still keep thinking together 313
Melik-Gaykazyan I.V. A "post-normal" state of science: Confrontation between impressions and measurements 319

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 5–20.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 5–20.

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 164.3
doi: 10.17223/1998863X/75/1

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КЛАСТЕРНОЙ СЕМАНТИКИ ДЛЯ ОСНОВНЫХ НОРМАЛЬНЫХ МОДАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Николай Львович Архиереев

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия, arkhnl@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается единая стратегия построения естественной семантики для основных нормальных модальных логик. Смысл модальных операторов выражается при помощи кластеров – конечных множеств описаний состояний и их систем, выполняющих роль модельных структур семантик возможных миров. Исчерпывающий пересчет кластеров обеспечивается элементарными арифметическими функциями. При построении семантики используются только традиционные для логики понятия.
Ключевые слова: кластер, модальный оператор, возможный мир

Для цитирования: Архиереев Н.Л. Принципы построения кластерной семантики для основных нормальных модальных систем // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 5–20. doi: 10.17223/1998863X/75/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

PRINCIPLES OF CONSTRUCTION OF CLUSTER SEMANTICS FOR THE MAIN NORMAL MODAL SYSTEMS

Nikolay L. Arkhiereev

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation, arkhnl@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru

Abstract. One of the most well-known classes of non-classical logic is a class of so-called normal modal systems. The system that is usually proposed as basic normal logic is system K, including (apart from axioms and inference rules of classical logic) Kripke's axiom and necessitation rule. Traditional semantics for these systems have been constructed in terms of possible worlds, accessibility relation between them, model structure, whose epistemic and ontological status still remains rather unclear. Particular characteristics of accessibility relation may vary in different systems. The choice of system K as basic is usually explained by absence of any restrictions on accessibility relation in this system. However, this utmost technical simplicity results in occurrence in the semantics of K of a dubious notion of a dead end world. Cluster semantics for the main normal modal systems proposed in this article

© Н.Л. Архиереев, 2023

seems to be a natural alternative to the traditional possible world semantics. Cluster semantics includes truth evaluations of two levels and three different types. Formulas without modal operators take one of truth-functional value {t,f} in classical state descriptions (s.d.). Since modal operators are treated as quantifires on s.d., modalized formulas take one of non-truth-functional values {t, f} in sets of s.d. W. Finally, every propositional variable takes in set of s.d. W one of (meta) evaluations {**N, I, C**} (logically necessary, impossible, contingent). Evaluations of the last type bring about a construction of clusters – finite sets of s.d. and systems of such sets, replacing model structures of possible world semantics. Interpretation of elementary propositions in terms {**N, I, C**} turns out to be a natural analogue of accessibility relation in possible world semantics, which constitutes a modal level of a logical system and unifies s.d. in certain classes of equivalence. Dead end world proves to be just a random gap of interpretation of propositional variables in terms {**N, I, C**} on a certain level $n \geq 1$, which results in construction of an empty set W_n. Normal modal systems stronger than K can be easily constructed by application of some additional restrictions on possible truth-values of elementary propositions.
Keywords: cluster, modal operator, possible world

For citation: Arkhiereev, N.L. (2023) Principles of construction of cluster semantics for the main normal modal systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/1

В работе [1] был описан способ построения так называемой кластерной семантики для модальных систем S5, S4 Льюиса и основной интуиционистской системы Гейтинга Int. Данная статья является продолжением указанных исследований и содержит описание общей стратегии построения кластерной семантики для основных нормальных модальных логик.

Кратко напомним концептуальные основы рассматриваемых проблем.

В основе данного подхода к построению семантик модальных систем, впервые предложенного Ю.В. Ивлевым, лежит идея дополнительного истолкования пропозициональных переменных (предикатных символов) формулы с модальными операторами в терминах **{N, I, C}**, обозначающих соответственно логически истинные (необходимые), логически ложные (невозможные) и логически случайные (недетерминированные) высказывания. В первом случае из исходного множества описаний состояния (о.с.) для формулы исключаются все о.с., содержащие отрицание соответствующей переменной, во втором – все о.с., содержащие вхождения этой переменной без отрицания, в третьем случае результирующее множество содержит по крайней мере два о.с., в которых переменная имеет разные значения. Если, далее, две или более переменных трактуются как логически недетерминированные, каждое их конъюнктивное сочетание дополнительно рассматривается как логически случайное или невозможное. В результате образуются конечные кластеры (в терминологии Ю.В. Ивлева, ОМОСы – ограниченные множества описаний состояний <Г; W′>, где Г – ограничение допустимых истинностных значений переменных формулы; W′ – результирующее множество), выполняющие роль модельных структур семантик возможных миров. Полученная семантика полна и непротиворечива относительно исчисления S5 Льюиса, т.е. является естественной теорией логических алетических модальностей.

В кластерных семантиках различают три типа оценок. Двухзначные истинностно-функциональные, которые обычным образом приписываются формулам без модальных операторов в классических о.с. Двухзначные неистинностно-функциональные, которые приписываются формулам с модаль-

ными операторами в кластерах – множествах о.с. W′. При этом операторы необходимости □ и возможности ◊ рассматриваются как кванторы ∀, ∃ соответственно, пробегающие по элементам W′. Трехзначные не-истинностно-функциональные (мета) оценки элементарных высказываний в терминах **{N, I, C}**, которые также осуществляются относительно множеств о.с. W′ (подробнее см.: [1]).

При переходе к построению семантики указанного типа для системы Льюиса S4 сохраняется исходная идея интерпретации переменных формулы в терминах **{N, I, C}**. Однако поскольку отношение достижимости в S4 уже не является, в отличие от S5, отношением эквивалентности, существенным оказывается понятие «выделенного», или «действительного», мира, в качестве которого последовательно рассматривается каждое исходное классическое о.с. α_i для формулы. Кроме того, в силу наличия в S4 собственных несводимых модальностей неэлементарных степеней, возможными оказываются итерированные метаоценки переменных в терминах **{N, I, C}**. Исходные оценки **N, I** в системе S4 могут повторно истолковываться только как необходимые **NN**, **NI**, оценка **C** – либо как необходимая **NC**, либо как случайная **CC**. В результате кластеры – аналоги модельных структур S4 (в терминологии Ю.В. Ивлева – ОГОСы, относительно ограниченные множества о.с.) – оказываются трехэлементными упорядоченными последовательностями $<\Gamma_n; \alpha_i; W_n>$ $(n \geq 1)$ [2]. Кластерная семантика полна и непротиворечива относительно исчисления S4 Льюиса, а также относительно системы Гейтинга Int при переводе ее формул в систему S4, предложенном Дж. Маккинси и А. Тарским.

Отличительной особенностью кластерной семантики является использование только традиционных для логики понятий логической истинности, ложности, выполнимости, совместимости / несовместимости высказываний логической системы по истинности и т.д. Кроме того, число кластеров для пропозициональных фрагментов модальных систем всегда конечно: в [1] были продемонстрированы арифметические функции, обеспечивающие исчерпывающий пересчет указанных конструкций для систем S5, S4, Int (дополнительным условием полного пересчета кластеров для предикатных расширений данных систем оказывается конечность предметной области теории). Наконец, многие содержательные особенности соответствующих систем оказываются очевидным следствием самого способа построения кластерной семантики для них (например, для S4 такой особенностью является отсутствие несводимых итерированных модальностей степени выше 3, для системы Int – отсутствие необходимости рассматривать более двух «сильных» (интуиционистских) отрицаний подряд) [1].

Основной целью настоящей статьи, как следует из ее названия, является обобщение представленных в [1] результатов, распространение их на нормальные модальные системы K, D, T, B, а также изложение некоторых выводов философско-методологического характера.

Для простоты изложения ограничимся пропозициональными фрагментами указанных систем. В качестве исходных символов объектного языка далее будем использовать ¬, ⊃, □ (отрицание, импликация, оператор логической необходимости соответственно). Прочие классические логические связки, а также понятие формулы определяются стандартным образом. Операторы

логической возможности и случайности определяются как $\Diamond A = \neg\Box\neg A$ и $\nabla A = \Diamond A \wedge \Diamond\neg A$ соответственно.

Набранные жирным шрифтом связки $\mathbf{\Leftrightarrow, \Rightarrow, \rceil, \forall, \exists, \in, \varnothing, \wedge, \vee, \veebar, \supset}$ {**N, I, C**} – символы метаязыка, которые будут использоваться для записи утверждений о выражениях объектного языка соответствующих логических систем.

Существуют различные способы классификации нормальных модальных логик, связанные с различными основаниями выбора какой-либо из этих систем в качестве базовой или минимальной (несколько подробнее об этом будет сказано ниже). На сегодняшний день в качестве минимальной системы нормальной модальной логики обычно рассматривается система K, которая строится путем добавления к аксиомам и правилам вывода классической логики высказываний (к.л.в.) аксиомы K $\Box(A\supset B)\supset(\Box A\supset\Box B)$ и правила Гёделя (RG): если $\vdash A$, то $\vdash\Box A$.

Система D является результатом расширения K за счет добавления к ней «собственной» аксиомы D $\Box A\supset\Diamond A$.

Система T (M) Фейса–Вригта строится как расширение K путем добавления к ней аксиомы T $\Box A\supset A$ или эквивалентной ей аксиомы M $A\supset\Diamond A$.

Так называемая брауэрова система B является результатом расширения T путем добавления к ней аксиомы B $A\supset\Box\Diamond A$ или эквивалентной ей аксиомы B1 $\Diamond\Box A\supset A$.

Система S4 может быть описана как результат добавления к аксиомам и правилам вывода системы T аксиомы Trans $\Box A\supset\Box\Box A$.

Наконец, система S5 может быть описана как результат объединения аксиом и правил вывода систем T, B, S4 или же как результат добавления к аксиомам и правилам вывода системы T единственной аксиомы Un $\Diamond A\supset\Box\Diamond A$.

Одним из основных инструментов построения стандартной семантики возможных миров для всех перечисленных систем является так называемая модельная структура – упорядоченная тройка элементов $\langle W, R, |\ |\rangle$, где W – непустое множество возможных миров, $R\subseteq W\times W$ – заданное на этом множестве бинарное отношение (отношение достижимости или относительной возможности), $|\ |$ – функция приписывания значений формулам системы в возможных мирах (функция интерпретации). Выбор системы K в качестве базовой нормальной модальной логики обычно объясняется ее «технической минимальностью» – на отношение R в этой системе не налагается никаких дополнительных ограничений, что с формальной точки зрения упрощает доказательство основных метатеорем о свойствах систем: осуществленное для системы K доказательство метатеорем о семантической непротиворечивости и полноте можно легко экстраполировать на остальные нормальные логики, просто рассматривая соответствующие дополнительные ограничения на отношение достижимости. (Для системы D это условие связности отношения достижимости, для T – условие рефлексивности, для B – рефлексивности и симметричности, для S4 – рефлексивности и транзитивности, для S5 – объединение свойств отношения R в системах T, B, S4.) При этом, поскольку постулируется отсутствие *любых* ограничений на отношение достижимости, в K допускается существование так называемых *тупиковых миров* – миров, из которых недостижимы никакие элементы W, в том числе и сами эти миры. Исходя из условий истинности / ложности формул с модальными операторами, для та-

ких миров принимается следующее соглашение: все формулы вида □A истинны, а все формулы вида ◊A ложны в тупиковых мирах. В пользу приемлемости подобного соглашения обычно предлагаются следующие аргументы.

Формула □A истинна в некотором мире, если формула A истинна в каждом достижимом из него мире. Поскольку формула A не может быть опровергнута ни в одном мире, достижимом из тупикового, так как таких миров просто не существует, все формулы вида □A в тупиковом мире можно считать тривиальным образом истинными. Формула ◊A истинна в исходном мире, если существует хотя бы один достижимый из него мир, в котором формула A истинна. Поскольку миров, достижимых из тупикового, не существует, все формулы вида ◊A оказываются в тупиковом мире тривиальным образом ложными.

Очевидно, что с чисто технической точки зрения подобное соглашение обеспечивает универсальную общезначимость аксиомы K, ее «ослабленного» варианта ◊(A⊃B)⊃(◊A⊃◊B), а также корректность применения правила Гёделя во всех возможных мирах. При этом, однако, в тупиковых мирах формулы вида □(A∧¬A) оказываются истинными, а формулы вида ◊(A∨¬A) – соответственно, ложными. Последнее, в свою очередь, означает отсутствие в K любых теорем вида ◊A.

Ранее отмечалось [1], что вопросы об онтологическом и эпистемическом статусе возможных миров, как и о конкретных видах необходимости и возможности, определяемых большинством из известных модальных систем, остаются, вообще говоря, открытыми. Введение еще более «экстравагантного» понятия тупикового мира сложившейся ситуации никак не проясняет. Попытка же сугубо инструменталистского истолкования возможных миров и отношения достижимости между ними как объектов чисто «технической» природы, призванных всего лишь обеспечить выполнение определенных аксиом логической системы, ставит под вопрос не только «содержательный» характер семантик возможных миров, но и наличие у логики собственной предметной области, отличающей ее, скажем, от теории формальных систем.

Как нам кажется, рассматриваемый в данной статье подход к построению семантик модальных систем позволяет естественным образом решить большинство обозначенных проблем.

При построении кластерной семантики для системы K будем исходить из следующих соображений.

В качестве «выделенных» миров кластеров первой степени последовательно рассматриваются все о.с. для соответствующей формулы.

Поскольку вхождение пропозициональной переменной p в некоторое о.с. α_i не гарантирует того, что ◊p истинно в α_i (p может оказаться ложным во всех мирах, достижимых из мира α_i, содержащего p), эта переменная может интерпретироваться как обозначающая логически истинное, логически ложное, логически недетерминированное высказывание. Иными словами, независимо от истинностного значения переменной в исходном о.с. она может принимать *любое* значение из множества **{N, I, C}**, включая *отсутствие* какого-либо определенного метаистолкования в этих терминах. В последнем случае результирующий кластер $<\Gamma_1; \alpha_i; W_1>$ будет содержать пустое множество о.с. W_1, представляющее собой простейший пример тупикового мира.

Поскольку значения формулам □A, ◊A приписываются именно в *множествах* о.с., классическое описание состояния, взятое, так сказать, изолированно, «само по себе», не детерминирует значения формул с модальными операторами. Его детерминирует множество W_1 о.с. «целиком», являющееся результатом (мета)истолкования Γ_1 элементов исходного α_i в терминах **{N, I, C}**. Можно сказать, что классическое о.с. превращается в «полноценный» возможный мир (только) в результате подобной процедуры (строгим аналогом понятия «возможный мир» является не отдельное классическое о.с., а о.с., являющееся элементом некоторого множества $W_1 - \alpha_i \in W_1$).

Принятое в системе К рассмотрение любых комбинаторно допустимых истолкований значений переменных в терминах **{N, I, C}**, включая «пустое» истолкование, требует приведенных выше соглашений об оценке модальных формул в тупиковых мирах. Эти соглашения, как отмечалось, обеспечивают выполнение аксиомы К и следующего методологического требования: если некоторая формула является теоремой системы, доказуемым в ней должно быть и утверждение о необходимости (необходимой истинности) этой формулы. Поскольку понятие необходимости формулы в данном случае увязывается с понятием ее логической истинности, систему К можно считать минимальной возможной основой для построения логики алетических модальностей.

Рассмотрим несколько примеров.

Пусть некоторая формула содержит единственную пропозициональную переменную p.

Относительно каждого о.с. для этой формулы $\alpha_1 = \{p\}$, $\alpha_2 = \{\neg p\}$ возможными будут $3^1 + 1$ кластера первой степени:

1. <{**N**p}; {p}; {{p}}>;
2. <{**I**p}; {p}; {{¬p}}>;
3. <{**C**p};{p}; {{p}, {¬p}}>;
4. <{∅}; {p}; {{∅}}>;

1′. <{**N**p}; {¬p}; {{p}}>;
2′. <{**I**p}; {¬p}; {{¬p}}>;
3′. <{**C**p}; {¬p}; {{p}, {¬p}}>;
4′. <{∅}; {¬p}; {{∅}}>.

Нетрудно увидеть, что, к примеру, формула □p⊃p опровержима в кластере 1′, формула p⊃◊p опровержима в кластере 2, а формула □p⊃◊p опровержима в аналогах тупиковых миров – кластерах 4, 4′. Из этого немедленно следует, что в случае отказа от построения кластеров с пустым W_1, формула □p⊃◊p оказывается общезначимой в семантике данного типа – она истинна в каждом из непустых приведенных кластеров. Таким образом, аксиома D (условие связности отношения достижимости) является формальным выражением запрета на существование тупиковых миров в семантике модальной системы.

Пусть формула содержит две переменные p, q. Возможными относительно нее оказываются четыре о.с. $\alpha_1 = \{p,q\}$, $\alpha_2 = \{p,\neg q\}$, $\alpha_3 = \{\neg p,q\}$, $\alpha_4 = \{\neg p,\neg q\}$. Относительно *каждого* из этих о.с. в семантике для К возможными будут 10 ($3^2 + 1$) кластеров первой степени W_1. (В семантике для D кластеров относительно каждого исходного о.с. будет 3^2 – запрещены тупиковые миры.)

Приведем все кластеры первой степени для $\alpha_1 = \{p,q\}$:

1. <{**N**p, **N**q}; {p, q}; {{p, q}} >;
2. <{**N**p, **I**q}; {p, q}; {{p, ¬q}}>;
3. <{**I**p, **N**q}; {p, q}; {{¬p, q}}>;

4. <{**I**p; **I**q}; {p, q}; {{¬p, ¬q}}>;
5. <{**N**p, **C**q}; {p, q}; {{p, q},{p, ¬q}}>;
6. <{**I**p, **C**q}; {p, q}; {{¬p, q},{¬p, ¬q}}>;
7. <{**C**p, **N**q}; {p, q}; {{p,q},{¬p,q}}>;
8. <{**C**p, **I**q}; {p, q}; {{p, ¬q},{¬p, ¬q}}>;
9. <{**C**p, **C**q; {p, q}; {{p, q}, {p, ¬q}, {¬p, q},{¬p, ¬q}}>;
10. <{∅}; {p, q}; {{∅}}>.

Приведенные конструкции напоминают кластеры для системы S5 с учетом некоторых отличий, отражающих специфику К: кластеры строятся относительно каждого исходного о.с. α_i для формулы; возможны ситуации, при которых $p \in \alpha_i$, но формула □¬p истинна в соответствующем W и т.д. Как и в семантике для S5, если две или более переменные оцениваются как логически случайные (девятый кластер), дополнительно рассматриваются ограничения на образование их конъюнкций.

Нетрудно убедиться, что в каждом из приведенных кластеров формулы □(p⊃q)⊃(□p⊃□q), ◊(p⊃q)⊃(◊p⊃◊q) будут истинными.

В кластерной семантике для К произвольная переменная p, истолкованная изначально как имеющая значения **N**p, **I**p, **C**p, может в дальнейшем интерпретироваться как необходимая, невозможная, случайная или же как не имеющая определенного истолкования второй степени (последний вариант соответствует тупиковому миру). Таким образом, для этой переменной возможны следующие 10 Γ_2: **NN**p**, NI**p**, NC**p; **CN**p**, CI**p**, CC**p; **IN**p**, II**p**, IC**p**; ∅.** В первых трех случаях W_2 результирующего кластера будет одноэлементным множеством множеств о.с. Истолкованиям **CN**p**, CI**p будут соответствовать двухэлементные множества множеств W_2, поскольку **CN**p = **N**p∨**C**p, **CI**p = **I**p∨**C**p. Истолкование **CC**p порождает трехэлементное множество W_2, поскольку **CC**p = **C**p∨**N**p∨**I**p (конструкции этого типа подробно описывались в [1] при построении кластерной семантики для S4, Int). Наконец, каждая из интерпретаций **IN**p**, II**p**, IC**p порождает по *два* различных кластера второго уровня, поскольку последовательно «заменяет» исходную метаоценку p в терминах **{N, I, C}** одним из двух других значений из этого множества и оценивает каждую такую замену как необходимую: **IN**p = **NI**p∨**NC**p; **II**p = **NN**p∨**NC**p; **IC**p = **NN**p∨**NI**p.

Предъявим все кластеры второй степени для α_1 = {p}:

1. <{**NN**p}; {p}; {{{p}}}>;
2. <{**CN**p}; {p}; {{{p}}; {{p}, {¬p}}}>;
3. **IN**p → a <{**NI**p}; {p}; {{{¬p}}}>;
   → b <{**NC**p};{p};{{{p}, {¬p}}}>;

1′. <{**NI**p}; {p};{{{¬p}}}>;
2′. <{**CI**p}; {p}; {{{¬p}}; {{p},{¬p}}}>;
3′. **II**p → a <{**NN**p}; {p}; {{{p}}}>;
   → b <{**NC**p}; {p}; {{{p},{¬p}}}>;

1″.<{**NC**p};{p};{{{p},{¬p}}}>;
2″. <{**CC**p};{p};{{{p},{¬p}}; {{p}}; {{¬p}}>;
3″. **IC**p → a <{**NN**p};{p}; {{{p}}}>;
   → b <{**NI**p}; {p}; {{{¬p}}}>.

В семантике для К к каждой из описанных четверок кластеров добавляется «пустой» кластер <{∅}; {p}; {{{∅}}}> – аналог тупикового мира. В общем случае тупиковым миром можно считать произвольный «обрыв» метаистолкований переменных формулы в терминах **{N, I, C}** на некотором шаге $n \geq 1$, результатом чего является построение пустого множества W_n, так как ни одно из множеств W_{n-1} не включается в такое W_n в качестве элемента. Для $n = 1$ W_{n-1} просто совпадает с α_i.

Структура ветвящихся кластеров 3, 3′, 3″ отражает нерефлексивность отношения достижимости в K, D. «Подстановочным» случаем аксиомы □p⊃p является формула □□p⊃□p. В кластерах 3′, 3″ эта формула ложна: формула □□p истинна в элементе a <{**NN**p}; {p}; {{{p}}} > каждого из кластеров, при этом формула □p ложна в исходных кластерах первой степени <{**I**p}; {p}; {{¬p}}>, <{**C**p}; {p}; {{p}, {¬p}}>. Соответственно, в кластере 3 ложна формула □□¬p⊃□¬p

Сформулируем алгоритм, обеспечивающий исчерпывающий пересчет кластеров степени n + 1, порождаемых отдельным кластером степени n.

Как следует из приведенных выше примеров для α_1 = {p}, все интерпретации второй степени с главной («внешней») оценкой **N** или **C** порождают по одному кластеру соответствующей структуры, итерированные интерпретации с внешней оценкой **I** ведут к расщеплению исходного кластера – порождают по две конструкции соответствующего типа. При этом, как нетрудно убедиться, каждая интерпретация третьей степени с внешней оценкой **I** будет порождать уже три кластера третьей степени, например:

INNp = **NIN**p ∨ **NCN**p = **NNI**p ∨ **NNC**p ∨ **NCN**p.

Соответственно, каждая интерпретация четвертой степени с внешней оценкой **I** будет порождать четыре кластера:

INCCp = NICCp ∨ NCCCp = NNNCp ∨ NNICp ∨ NCCCp =
= NNNCp ∨ NNNNp ∨ NNNIp ∨ NCCCp.

Рассмотрим один из вышеприведенных кластеров первой степени для формулы с двумя переменными: <{**N**p,**N**q}; {p,q}; {{p,q}}>.

Каждое из истолкований **N**p, **N**q может повторно оцениваться в терминах **{N, I, C}**, что дает следующие варианты: **NNp∧NNq**, **NN**p∧**CN**q, **NN**p∧**IN**q, **CN**p∧**NN**q, **IN**p∧**NN**q, **CN**p∧**IN**q, **CN**p∧**CN**q, **IN**p∧**CN**q, **IN**p∧**IN**q, ∅.

При этом истолкования **NNp∧NNq,** **NN**p∧**CN**q, **CN**p∧**NN**q, **CN**p∧**CN**q, ∅ порождают по одному кластеру, каждая из четырех интерпретаций **NN**p∧**IN**q, **IN**p∧**NN**q, **CN**p∧**IN**q, **IN**p∧**CN**q порождает по 2 кластера второй степени, а интерпретация **IN**p∧**IN**q – 4 кластера W_2.

Всего, таким образом, исходный кластер <{**N**p, **N**q}; {p, q}; {{p, q}}> порождает 17 кластеров второй степени.

Рассмотрим один из этих кластеров: <{**NN**p, **NN**q}; {p, q}; {{{p, q}}}>. Исходная интерпретация **NN**p∧**NN**q порождает следующие оценки третьей степени допустимых значений p, q: **NNN**p∧**NNN**q, **NNN**p∧**CNN**q, **CNN**p∧**NNN**q, **CNN**p∧**CNN**q, **NNN**p∧**INN**q, **INN**p∧**NNN**q, **CNN**p∧**INN**q, **INN**p∧**CNN**q, **INN**p∧**INN**q, ∅**.** При этом интерпретации, не имеющие ни одного вхождения **I** в качестве внешней оценки, порождают по одному кластеру третьей степени, каждая из четырех интерпретаций **NNN**p∧**INN**q,

INNp∧**NNN**q, **CNN**p∧**INN**q, **INN**p∧**CNN**q порождает по три множества W_3, а интерпретация **INN**p∧**INN**q – девять множеств W_3. Всего, таким образом, получаем 25 + 1 кластеров третьей степени по произвольному кластеру второй степени для формулы с двумя переменными.

В общем случае в кластерной семантике для K имеем следующую закономерность:

Число $<\Gamma_1; \alpha_i; W_1>$ по произвольному о.с. α_i определяется выражением $3^n + 1$.

Число $<\Gamma_2; \alpha_i; W_2>$ по произвольному $<\Gamma_1; \alpha_i; W_1>$ определяется выражением

$$C_n^0 \times 2^n \times 2^0 + C_n^1 \times 2^{n-1} \times 2^1 + C_n^2 \times 2^{n-2} \times 2^2 + C_n^3 \times 2^{n-3} \times 2^3 + \ldots +$$
$$+ C_n^{n-1} \times 2^1 \times 2^{n-1} + C_n^n \times 2^0 \times 2^n + 1.$$

Слагаемое $C_n^0 \times 2^n \times 2^0$ обозначает число кластеров, не содержащих ни одного истолкования вида **IN, II, IC**; слагаемое $C_n^1 \times 2^{n-1} \times 2^1$ обозначает число кластеров, порождаемых наборами интерпретаций, содержащих ровно одну оценку **I** в качестве главной, и т.д.

Для примера с одной переменной это выражение редуцируется до

$C_1^0 \times 2^1 \times 2^0 + C_1^1 \times 2^0 \times 2^1 + 1 = 5$.

Для примера с n = 2 выражение сокращается до

$C_2^0 \times 2^2 \times 2^0 + C_2^1 \times 2^1 \times 2^1 + C_n^2 \times 2^0 \times 2^2 + 1 = 17$.

Число $<\Gamma_3; \alpha_i; W_3>$ по произвольному $<\Gamma_2; \alpha_i; W_2>$ определяется выражением

$$C_n^0 \times 2^n \times 3^0 + C_n^1 \times 2^{n-1} \times 3^1 + C_n^2 \times 2^{n-2} \times 3^2 + C_n^k \times 2^{n-k} \times 3^k + \ldots +$$
$$+ C_n^{n-1} \times 2^1 \times 3^{n-1} + C_n^n \times 2^0 \times 3^n + 1.$$

Слагаемое $C_n^k \times 2^{n-k} \times 3^k$ обозначает число кластеров третьей степени, порождаемых наборами интерпретаций, содержащих ровно k $(n \geq k \geq 0)$ «внешних» оценок **I**. В примере с n = 2 данное выражение сокращается до

$C_2^0 \times 2^2 \times 3^0 + C_2^1 \times 2^1 \times 3^1 + C_2^2 \times 2^0 \times 3^2 + 1 = 4 + 12 + 9 + 1 = 26$.

В общем случае число кластеров степени r $(r \geq 1)$ по отдельному кластеру «предыдущего» уровня будет в семантике для K определяться выражением

$$C_n^0 \times 2^n \times r^0 + C_n^1 \times 2^{n-1} \times r^1 + C_n^2 \times 2^{n-2} \times r^2 + C_n^k \times 2^{n-k} \times r^k + \ldots +$$
$$+ C_n^{n-1} \times 2^1 \times r^{n-1} + C_n^n \times 2^0 \times r^n + 1.$$

При определении числа кластеров степени r $(r \geq 1)$ по отдельному кластеру «предыдущего» уровня в семантике для D в соответствующем выражении просто отбрасываем 1, обозначающую «тупиковый» мир.

Описанная семантика полна и непротиворечива относительно исчислений K, D.

Переход к кластерной семантике для системы T предполагает выполнение следующих условий: $p \in \alpha_i \Rightarrow$ **Np∨Cp;** $\neg p \in \alpha_i \Rightarrow$ **Ip∨Cp**. В результате для любого $<\Gamma_1; \alpha_i; W_1>$ верно $\alpha_i \in W_1$ (исходное о.с. каждого кластера является элементом (возможно, единственным) его множества W_1). Соответственно, в T запрещены итерированные истолкования переменных с главным знаком **I: IN, II, IC.** Нетрудно убедиться, что описанные правила построения кластеров являются необходимыми условиями выполнения аксиомы $\Box p \supset p$ $(p \supset \Diamond p)$: пусть $p \in \alpha_i$; тогда эта переменная может иметь одно из двух метаистолкований **N, C**. В первом случае $|\Box p|_{W1} = t$, так как $\forall\alpha(\alpha \in W_1 \Rightarrow |p|_\alpha = t)$ и формула

$\Box p \supset p$ истинна в кластере. Во втором случае $|\Diamond p|_{W1} = t$, так как $\exists\alpha(\alpha \in W_1 \wedge |p|_\alpha = t)$ и формула $p \supset \Diamond p$ истинна в соответствующем кластере.

Поскольку все более «сильные» интересующие нас нормальные системы (B, S4, S5) строятся как расширение T, рассмотрим подробно несколько примеров, иллюстрирующих особенности внутренней структуры кластеров неэлементарных степеней в системе T.

Рассмотрим в качестве исходного кластер $<\{\mathbf{N}p, \mathbf{N}q\}; \{p, q\}; \{\{p, q\}\}>$. Каждое из истолкований **N**p, **N**q может в дальнейшем интерпретироваться как необходимое или случайное, т.е., возможными будут четыре варианта: **NN**p∧**NN**q, **NN**p∧**CN**q, **CN**p∧**NN**q, **CN**p∧**CN**q. Поскольку **CN** = **N**∨**C**, истолкованию **CN**p∧**CN**q будет соответствовать следующий $<\Gamma_2; \alpha_i; W_2>$:

$$<\{\mathbf{CN}p, \mathbf{CN}q\}; \{p, q\}; \left\{ \begin{array}{l} 1.\ \{\{p, q\}\}\ 2.\{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\} \\ 3.\ \{\{p, q\}\ \{\neg p, q\}\} \\ 4.\ \{\{p,q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \end{array} \right\}>$$

Рис. 1

Каждое нумерованное множество W_1 в данном кластере соответствует элементу следующей дизъюнкции с тем же номером: 1.**N**p∧**N**q∨2.**N**p∧**C**q∨3.**C**p∧**N**q∨4.**C**p∧**C**q.

Поскольку **CCN** = **CN**∨**N**∨**C**, истолкование **CCN**p, **CCNq** «разворачивается» в дизъюнкцию

1.CNp∧CNq∨2.CNp∧Nq∨3.CNp∧Cq∨4.Np∧CNq∨5.Cp∧CNq∨6.Np∧Nq∨
∨7.Np∧Cq∨8.Cp∧Nq∨9.**C**p∧**C**q.

Каждому элементу этой дизъюнкции соответствует элемент кластера с тем же номером:

$$\left\{ \begin{array}{l} 1.\left\{ \begin{array}{l} \{\{p, q\}\} \\ \{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\} \\ \{\{p, q\}\ \{\neg p, q\}\} \\ \{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \end{array} \right\} \quad 4.\left\{ \begin{array}{l} \{\{p,q\}\} \\ \{\{p,q\}\ \{p,\neg q\}\} \end{array} \right\} \\ 2.\left\{ \begin{array}{l} \{\{p,q\}\} \\ \{\{p,q\}\ \{\neg p, q\}\} \end{array} \right\} \quad 5.\left\{ \begin{array}{l} \{\{p,q\}\ \{\neg p, q\}\} \\ \{\{p,q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \end{array} \right\} \\ 3.\left\{ \begin{array}{l} \{\{p,q\}\ \{p,\neg q\}\} \\ \{\{p,q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p,q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \end{array} \right\} \quad 6.\left\{ \{\{\ p,q\ \}\} \right\} \\ \qquad\qquad\qquad\qquad\quad 7.\left\{ \{\{p,q\}\ \{p,\neg q\}\} \right\} \\ 8.\left\{ \{\{p,q\}\ \{\neg p, q\}\} \right\} \quad 9.\left\{ \{\{p,q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p,q\}\ \{\neg p,\neg q\}\} \right\} \end{array} \right\}$$

Рис. 2

Пусть, как и ранее, исходное о.с. $\alpha_i = \{p, q\}$. Одним из кластеров второй степени $<\Gamma_2; \alpha_i; W_2>$, допустимых в системе T относительно этого о.с., будет следующая конструкция:

$<\{\mathbf{NC}p, \mathbf{NC}q\}; \{p,q\}; \{\{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\}\}>$.

Истолкования **NC**p, **NC**q могут в дальнейшем интерпретироваться либо как необходимые, либо как случайные. При этом метаоценке **CNC** будет соответствовать пара множеств W_2, выполняющая дизъюнкцию **NC∨CC**. Таким образом, интерпретация **CNCp, CNCq** «разворачивается» в дизъюнкцию **1.NCp∧NCq∨2.NCp∧CCq∨3.CCp∧NCq∨4.CCp∧CCq**. Каждому элементу дизъюнкции в результирующем кластере $<\Gamma_3; \alpha_i; W_3>$ будет соответствовать элемент $W_2 \in W_3$ с тем же номером:

$$\left\{\begin{array}{l} 1.\left\{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\right\} \\ 2.\left\{\begin{array}{l}\{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p,q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \\ \{\{p, q\}\ \{\neg p, q\}\}\ \{\{p, \neg q\}\ \{\neg p, \neg q\}\}\end{array}\right\} \\ 3.\left\{\begin{array}{l}\{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \\ \{\{p,q\}\ \{p, \neg q\}\}\ \{\{\neg p,q\}\ \{\neg p, \neg q\}\}\end{array}\right\} \\ 4.\left\{\begin{array}{l}\{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\ \{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \\ \{\{p, q\}\ \{\neg p, q\}\}\ \{\{p, \neg q\}\ \{\neg p,\neg q\}\} \\ \{\{p, q\}\ \{p, \neg q\}\}\ \{\{\neg p, q\}\ \{\neg p, \neg q\}\} \\ \{\{p, q\}\}\ \{\{p, \neg q\}\}\ \{\{\neg p, q\}\}\ \{\{\neg p, \neg q\}\}\end{array}\right\}\end{array}\right\}$$

Рис. 3

Метаистолкованию четвертой степени **CCNC**p, **CCNC**q будет соответствовать девятиэлементное множество W_4, элементами которого будут множества W_3, включающие следующие элементы вышеописанного кластера, обозначенные буквами латинского алфавита:

A{1,2,3,4} **B**{1,3} **C**{2,4} **D**{1,2} **E**{3,4} **F**{1} **G**{2} **H**{3} **I**{4}.

Каждое из этих множеств W_3 будет соответствовать элементу следующей дизъюнкции, обозначенному той же буквой:

A.CNCp∧CNCq∨B.CNCp∧NCq∨C.CNCp∧CCq∨D.NCp∧CNCq∨E.CCp∧CNCq∨F.NCp∧NCq∨∨G.NCp∧CCq∨H.CCp∧NCq∨I.CCp∧CCq.

Поскольку каждая переменная, входящая в некоторое α_i, трактуется как имеющая соответствующее значение по необходимости или случайно, а каждое из исходных истолкований переменной в терминах **{N, I, C}** также оценивается как необходимое или случайное, число кластеров степени n + 1 по произвольному отдельному кластеру степени n определяется в T элементарной формулой 2^n.

Все приведенные кластеры системы T допустимы и в системах K, D. В системе B допустимы кластеры, приведенные на рис. 1, рис. 3, и недопу-

стим кластер, приведенный на рис. 2. Ни один из этих кластеров недопустим в S4, S5.

При построении кластерной семантики для системы B к условиям системы T добавляется следующее ограничение: метаоценки **N, I** могут повторно интерпретироваться как необходимые или случайные, метаоценка **C** – только как необходимая. Данное ограничение оказывается аналогом свойства симметричности отношения достижимости и является, таким образом, необходимым условием общезначимости в кластерной семантике собственной аксиомы системы B $A \supset \Box\Diamond A$ или эквивалентной ей аксиомы B1 $\Diamond\Box A \supset A$.

Пусть переменная p является элементом некоторого исходного о.с. α_i: $p \in \alpha_i$.

Согласно правилам системы T, в этом случае p может иметь метаистолкования **N** или **C:**

1.<{**N**p}; {p}; {{p}}>;

2.<{**C**p}; {p}; {{p}, {¬p}}>.

Каждое из исходных истолкований в T может повторно интерпретироваться как необходимое или случайное. На основе первого кластера получаем два кластера второй степени:

1a.<{**NN**p}; {p}; {{{p}}}>;

1b.<{**CN**p}; {p}; {{{p}}; {{p}, {¬p}}}>.

В каждом из этих кластеров, очевидно, истинно утверждение $p \supset \Box\Diamond p$, поскольку $\forall W_1(W_1 \in W_2 \Rightarrow |\Diamond p|_{W1}=t)$.

На основе кластера <{**C**p}; {p}; {{p}, {¬p}}> получаем два следующих кластера второй степени:

2a.<{**NC**p}; {p}; {{{p}, {¬p}}}>;

2b.<{**CC**p}; {p}; {{{p}, {¬p}}; {{p}}; {{¬p}}}>.

В последнем кластере формула $p \supset \Box\Diamond p$ опровержима, поскольку $p \in \alpha_i$, но в множестве {{¬p}} формула $\Diamond p$ ложна.

Пусть $\neg p \in \alpha_i$. В системе T одним из кластеров второй степени, возможным относительно этого α_i, оказывается конструкция <{**CC**p}; {¬p}; {{{p},{¬p}}; {{p}}; {{¬p}} }>. Формула $\Diamond\Box p$ истинна в W_2 этого кластера, поскольку $\Box p$ истинна в его элементе {{p}}, но p ложна в исходном α_i. Следовательно, $\Diamond\Box p \supset p$ опровержима в этом кластере.

Таким образом, если отдельные оценки **CC** рассматриваются в качестве допустимых (как в семантике для T, S4 и, разумеется, более слабых систем), то формулы $p \supset \Box\Diamond p$, $\Diamond\Box p \supset p$ оказываются опровержимыми. Опровержимой при этом оказывается и формула $\Diamond\Box p \supset \Box\Diamond p$, которая считается «характеристической» теоремой системы B (кластер 2b).

Подчеркнем, что в кластерах для системы B интерпретации **CC** *могут* включаться в качестве дизъюнктивных элементов в состав сложных метаоценок неэлементарного уровня, поскольку, например, **CNC = NC∨CC** (см. рис. 3). Необходимым в системе B оказывается выполнение следующего требования: если **C** – главная («внешняя») оценка степени n, то при повторном истолковании она может принимать только значение **N** (допустимой оценкой степени n + 1 будет только оценка **NC**).

Число кластеров первой степени по отдельному α_i определяется в системе B простой суммой биномиальных коэффициентов $C_n^0 + C_n^1 + \ldots + C_n^k + \ldots +$

$+ C_n^n = 2^n$, где слагаемое C_n^k $(n \geq k \geq 0)$ обозначает число кластеров, в каждом из которых какие-либо k переменных интерпретируются как «случайные»; W_1 каждого из таких кластеров есть 2^k – элементное множество о.с.

Число кластеров более высоких степеней по отдельному кластеру предыдущего уровня определяется выражением 2^{n-k}, где k $(n \geq k \geq 0)$ – число интерпретаций **C** в кластере предыдущего уровня.

Напомним, что при построении кластерной семантики для S4 в качестве дополнительных ограничений на построение итерированных истолкований переменных в терминах **{N, I, C}** рассматривались условия, «двойственные» условиям для кластерной семантики системы B: истолкования **N, I** могут повторно интерпретироваться только как имеющие значение **N**, истолкование **C** – как имеющее значение **N** или **C**. Нетрудно увидеть, что объединение принципов построения кластерных семантик для B и S4 означает, что каждая из исходных оценок некоторой переменной в терминах **{N, I, C}** должна оставаться неизменной (оказывается единственной для некоторого W_1). В сочетании со специальным условием для кластерной семантики системы T (для любого $<\Gamma_1; \alpha_i; W_1>$ верно, что $\alpha_i \in W_1$), а также с учетом того, что все интерпретации переменных в терминах **{N, I, C}** представляют собой, по сути, дополнительные операции на множестве классических о.с. для формулы, это делает излишним использование понятия «исходного» о.с. (выделенного мира).

Таким образом, объединение принципов построения кластерной семантики для систем T, B, S4 дает нам в итоге впервые предложенную Ю.В. Ивлевым теорию логических модальностей, адекватной формализацией которой оказывается система S5.

Как отмечалось выше, выбор системы K в качестве базовой, или минимальной, системы нормальной модальной логики является во многом произвольным и объясняется преимущественно техническими соображениями. С. Крипке в своей классической работе [3] к нормальным относил системы, обязательно содержащие, помимо аксиомы K и правила Гёделя, еще и аксиому $\Box A \supset A$. Нормальными при этом, таким образом, оказываются *только* системы не слабее системы T. Схожей точки зрения придерживался и Г. фон Вригт, формулируя так называемый «общий принцип возможности» (General Principle of Possibility): если высказывание истинно, оно также возможно [4. P. 21]. По мнению подавляющего большинства исследователей, выполнение в системе аксиомы $\Box A \supset A$ при построении логики алетических модальностей является минимальным необходимым условием для того, чтобы используемые в ней операторы $\Box$, $\Diamond$ могли рассматриваться как знаки для категорий необходимости и возможности в сколько-нибудь реальном смысле. В работе [5] явным образом подчеркивается, что оператор $\Box$ в системе K вообще не стоит понимать как символ какой-либо «осмысленной необходимости» («…we emphasize that the operator $\Box$ in K should not be understood as some meaningful necessity» [5. P. 69]). Как указывается в [6], минимальная нормальная модальная система впервые была обозначена литерой K в честь С. Крипке в работе Леммона и Скотта [7] ([6. P. 49; 7. P. 29]). Довольно курьезно при этом, что сам Крипке никогда специально не интересовался данной конкретной системой.

Название «тупиковый мир» для соответствующих элементов модельных структур системы K было, в свою очередь, введено Кристером Сегербергом [6. P. 44].

Собственная аксиома системы D $\Box A \supset \Diamond A$ оказывается «ослабленным» вариантом (следствием) собственной аксиомы T $\Box A \supset A$ и, как отмечалось, с технической точки зрения представляет собой запрет на существование тупиковых миров в семантике соответствующей системы.

Название системы B в честь Л. Брауэра также является в достаточной мере условным, поскольку, как известно, основатель математического интуиционизма крайне скептически относился к идее эксплицитного построения «интуиционистской логики» в виде некоторой единой формальной системы.

Модальные операторы в системах S5, S4 допускают более естественную интерпретацию. Система S5, как уже отмечалось, традиционно считается адекватной формализацией теории логических модальностей. Система S4 может рассматриваться как определенный вариант эпистемической логики, или логики неформальной доказуемости [5. P. 92]. Импликация системы S4 является адекватной языковой моделью метатеоретического отношения дедуктивного логического следования [8. С. 125].

Нам представляется, что описанный метод построения семантик для основных нормальных систем позволяет естественным образом редуцировать базовые понятия семантики возможных миров к более традиционным для логики понятиям. Так, модельная структура оказывается конечным кластером – (частично) упорядоченным множеством о.с. или конечной системой таких множеств, возникающей в результате определенных ограничений возможных значений переменных формулы. Эти ограничения – истолкования допустимых значений переменных в терминах **{N, I, C}** – можно, в свою очередь, понимать как аналог отношения достижимости между мирами, объединяющего миры в классы эквивалентности $W_{n \geq 1}$. Наконец, возможный мир оказывается классическим о.с., которое рассматривается как элемент соответствующего W_1. Еще одним существенным преимуществом предлагаемых семантик, помимо содержательной оправданности используемых понятий, является конечный, «конструктивный» характер рассматриваемых процедур, т.е. возможность исчерпывающего пересчета всех кластеров для некоторой формулы.

Все рассмотренные в настоящей работе системы являются своего рода «гибридными» – помимо чисто классической истинностно-функциональной части содержат собственно модальную не-истинностно-функциональную часть. Необходимым условием возникновения второго уровня системы является истолкование пропозициональных переменных в терминах **{N, I, C}**. Основными при построении модального уровня систем оказываются следующие принципы:

1. Принцип трехзначности: каждое элементарное высказывание получает дополнительное (мета)истолкование степени $n \geq 1$ в терминах **{N, I, C}**.

2. Принцип непротиворечия: при каждом истолковании степени $n \geq 1$ элементарное высказывание не может иметь более одного значения из множества **{N, I, C}**.

3. Принцип исключенного четвертого: при каждом истолковании степени $n \geq 1$ элементарное высказывание обязательно принимает какое-то значение из множества **{N, I, C}**.

Поскольку в системе К не выполняется принцип 3, в строгом смысле модальной системой ее считать нельзя (оператор □ в системе К не определяет никакого реального понятия необходимости).

Рассмотренные в настоящей статье, а также в работе [1] конкретные варианты ограничений на допустимые истолкования переменных в терминах **{N, I, C}** оказались необходимыми и достаточными условиями построения кластерных семантик для основных нормальных модальных систем. Естественно предположить, что анализ некоторых дополнительных содержательно оправданных ограничений данного типа позволит построить кластерную семантику для ряда других известных модальных логик (например, для «промежуточных» между S4, S5), а также (что весьма вероятно) станет основой формулировки принципиально новых логических систем. Все сказанное является предметом для дальнейшего исследования.

Список источников

1. *Архиереев Н.Л.* Кластерные семантики для некоторых модальных и интуиционистских систем // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 20–38.

2. *Ивлев Ю.В.* Модальная логика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 224 с.

3. *Крипке С.А.* Семантический анализ модальной логики 1. Нормальные модальные исчисления высказываний // Р. Фейс. Модальная логика. М. : Наука, Физматлит, 1974. С. 254–303.

4. *von Wright G.H.* An Essay in Modal Logic. Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 1951. 90 p.

5. *Chagrov A., Zakharyaschev M.* Modal Logic. Oxford : Clarendon Press, 1997. 605 p.

6. *Hughes G.E., Cresswell M.J.* A New Introduction to Modal Logic. London ; New York : Routledge, 1996. 421 p.

7. *Lemmon E.J., Scott D.S.* The Lemmon Notes: An Introduction to Modal Logic // ed. K. Segerberg. Oxford : Basil Blackwell, 1977. 94 p.

8. *Войшвилло Е.К.* Символическая логика классическая и релевантная. Философско-методологические аспекты. М. : Либроком, 2011. 152 с.

References

1. Arkhiereev, N.L. (2022) Cluster semantics for some modal and intuitionistic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 20–38. DOI: 10.17223/1998863X/70/2

2. Ivlev, Yu.V. (1991) *Modal'naya logika* [Modal Logic]. Moscow: Moscow State University.

3. Kripke, S.A. (1974) Semanticheskiy analiz modal'noy logiki 1. Normal'nye modal'nye is-chisleniya vyskazyvaniy [Semantic analysis of modal logic 1. Normal modal calculus of statements]. In: Face, R. *Modal'naya logika* [Modal Logic]. Moscow: Nauka. FIZMATLIT. pp. 254–303.

4. von Wright, G.H. (1951) *An Essay in Modal Logic*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.

5. Chagrov, A. & Zakharyaschev, M. (1997) *Modal Logic*. Oxford: Clarendon Press.

6. Hughes, G.E. & Cresswell, M.J. (1996) *A New Introduction to Modal Logic*. London; New York: Routledge.

7. Lemmon, E.J. & Scott, D.S. (1977) *The Lemmon Notes: An Introduction to Modal Logic*. Oxford: Basil Blackwell.

8. Voyshvillo, E.K. (2011) *Simvolicheskaya logika klassicheskaya i relevantnaya. Filosofsko-metodologicheskie aspekty* [Symbolic logic – classical and relevant. A philosophical and methodological aspects]. Moscow: Librokom.

Сведения об авторе:
Архиереев Н.Л. – доктор философских наук, профессор кафедры СГН-4 («Философия») Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия). E-mail: arkhnl@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Arkhiereev N.L. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences-4 (“Philosophy”) of Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: arkhnl@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 24.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 21–28.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 21–28.

Научная статья
УДК 165.0
doi: 10.17223/1998863X/75/2

НЕКОТОРЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ НЕЙТРАЛЬНОМУ МОДАЛИЗМУ

Илья Андреевич Гущин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, gushchin.ilya.66@gmail.com

Аннотация. Рассматривается нейтральный модализм как способ решения проблемы интеграции для модальностей. Для успешного решения этой проблемы требуются одновременно приемлемые метафизика и эпистемология. Нейтральный модализм достигает этой цели, однако это происходит за счет ограниченного понимания модальностей и сильных требований к эпистемической компетентности агента.
Ключевые слова: модальность, модальная метафизика, модальная эпистемология, проблема интеграции, модализм

Для цитирования: Гущин И.А. Некоторые возражения нейтральному модализму // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 21–28. doi: 10.17223/1998863X/75/2

Original article

SOME OBJECTIONS TO NEUTRAL MODALISM

Ilya A. Guschchin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, gushchin.ilya.66@gmail.com

Abstract. The article deals with neutral modalism, an approach in modal metaphysics and modal epistemology to the integration challenge for modalities. The integration challenge was proposed by Christopher Peacocke, who claims that its solution requires providing simultaneously acceptable metaphysics and epistemology for any given area of knowledge. In the article, I argue why modal realism cannot face the integration challenge and state the main reason for that, which is the lack of epistemic access to possible worlds that does not allow to formulate an adequate epistemology. To avoid this difficulty, I propose modalism as an alternative for modal realism. In the first part of the article, I analyze the main thesis of modalism, i.e., the idea that, in order to determine the meaning of sentences with modalities, the agent does not refer to possible worlds, but to the actual world. I consider different versions of modalism and choose the neutral modalism developed by Otávio Bueno and Scott A. Shalkowski. The reason for that is the epistemology of modalities they propose, which is compatible with any version of metaphysical modalism. This seems to be a very promising way to solve the integration challenge. The key point of this modal epistemology is that modal knowledge can be derived from non-modal knowledge. For example, knowledge about the possibility of a certain fact is derived from knowledge about this fact in the actual world. In the absence of this fact, knowledge about the possibility of this fact is derived from knowledge about a set of properties of the constituents of the objects of the actual world. Taken together, these principles of inference of modal knowledge make it possible to solve the integration challenge, since they do not require any metaphysical premises and at the same time explain how the meaning of modal sentences is determined. In the second part of the article, I present two objections to neutral modalism. First, Bueno and Shalkowski's theory does not take into account the specifics of metaphysical and logical modalities and explains the inference of modal knowledge only in the case of physical

© И.А. Гущин, 2023

modalities and their analogues. Second, their modal epistemology requires an agent to have a high epistemic competence, while it is often possible to have modal knowledge even with a low level of this competence. Thus, neutral modalism has a limited expressive power and may be considered as only a partial solution to the integration challenge.
Keywords: modality, modal metaphysics, modal epistemology, integration challenge, modalism

For citation: Guschchin, I.A. (2023) Some objections to neutral modalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/2

Одним из проблемных феноменов в современной философии являются предложения с модальностями. Примерами таких предложений являются: «необходимо, что холостяк – это неженатый мужчина», «возможно, что у Людвига Витгенштейна был сын», «невозможно развить скорость большую, чем скорость света» и др. В процессе определения значения подобных предложений возникают трудности, связанные со специфической ролью модального содержания, которое оказывает решающее влияние на значение таких предложений. Успешное определение значения модальных предложений предполагает: 1) однозначное понимание модальностей (необходимости, возможности и др.); 2) прояснение того, как значение немодальной части предложения трансформируется из-за модальной части.

Самый очевидный способ решения этих двух задач – модальный реализм, а наиболее известной последней версией модального реализма является концепция Д. Льюиса [1]. Согласно этой концепции, обычно истинность или ложность предложений определяется в зависимости от того, правильно или нет в них описывается положение дел мира. Таким образом, истинность и ложность зависят от положения дел в этом мире. В случае с модальными предложениями приходится сделать дополнительный шаг – значение этих предложений зависит не от одного мира, а от множества возможных миров. Например, предложение с возможностью – «возможно, что Франция является монархией» – описывает какое-то положение дел, которое есть хотя бы в каком-то из возможных миров. При этом эти возможные миры являются реально существующими, хотя и каузально не связанными с нашим миром. Подобный тезис о реальном существовании «параллельных миров» может показаться противоречащим здравому смыслу, но Д. Льюис приводит в его защиту аргумент от теоретической полезности [1. P. 3]), согласно которому, если для наших систем знания значим ответ на вопрос, почему наши модальные предложения истинны или ложны, то мы можем принять возможные миры как нечто реальное. В качестве аналогии Д. Льюис приводит платонизм в философии математики, в рамках которого множества и другие математические объекты принимаются как реально существующие, чтобы снять вопрос о том, почему утверждения математики являются истинными: они истинны, потому что описывают какую-то часть реальности. Так же происходит и в модальном реализме: модальные предложения истинны, потому что описывают какую-то часть реальности.

Однако модальный реализм сталкивается с фундаментальной проблемой – проблемой интеграции. Эта проблема была сформулирована К. Пикоком [2]. Суть этой проблемы состоит в том, что для разных областей знания, в том

числе для исследований модальностей, нужны одновременно приемлемые метафизика и эпистемология. То есть помимо ответа на вопрос, почему утверждения некоторой теории истинны – *метафизического тезиса*, – нужно также дать ответ на вопрос, как мы узнаем эти истины, т.е. сформулировать *эпистемологический тезис*. В случае с модальным реализмом (и платонизмом в философии математики), как было отмечено выше, с первым вопросом проблем не возникает. Однако дать ответ на второй вопрос представляется затруднительным, так как альтернативные актуальному возможные миры по определению каузально недостижимы для нас. Таким образом, модальному реализму требуется эффективная эпистемология, которая допускала бы познание каузально недостижимых объектов, возможность которой крайне сомнительна. Другим, более прагматичным, путем является предложение альтернативных ответов на первый – метафизический – вопрос, которые бы не включали в себя множество метафизических сущностей. Одним из примеров реализации такой стратегии является модализм, о котором и пойдет речь в этой статье.

Основные тезисы модализма

Модализм – это редукционистский подход в исследованиях модальностей. Ядром любой модалистской концепции является положение о том, что для установления значения предложения с модальностями не нужно обращаться к реально существующим альтернативным мирам. Напротив, все условия истинности для таких предложений могут быть найдены в актуальном мире. С этим утверждением соглашаются все модалисты, но в отношении конкретной теоретической реализации условий истинности для модальных предложений в нашем мире существуют разногласия. Так как одной из основных задач этой статьи является рассмотрение модализма как альтернативного реализму способа решения проблемы интеграции, то из множества вариаций модализма был выбран подход, разрабатываемый О. Буэно и С.А. Шелковски [3]. Это обусловлено следующим: 1) их подход представляет собой «метафизически нейтральную» версию модализма, т.е. целью этих исследователей является создание такой эпистемологии модальностей, которая никак не влияет на набор положений модальной метафизики, т.е. не требует принятия никаких дополнительных метафизических ограничений, а, значит, оказывается совместимой с различными версиями метафизически-ориентированного модализма[1]; 2) О. Буэно и С.А. Шелковски исходят из опровержения модального реализма Д. Льюиса и эксплицитно формулируют вариант решения проблемы интеграции, предлагая такую эпистемологию модальностей, которая приемлема для любой редукционистской метафизики в отношении модальностей. Таким образом, их методологические основания во многом схожи с методологическими основаниями этой статьи. В связи с этим далее термин «модализм» будет использоваться для указания на концепцию нейтрального модализма в изложении этих двух авторов.

[1] Среди метафизический версий модализма можно выделить эссенциалистский модализм [4] и анти-эссенциалистский модализм [5]. Обобщенный тезис первого состоит в том, что модальности вторичны по отношению к сущностям, т.е. модальные факты зависят от сущностных свойств объектов. Обобщенный тезис второго состоит в отрицании этой первичности сущностных свойств.

Наиболее важным для решения проблемы интеграции аспектом этой концепции оказывается вопрос об эпистемологии возможности[1]. В отношении эпистемологии возможности есть два основных случая: первый – тривиальный, второй – проблемный. Тривиальный случай возникает при условиях вида $\Diamond$P, P. Если некоторый агент осведомлен об истинности P, то он знает и о истинности $\Diamond$P, – это следует из базового эпистемического принципа о том, что основания для более сильного утверждения достаточны и для более слабого утверждения, если при этом более сильное утверждение имплицирует более слабое утверждение. При разборе этого тривиального случая показывается, как в принципе возможно какое-либо модальное знание на основе данных актуального мира: знание P касается только актуального мира, в то время как знание $\Diamond$P оказывается знанием некоторого модального факта, истинность которого обеспечена положением дел в актуальном мире.

Проблемный случай возможности возникает при условиях вида $\Diamond$P, ~P. Здесь, как кажется, нет способа получить знание о $\Diamond$P на основании актуального мира, так как в актуальном мире P является ложным. Модалисты утверждают, что такой способ есть – он заключается в обращении к более общим знаниям о модальных свойствах объектов, о которых идет речь. Например, в случае со скульптурой, сделанной изо льда, агент вполне может знать о том, что она может быть разбита, даже если она не разбита. Это знание агент может получить, если ему доступно знание об основном составном элементе этой скульптуры – льде, а конкретно о том, что лед может быть разделен на части. В свою очередь, это знание может быть получено агентом из системы знаний о природе физических связей составных частей льда, т.е. из некоторой физической теории. Таким образом, ~$\Diamond$P, где P это «статуя разбита», противоречит положениям физической теории об актуальном мире, а значит, агент может знать, что $\Diamond$P является истинным на основе своих знаний об актуальном мире, а конкретно о его физических свойствах, и никаких альтернативных возможных миров ему для обладания этим знанием не требуется.

Обобщая приведенные выше примеры, можно выделить такой общий эпистемический принцип: для получения знания о нереализованных в актуальном мире возможностях агент использует свое знание имплицитно модальных фактов об объектах актуального мира и о каузальной связи между ними. Этот принцип можно назвать *эпистемологическим тезисом* модализма. Нейтральность модализма, в свою очередь, позволяет сформулировать следующий *метафизический тезис* – модальные предложения истинны из-за законов актуального мира. Иными словами, модализм предлагает удачное решение проблемы интеграции для модальностей, так как эпистемология и метафизика этой концепции одновременно приемлемы.

[1] Эпистемология двух других базовых модальностей – необходимости и вероятности – также рассматривается в этой концепции, но в данной статье они рассматриваться не будут, так как являются менее значимыми для проблемы интеграции исключительно для модальностей. В отношении этих двух модальностей О. Буэно и А.С. Шелковски для объяснения их эпистемологии на основе данных актуального мира обращаются к проблеме материальной импликации в логике и философским аспектам теории вероятностей, что приводит к необходимости смешивать решение проблемы интеграции для модальностей и проблемы интеграции для логики и теории вероятностей.

Далее я предложу два возражения этой концепции, каждое из которых демонстрирует, что модализм применим только для ограниченного множества модальных предложений.

Возражение от видов модальностей.

Первое возражение основано на том, что в рамках модализма недостаточно широко интерпретируется термин «модальность». Идея этого возражения была предложена Э. Томассон [6]. Те модальные свойства, которые описываются предложениями с модальностями, далеко не всегда сводимы к фифизическим интерпретациям, а именно такое сведение в модализме считается универсальным способом выведения модального знания. Рассмотрим несколько примеров.

Модифицируем рассмотренную выше ситуацию со скульптурой изо льда – зададимся вопросом о том, возможно ли, чтобы скульптура изо льда пережила собственное разбивание? Согласно модалистам, модальные свойства всякого объекта должны совпадать с модальными свойствами того, из чего он состоит. Однако в рамках данного примера мы наблюдаем обратное – скульптура действительно не сможет пережить собственное разбивание, а вот лед, из которого она сделана, это разбивание переживет. Данный пример показывает, что скульптура изо льда для нас представляет собой нечто большее, чем просто некоторое количество вещества, из которого она сделана, т.е. у нее есть некоторая сущность, которая позволяет нам устанавливать ее самотождественность в отрыве от ее конституент.

Похожий пример возможен и без обращения к предметам искусства: может ли кусок льда растаять? По аналогии с предыдущим примером: с точки зрения модализма да, может, так как смена агрегатного состояния вещества при определенных условиях соответствует законам актуального мира. Однако у этого предложения есть и другое прочтение, в рамках которого имеется в виду не некоторое количество вещества, которое может переходить из одного агрегатного состояния в другое, а некоторый объект определенной формы, который можно наименовать, на который можно указать и т.д. В таком случае оказываются совместимы очевидность того, что вода может менять агрегатное состояние, и неочевидность того, что кусок льда может превратиться в жидкость, не перестав при этом существовать в том смысле, в котором было сделано второе прочтение.

Оба примера, приведенные выше, сконструированы, чтобы продемонстрировать, что помимо физической интерпретации некоторых событий актуального мира может быть дана еще и метафизическая интерпретация, которая полностью в физических терминах представлена быть не может. Это позволяет сделать следующее утверждение: модализм не описывает метафизические модальности как раз в силу своего стремления редуцировать любые модальные свойства к физическим свойствам.

Помимо такого прямого сопоставления между физическим и метафизическим допустимо также обращение и к более сложным аспектам метафизических модальностей. Предложение «у Людвига Витгенштейна мог бы быть сын» можно интерпретировать так, что возможность, о которой идет речь, не является физической или биологической (например, в случае с ситуацией,

когда агент не обладает достаточным набором физических или биологических знаний о Людвиге Витгенштейне), а метафизической[1]. То есть то, что пытается выразить произносящий такое предложение, в действительности не есть нечто физическое или биологическое – речь идет о том, что «в принципе такое могло бы быть»[2].

Таким образом, модализм упускает содержательные особенности метафизических модальностей, а значит предлагаемая эпистемология модальностей обладает ограниченной выразительной силой – она справляется только с физическими модальностями и их аналогами (например, биологическими модальностями).

Возражение от эпистемической компетентности агента.

Второе возражение основывается на том, что модалистская эпистемология модальностей имплицитно предполагает рассмотрение знания в стандартном смысле (как истинное и обоснованное убеждение), а агентов – как обладающих высоким уровнем эпистемической компетентности (т.е. обладающих достаточным уровнем современных знаний).

Как отмечалось выше, согласно модализму, агент получает модальное знание на основе знания об актуальном мире. В таком случае истинное убеждение, что некоторый объект из льда может быть разбит, обосновано за счет физических законов актуального мира. Иными словами, данный агент обладает знаниями физики, а конкретно – знанием физических свойств льда и его составных частей.

Однако агенту совершенно необязательно обладать знаниями о физических свойствах объектов и их составных частей, чтобы знать значения предложений с модальностями. Модальные предложения в отношении возможности поломки физических объектов существовали задолго до возникновения физики. В этом случае у агентов не могло быть такого же обоснования для их истинных убеждений, как у агента с современным уровнем научного обоснования, однако модальное знание у них имелось.

В качестве способа защиты от этого возражения может быть предложена следующая идея: для агентов, не обладающих достаточным обоснованием (в виде научного обоснования), достаточным являлся другой уровень обоснования, который тем не менее включал в себя ограниченный набор знаний о конституентах объектов. Так, в случае с разбиванием скульптуры изо льда агент может не знать о свойствах элементарных частиц, но обладать знанием о свойствах более мелких кусков льда, а конкретно о том, что их можно разбить. В таком случае возникнет более специфичная версия модализма, в которой для знания об одном и том же модальном факте могут быть даны равноправные обоснования с разным уровнем объяснительной силы. И даже в таком случае остается вопрос о том, какой уровень знаний о конституентах физических объектов достаточен, чтобы считать некоторое модальное знание знанием. О разбитии насколько мелких кусков льда должен обладать знанием агент, чтобы мы могли считать, что он знает, что скульптуру

[1] В рамках этого примера метафизические и логические модальности оказываются тождественными.

[2] Подобная нередуцируемость метафизики оказывается важной и при обращении к другим проблемам современной аналитической философии. Например, для установления истинностного значения предложения «моя личность не сохранится в случае телепортации» мы обращаемся не к физическим или биологическим, а к метафизическим аспектам проблемы тождества личности.

изо льда можно разбить, а не просто убежден в этом без наличия достаточного обоснования?

Можно сформулировать и более категоричную версию возражения от эпистемической компетентности агента. Предположим, что некоторый агент не обладает никаким знанием о физических параметрах составных частей некоторого объекта. Например, он видит две идентичные вазы, сделанные из инопланетного вещества, которое ему совершенно незнакомо. Другой агент роняет вазу, от прикосновения с полом она не разбивается, а полностью исчезает. Исходя из этого, агент вполне может обладать модальным знанием о том, что вторая ваза от падения на пол может исчезнуть, при этом не обладая о ней никаким физическим знанием. Иными словами, агент может обосновывать свои модальные убеждения, просто наблюдая за событиями, а не выводя модальное знание из множества знаний о физических параметрах конституент.

Выводы

Резюмируя, можно остановиться на следующих основных моментах:

1. Нейтральный модализм является эмпирической редукционистской стратегией решения проблемы интеграции. Эта концепция стремится избежать излишней метафизичности, сводя вопрос о том, как агенты получают модальное знание, к обращению к знаниям об актуальном мире, из которых может быть выведено модальное знание. Такой ход является успешным на пути к решению проблемы интеграции, и нейтральный модализм почти достигает своей цели.

2. У нейтрального модализма есть слабые места. Во-первых, в нем невыводимо модальное знание с метафизическими модальностями; эпистемический принцип модализма позволяет выводить модальное знание только с физическими модальностями и их аналогами. Во-вторых, он не объясняет случаи наличия модального знания у агентов с низким уровнем эпистемических компетенций, тогда как согласно модализму для выведения модального знания из немодального знания требуется высокий уровень эпистемических компетенций, на уровне знаний современной научной картины мира.

3. В качестве перспективы для дальнейшего исследования можно отметить поиск решения проблемы ограниченной выразимости модализма, о которой речь шла в пункте 2. В случае с первым возражением решением может стать создание удовлетворительной и совместимой с модализмом концепции сведения метафизических и логических модальностей. Такое решение являлось бы «внешним» по отношению к модализму, т.е. не требовало бы от него никаких изменений. В случае же со вторым возражением решение может быть только внутреннее – необходимо адаптировать модалистскую эпистемологию модальностей так, чтобы она могла объяснить те случаи, о которых шла речь в этом возражении.

Список источников

1. *Lewis D.K.* On the Plurality of Worlds. Oxford : Blackwell, 1986.

2. *Peacocke C.* Being Known. Oxford : Clarendon Press, 1999.

3. *Bueno O., Shalkowski S.A.* Modalism and theoretical virtues: toward an epistemology of modality // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172, № 3. P. 671–689.

4. *Fine K.* Essence and modality // Philosophical Perspectives. 1994. Vol. 8. P. 1–16.

5. *Forbes G.* Languages of possibility: an essay in philosophical logic. London : Basil Blackwell, 1989.

6. *Thomasson A.L.* How can we come to know metaphysical modal truths // Synthese. 2021. Vol. 198. P. 2077–2106.

References

1. Lewis, D.K. (1986) *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Blackwel.

2. Peacocke, C. (1999) *Being Known*. Oxford: Clarendon Press.

3. Bueno, O. & Shalkowski, S.A. (2015) Modalism and theoretical virtues: toward an epistemology of modality. *Philosophical Studies*. 172(3). pp. 671–689.

4. Fine, K. (1994) Essence and modality. *Philosophical Perspectives*. 8. pp. 1–16.

5. Forbes, G. (1989) *Languages of Possibility: An Essay in Philosophical Logic*. London: Basil Blackwell. 1989.

6. Thomasson, A.L. (2021) How can we come to know metaphysical modal truths. *Synthese*. 198. pp. 2077–2106.

Сведения об авторе:
Гущин И.А. – ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: gushchin.ilya.66@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Guschchin I.A. – teaching assistant at the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gushchin.ilya.66@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 07.07.2023;
approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 29–37.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 29–37.

Научная статья
УДК 161.17
doi: 10.17223/1998863X/75/3

Я-ВЫСКАЗЫВАНИЯ: РЕАЛЬНА ЛИ УГРОЗА ТЕЗИСУ ОБ АВТОМАТИЧЕСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ ИНДЕКСИКАЛА «Я»?

Ольга Александровна Козырева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, olgakozyreva@mail.ru

Аннотация. Обсуждается критика тезиса об автоматической референции индексикала «я» через привлечение девиантных случаев его употребления в ряде высказываний. Отмечаются недостатки существующих вариантов объяснения интерпретации таких высказываний, в которых не требуется отказываться от данного тезиса, – переноса предиката и редукции части именной группы. Предлагается иной вариант объяснения – редукция части глагольной группы.
Ключевые слова: индексикал, семантика, значение, перенос предиката, эллипсис

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00071, https://rscf.ru/project/22-78-00071/

Для цитирования: Козырева О.А. Я-высказывания: реальна ли угроза тезису об автоматической референции индексикала «я»? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 29–37. doi: 10.17223/1998863X/75/3

Original article

I-CASES: IS THE THESIS OF AUTOMATIC REFERENCE OF “I” IN DANGER?

Olga A. Kozyreva

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, olgakozyreva@mail.ru

Abstract. In this paper, I deal with the problem of the supposed reference-shifting of the first-person singular pronoun “I”. Traditionally, indexicals shift their reference from context to context but in accordance with the rules of language. The distinction between pure indexicals and true demonstratives lies in the fact of their automatic reference. However, the so-called thesis of automatic reference of the indexical “I” has been questioned by philosophers and linguists who presented counterexamples (which I refer to as “I-cases”) where reference-shifting does seem to occur: “I am parked out back” referring to the speaker’s car or “I am on a purple square / Baltic Avenue” referring to the speaker’s game piece. I argue that the interpretation of I-cases can be explained without denying the thesis of automatic reference of “I”. First, I consider Nunberg’s view on I-cases, which does not give up the idea of automatic reference of “I”. According to him, I-cases are examples of predicate transfer where the speaker inherits the secondary property by virtue of having ownership relations with an object. I put forward two main objections to his account. The first one concerns the semantic indeterminacy of relationships between the speaker and the object in question. The second one is about the criteria for what predicates can and cannot be transferred. Both objections are based on Nunberg’s commitment to the pragmatic explanation of I-cases. Second, I review Romero and Soria’s account where I-cases are understood as examples of linguistic ellipsis (“I” is a part of the reduced NP) and do not

© О.А. Козырева, 2023

endanger the thesis of automatic reference of "I". My criticism against their view is that it is open to the objection of semantic indeterminacy too and invokes pragmatic explanation, which results in extra demands on the hearer who needs to know more than just the semantic value of the expressions in order to interpret the utterance. Finally, I develop my own view, according to which neither predicate transfer nor the NP reduction occurs in I-cases. I propose to consider them as the cases of the VP reduction where the property the speaker predicates to herself is a property of having done a particular action in the past. Such a predicate is perfectly appropriate to apply to a human being, who has the ability to perform actions. My proposal is free from the objection of semantic indeterminacy in virtue of the fact that the sense of agency is implied in the semantics of "I".
Keywords: indexical, semantics, meaning, predicate transfer, ellipsis

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-00071, https://rscf.ru/en/project/22-78-00071/

For citation: Kozyreva O.A. (2023) I-cases: is the thesis of automatic reference of "I" in danger? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 29–37. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/3

Будучи контекстно-зависимыми языковыми выражениями, индексикалы меняют свою референцию в соответствии с тем контекстом, в котором они употребляются, при этом сохраняя свое стандартное значение. Со времен работ Д. Каплана принято противопоставлять «чистые» индексикалы («я», «сейчас», «здесь») «подлинным» демонстративам («этот», «тот») [1. P. 492]. Сам Д. Каплан объясняет это противопоставление тем, что определение референта индексикала в контексте происходит «автоматически», исходя из его значения и параметров этого контекста. Демонстративы же нуждаются в дополнительном неязыковом акте указания на объект, например указательном жесте говорящего на тот объект, о котором он высказывается.

Идея того, что референция индексикалов в контексте происходит «автоматически», встречается позднее и у Дж. Перри, который разделяет множество всех индексикалов на автоматические и дискреционные [2. P. 69]. К первым относятся те самые «чистые» индексикалы, по Д. Каплану, а также «завтра», ко вторым – демонстративы и иные личные местоимения. Отличие референции дискреционных индексикалов заключается в том, что она зависит не только от их значения и контекста употребления, но и от интенции говорящего. Дж. Перри сомневается насчет элементов множества автоматических индексикалов, он помещает «здесь» и «сейчас» в это подмножество только «со звездочкой». Дело в том, что референция этих двух выражений[1] в некоторых случаях употребления может зависеть от интенций говорящего, а потому считаться исключительно автоматическими они не могут. Таким образом, единственным гарантированным элементом подмножества автоматических индексикалов остается местоимение «я».

Эту специфику «я» – быть единственным автоматическим индексикалом – часто именуют тезисом об автоматической референции индексикала «я». Однако наличие, на первый взгляд, девиантных случаев употребления «я» в некоторых высказываниях (я буду именовать их я-высказываниями) заставляет

[1] Дж. Перри ничего не говорит о том, что референция «завтра» тоже может зависеть от интенций говорящего, однако это очевидно: я могу использовать «завтра» для указания не только на день, следующий за днем, в который произносится высказывание, но и на неопределенный период времени в будущем.

часть исследователей усомниться в истинности данного тезиса [3]. Речь идет о высказываниях следующего рода:

(1) «я припаркован сзади» (“I am parked out back”) [4. P. 38–42];

(2) «я на фиолетовой клетке» (“I am on a purple square”) [3. P. 200]; «я на Балтик авеню» (“I am on Baltic Avenue”) [5][1].

Как может показаться, в этих я-высказываниях «я» не указывает на того, кто их совершает, и значит в них происходит как смена референта, так и смена значения. По этой причине такие высказывания начинают рассматриваться в качестве контрпримеров тезису об автоматической референции «я», тем самым исключая его из множества автоматических индексикалов.

Я намерена продемонстрировать, что специфику интерпретации (1) и (2) можно объяснить таким способом, который не требует отказа от тезиса об автоматической референции «я». Таким образом, мой ответ на вопрос, вынесенный в название настоящей статьи, будет отрицательным[2]. Однако помимо рассмотрения не требующих отказа от тезиса об автоматической референции подходов к объяснению интерпретации я-высказываний я планирую представить свою вариацию одного из них. Мотивацией внести изменения в существующие подходы служит тот факт, что они уязвимы для ряда специальных возражений, о которых будет сказано отдельно.

Перенос предиката

Первый способ объяснения особенностей интерпретации я-высказываний был предложен Дж. Нанбергом. В рамках его подхода я-высказывания[3] представляют собой частный случай особого языкового механизма переноса значения, суть которого сводится к использованию одного выражения для указания на разные виды объектов [6. P. 109]. В я-высказываниях, являющихся примерами метонимий, происходит перенос предиката с неодушевленного объекта на говорящего, который находится с этим объектом в определенных отношениях. Благодаря этому говорящий «наследует» предикат объекта

[1] Высказывания из (2) совершаются в контексте игры в «Монополию», где говорящий использует «я» для указания не на самого себя как на совершающего данные высказывания, а на свою игральную фишку. Остальные игроки интерпретируют эти высказывания так, как и задумывалось говорящим, т.е. они схватывают выражаемую в этом высказывании пропозицию «игральная фишка того, кто совершает это высказывание, находится на фиолетовой клетке / на клетке Балтик Авеню» и оценивают совершенное высказывание как истинное. Однако, согласно тезису об автоматической референции, «я» может указывать только на того, кто совершает высказывание, и значит, игроки должны были проинтерпретировать совершенное высказывание как «тот, кто совершает это высказывание, находится на фиолетовой клетке / на клетке Балтик Авеню», что, очевидно, ложно – сам говорящий находится рядом с игровым полем, но никак не на нем. В (1) «я» указывает на припаркованный автомобиль того, кто совершает высказывание, и именно так интерпретируют данное высказывание слушающие, хотя, согласно тезису об автоматической референции, выражаемая пропозиция, которую они должны схватывать, – «тот, кто совершает данное высказывание, припаркован сзади», что, очевидно, ложно, ведь сам говорящий не может быть припаркован в принципе. Далее в статье я буду в большей степени обращаться к анализу (1), однако все, что будет сказано о нем, может быть применено и к (2).

[2] Я допускаю, что возможны иные я-высказывания, которые могут пошатнуть убежденность в истинности тезиса об автоматической референции «я», но примерам, рассматриваемым мной в этой статье, этого сделать не удается.

[3] Дж. Нанберг также приводит еще несколько схожих я-высказываний: «Я в Уитни» (“I am in the Whitney”), которое говорящий произносит, имея в виду, что какие-то из его картин находятся на выставке в музее Уитни; «Я в телефонном справочнике» (“I am in the phone book”), которое говорящий произносит, имея ввиду, что его номер телефона указан в телефонном справочнике.

вторичным образом [4. P. 40], а «я» продолжает указывать на того, кто совершает я-высказывание: в (1) предикат «быть припаркованным сзади» обозначает свойство говорящего, которое у него возникает в силу местоположения его автомобиля. Таким образом, в я-высказываниях перенос значения происходит у предиката, а не у «я» – оно свое значение сохраняет, и, в свою очередь, сохраняется тезис о его автоматической референции.

Дж. Нанберг формулирует два условия, необходимых для переноса предиката. Первое условие предполагает, что свойство, обозначаемое наследуемым предикатом, должно определенным образом соответствовать свойству, обозначаемому исходным предикатом. Соответствие между предикатами обусловливается соответствием между объектами, чьи свойства эти предикаты обозначают. Так, (1) возможно постольку, поскольку существует функциональное соответствие между автомобилем и говорящим, который является его владельцем. Второе условие уточняет, что из множества возможных соответствующих свойств переносится только такое свойство, которое релевантно для целей коммуникации [6. P. 114–115].

Именно второе условие отвечает в подходе Дж. Нанберга за объяснение того, почему одни я-высказывания считаются приемлемыми – такие как (1) и (2), а другие – как, например, «я собран на заводе в Китае»[1] – нет. Однако объяснение приемлемости здесь носит не семантический, а прагматический характер. Это связано с тем, что, согласно второму условию, говорящий может рассчитывать на успешную интерпретацию его высказывания, только если он выбрал для переноса предиката свойство, значимое в коммуникации. Так, в (1) наличие у автомобиля свойства «быть собранным на заводе в Китае» не играет существенной роли там, где говорящий намеревается сообщить об актуальном местоположении автомобиля. Нерелевантность этого свойства для достижения цели говорящего обусловливает то, что в процессе переноса предиката он задействует не это свойство, а другое. Как удачно подмечает Ф. Реканати, перенос предиката, включаемый им в число первичных прагматических процессов [7. P. 166–168], происходит тогда, когда необходимо придать смысл коммуникативному акту, совершаемому говорящим при помощи такого я-высказывания.

Подходу Дж. Нанберга можно выдвинуть два основных возражения, и оба они связаны с условиями осуществления переноса предиката.

Первое возражение – возражение от семантической неопределенности – связано с первым условием, которое требует знания отношений между объектом и говорящим для того, чтобы затем установить соответствие между их свойствами. Знание подобных отношений не является семантическим знанием, из чего следует, что слушающий должен привлекать экстралингвистическую информацию для интерпретации я-высказывания, что чревато бóльшим риском совершить ошибку. Так, в (1) отношение, в котором находятся автомобиль и говорящий, по мнению Дж. Нанберга, является отношением владения, но говорящий вполне мог высказать (1), говоря об автомобиле, который он взял в аренду, или об автомобиле своего друга, который он одолжил. Тогда, если слушающий не знает о точных отношениях между говорящим и

[1] У автомобиля вполне может иметься свойство «быть собранным на заводе в Китае», однако перенос предиката, обозначающего данное свойство, на говорящего и совершение им приведенного выше высказывания вряд ли будут считаться приемлемыми для носителей языка.

припаркованным автомобилем, он не может распознать перенос предиката и определить высказанную в (1) пропозицию. Например, слушающий, зная о том, что говорящий обычно ездит на личном автомобиле, проинтерпретировал (1) как выражающее пропозицию «я припарковал автомобиль, владельцем которого я являюсь, сзади», в то время как говорящий в день совершения (1) воспользовался сервисом каршеринга, и пропозиция, которую он выразил, была «я припарковал каршеринговый автомобиль сзади». Отсутствие семантической определенности отношений между говорящим и объектом приводит к тому, что слушающий вынужден прибегать к прагматике, чтобы определить высказанную пропозицию. Но опора на прагматические факторы приводит к повышению вероятности совершения ошибки в интерпретации со стороны слушателя. Это связано с тем, что от него требуется знать не только семантические правила интерпретации высказываний, но и внеязыковые правила социума – те конвенции, которые зачастую негласно приняты членами сообщества и которые достаточно сложно распознать как раз в силу их негласности.

Второе возражение – возражение от неизвестности коммуникативной цели – выдвигается второму условию, которое требует от говорящего выбора релевантного его коммуникативным целям свойства для переноса. Как уже было отмечено ранее, не все предикаты, приписываемые неодушевленным объектам, могут быть перенесены вторичным образом на говорящего. Это означает, что нам требуется четкий критерий, с помощью которого мы могли бы объяснить, почему перенос одних предикатов допустим, а других нет. Попытка Дж. Нанберга сформулировать такой критерий через указание на релевантность свойства для коммуникативных целей оказывается неудачной, так как данный критерий не является четким. Дело в том, что то, что релевантно для говорящего, может оказаться совершенно нерелевантным для слушающего, не имеющего прямого доступа к коммуникативной цели говорящего. На долю последнего выпадает задача сделать свою коммуникативную цель максимально ясной для слушающего, но достичь этой цели скорее поможет совершение им высказывания «я припарковал автомобиль сзади», чем высказывания (1). Иными словами, релевантность целям коммуникации – недостаточный критерий для объяснения переноса предиката, но другого критерия Дж. Нанберг не предлагает.

Редукция именной группы

Схожие высказанным выше возражения привели Э. Ромеро и Б. Сория к разработке иного подхода к объяснению интерпретации я-высказываний [8]. Они также рассматривают их как случай метонимии и отказываются считать, что в них нарушается тезис об автоматической референции «я». Однако в отличие от Дж. Нанберга они не склонны сводить метонимию к переносу предиката.

Метонимия, на их взгляд, представляет собой случай языковой редукции, при которой в высказывании присутствует скрытый (непроизносимый / не выделяемый графически) элемент номинальной группы. Так, в (1) редуцируется часть именной группы, вершиной которой выступает существительное «автомобиль»[1], а нередуцированным остается местоимение «я» как наиболее

[1] В английском варианте (1) редукции подвергается также и детерминатив – определенный артикль «the».

значимая с семантической точки зрения часть этой группы. Иными словами, логическая форма этого я-высказывания следующая: «[автомобиль, который] я [вожу,] припаркован сзади».

Фактически, с позиции редукционистского подхода, я-высказывания представляют собой языковой феномен эллипсиса. Э. Ромеро и Б. Сория понимают последний достаточно стандартно, имея под ним в виду «опущение одного или более необходимых элементов в грамматической структуре» [8. P. 445] высказывания, восстановить которые слушателю не составляет труда. Эллипсис в данном случае имеет семантическую природу, но при восстановлении редуцированной части он нуждается в синтаксической «правке»: оригинальное высказывание “The car I drive is parked out back” должно быть редуцировано не до высказывания I *is* parked out back, а до его грамматически корректного варианта “I *am* parked out back”. В русском языке подобной синтаксической «правки» для (1) осуществлять не требуется.

Что касается объяснения того, как слушающий восстанавливает редуцированную часть высказывания, то Э. Ромеро и Б. Сория признают, что интерпретации метонимии носят прагматический характер: «В теории значения эллипсис, которым характеризуется метонимия, может быть понят как обязательный прагматический процесс, происходящий на субпропозициональном уровне» [8. P. 448]. Привлечение дополнительной информации несемантического характера – опора на аспекты контекста высказывания в широком смысле – помогает слушателю восстанавливать редуцированную часть и «схватывать» выражаемую в высказывании пропозицию.

В отличие от подхода Дж. Нанберга редукционистский подход Э. Ромеро и Б. Сории не сталкивается с возражением от неизвестности коммуникативной цели, так как в нем не требуется поиск критерия допустимости переноса предиката, но возражение от семантической неопределенности для него сохраняется. Оно, безусловно, не касается знания точного вида отношений, в которых находятся говорящий и объект, как требовалось в подходе Дж. Нанберга, однако по своей сути оно также предполагает, что интерпретация я-высказываний происходит с привлечением прагматических факторов. Как уже было отмечено ранее, если слушающему для определения выраженной пропозиции в я-высказывании требуется знать больше, чем ему было бы необходимо знать, опирайся его интерпретация я-высказываний только на семантику языка, то его риск совершить ошибку в интерпретации возрастает.

Однако мы видим, что в реальной практике совершения таких я-высказываний сложностей при их интерпретации практически не возникает. Слушатель не сомневается ни в том, на кого указывает «я», ни в том, кто является носителем свойства, обозначаемого предикатом. Это наводит на мысль, что в данных я-высказываниях слушатель в действительности полагается только на семантические правила интерпретации, которые гарантируют ему ее успешность, и не обращается к прагматике.

Редукция глагольной группы

С учетом сделанного выше замечания и выдвинутых возражений двум рассмотренным подходам я предлагаю несколько иное объяснение интерпретации я-высказываний – подход, который достаточно условно можно именовать агентным. В рамках этого подхода тезис об автоматической референции

«я» также сохраняется, однако ни переноса предиката, ни редукции именной группы не происходит, а говорящий в я-высказываниях приписывает себе свойство, которое допустимо приписывать индивидам, – свойство «быть совершившим какое-то действие». Иными словами, в (1) имеется редуцированная часть глагольной группы, в которой указывается на действие, совершенное агентом высказывания по отношению к объекту, а именно – припарковать автомобиль сзади.

Основная идея агентного подхода заключается в том, что редукция части глагольной группы – [совершил действие, в результате которого автомобиль] – обусловлена семантической избыточностью. У нас нет необходимости проговаривать эту редуцированную часть, так как семантические правила употребления местоимения первого лица единственного числа определяют, что тот, кто совершает высказывание, является источником действия по отношению к объекту. Иными словами, высказывание «я [совершил действие, в результате которого автомобиль] припаркован сзади» семантически эквивалентно (выражает одну и ту же пропозицию) высказыванию «я припарковал автомобиль сзади»[1]. В последнем случае говорящий использует стандартный предикат для указания на свойство, которое допустимо приписывать индивиду – «быть припарковавшим автомобиль сзади», – и потому интерпретация данного высказывания не вызывает сложностей.

Очевидно, что агентный подход представляет собой модификацию редукционистского, так как в обоих подходах защищается идея того, что в я-высказываниях происходит редукция части высказывания. Но если в случае подхода Э. Ромеро и Б. Сории речь идет о редукции именной группы, то в предлагаемом мной подходе редуцируется часть глагольной группы. Преимущество такого подхода заключается в том, что оно свободно от возражения семантической неопределенности.

В редукционистском подходе семантическая неопределенность отношений агента и объекта требует от слушающего знания экстралингвистической информации для восстановления редуцированной части высказывания. В предлагаемом агентном подходе и редукция, и последующее восстановление носят семантический характер и не предполагают привлечения дополнительной информации слушающим, что повышает успешность его интерпретации я-высказывания. Агентность, которая имплицитно встроена в семантику местоимения первого лица единственного числа, предполагает совершение действий агентом, который этим местоимением пользуется для указания на себя как на их источник. Использование акциональной глагольной группы при наличии этого местоимения опционально, так как оно несет на себе достаточную семантическую нагрузку, чтобы слушающий мог понять я-высказывание как такое, в котором говорящий, указывая на себя с помощью этого местоимения, тем самым указывает на совершенное им же действие.

[1] Вопрос о том, какие факторы определяют выбор говорящим конкретного высказывания (т.е. почему в одном контексте он использует «припаркован сзади», а в другом – «припарковал автомобиль сзади»), должен обсуждаться отдельно. Это связано с тем, что данный вопрос является не семантическим, а прагматическим в силу того, что он предполагает определение целей говорящего, которыми он руководствуется при выборе из множества допустимых вариантов одного конкретного высказывания. Для ответа на этот вопрос требуется установить соответствие между целями говорящего и вариантами высказываний, однако эта задача в настоящей статье не ставится.

Таким образом, выбор между редукционистским и агентным подходами фактически сводится к выбору ответа на вопрос, каким образом носители языка восстанавливают редуцированную часть высказывания – семантическим или прагматическим. Я полагаю, что в случае выбора второго варианта ответа, а именно – слушающий привлекает экстралингвистическую информацию для восстановления редуцированной части я-высказывания, – требования, предъявляемые к слушателю, выше, чем в случае выбора первого варианта ответа. Там, где слушающему необходимо знать только семантику местоимения первого лица единственного числа, вероятность ошибки в понимании я-высказывания заметно снижается.

Безусловно, предлагаемому мной агентному подходу можно также выдвинуть специальные возражения, на которые, как может показаться, ему будет сложно ответить. В частности, речь идет о таких возражениях: 1) необходимость в некоторых случаях вносить изменения в синтаксис я-высказываний при определении их логической формы; 2) необходимость объяснить отличия я-высказываний от высказываний с возвратными глаголами («я припарковался сзади»); 3) наличие ситуаций, в которых говорящий не совершал действия, которое ему приписывается в я-высказывании. Какие из этих возражений действительно представляют опасность для агентного подхода, а с какими из них он может успешно справиться, будет проанализировано в следующей статье этого цикла.

Список источников

1. *Kaplan D.* Demonstratives // Themes from Kaplan / ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.

2. *Perry J.* Reference and Reflexivity. Stanford : CSLI Publications, 2012.

3. *Mount A.* The Impurity of “Pure” Indexicals // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 2008. Vol. 138, № 2. P. 193–209.

4. *Nunberg G.* Indexicality and Deixis // Linguistics and Philosophy. 1993. Vol. 16, № 1. P. 1–43.

5. *Åkerman J.* Indexicals and Reference-Shifting: Towards a Pragmatic Approach // Philosophy and Phenomenological Research. 2015. Vol. 95, № 1. P. 117–152.

6. *Nunberg G.* Transfers of Meaning // Journal of Semantics. 1995. Vol. 12. P. 109–132.

7. *Recanati F.* Truth-Conditional Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 2010.

8. *Romero E., Soria B.* ‘I’ as a Pure Indexical and Metonymy as Language Reduction // Modeling and Using Context / ed. by R. Turner, A. Dey, B. Kokinov, D. Leake. Berlin : Springer, 2005. P. 436–449.

References

1. Kaplan, D. (1989) Demonstratives. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press. pp. 481–563.

2. Perry, J. (2012) *Reference and Reflexivity*. Stanford: CSLI Publications.

3. Mount, A. (2008) The Impurity of “Pure” Indexicals. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 138(2). pp. 193–209.

4. Nunberg, G. (1993) Indexicality and Deixis. *Linguistics and Philosophy*. 16(1). pp. 1–43.

5. Åkerman, J. (2015) Indexicals and Reference-Shifting: Towards a Pragmatic Approach. *Philosophy and Phenomenological Research*. 95(1). pp. 117–152.

6. Nunberg, G. (1995) Transfers of Meaning. *Journal of Semantics*. 12. pp. 109–132.

7. Recanati, F. (2010) *Truth-Conditional Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.

8. Romero, E. & Soria, B. (2005) ‘I’ as a Pure Indexical and Metonymy as Language Reduction. In: Turner, R., Dey, A., Kokinov, B. & Leake, D. (eds) *Modeling and Using Context*. Berlin: Springer. pp. 436–449.

Сведения об авторе:
Козырева О.А. – кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: olgakozyreva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Kozyreva O.A. – Cand. Sci. (Philosophy), teaching assistant at the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: olgakozyreva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 23.03.2023;
approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 38–48.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 38–48.

Научная статья
УДК 160.1
doi: 10.17223/1998863X/75/4

АНАЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ФОРМАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Всеволод Адольфович Ладов[1], Яна Игоревна Чаплинская[2]

[1, 2] *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия*
[1, 2] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

[1] *ladov@yandex.ru*
[2] *yana16071992@yandex.ru*

Аннотация. Представлены основные тезисы авторской эпистемологической концепции аналитического реализма. Рассматривается формальный аспект разработки данной концепции. Аналитический реализм в формальном аспекте, во-первых, критикует антиреалистские (скептические, релятивистские) эпистемологические проекты за их логическую непоследовательность и, во-вторых, обосновывает, что реалистская эпистемология с подобного рода затруднениями не сталкивается. Этот факт обеспечивает преимущество реализма перед антиреализмом с логической точки зрения. В статье показывается, как дискуссия о последовательности эпистемологических концепций может быть перенесена с чисто теоретического уровня на уровень обсуждения более конкретных вопросов практической социальной жизни. Тем самым демонстрируется практико-ориентированный потенциал аналитического реализма.
Ключевые слова: аналитический реализм, эпистемология, логика, скептицизм, релятивизм, следования правилу, самореферентность, социальность, теория, практика, Л. Витгенштейн, Р. Рорти

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019/

Для цитирования: Ладов В.А., Чаплинская Я.И. Аналитический реализм в формальном аспекте: теория и практика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 38–48. doi: 10.17223/1998863X/75/4

Original article

ANALYTICAL REALISM IN THE FORMAL ASPECT: THEORY AND PRACTICE

Vsevolod A. Ladov[1], Yana I. Chaplinskaya[2]

[1, 2] *Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation*
[1, 2] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

[1] *ladov@yandex.ru*
[2] *yana16071992@yandex.ru*

Abstract. The main theses of a new epistemological concept are presented in the article. This concept was named “analytical realism”. The authors analyze the formal aspect of analytical realism. First, analytical realism in the formal aspect criticizes anti-realistic (skeptical and

© В.А. Ладов, Я.И. Чаплинская, 2023

relativistic) epistemological projects for logical inconsistency. Second, analytical realism in the formal aspect substantiates that realistic epistemology does not confront with difficulties of this mode. This fact provides preference of realism over anti-realism from a logical point of view. The rule-following problem is thoroughly analyzed. The problem was presented in the philosophy of the late Wittgenstein and in writings of his interpreters, in particular, in works of Saul Kripke. The article explores the rule-following problem as the main radical version of epistemological skepticism in the tradition of analytic philosophy. The article demonstrates the inconsistency of the position of the late Wittgenstein in his investigation of meaning of linguistic expressions and asserts that the discussion about consistency of epistemological concepts may be transferred from a pure theoretical level on the level of more concrete questions of social life. Thereby, the article demonstrates the practical potential of analytical realism.
Keywords: analytical realism, epistemology, logic, skepticism, relativism, rule-following, self-reference, sociality, theory, practice, Ludwig Wittgenstein, Richard Rorty

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019/

For citation: Ladov, V.A. & Chaplinskaya, Ya.I. (2023) Analytical realism in the formal aspect: theory and practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 38–48. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/4

Формальный аспект аналитического реализма

Аналитический реализм в формальном аспекте обосновывает реалистские взгляды в эпистемологии посредством косвенной логической аргументации, не прямо подтверждая правоту реализма, а демонстрируя непоследовательность противоположной позиции – антиреализма. Делает это аналитический реализм при помощи классического аргумента reductio ad absurdum, который давно использовался для критики радикально скептических и релятивистских (т.е. антиреалистских) эпистемологических построений. Мы демонстрируем, что антиреалистскую позицию можно свести к абсурду, из чего следует признание правоты противоположной позиции – реализма. Таким образом, аналитический реализм в формальном аспекте использует определенную версию доказательства от противного, применяемого в математике, когда мы предполагаем истинным не-А, приходим к противоречию и тем самым утверждаем истинность обратного, т.е. А.

Аргумент reductio ad absurdum выстраивается на основе явления самореферентности, когда тезис той или иной теоретической позиции применяется по отношению к ней самой. Именно так, например, платоновский Сократ обосновывал абсурдность позиции радикального релятивизма в диалоге «Теэтет» [1], заочно вступая в спор с Протагором. Если каждый есть мера своей мудрости, то почему же Протагор считает возможным учить этой мудрости всех остальных? Протагор считает свое собственное суждение абсолютно истинным, и в таком случае содержание этого суждения вступает в противоречие с его позиционированием.

Однако в XX в. в логике, в аналитической философии, в совершенно независимых от эпистемологии исследованиях по проблемам парадоксов в основаниях математики были получены результаты, которые имели существенное значение для построения эпистемологических концепций. Логическая теория типов Б. Рассела для решения проблемы парадоксов устанавливала полный запрет на явление самореферентности. Понятия, суждения, высказы-

вания, содержащие в себе ссылку на самое себя, признавались дефектными, некорректными с логической точки зрения. И в таком случае неправым оказывался уже не Протагор, а платоновский Сократ, вводя в эпистемологическую аргументацию в диалоге «Теэтет» некорректный логический прием. Раз так, то эпистемология на современном этапе ее развития уже не может быть прежней и продолжать использовать классический аргумент reductio ad absurdum для критики различных форм антиреализма. Именно на это, правда, лишь бегло, что называется «на полях», указал и сам Б. Рассел в "Principia Mathematica", простроив связь логики и эпистемологии: «…любой заслуживающий внимания скептицизм закрыт для приведенной выше формы опровержения (имеется в виду приведение скептицизма к противоречию через аргумент от самореферентности. – *В.Л., Я.Ч.*)» [2. С. 111]. Эпистемология обязана учесть результаты исследовательской работы в логике, как-то к ним отнестись, осмыслить, сформулировать критические аргументы. В противном случае современная эпистемология в контексте обсуждения проблем реализма и антиреализма рискует быть наивной с логической точки зрения, что и происходит с некоторыми современными эпистемологами. Например, Х. Сигэл [3], критикующий таких релятивистов, как Х. Браун [4] и Д. Миланд [5], продолжает использовать классический платоновский аргумент в опровержение релятивизма, основанный на явлении самореферентности. Это же делает в самые последние годы и известный отечественный эпистемолог В.Л. Лекторский, фиксируя парадоксальность релятивистской позиции в эпистемологии [6].

Вот почему аналитический реализм в формальном аспекте не только занимается критикой антиреалистских эпистемологических проектов, но и большое внимание уделяет чисто логической проблематике, связанной с исследованиями парадоксов. Является ли полный запрет на саморефентность, принятый в теории типов, релевантным ответом на проблему парадоксов? Не попадает ли сама теория типов в капкан парадоксов, которые она стремилась устранить? Именно эти вопросы являются ведущими для аналитического реализма при проведении логических исследований.

Концепция аналитического реализма опирается на идею о том, что теория типов Б. Рассела как способ решения проблемы парадоксов действительно может быть раскритикована по крайней мере в двух важнейших аспектах.

Во-первых, полный запрет на самореферентность можно расценить как слишком грубый методологический прием. Дело в том, что существует большое количество примеров самореферентных, но при этом непарадоксальных высказываний, понятий, суждений. Кроме того, при отказе от самореферентности мы теряем некоторые значимые достижения в области логики и математики [7]. Американский логик Ф. Фитч утверждает, что саморефентность должна быть существенной чертой самой философии [8]. Датский философ А. Бурдум указывает на то, что самореферентность, по сути, является основой таких важнейших феноменов для разумности в целом, как самосознание и рефлексия, которые характеризуют не только философскую деятельность, но и научную работу, социальную коммуникацию в ее многообразных проявлениях [9]. На то, что теория типов представила недостаточно продуманное решение проблемы парадоксов, установив полный запрет на самореферентость, указывали ранее мы сами [10, 11], на это обращается внимание и в самой современной логической литературе [12].

Во-вторых, теория типов оказывается не лишенной так называемых реванш-проблем, если воспользоваться терминологией Х. Филда [13]. Теория типов, стремясь к решению проблемы парадоксов, сама оказывается парадоксальной. Высказывание теории типов «Любое высказывание не является высказыванием обо всех высказываниях, но всегда относится только к частному логическому типу высказываний» (или к логическому порядку, если более точно пользоваться терминологией так называемой разветвленной теории типов) само по себе претендует на универсальность, отменяющую всякое ранжирование по логическим типам (порядкам). На это указывал Ф. Фитч еще в середине XX в. [8], на это же обращается внимание и в самых современных логических исследованиях. В частности, очень точно характеризует проблематичность теории типов в данном аспекте Г. Прист: «Как мы видим, тогда, пытаясь решить проблему, Расселу просто удается воспроизвести ее. Поэтому его теория является не столько решением противоречия на пределе мысли, сколько его иллюстрацией» [12. С. 229].

На основании проведенных критических исследований в области логики аналитический реализм считает правомерным возвращение к аргументу reductio ad absurdum, основанному на явлении самореферентности, для критики антиреалистских эпистемологических проектов. При этом такая критика уже не будет выглядеть наивной с логической точки зрения. Она будет опираться на суждение о том, что теория типов оказалась в целом неудачным проектом решения проблемы логико-семантических парадоксов. Эта теория сама противоречива, а полный запрет на самореферентость оказывается нерелевантным сути проблемы.

Поздний Л. Витгенштейн, С. Крипке и проблема следования правилу

При помощи аргумента reductio ad absurdum, который основан на явлении самореферентности, мы критикуем антиреалистские эпистемологические проекты. Одной из самых известных и самых радикальных антиреалиских концепций внутри традиции аналитической философии была концепция «значение как употребление» позднего Л. Витгенштейна. В рамках этой концепции была сформулирована так называемая проблема следования правилу [14]. Американский логик С. Крипке вообще назвал проблему следования правилу самой радикальной скептической проблемой в истории философии: «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма. Лично я склонен рассматривать ее как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия, проблему, которую смог бы сформулировать только очень необычный по складу ум» [15. С. 60].

Суть проблемы следования правилу может быть выражена в формулировках, которые представлены ниже. Основываясь на своем тезисе о значении слова как его употреблении в языке, поздний Витгенштейн утверждает, что в ситуации конкретного употребления слова мы не можем с полной определенностью утверждать, какому именно правилу употребления следуем. Употребление языкового выражения можно подвести сразу под два правила при условии, что в случае данного конкретного употребления эти два правила просто еще не обнаруживают себя как различные. Например, в «Заметках по основаниям математики» поздний Витгенштейн ставит следующий вопрос:

«Откуда я знаю, что при построении числового ряда +2 следует писать „20 004, 20 006“, а не „20 004, 20 008“?» [16. С. 4.]. Витгенштейн пытается сказать, что когда построение числового ряда было на стадии, скажем, 4, 6, 8, то его можно было бы подвести по крайней мере под два правила, которые в данной ситуации еще не отличаются друг от друга, а начинают себя проявлять как различные только на той стадии, когда вычисляющий впервые доходит до числа 20 004. Поскольку, как считает Витгенштейн, мы осваиваем правила употребления языковых выражений постепенно, в конечном опыте лингвистических практик, постольку проблема неопределенности следования правилам будет сохранятся в любом случае, ибо мы всегда сможем представить себе такую стадию употребления выражения, которая еще не охвачена нашим конечным опытом использования языка. Если значение языкового выражения трактуется как правило его употребления, а само правило оказывается неопределенным, то отсюда следует радикальный скептический тезис в области семантики языка о неопределенности значения. Поскольку в рамках традиции аналитической философии языковая деятельность трактуется как определяющая познавательную активность субъекта в целом, постольку радикальный скепсис в области семантики может быть распространен и на эпистемологию.

Единственным выходом из этого глобального эпистемологического коллапса, по мысли С. Крипке, является то, что он назвал скептическим решением проблемы следования правилу. Крипке утверждает, что, по Витгенштейну, «…мы достигаем уровня, где действуем без какой-либо причины, с точки зрения которой мы можем оправдать наше действие. Мы действуем решительно, но слепо» [15. С. 15]. Решительность же нам придает сообщество, согласие в правомерности нашего словоупотребления с другими участниками лингвистических практик, языковых игр. Мы решительны не потому, что знаем, какому правилу следуем, употребляя языковое выражение, а потому, что это употребление поддерживает наше лингвистическое сообщество. Данное решение проблемы следования правилу называется скептическим, поскольку оно не отрицает радикальный эпистемологический скептицизм, напротив, оно поддерживает его, но пытается переформулировать принципы функционирования языка таким образом, чтобы этот скепсис не выглядел пугающим, разрушающим основы нашего познания и жизнедеятельности.

Была ли философия позднего Л. Витгенштейна теорией значения?

Результаты работы в рамках формального аспекта аналитического реализма приводят к утверждению логической противоречивости философских взглядов позднего Л. Витгенштейна, однако чтобы это продемонстрировать, нужно представить его философию в качестве четкого теоретического построения, как это делал, например, тот же С. Крипке, излагая и проблему следования правилу, и ее скептическое решение. Но дело в том, что сам поздний Витгенштейн здесь не вполне однозначен, и поэтому данному вопросу стоит уделить отдельное внимание.

В своих Кембриджских лекциях 1930-х гг. Витгенштейн четко, без тени сомнения утверждает, что употребление слов в языке не подпадает под какие-то устойчивые, универсальные правила, значение слов определяется чисто контекстуально, в каждой конкретной языковой игре, в каждом конкрет-

ном лингвистическом сообществе, значение слов всегда релятивно контексту употребления, значение и есть употребление, а не определяет наперед употребление как нечто стабильно заданное: «…мы имели искушение думать, что можно вывести правило для употребления слова из его значения, которое мы предположительно схватываем как целое, когда произносим слово. Это ошибка, которую я бы вырвал с корнем» [17. P. 51]. Мыслить значение как целое, на основе которого можно вывести правило для употребления слова, – это большая ошибка, непонимание сути функционирования языка, ее нужно непременно исправить, вырвать с корнем. Однако на страницах «Философских исследований» – главного труда позднего Витгенштейна – в параграфе 43 мы читаем: «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, – в которых мы используем слово „значение“, его можно определить так: значение слова – это его употребление в языке» [14. С. 43]. Таким образом, в «Философских исследованиях» Витгенштейн как бы смягчает свою позицию, отказывается от универсалистских претензий на позиционирование принципов работы языка в целом, не хочет представлять результаты своих размышлений как некоторую законченную теоретическую позицию.

Проблема в том, что если бы в качестве главного результата своего позднего творчества Витгенштейн представил лишь параграф 43 «Философских исследований», то он никогда не стал бы столь известен и обсуждаем, как это действительно случилось в истории аналитической философии второй половины XX в. Ценность работы мыслителя, философа состоит именно в попытке дать полный отчет о той или иной исследовательской области, в попытке представить стройную теоретическую конструкцию, имеющую притязания на универсальную значимость, истинность. В этом смысле мы солидарны с М. Даммитом, который говорит: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе (Имеются в виду исследования позднего Л. Витгенштейна. – *В.Л., Я.Ч.*), которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения» [18. P. XI]. К философии позднего Витгенштейна можно отнестись как к серьезной концептуальной разработке только в том случае, если она притязает на то, чтобы описать универсальные принципы функционирования языка, и подавляющее число интерпретаторов позднего Витгенштейна именно так и воспринимают его творчество. Например, А. Бордум толкует параграф 43 «Философских исследований» как раз таким образом, делая акцент на универсальном, общем характере представления о значении как употреблении: «Прозрение, что языковые игры контекстуально ограничены формами жизни, выражено во фразе: „Значение слова есть его употребление в языке“» [9. P. 43]. Бордум называет тезис о значении как употреблении инсайтом, прозрением в суть функционирования языка в целом. Только так поздний Витгенштейн получает широкую известность: он зафиксировал универсальный принцип работы естественного языка.

Критика философии позднего Л. Витгенштейна в формальном аспекте

Теперь, сделав это предварительное уточнение, позволяющее нам рассматривать философию позднего Витгенштейна именно как законченную теоретическую позицию, как концепцию, определяющим, универсальным тезисом которой является тезис «значение слова есть его употребление в язы-

ке», мы можем выстроить критическое отношение к ней. Опираясь на явление самореферентности, мы можем обратить тезис Витгенштейна против него самого. Таким образом, тезис Витгенштейна о значении как употреблении будет сведен к абсурду. В самом деле, если ни одно из слов языка не обладает стабильным значением, то это же относится и к словам, на которых сформулирован тезис об отсутствии строгих правил употребления, о релятивности значения. В таком случае тезис о том, что значение есть употребление либо сам становится релятивным и теряет свою теоретическую весомость, либо же в отношении слов, при помощи которых данный тезис сформулирован, нельзя сказать, что их значения релятивны, скорее, наоборот, они вполне строго определены, что и позволяет ясно выразить содержание концепции позднего Витгенштейна. Здесь мы можем снова вспомнить М. Даммита, чтобы склониться к выбору второго элемента представленной выше альтернативы. Даммит подчеркивает, что притязание на истинность есть важнейший элемент философского мышления [18. P. XI]. Философ, который бы что-то утверждал и тут же отказывался от того, чтобы считать свое утверждение истинным, как это пытается делать доведенный до предела релятивизм, не мог бы заслужить уважения, его никто не воспринял бы всерьез. Поэтому мы склонны считать, что поздний Витгенштейн, во-первых, продуцирует теоретический тезис универсалистского толка, охватывающий всю предметную область, в данном случае естественный язык, и во-вторых, претендует на истинность своего убеждения.

Если это так, то содержание тезиса позднего Витгенштейна о релятивности значения вступает в противоречие с его позиционированием в рамках теоретической концепции. Теоретическая концепция, где формулируется этот тезис, опровергает его самим своим существованием. Здесь мы наблюдаем явление, которое К. Кордиг – один из современных эпистемологов – назвал «самореферентной непоследовательностью» (self-referential inconsistence) [19].

Таким образом, аналитический реализм демонстрирует логическую несостоятельность того, что С. Крипке назвал скептическим решением проблемы следования правилу [15], которое опиралось на тезис о релятивности значения и проясняло функционирование языка на его основе.

Реализм и антиреализм

Стоит отметить, что позиция реализма, в отличие от позиции антиреализма, не сталкивается с противоречиями при применении к ней аргумента reductio ad absurdum, основанного на явлении самореферентности. Если в качестве реалистского тезиса в эпистемологии сформулировать положение, что любое высказывание в рамках ассерторического дискурса имеет претензию на то, чтобы быть истинным, то и само это метаэпистемологическое высказывание будет претендовать на истинность. Позиционирование метаэпистемологического высказывания реалистского типа находится в согласии с его собственным содержанием. Позиционирование данного высказывания только подтверждает истинность той теоретической установки, которая в нем содержится. Обозначим главное самореферентное высказывание (основной тезис) аналитического реализма в формальном аспекте через r. Тогда содержание r может быть представлено следующим образом:

r) $\forall x\,(Sx \rightarrow Ix)\ \&\ (r \in x)$,

где S – быть высказыванием ассерторического дискурса, I – иметь претензию (намерение) быть истинным.

Для любого x, если x есть высказывание ассерторического дискурса, то x претендует на то, чтобы быть истинным, причем само высказывание аналитического реализма в формальном аспекте также принадлежит x, т.е. является высказыванием ассерторического дискурса и претендует на то, чтобы быть истинным.

А. Бордум в своей работе «Теория позитивной самореферентности» пишет: «Для меня важно в этом отношении то, что самореферентность может быть сконструирована таким образом, что референция к себе фактически иллюстрирует ее значение. Если негативная самореферентность противоречит значению высказывания, то позитивная самореферентность часто иллюстрирует значение предложения, создавая отношение, которое в итоге представляет собой самоподдержку, самоутверждение или самоиллюстрацию» [9. P. 15]. То, о чем говорит здесь современный датский философ, это ровно то, на чем настаивает и аналитический реализм. Аналитический реализм в формальном аспекте не только утверждает противоречивость скептических и релятивистских концепций в эпистемологии, но и демонстрирует, что реалистские эпистемологические проекты не сталкиваются с противоречиями при применении к ним определенной проверочной методологии, а именно через использование аргумента reductio ad absurdum, основанного на явлении самореферентности. Реалистские эпистемологические проекты оказываются саморферентно консистентными, последовательными, если воспользоваться терминологией К. Кордига, которую мы уже привели выше, критикуя антиреализм [19].

Аналитический реализм: от теории к практике

По нашему мнению, важным достоинством концепции аналитического реализма является ее универсальность. Критические аргументы, разработанные в отношении скептических и релятивистских взглядов на чисто теоретическом уровне, могут быть использованы для критики конкретных проявлений антиреалистского мышления в практической жизни. Снова сошлемся здесь на А. Бордума; он говорит следующее: «Рефлексивность и фигура самореферентности пронизывают нашу жизнь как интеллектуально, так и практически» [9. P. 3]. Таким образом, применение аргумента reductio ad absurdum, основанного на явлении самореферентности, оказывается актуальным не только в отношении чисто теоретических научно-философских проектов, но и в отношении дискуссий, которые касаются более практических вопросов общественной жизни.

Например, аналитический реализм указывает на противоречивость концепции мультикультурализма при обсуждении вопросов, связанных с анализом современной социальной реальности. Утверждая ценность и автономность любой человеческой культуры, несводимость частной культуры и ее этических принципов к некоей фундаментальной протокультуре, мультикультурализм в качестве абсолюта представляет саму релятивизацию культурных и этических ценностей. Мультикультурализм есть проявление эпистемологического релятивизма при обсуждении вопросов социальной реальности, следовательно, все затруднения релятивизма на чисто теоретическом уровне, которые мы отмечали выше, неминуемо транслируются и на обсуждение релятивистских позиций в отношении вопросов общественной жизни. Ориентация на абсолютное в мультикультурализме и этическом релятивизме оказывается осно-

вой самой возможности релятивизации точно так же, как и ориентация на абсолютное есть основа радикального релятивизма Протагора при обсуждении эпистемологических вопросов познания и истины.

Противоречивым оказывается и либерализм в качестве глобалистского социально-политического проекта. Либерализм утверждает ценности свободы мнения, слова, суждения. Однако сами эти ценности в глобалистском либеральном проекте утверждаются авторитарно. У этой позиции нет самореферентной консистенции, о которой мы уже не раз говорили выше. Напротив, мы наблюдаем здесь несоответствие содержания тезисов данной социально-политической концепции и способов ее позиционирования в современном мире. Это происходит потому, что содержание основных тезисов либерализма предполагает ориентацию на свободу, на релятивизм мнений и суждений, соответственно, все затруднения позиционирования релятивизма в качестве общей эпистемологической позиции автоматически транслируются и в эту сферу более практических вопросов, связанных с устройством социально-политической жизни.

С логико-эпистемологической точки зрения, ориентируясь исключительно на рациональную последовательность и непротиворечивость, аналитический реализм видит более консистентными консервативные социально-политические проекты. Консерватизм утверждает определенные общественные и этические ценности в качестве нерелятивно истинных, другие же считая ложными. Консерватизм как социально-политическая установка основывается на общих реалистских воззрениях в области эпистемологии, допуская признание определенных общественных и этических ценностей в качестве истинного устройства самой социальной реальности, а не только частного, релятивного мнения о ней. Это позволяет данной позиции в осмыслении вопросов практической жизни достичь уровня самореферентной консистенции. В самом деле, позиционирование данных идей противится релятивизации, подтверждая этим нерелятивный уровень их содержания. Как бы мы ни относились к консерватизму, какие бы недостатки ни усматривали в данной концепции об устройстве социально-политической жизни, стоит признать, что с чисто логико-эпистемологической точки зрения консерватизм действительно оказывается более последовательным, нежели социально-политические проекты релятивистского толка.

Данные суждения не представляют собой окончательную догматическую установку в отношении вопросов социально-политической жизни. Но подобного рода рефлексия должна заставить приверженцев социальной реляливизации обратить внимание на серьезные теоретические затруднения в позиционировании их концепций, указать на необходимость искать какие-то иные пути утверждения этих взглядов по сравнению с тем, как это делалось и делается до сих пор. Например, можно продемонстрировать, что в сеть противоречий попадает социально-политическая концепция Р. Рорти, на что указывают его критики, в частности Ж.Б. Элштейн, которая подчеркивает, что, связывая развитие западной демократии с минимизацией насилия и максимизацией сострадания, Рорти «контрабандой протаскивает» [20. P. 143] в свою релятивистскую концепцию философский универсализм. Рорти утверждает в качестве абсолютных, не подлежащих релятивизации, некоторые общие признаки правильного социально-политического устройства общественной жизни.

Аналитический реализм не отрицает ценности и важности идей различных социально-политических проектов, однако авторы данных идей должны быть последовательны в их позиционировании с точки зрения логико-эпистемологической проблематики в целом.

Список источников

1. *Платон* Теэтет // Платон. Сочинения : в 4 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. Т. 2. С. 229–327.

2. *Уайтхед А., Рассел Б.* Основания математики : в 3 т. Самара : Самар. ун-т, 2005. Т. I.

3. *Siegel H.* Relativism, Truth and Incoherence // Issues in Epistemology. 1986. Vol. 68, № 2. P. 225–259.

4. *Brown H.* For a Modest Historicism // The Monist. 1977. Vol. 60. P. 540–555.

5. *Meiland J.* Is Protagorean Relativism Self-Refuting? // Grazer Philosophische Studien. 1979. Vol. 9. P. 51–59.

6. *Лекторский В.А.* Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : Канон+, 2015. С. 5–31.

7. *Anderson A.P.* St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. New Haven and London, 1970. P. 1–11.

8. *Fitch F.* Self-Reference in Philosophy // Mind. 1946. Vol. 55, № 217. P. 64–73.

9. *Bordum A.* The Theory of Positive Self-reference. København : Department of Management, Politics and Philosophy, CBS. 2002.

10. *Ладов В.А.* Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.

11. *Ladov V.* Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes // Filosofija. Sociologija. 2019. T. 30, № 1. P. 36–43.

12. *Прист Г.* За пределами мысли / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2022.

13. *Field H.* A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // Journal of Philosophical Logic. 2003. № 32. P. 139–177.

14. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М. : АСТ, 2018.

15. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.

16. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II, кн. I.

17. Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932–35. Oxford : Basil Blackwell, 1979.

18. *Dummett M.* The Logical Basis of Metaphisics. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991.

19. *Kordig C.* Self-Reference and Philosophy // American Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 20, № 2. P. 207–216.

20. *Elshtain J.B.* Don't Be Cruel: Reflections on Rortyian Liberalism // Richard Rorty / ed. by C. Guignon, D.R. Hiley. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

References

1. Plato. (2007) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Collected Works in 4 vols]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 229–327.

2. Whitehead, A. & Russell, B. (2005) *Osnovaniya matematiki* [Principia Mathematica]. Vol. I. Translated from English by Y.N. Radaev, A.V. Ershov, R.A. Revinskiy, I.S. Frolov. Samara: Samara State University.

3. Siegel, H. (1986) Relativism, Truth and Incoherence. *Issues in Epistemology*. 68(2). pp. 225–259.

4. Brown, H. (1977) For a Modest Historicism. *The Monist*. 60. pp. 540–555.

5. Meiland, J. (1979) Is Protagorean Relativism Self-Refuting? *Grazer Philosophische Studien*. 9. pp. 51–59.

6. Lektorskiy, V.A. (2015) Relyativizm i plyuralizm v sovremennoy kul'ture [Relativism and pluralism in modern culture]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Relyativizm kak bolezn' sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow: Kanon+. pp. 5–31.

7. Anderson, A.P. (1970) St. Paul's Epistle to Titus. In: Martin, R.L. (ed.) *The Paradox of the Liar*. New Haven and London: Yale University Press. pp. 1–11.

8. Fitch, F. (1946) Self-Reference in Philosophy. *Mind*. 55(217). pp. 64–73.

9. Bordum, A. (2002) *The Theory of Positive Self-reference.* København: Department of Management, Politics and Philosophy, CBS.

10. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2

11. Ladov, V.A. (2019) "Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes." *Filosofija. Sociologija.* 30(1). pp. 36–43. DOI: 10.6001/filsoc.v30i1.3914

12. Priest, G. (2022) *Za predelami mysli* [Beyond the Limit of Thought]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.

13. Field, H. (2003). A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes. *Journal of Philosophical Logic*. 32. pp. 139–177. DOI: 10.1023/A:1023027808400

14. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: AST.

15. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.

16. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 2(1). Translated from German by M. Kozlova, Y. Aseev. Moscow: Gnozis.

17. Wittgenstein, L. (1979) *Wittgenstein's Lectures*. *Cambridge, 1932–35*. Oxford: Basil Blackwell.

18. Dummett, M. (1991) *The Logical Basis of Metaphysics.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

19. Kordig, C. (1983) Self-Reference and Philosophy. *American Philosophical Quarterly*. 20(2). pp. 207–216.

20. Elshtain, J.B. (2003) Don't Be Cruel: Reflections on Rortyian Liberalism. In: Guignon, C. & Hiley, D.R. (eds) *Richard Rorty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Чаплинская Я.И. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); доцент кафедры управления качеством Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yana16071992@yandex.ru

Information about the authors:

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

Chaplinskaya Ya.I. – Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); associate professor at the Department of Quality Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yana16071992@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 10.07.2023;
approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 49–63.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 49–63.

Научная статья
УДК 81-11
doi: 10.17223/1998863X/75/5

КОНТЕКСТНЫЕ РОЛИ В СИТУАЦИОННОЙ СЕМАНТИКЕ ДЖ. БАРВАЙСА И ДЖ. ПЕРРИ. ПУТЬ К ЗНАЧЕНИЮ ЧЕРЕЗ ЭПИСТЕМОЛОГИЮ И ПРАГМАТИКУ

Анна Юрьевна Моисеева

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, abyssian03@gmail.com

Аннотация. Рассматривается аппарат контекстных ролей, использующийся в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри для формализации значения индексикалов и демонстративов, а также для решения более широких объяснительных задач, связанных с прагматическим анализом контекстов. Продемонстрировано, что анализ в терминах ролей позволяет объяснять не только значение контекстно-зависимых выражений, но и транзит между контекстами в процессе коммуникации с сохранением содержания высказывания. Раскрыта глубокая взаимосвязь в рамках данного подхода между семантикой, с одной стороны, прагматикой и эпистемологией, с другой, а затем предложен способ отграничения семантики от смежных дисциплин на уровне приложения теории к конкретным задачам.
Ключевые слова: индексикалы и индексикальность в языке, контекст, эпистемическая перспектива, семантика и прагматика

Для цитирования: Моисеева А.Ю. Контекстные роли в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри. Путь к значению через эпистемологию и прагматику // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 49–63. doi: 10.17223/1998863X/75/5

Original article

CONTEXTUAL ROLES IN SITUATION SEMANTICS OF JON BARWISE AND JOHN PERRY. THE WAY TO MEANING THROUGH EPISTEMOLOGY AND PRAGMATICS

Anna Yu. Moiseeva

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, abyssian03@gmail.com

Abstract. The article deals with the apparatus of contextual roles used in the situation semantics of Jon Barwise and John Perry to formalize the meaning of indexicals and demonstratives, as well as to solve broader explanatory tasks related to the pragmatic analysis of contexts. The article shows that analysis in terms of roles makes it possible to explain not only the meaning of context-dependent expressions, but also the transit between contexts in the process of communication while preserving the content of the statement. A deep relationship is revealed within the framework of this approach between semantics, on the one hand, and pragmatics and epistemology, on the other, and then a way is proposed to delimit semantics from related disciplines at the level of application of theory to specific tasks.
Keywords: indexicals and indexicality in language, context, epistemic perspective, semantics and pragmatics

© А.Ю. Моисеева, 2023

For citation: Moiseeva A.Yu. (2023) Contextual roles in situation semantics of Jon Barwise and John Perry. The way to meaning through epistemology and pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 49–63. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/5

Введение

Как принято считать, в рамках философии семантическая традиция начала развиваться после Канта и во многом в полемике с его идеей, что интуиция играет важную роль в нашем понимании концепций и оперировании ими[1]. Для того чтобы вывести концепции из сферы психологии, требовалось найти для них некоторую другую сферу, и эта сфера была найдена в семантике. С давних пор формальная логика включала развитую теорию соотношения понятий и суждений, которая убеждала в том, что слова и предложения языка не просто используются людьми так, как им заблагорассудится, но что они что-то *значат* сами по себе. Теперь возникла потребность в том, чтобы объяснить, *как* они значат. Поэтому эталонным объектом исследования становились такие фрагменты языка, которые можно было рассматривать как своеобразную «отдельную реальность», отношения которой с реальностью вещей, с миром составляли главный вопрос философии языка. Человек как носитель языка из этой картины несколько выпадал.

Вследствие указанной тенденции вне сферы внимания философов языка долгое время оставались все те языковые средства, функция которых состоит в первую очередь в удовлетворении каких-то ситуативных потребностей коммуникации. В частности, выражения вроде «я», «ты», «здесь», «сейчас», «этот», «тот» и некоторые другие – те, которые лингвисты относят к категориям индексикалов и демонстративов (или индексикалов «в широком смысле», границы которого очертил Дж. Перри в [2. P. 70]), т.е. выражения, значение которых зависит от контекста, – были, несмотря на их очевидную повсеместность и необходимость в любом языке[2], достаточно поздно осмыслены как такие, о которых семантику требуется думать, чтобы понимать, что язык собой представляет и как он работает. Впрочем, из этой тенденции существует ряд примечательных исключений, об одном из которых речь и пойдет в настоящей статье.

Индексикалы и демонстративы занимают важное, можно даже сказать, центральное место в такой теории значения, как ситуационная семантика Дж. Барвайса и Дж. Перри [3] (см. также [4]). Будучи проектом, альтернативным классической условие-истинностной семантике, ситуационная семантика с самого начала ставила себе задачу адекватного учета не только описательной, обозначающей функции языка, но и его практической, регулирующей деятельность людей функции. Для этой теории важно не само по себе значение языковых выражений, а то, как люди понимают это значение и зачем они его используют, *что* обозначается и *зачем* обозначается. Такое понимание семантики сближает ее с прагматикой, и это, конечно, вполне осознается ее авторами.

[1] Так происхождение семантической традиции в философии объясняется, например, в [1].

[2] Согласно некоторым лингвистическим концепциям (см. метод так называемой «глоттохронологии», впрочем, дискуссионный среди лингвистов), индексикалы, в частности личные местоимения, присутствуют во всех естественных языках и входят в то «ядро» лексики, которое является наиболее древним и наименее подвержено изменениям с течением времени.

Цель моей статьи – показать, как в рамках ситуационной семантики эксплуатируется понятие контекстной роли, возникающее впервые именно в контексте обсуждения семантики индексикалов и демонстративов, а в дальнейшем оказывающееся одним из ключевых семантических понятий. Мой тезис состоит в том, что в рамках ситуационной семантики контекстные роли понимаются как позиции в некой структуре, предназначенной в первую очередь для анализа прагматических аспектов функционирования языка, но затем становящейся средством анализа собственно значения. В конце статьи будет затронут вопрос о том, есть ли возможность сохранения в рамках такого подхода различных сфер «юрисдикции» за семантикой и прагматикой, а если такая возможность есть, то где проходит граница между ними.

1. Понятие значения в ситуационной семантике

Начну с некоторых предварительных общих замечаний. Ситуационная семантика Дж. Барвайса и Дж. Перри – это теория значения, в которой язык принципиально не отделяется от мира (модели), как это происходит при более традиционном подходе. Языковые выражения трактуются в ней как вещи того же порядка, что и объекты и явления окружающей действительности, и между этими вещами существуют разнообразные отношения, одним из которых является отношение обозначения. Обозначать, согласно Барвайсу и Перри, можно не только посредством языка и лингвистических конвенций, но и посредством явлений внелингвистической природы, связанных с некоторыми другими явлениями («обозначаемым») известными естественными закономерностями. Например, дым может обозначать огонь, если имеется известная закономерность, что всегда, когда в некотором месте присутствует дым, там должен присутствовать и огонь [3. P. 12]. Такие известные закономерности называются в ситуационной семантике *ограничениями* (constraints).

Таким образом, с точки зрения ситуационной семантики значение является одним из видов ограничений. Покажем на простом примере, как работает этот вид ограничений. Пусть имеется предложение «Джон белый»[1]. Коль скоро мы задаемся целью проинтерпретировать это предложение, мы предполагаем, что оно произнесено или могло бы быть произнесено в какой-то ситуации, которая в терминах ситуационной семантики должна быть названа *ситуацией дискурса*. Минимальное описание этой ситуации выглядит следующим образом:

D := в $\dot{l}$: говорит, $\dot{a}$; да произносит, $\dot{a}$, ДЖОН БЕЛЫЙ; да.

Здесь D – это тип ситуации, примерами которого может быть множество ситуаций d_0, d_1, …, d_n, каждая из которых может отличаться от других в деталях, однако иметь общую с другими структуру, а именно: в каждой из этих ситуаций в некоторой пространственно-временной локации $\dot{l}$ некоторый агент $\dot{a}$ произносит предложение «Джон белый»[2]. Точки над буквами отли-

[1] Здесь под словом «белый» понимается не социально-политическая категория, как этот термин используется в современной социологии рас, а исключительно внешний отличительный признак – светлый цвет кожи.

[2] Для полноты описания можно было бы еще задать параметр языка, поскольку, вообще говоря, из нашего описания не видно, что агент говорит именно по-русски (в каком-то другом языке может быть предложение, строго совпадающее по звучанию с русским предложением «Джон белый»). Однако вместо этого просто условимся, что по умолчанию в нашей теоретической установке все предложения, которые кто-то произносит, являются русскими предложениями. Пара дополнительных замечаний по поводу возможности введения такого параметра будет дана ближе к концу статьи.

чают переменные, или *неизвестные* (indeterminates), в терминологии ситуационной семантики, от констант[1]. Посредством замены неизвестных на константы из типа ситуации D можно получать более «насыщенные» типы, например такие:

D_1 := в l: говорит, $\dot{a}$; да
произносит, $\dot{a}$, ДЖОН БЕЛЫЙ; да,
D_2 := в $\dot{l}$: говорит, a; да
произносит, a, ДЖОН БЕЛЫЙ; да,
D_3 := в l: говорит, a; да
произносит, a, ДЖОН БЕЛЫЙ; да.

Здесь l обозначает какую-то конкретную пространственно-временную локацию, например аэропорт Вашингтона 16 августа 2023 г., а a обозначает конкретного агента, например Алису. Если принять такие обозначения, то D_3 будет типом ситуации, где Алиса произносит предложение «Джон белый» в аэропорту Вашингтона 16 августа 2023 г. Предположим, что именно такого типа наша ситуация дискурса. Обозначим эту ситуацию d.

Чтобы понять высказывание Алисы, нам нужно быть знакомыми с ограничением, определяющим значение предложения, которое она произнесла. В минимальном виде соответствующее ограничение можно сформулировать следующим образом:

C := в l_u: предполагает, D, E; да,

где

E := в $\dot{l}$: белый, $\dot{b}$; да
именуется, $\dot{b}$, Джон; да.

Здесь под l_u понимается универсальная пространственно-временная локация, т.е. условное «везде и всегда»[2].

Однако знать ограничение C недостаточно, чтобы адекватно понять высказывание Алисы, т.е. понять, каковы характеристики той ситуации, которую Алиса имеет в виду, – в ситуационной семантике эта ситуация называется *фокусной ситуацией*. В самом деле, тип E описывает фокусную ситуацию просто как ситуацию, где на протяжении какого-то промежутка времени кому-то по имени Джон присуще свойство белизны. При этом, поскольку в русском предложении «Джон белый» прямо не выражено указание на то, о каком промежутке времени идет речь, можно подумать, что это может быть какой угодно промежуток времени. Однако компетентный русскоговорящий слушатель должен был бы понять кое-что об этом промежутке времени по тому, чего *не* сказала Алиса. В самом деле, если бы Джон, к примеру, на момент высказывания уже умер, Алиса сказала бы: «Джон *был* белым», – а если бы Джон еще не родился (скажем, он находился бы на стадии эмбрионального развития, но его уже называли бы его Джоном – такое вполне можно себе представить), то Алиса сказала бы: «Джон *будет* белым». Поэтому компетентный слушатель должен был бы извлечь больше информации из высказывания Алисы, применив более жесткое ограничение

[1] В языке ситуационной семантики используется три вида неизвестных – неизвестные для объектов, неизвестные для отношений и неизвестные для пространственно-временных локаций. Неизвестные для отношений в данной статье использоваться не будут.

[2] Для простоты будем игнорировать то обстоятельство, что лингвистические конвенции существовали не вечно и будут существовать тоже не вечно, что языки возникают и изменяются.

C_1 := в l_u: предполагает, D, E_1; да,

где

E_1 := в $\dot{l}$: белый, $\dot{b}$; да

именуется, $\dot{b}$, Джон; да

$\dot{l} \circ l$.

Здесь символ ∘ означает перекрывание по времени – в данном случае та локация, в которой имеет место какая-то ситуация типа E_1, перекрывает по времени ту локацию, в которой имеет место ситуация дискурса d. Проще говоря, компетентный слушатель понял бы по высказыванию Алисы, что она имеет в виду промежуток времени, который длится, т.е. уже начался и еще не закончился.

Ограничение C_1 может быть еще «насыщено», если мы, например, знаем, о каком именно человеке говорит Алиса. В этом случае мы можем сформировать тип ситуации, в котором этот человек будет фигурировать непосредственно, а не только быть описанным как кто-то, именуемый Джоном. Тогда для нас высказывание Алисы будет интерпретироваться с использованием следующего ограничения:

C_2 := в l_u: предполагает, D, E_2; да,

где

E_2 := в $\dot{l}$: белый, j; да

$\dot{l} \circ l$.

Здесь константа j означает Джона.

Если мы знакомы с ограничением C_2, мы достигаем такой полноты описания ситуации, подразумеваемой Алисой, больше которой уже невозможно получить, если не иметь непосредственного эпистемического доступа к этой ситуации, т.е. не самой Алисой. Так, только сама Алиса может описать фокусную ситуацию как ситуацию типа

E_3 := в l_1: белый, j; да,

поскольку только она может точно знать, о каком именно промежутке времени она говорит.

То, что максимальная полнота понимания недоступна стороннему наблюдателю, может показаться серьезным препятствием для коммуникации, но это не так. Нам не нужно указывать точные границы своих понятий, достаточно достигать согласия по всем релевантным случаям. С другой стороны, зачастую для стороннего наблюдателя даже ограничения вида $C - C_2$ недоступны, поскольку этот наблюдатель может не знать каких-то параметров ситуации дискурса, необходимых для формулирования таких ограничений. Например, он может не знать, где и когда Алиса произнесла предложение «Джон белый». Он может не знать даже, что это была именно Алиса.

В подобных случаях могут помочь ограничения, еще менее «насыщенные», чем С, в которых локация дискурса не указывается прямо, а описывается просто как *какая-нибудь* локация дискурса. Для такого ее описания в ситуационной семантике используется тип неизвестных, которые имеют специальное название «контекстные роли» и определяются следующим образом:

1. Если $\dot{x}$ – неизвестная, E – тип ситуации, то $\langle \dot{x}, E \rangle$ есть также неизвестная, которая называется *ролью* и обозначается $\dot{x}_E$.

2. Под *контекстной ролью* следует понимать такую роль, которая образует часть контекста какого-либо высказывания α.

Например, контекстная роль говорящего, или *агента* высказывания («я»), описывается так:

$\boldsymbol{i}^{\cdot} = \langle \dot{a}, D \rangle$,

где

D := в $\dot{l}$: говорит, $\dot{a}$; да

произносит, $\dot{a}$, $\dot{\alpha}$.

Все контекстные роли обозначаются буквами с точкой сверху в жирном начертании. Кроме роли агента, используется роль слушателя, или *адресата* высказывания («ты», обозначается $\dot{\boldsymbol{y}}$), роль *локации* высказывания («здесь и сейчас», обозначается $\dot{\boldsymbol{h}}$), а также роль самого произносимого *предложения* (обозначается $\dot{\boldsymbol{\alpha}}$)[1].

Чтобы получить ограничение, помогающее понять высказывание Алисы, без знания того, где, когда и кем оно произнесено, нужно заменить в каком-то из ограничений ряда $C - C_2$ неизвестные параметры на соответствующие контекстные роли. Например, если мы произведем такую замену в C_1, то получим ограничение

C_1* := в l_u: предполагает, D*, E_1*; да,

где

D* := в $\dot{\boldsymbol{h}}$: говорит, $\boldsymbol{i}^{\cdot}$; да

произносит, $\boldsymbol{i}^{\cdot}$; ДЖОН БЕЛЫЙ; да,

E_1* := в $\dot{l}$: белый, $\dot{b}$; да

именуется, $\dot{b}$, Джон; да

$\dot{l} \circ \dot{\boldsymbol{h}}$.

Ограничения, подобные C_1*, называются в ситуационной семантике *индексированными ограничениями* [3. P. 115]. Согласно идее Барвайса и Перри, именно индексированные ограничения являются наиболее полезными инструментами для понимания того, как информация передается между агентами в процессе лингвистической коммуникации. Применительно к нашему случаю можно сказать, что тип ситуации E_1*, использующийся в ограничении C_1*, выражает не что иное как «чистое» лингвистическое значение предложения «Джон белый», не «насыщенное» никакими контекстуальными факторами. И когда вы или я видим это предложение написанным на бумаге, в качестве вырванного из контекста примера, то мы актуализируем именно это ограничение, чтобы понять, как написанное должно было бы интерпретироваться, если бы оно было высказано в *каком-нибудь* контексте. В этой универсальности большое преимущество индексированных ограничений: и вы, и я понятия не имеем об Алисе и ее обстоятельствах, но мы все же можем сойтись в том, что данное предложение означает.

Еще более полезными индексированные ограничения становятся тогда, когда предложение, которое нужно проинтерпретировать, содержит явные примеры контекстно-зависимых выражений – индексикалы и демонстративы. Рассмотрим пример. Допустим, Алиса в той же самой локации l произносит «Мой босс белый». Очевидно, что у Алисы за всю ее жизнь может быть более одного босса, однако тот, о ком она говорит, – это человек, являющийся ее боссом именно в l. Если мы знаем, что она произносит это предложение в l и что в этот момент ее боссом является, допустим, Джон, то мы можем полу-

[1] Некоторые из обозначений здесь и далее введены мной.

чить максимально «насыщенное» содержание высказывания Алисы, которое будет задаваться уже использованным выше ограничением C_2. Однако предположим, что нам неизвестно, когда именно произносится предложение «Мой босс белый», и известно, что это именно Алиса его произносит. Это значит, что, даже если мы точно знаем, кто является боссом Алисы в l, мы не можем использовать эту информацию. Зато мы можем получить менее «насыщенное» содержание, заменив неизвестные параметры на контекстные роли:

C** := в l_u: предполагает, D**, E**; да,

где

D** := в $\dot{\boldsymbol{h}}$: говорит, $\dot{\boldsymbol{i}}^*$; да

произносит, $\dot{\boldsymbol{i}}^*$; МОЙ БОСС БЕЛЫЙ; да,

E** := в $\dot{l}$: босс, $\dot{b}$, $\dot{\boldsymbol{i}}^*$; да

белый, $\dot{b}$; да

$\dot{l} \circ \dot{\boldsymbol{h}}$.

Такое содержание – в одной из более поздних работ Дж. Перри [5] (см. также: [6]) оно называется *рефлексивным содержанием*, поскольку если попытаться выразить его в подходящей метаязыковой формуле, то там всегда будет присутствовать компонент «это высказывание» – обладает всей необходимой точностью, поскольку, если задать контекст, оно позволяет однозначно идентифицировать все объекты и локации, упомянутые в высказывании «Мой босс белый». При этом оно позволяет, причем даже без знания контекста, делать некоторые выводы относительно возможного поведения агента в связи с тем, что было им сказано. Например, это содержание позволяет объяснить, почему Алиса, встречая своего босса в аэропорту, не будет обращать внимания на темнокожих людей в толпе. По мысли Перри, посредством определения рефлексивного содержания высказывания мы узнаем некоторые характеристики ситуации его произнесения, существенные с прагматической точки зрения, причем узнаем о них так, как их представляет сам агент, вот почему именно рефлексивное содержание наиболее эффективно при объяснении поведения этого агента.

Теперь предположим, что Борис произносит то же самое предложение «Мой босс белый» на стадионе Лужники 16 августа 2003 г. Очевидно, что «насыщенное» содержание данного высказывания Бориса отличается от «насыщенного» содержания высказывания Алисы – даже если у них один и тот же босс, скажем, Джон, свойство белизны приписывается ему в разное время, а значит, у двух этих высказываний разные условия истинности. Однако рефлексивное содержание высказывания Алисы, заданное ограничением C**, является также рефлексивным содержанием высказывания Бориса, поэтому мы можем ожидать от Бориса сходного поведения в сходных ситуациях, например если Борис так же, как и Алиса, пытается узнать своего босса в толпе. И, шире, в любом контексте, где кто-то произносит предложение «Мой босс белый», мы можем предполагать, что имеет место ситуация, где босс этого человека является белым в промежутке времени, перекрывающем момент произнесения, и ожидать от этого человека поведения, в определенных чертах сходного с поведением Алисы и Бориса. Как видно, индексированное ограничение позволяет нам получить такое описание фокусной ситуации, которое вскрывает общность всех случаев произнесения одного и того

же предложения разными людьми в разное время. Именно в этом, согласно Барвайсу и Перри, заключается их главный смысл.

2. Контексты как структуры

Вообще тот или иной учет параметров контекста – явление в семантике, конечно же, нисколько не уникальное. Еще в конце 1970-х гг. Д. Каплан предложил свою семантику для фрагмента естественного языка, включающего такие индексикалы или «демонстративы», по Каплану, как «я», «здесь», «сейчас» и некоторые другие [7] (см. также: [8]). С точки зрения этой семантики контекст задается как кортеж, состоящий из объектов, а также пространственных и временных локаций (у Каплана место и время считаются разными параметрами контекста). Каждое из мест кортежа соответствует одному из параметров. Минимальный контекст состоит из индивида, места и времени, которые считаются агентом, местом и временем высказывания соответственно; количество параметров можно увеличивать. Семантика Каплана позволяет определять точно значения предложений с индексикалами, а также выводить некоторые нетривиальные свойства таких предложений, например истинность во всех контекстах предложения «Я здесь сейчас»[1]. Однако особенность подхода к формализации контекстов в ситуационной семантике по сравнению с подходом Каплана состоит в том, что контекст понимается не просто как набор каких-то параметров, а как структура со своими внутренними взаимосвязями, которые позволяют объяснить, что происходит с информацией в процессе ее транзита от одного контекста к другому. В данном разделе я надеюсь это показать.

Во-первых, если посмотреть внимательно на то, как определяются контекстные роли у Барвайса и Перри, становится ясно, что каждая роль потенциально способна порождать целый контекст. Поскольку роль – это пара из неизвестной и типа ситуации, в описание которого входит эта неизвестная, каждая роль сама по себе уже является в свернутом виде описанием того, что происходит или может происходить с объектом, играющим эту роль, или с локацией, соответственно. В этом описании роли жестко взаимосвязаны друг с другом и определяются друг через друга, и как только проявляется маркер одной из них, сразу же возникают и все остальные роли, необходимые для описания ситуации указанного типа. Даже если некоторые или все эти роли не заполнены конкретными объектами или локациями, они присутствуют как абстракции. Так, мы можем не знать, где и когда осуществляется высказывание Алисы о белизне Джона, но мы знаем, что оно осуществляется *где-то и когда-то*.

Во-вторых, коль скоро в контекст как ситуацию вовлекаются и другие объекты или локации, для них также оказывается возможным сформировать роли, производные от тех ролей, которые были определены ранее. Например,

[1] Существует дискуссия о том, действительно ли не может быть таких контекстов, в которых данное предложение ложно. В российском философском сообществе популяризацией этой дискуссии занимается О.А. Козырева [9], которая встает на точку зрения противников Д. Каплана. С ней полемизирует Е.В. Борисов, который выступает в защиту каплановской семантики и объясняет все примеры, приводимые О.А. Козыревой вслед за цитируемыми ею авторами, прагматически [10, 11]. В этой дискуссии я солидарна с Е.В. Борисовым.

если уже определен контекст высказывания $\boldsymbol{\alpha}^{\cdot}$, в котором заведомо имеется некий агент, то далее можно легко определить роль объекта высказывания:

$\boldsymbol{b}^{\cdot}$: = < b, D>,

где

D := в i: говорит, a; да
произносит, a, $\boldsymbol{\alpha}^{\cdot}$; да
подразумевает, a, b; да.

Обратим внимание, что здесь не дается никаких конкретных критериев, помогающих определить, когда агент подразумевает в своем высказывании данный конкретный объект. Выработка таких критериев является задачей прагматики, а не семантики. Здесь лишь сказано, что объектом высказывания *по определению* является объект, подразумеваемый агентом. Таким образом, если слушатель хочет понять, к какому объекту отсылает местоимение «он», «она» или «оно», произнесенное говорящим, он должен, сообразуясь с какими-нибудь из известных ему критериев, выделить некоторый объект как такой, который подразумевается говорящим в данном контексте. Очень часто, чтобы это сделать, слушателю нужно найти или реконструировать некую дополнительную ситуацию – она называется *ресурсной ситуацией*, – которая является эпистемически доступной для агента и из которой он может «извлечь» необходимый объект. Различные лингвистические маркеры показывают, какая это может быть ситуация и какими характеристиками должен обладать объект, чтобы подходить для выполнения роли объекта данного конкретного высказывания. Бывает и наоборот: слушатель полностью или частично знает ресурсную ситуацию заранее и, «извлекая» объект из нее, чтобы «насытить» этим объектом содержание высказывания, может таким образом получить некоторую информацию, не входящую в собственно лингвистическое значение высказывания.

В-третьих, при адаптации содержания высказывания и для передачи его какому-то третьему лицу слушатель осуществляет транзит между контекстами, заменяя одни роли другими. Так, если в первоначальном высказывании он выполнял роль адресата, то при передаче его содержания он должен говорить о себе уже как об агенте, а как об адресате – об этом третьем лице. Если же он просто отвечает агенту, то адекватный транзит содержания предполагает, что они должны обменяться ролями. Имеются определенные правила транзита и для перехода между пространственно-временными локациями. Так, при передаче содержания высказывания на следующий день после того, как оно было сделано, день, выполняющий в первоначальном высказывании роль сегодняшнего, в новом высказывании должен выполнять уже роль вчерашнего. Все эти правила являются частью описания соответствующих ролей, и если кто-то не знает их, то нельзя сказать, что он полностью усвоил значения слов, именующих эти роли, даже если этот человек способен правильно определить, на какой объект или локацию указывают данные слова в изначальном высказывании[1].

Будет полезно разобрать все это на еще одном примере. Предположим, Алиса и Борис находятся на вечеринке, где присутствует много людей, не все из которых знакомы между собой. Показывая куда-то за спину Бориса, Алиса

[1] Детально о способах сохранения информации при транзите между контекстами см.: [12].

говорит: «С ним я знакома, это мой босс». Борис не видит человека, на которого показывает Алиса, однако как компетентный носитель языка может получить из произнесенного Алисой предложения некоторую информацию о нем, а именно что этот человек фигурирует в ресурсной ситуации типа[1]

E*** := в $\dot{\boldsymbol{k}}$: присутствует, $\dot{\boldsymbol{b}}$; да
в $\dot{l}$: мужчина, $\dot{\boldsymbol{b}}$; да
$\dot{l} \circ \dot{\boldsymbol{k}}$.

Принимая буквально содержание высказывания Алисы, Борис понимает также, что человек, о котором говорит Алиса, знаком с ней и является ее боссом, т.е. имеет место фокусная ситуация типа

E_1*** := в $\dot{l}$: знакомы, $\dot{\boldsymbol{b}}$, $\dot{\boldsymbol{i}}^{\cdot}$; да
босс, $\dot{\boldsymbol{b}}$, $\dot{\boldsymbol{i}}^{\cdot}$; да
$\dot{l} \circ \dot{\boldsymbol{k}}$.

Предположим далее, что Борис оборачивается и видит, что там, куда показала Алиса, стоит несколько женщин и только один мужчина, в котором Борис узнает своего давнего знакомого Джона. Поскольку Борис знает, что человек, о котором говорила Алиса, должен быть мужчиной, он понимает, что это и есть Джон, т.е. ресурсная ситуация принадлежит не только к типу E***, но еще и к типу

E_2*** := в l_u: тождественны, j, $\dot{\boldsymbol{b}}$; да.

Далее, «извлекая» Джона из ресурсной ситуации и «насыщая» им содержание высказывания Алисы, Борис приходит к выводу, что фокусная ситуация принадлежит также к типу

E_3*** := в $\dot{l}$: знакомы, j, $\dot{\boldsymbol{i}}^{\cdot}$; да
босс, j, $\dot{\boldsymbol{i}}^{\cdot}$; да
$\dot{l} \circ \dot{\boldsymbol{k}}$.

После этого Борис может ответить Алисе: «Я знаком с твоим боссом, это Джон». Для этого ему нужно осуществить транзит полученной от Алисы информации из одного контекста другой и добавить к ней свою собственную информацию, что он и делает, утверждая наличие ситуации типа

E**** := в $\dot{l}$: знакомы, $\dot{\boldsymbol{i}}^{\cdot}$, b; да
босс, b, $\dot{\boldsymbol{y}}$; да
в l_u: тождественны, j, b; да
$\dot{l} \circ \dot{\boldsymbol{k}}$.

Здесь $\dot{\boldsymbol{i}}^{\cdot}$ означает уже не Алису, а Бориса, а $\dot{\boldsymbol{y}}$ означает Алису, поскольку именно для нее предназначено высказывание Бориса.

Обратим внимание, что информация о рабочих отношениях Алисы и Джона, которую Борис узнает, не сообщается ему Алисой в готовом виде. Она выводится из сопоставления рефлексивного содержания высказывания Алисы с дополнительной информацией, уже известной Борису. Такое сопоставление становится возможным только потому, что Борис способен отождествить мужчину, которого он видит и распознает как Джона, с боссом Алисы, а это, в свою очередь, возможно только потому, что Борис понимает, что данный мужчина играет в содержании высказывания Алисы роль объекта. В своем ответе Алисе Борис артикулирует установленное им тождество и сообщает о том, откуда он получил свою дополнительную информацию. Чтобы это сде-

[1] Формализацию ситуации дискурса здесь и далее я опущу.

лать, он формирует новый контекст и привязывает к ролям этого контекста, во-первых, одно из мест предиката «быть знакомым», во-вторых, одно из мест предиката «быть боссом» – последнее на основании обработки предыдущей контекстуальной привязки информации, сообщенной ему Алисой.

Все эти операции при взгляде на них с точки зрения ситуационной семантики выглядят как работа со структурами. Характерным признаком структур является то, что замена элементов в них при сохранении неизменного соотношения между этими элементами сохраняет структуру, что мы и наблюдаем в случае контекстов. Так, кем бы ни были агент и адресат, чтобы в своем ответе указать на того же человека, о котором агент говорит «мой босс», адресат должен сказать «твой босс», и наоборот. Индексикалы «я» и «ты» могут указывать даже на одного и того же человека в случае, если этот человек разговаривает сам с собой, и коммуникация все равно останется структурированной: «мои» реплики не будут путаться с «твоими» именно за счет того, что «я» и «ты» – это не индивиды, а роли. То же касается демонстративов. Выражения типа «этот мужчина» аналогично выражениям типа «он» (he) могут иметь неопределенный референт, если они употребляются в ситуации, где нет ни одного мужчины или есть несколько мужчин, среди которых невозможно определить того, о котором идет речь. Тем не менее они всегда имеют интуитивно понятный смысл, состоящий в том, что говорящий подразумевает какой-то объект, реальный или воображаемый, о котором он думает, что это мужчина. Когда требуется, для такого объекта можно завести роль в контексте, и даже если эта роль не может быть адекватно «насыщена», высказыванию все равно можно приписать нормальное, вполне интеллигибельное рефлексивное содержание.

Более того, Барвайс и Перри считают [3] (см. также: [13]), что список контекстуальных факторов далеко не исчерпывается теми ролями, которые участвуют в производстве лингвистического значения таких выражений, как индексикалы и демонстративы. Многие высказывания содержат скрытые индексикальные компоненты, которые используются для кодирования и извлечения информации, дополнительной к собственно лингвистическому значению произнесенного предложения. Например, в тех случаях, когда в высказывании используется собственное имя, оно может скрыто указывать на ту эпистемическую перспективу, в которой была получена информация об объекте, именуемом так. Этот вид указания используется в ситуационной семантике при решении различных вариантов головоломки Фреге. Не вдаваясь здесь в эту тему, которая была подробно рассмотрена мной ранее [14], отмечу лишь, что эпистемическая перспектива является с точки зрения ситуационной семантики не просто способом получения агентом знаний об объекте, но способом идентификации объекта, вносящим вклад в значение произносимого этим агентом предложения с собственным именем подобно тому, как эпистемическая перспектива «от первого лица» вносит вклад в значение предложения «Мне больно».

Также фонетическая или графическая форма использованных слов скрыто указывает на язык говорящего. Это указание выходит на поверхность тогда, когда в коммуникации тем или иным способом нарушается имплицитная установка, что говорящий и слушатель используют один и тот же язык. Так, если на моей улице некто подойдет ко мне и скажет: «My name is John», –

я в явном виде сделаю из его слов не только тот вывод, что его зовут Джон, но еще и тот, что мой собеседник говорит по-английски, поскольку в обычной жизни для меня английский – не тот язык, коммуникации на котором я ожидаю по умолчанию. То же самое произойдет и тогда, когда в какой-то другой стране, где русскоговорящие не составляют большинство населения, кто-то заговорит со мной по-русски, потому что там, наоборот, я не буду по умолчанию ожидать встретить русскоязычного собеседника[1]. В этом смысле язык высказывания можно рассматривать как один из параметров контекста. Правда, если рассматривать его так, придется признать, что семантическая теория является не теорией какого-то конкретного языка, а теорией «языка вообще» или, точнее, лингвистической коммуникации вообще, что может быть сочтено кем-то необоснованным и чрезмерным расширением задач семантики.

Таким образом, на определенном этапе применения данного подхода естественно возникает вопрос о возможности сохранения в рамках ситуационной семантики самого понятия семантики как такового, а также о возможности и целесообразности проведения границы между ситуационной семантикой и прагматикой. Рассмотрению этого вопроса будет посвящен последний раздел статьи.

3. Семантика или прагматика?

В 2022 г. в рамках круглого стола XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы» состоялась дискуссия о разграничении семантики и прагматики в теории естественного языка, отдельные результаты которой см.: [16–18]. В этой дискуссии я, с опорой на работы Дж. Перри 1993 и 2001 гг., заняла срединную позицию, заключающуюся в том, что разграничение между семантикой и прагматикой можно и нужно сохранить, однако семантику можно понимать расширенно. Такое расширенное понимание включает в ее предмет не только то условие истинности предложения, которое выражается так называемой расселовской пропозицией и считается значением при традиционном условие-истинностном подходе, но и все условия истинности, которые выражаются пропозициональными функциями от различных параметров контекста, вычисляемыми по универсальным правилам. Сами контексты при этом предъявлены в виде формализованных данных, и все в них, что не укладывается в определенную правилами форму, заведомо игнорируется. Значение при таком подходе представляет собой множество пропозициональных функций, каждая из которых с равным основанием может претендовать на роль правильного понимания высказывания, и выбор между этими пропозициональными функциями осуществляется слушателем.

На долю прагматики тогда остается работа с дополнительной экстралингвистической информацией, первая и обязательная цель которой состоит в том, чтобы установить, в каком контексте требуется интерпретировать данное предложение и какие из контекстуальных ролей следует «насытить» факторами данного контекста. Другими целями прагматики, опционально при-

[1] В книге К. Корта и Дж. Перри [15. P. 1–3] приводится любопытный пример того, к каким недоразумениям могут привести имплицитные ожидания такого рода, если оказывается, что двум различным фразам на двух различных языках присуща одна и та же внешняя форма.

сутствующими применительно к конкретному предложению, являются установление интенции говорящего, вычисление различных импликатур, исследование перформативных эффектов и т.д. В целом мой тезис состоял в том, что семантика занимается зависимостями между истинностью высказываний и ситуациями, в которых они произносятся; прагматика же занимается зависимостями между употреблениями высказываний и информацией, которая с их помощью передается. Используя прямую цитату, «семантические правила задают спектр вариантов значения, а прагматические факторы определяют, какой из вариантов выбрать для интерпретации высказывания в процессе коммуникации» [18. С. 158].

Если рассмотреть материал настоящей статьи с этой позиции, то становится ясно, что аппарат контекстных ролей все время несет двойную нагрузку. С одной стороны, он выступает как нейтральный формализм, с помощью которого значения могут вычисляться даже компьютером. С другой стороны, он претендует на то, чтобы структурировать ситуации именно так, как они выглядят для агентов, которые их распознают и в них действуют. Иначе говоря, он является инструментом как семантики, так и прагматики. Причем прагматика здесь, как видно, первична, поскольку само по себе вычисление значения индексикальных выражений может производиться и без какого-либо анализа внутреннего устройства контекстов и способов перехода между ними (хорошим примером здесь является семантика демонстративов Д. Каплана). Можно дополнительно усилить этот тезис, сказав, что в рамках теории контекстных ролей путь к семантике начинается даже не с прагматики, а с эпистемологии, потому что еще до исследования контекстов Барвайс и Перри постулируют перспективальный характер всякого знания, что и приводит их в конечном счете к их теории информационного транзита между контекстами.

Тем не менее если не в области теории, то в области ее применения какую-то границу семантики все же можно провести. Так, когда мы говорим о том, как интерпретировать высказывание в заданном контексте, используя роли, очевидно, это самая настоящая семантика. И когда мы говорим о том, как осуществлять транзит между контекстами с сохранением содержания высказывания, это тоже семантика. И даже когда мы говорим о том, какие выводы могут быть сделаны из высказывания, если рассматривать язык как один из контекстуальных факторов, это, по-видимому, все еще семантика *до тех пор*, пока не затрагивается вопрос, почему в той или иной ситуации слушатель склонен делать именно эти, а не иные возможные выводы. Вопрос о склонностях уже относится, скорее, к сфере прагматики, потому что он требует анализа фоновой информации, не отраженной ни в языковом материале, который непосредственно рассматривается, ни в формализованных данных, представляющих семантический контекст. Когда же мы переходим к вопросам об эпистемических перспективах и о том, как слушатель должен был бы понять высказывание, чтобы извлечь из него именно ту информацию, которая вкладывается в него агентом, мы полностью находимся вне семантики – в сфере эпистемологии, прагматики или какой бы то ни было еще.

***

Таким образом, я полагаю обоснованной точку зрения, что ситуационная семантика является полноценной семантической теорией, в которой присут-

ствует мощный аппарат для работы с индексикалами и индексикальностью. Этот аппарат – контекстные роли – обладает большим объяснительным потенциалом не только в рамках семантики, но и за ее пределами. Вместе с тем он позволяет сохранить разграничение между семантикой и прагматикой, поскольку может с равным успехом применяться и для решения задач теории коммуникации, и для решения более узкого круга задач, связанных только с теорией значения в традиционном смысле этого термина.

Список источников

1. *Koffa J.A.* Semantic Tradition from Kant to Carnap. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

2. *Perry J.* Reference and Reflexivity. 2nd ed. Stanford, CA : CSLI Publications, 2012.

3. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. Cambridge, MA, London : MIT Press, 1983.

4. *Barwise J.* The Situation in Logic // CSLI Lecture Notes. Stanford : Center for the Study of Language and Information, 1989. No. 17.

5. *Perry J.* Knowledge, Possibility and Consciousness. Cambridge, MA : MIT Press, 2001.

6. *Perry J.* Individuals in Informational and Intentional Content // The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 279–300.

7. *Kaplan D.* On the Logic of Demonstratives // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8. P. 81–98.

8. *Kaplan D.* Demonstratives. Themes from Kaplan / ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.

9. *Козырева О.А.* Проблема референции индексикалов: возможные подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 269–281.

10. *Борисов Е.В.* Индексикалы, семантика и прагматика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 292–298.

11. *Борисов Е. В.* Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений // Respublica Literaria. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–30.

12. *Perry J.* Belief and Acceptance // The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 53–64.

13. *Barwise J.* Constraints, Channels, and the Flow of Information // Situation Theory and Its Applications. CSLI Lecture Notes. Stanford : Center for the Study of Language and Information, 2003. Vol. 3. No. 37 P. 3–27.

14. *Моисеева А.Ю.* Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 13, № 4 (182). С. 94–110.

15. *Korta K., Perry J.* Critical Pracmatics: An Inquiry into Reference and Communication. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

16. *Козырева О.А.* О разграничении семантики и прагматики // Философия науки. 2022. № 4. С. 133–141.

17. *Борисов Е.В.* Теория коммуникации в духе Каплана // Философия науки. 2022. № 4. С. 142–148.

18. *Моисеева А.Ю.* Семантика с А-пропозициями: границы расширения // Философия науки. 2022. № 4. С. 149–160.

References

1. Koffa, J.A. (1991) *Semantic Tradition from Kant to Carnap*. Cambridge: Cambridge University Press.

2. Perry, J. (2012) *Reference and Reflexivity.* 2nd ed. Stanford, CA: CSLI Publications.

3. Barwise, J. & Perry, J. (1983) *Situations and Attitudes*. Cambridge, MA, London: MIT Press.

4. Barwise, J. (1989) The Situation in Logic. In: *CSLI Lecture Notes*. Vol. 17. Stanford: Center for the Study of Language and Information.

5. Perry, J. (2001) *Knowledge, Possibility and Consciousness.* Cambridge, MA: MIT Press.

6. Perry, J. (1993) *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays.* NY, Oxford: Oxford University Press. pp. 279–300.

7. Kaplan, D. (1979) On the Logic of Demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*. 8. pp. 81–98.

8. Kaplan, D. (1989) Demonstratives. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) *Themes from Kaplan*. Oxford: OUP. pp. 481–563.

9. Kozyreva, O.A. (2022) Some possible approaches to the problem of indexical reference. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 269–281. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/67/23

10. Borisov, E.V. (2022) Indexicals, Semantics, and Pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 292–298. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/67/26

11. Borisov, E.V. (2022) Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty indeksikal'nykh vyrazheniy [Semantic and Pragmatic Aspects of Indexicals]. *Respublica Literaria*. 3(2). pp. 23–30.

12. Perry, J. (1993) *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays.* NY, Oxford: Oxford University Press. pp. 53–64.

13. Barwise, J. (2003) Constraints, Channels, and the Flow of Information. *Situation Theory and Its Applications*. *CSLI Lecture Notes*. 37 (3). pp. 3–27.

14. Moiseeva, A.Yu. (2018) Relyatsionnyy podkhod k znacheniyu i soderzhaniyu v situatsionnoy semantike [Relational Approach to the Meaning and Content in Situation Semantics]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. 4(182). pp. 94–110.

15. Korta, K. & Perry, J. (2011) *Critical Pracmatics: An Inquiry into Reference and Communication*. Cambridge: Cambridge University Press.

16. Kozyreva, O.A. (2022) O razgranichenii semantiki i pragmatiki [On the Distinction Between Semantics and Pragmatics]. *Filosofiya nauki.* 4. pp. 133–141.

17. Borisov, E.V. (2022) Teoriya kommunikatsii v dukhe Kaplana [A Kaplanian Theory of Communication]. *Filosofiya nauki.* 4. pp. 142–148.

18. Moiseeva, A.Yu. (2022) Semantika s A-propozitsiyami: granitsy rasshireniya [Semantics with A-Propositions: Extension Limits]. *Filosofiya nauki.* 4. pp. 149–160.

Сведения об авторе:
Моисеева А.Ю. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: abyssian03@gmail.com.

Information about the author:
Moiseeva A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), research officer in the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abyssian03@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 12.07.2023;
approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 64–75.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 64–75.

Научная статья
УДК 111
doi: 10.17223/1998863X/75/6

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ СПОРЫ О СЛОВАХ: ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ РЕАЛИСТОМ В ОТНОШЕНИИ СЛОВ?

Андрей Викторович Нехаев

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия;
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия;
Омский государственный технический университет, Омск, Россия,
a.v.nekhaev@utmn.ru

Аннотация. Представлен критический анализ современного состояния дискуссии об онтологическом статусе слов. Дается оценка достоинств и недостатков основных концепций метафизической природы слов – элиминативизма, номинализма, оригинализма и теории типов-токенов. На основе мысленного эксперимента с ‘лексическими клонами’ делается вывод о том, что теоретические ресурсы так называемой ‘орфографической’ концепции слова, защищаемой Джеральдом Катцом, Линдой Ветцель, Массимилиано Каррарой и Джероном Смидом, хорошо согласуются с большей частью наших интуитивных представлений об интра- и кросс-языковых феноменах (омонимией, синонимией и др.).

Ключевые слова: онтология слов, элиминативизм, номинализм, оригинализм, теория типов-токенов, синонимия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019/

Для цитирования: Нехаев А.В. Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 64–75. doi: 10.17223/1998863X/75/6

Original article

METAPHYSICAL DEBATES ABOUT WORDS: WHAT DOES IT MEAN TO BE A REALIST ABOUT WORDS?

Andrei V. Nekhaev

Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation;
University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation;
Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation,
a.v.nekhaev@utmn.ru

Abstract. In current discussions on the problem of the metaphysical nature of the word, four factions – eliminativism, nominalism, originalism, and the type-token theory – take an active part. For eliminativism, words as separate entities do not exist; they are only a useful cognitive illusion. In the process of communication, competent speakers make sounds and inscriptions through which they are able to infer certain intentional contents of each other’s cognitive states. However, these sounds and inscriptions cannot be regarded as instances of words since they do not possess the phonological and orthographic properties constitutive of words.

© А.В. Нехаев, 2023

For nominalism, by contrast, the streams of sounds and ink patterns produced by competent speakers serve as relevant instances of a particular word, or its tokens. What we usually call "words" are collections of such tokens, composed on the basis of similarity relations (phonological, orthographic or semantic). For originalism, the streams of sounds and ink patterns created by competent speakers are stages of words, understood as continuants, concrete objects preserving identity over time, individualized by the causal history of their origin. Words are created by competent speakers through the practice of naming and spread through chains of interpersonal contact. The phonological, orthographic and semantic properties possessed by different stages of the same word are generally useless for a proper description of objects such as words. At different times of their existence, words can change any of their properties (pronunciation, spelling, and even reference) while preserving their identity in time. For the type-token theory, words are types, or abstract objects encoding a particular phonographic pattern, which in the process of communication must be instantiated by a competent native speaker by uttering or writing the appropriate token. The type-token theory has several advantages over the views of eliminativism, nominalism and originalism. Firstly, it offers a unified ontology of linguistic structures (since the division into tokens and types extends here to the whole range of linguistic units, including sentences and letters). Secondly, unlike most of its competitors, it is able to present a clear operational criterion for word identity, while being consistent with most of our intuitive notions of intra- and cross-linguistic phenomena (homonymy, synonymy, etc.).

Keywords: Kripke–Wittgenstein paradox, semantic non-factualism, rule-following, private language argument, communitarian sceptical solution, Boyd's hypothesis

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019/

For citation: Nekhaev A.V. (2023) Metaphysical debates about words: what does it mean to be a realist about words? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 64–75. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/6

Предположим, что в языке числительными были бы
'один', 'один один', 'один один один' и так далее;
должны ли мы в этом случае считать 'один'
токеном слова или его типом?
Парафраз вопроса Людвига Витгенштейна
(«Коричневая книга», § 11)

1. Метафизика vs. семантика

Чаще всего знакомство с языком начинается с наблюдения за определенным производимым его компетентными носителями потоком звуков или надписей. В этом потоке принято выделять ключевые единицы разного уровня сложности вроде отдельных слов и предложений. Такие единицы иногда *повторно* используются, а значит, в интересах успешной коммуникации в *разные* моменты времени компетентные носители языка должны уметь артикулировать *одно и то же* слово или предложение.

Для иллюстрации представим простейший язык *L* наподобие того, который в примерах Витгенштейна использовали прораб и строитель [1. С. 117–126; 2. С. 82–89]. Коммуникация в таком языке принимала бы следующий вид: прораб выкрикивает в определенном порядке фонемы '*плита*' и '*блок*', а в ответ строитель приносит стройматериалы соответствующей формы. Допустим, что прораб выкрикивает:

(1) *Плита, плита, плита, блок, плита, блок!*

Сколько слов содержит данный строителю приказ[1]? Чтобы ответить, нужно знать, какого рода объекты мы хотим подсчитать. И такой, казалось бы, простой вопрос распадается на два отдельных вопроса:

(Q1) Что такое слова?

(Q2) При каких условиях фонографические объекты (наборы звуков и надписи) являются артикуляциями одного и того же слова?

Метафизическая природа слов остается относительно малоизученной областью [5. P. 92; 6. P. 172; 7. P. 447; 8. P. 31; 9. P. 877; 10. P. 1139; 11. P. 593; 12. P. 6]. Во многом это происходит потому, что такие вопросы игнорируются как тривиальные либо подменяются исследованиями значения слов[2]. Я не буду оспаривать тот факт, что семантические свойства слов играют важную роль в коммуникации. Однако для меня очевидно, что знание значения используемых в языке прораба и строителя слов ничем не способно нам помочь, если мы хотим знать, являются ли такие графемы, как '*плита*', '**плита**', '*ПЛИТА*' и '*п***Л***и***Т***а*' примерами употребления одного и того же слова. Поэтому для ответа на вопросы (Q1)–(Q2) знание значений слов может и не потребоваться. Если мы допускаем существование естественных и искусственных языков и признаем их составными сущностями, которые можно путем анализа разложить на ключевые единицы вроде отдельных слов и предложений, мы обязаны признать и тот факт, что метафизическое исследование должно фиксировать конститутивные характеристики слов, которые не зависят от семантики [13. P. 94].

Несмотря на малочисленность лагеря исследователей метафизической природы слов, в нем сложился ряд фракций. В следующих трех разделах статьи я кратко охарактеризую элиминативизм, номинализм и оригинализм. В заключительном разделе я попробую показать, что критикуемая данными фракциями традиционная теория типов-токенов не исчерпала свои исследовательские ресурсы и способна представить довольно многообещающий ответ на вопросы (Q1)–(Q2).

2. Элиминативизм

Согласно взглядам сторонников этой фракции [14–18] (также см.: [19. P. 9–10], никаких ключевых единиц языка вроде отдельных слов и предложений на самом деле нет, они являются лишь *полезной когнитивной иллюзией*. Обычно для обоснования элиминативизма используется следующий аргумент [20. P. 6]:

(EW1) Чтобы быть экземпляром слова *X*, создаваемый компетентным носителем языка объект '*x*' должен иметь определенные орфографические и / или фонологические свойства φ.

---

[1] Обратите внимание, что в данном примере нас не интересует, насколько успешно в итоге приказ прораба исполняется строителем. Заданный нами вопрос имеет смысл независимо от подобного рода обстоятельств. Мы общаемся с помощью слов, полагаясь на свои способности артикулировать в процессе общения определенные слова (как составные части разных эпизодов коммуникации), а также на свои способности распознавать, какие именно слова были артикулированы в процессе такого общения. Если я хочу передать вам определенную мысль, я должен произнести *некоторые* слова, которые выражали бы эту мысль (в данном контексте и на понятном нам обоим языке). Чтобы понять меня, вы должны распознать произнесенные мной слова *прежде*, чем пытаться установить их значение. Поэтому *способность использовать одни и те же слова*, безотносительно того, что они значат в нашем языке, является *необходимым* условием любой успешной коммуникации [3. P. 875; 4. P. 4–5].

[2] Подробнее об опасностях путаницы, возникающей из-за подмены метафизических вопросов о природе слов семантическими вопросами об их значении, см.: [8].

(EW2) Ни один созданный компетентным носителем языка объект ‘*x*’ не обладает такими орфографическими и / или фонологическими свойствами φ.

(EW3) Следовательно, ни один из созданных компетентным носителем языка объектов ‘*x*’ не является экземпляром слова *X*.

В процессе своего общения компетентные носители языка действительно издают звуки и делают надписи. Но как бы мы ни вслушивались в акустические волны и ни всматривались в узоры чернильных пятен, мы не найдем там никаких объектов, обладающих свойствами φ, конститутивными для слов[1]. Компетентным носителям языка только кажется, что они произносят или записывают определенные слова. Разделяемая сообществом компетентных носителей языка иллюзия существования слов весьма полезна в том отношении, что с ее помощью они способны делать выводы об определенном интенциональном содержании когнитивных состояний друг друга, и, по мнению элиминативистов, это все, что необходимо для успешной коммуникации.

Таким образом, для элиминативистов приказ (1) из языка *L* прораба и строителя на самом деле не содержит в себе ни одного слова. Понимаемые как зависимые от разума компетентных носителей языка когнитивные иллюзии, иначе называемые нами ‘словами’, должны быть устранены из нашей онтологии[2]. Однако такое решение имеет свои издержки. Во-первых, это делает буквально ложными такие интуитивно понятные нам утверждения о словах, как «Слово *ПЛИТА* состоит из 5 букв», «Он написал на заборе слово из трех букв» и т.д. Во-вторых, на этих основаниях нам пришлось бы устранить из нашей онтологии и многие другие привычные объекты вроде столов, автомобилей или произведений искусства[3].

3. Номинализм

С точки зрения сторонников номинализма [12; 23–26] (также см.: [19. P. 6–9]), используемые нами языки есть не что иное, как потоки звуков, чернильных узоров, конфигураций пикселей на экранах гаджетов и т.д. Каждая артикуляция определенного слова компетентным носителем языка может рассматриваться как его релевантный экземпляр, или *токен*. Например, отданный строителю прорабом приказ (1) включает в себя 6 токенов. Внимательный анализ установил бы (как минимум) фонологическое сходство между некоторыми из них, в частности между первым, вторым, третьим и пятым

[1] Отдельно следует отметить, что для большинства элиминативистов корректное описание слов обязано учитывать их синтаксические свойства (способность выполнять роль ‘терминалов’ внутри сложных древовидных генеративных грамматических структур языка). Проблема в том, что акустические волны или чернильные узоры не отображают подобного рода свойства. В частности, Джон Коллинз обращает внимание на тот факт, что конкатенация составных частей акустических волн или чернильных узоров не может отображать никакую другую структуру, кроме линейной. Например, если перед нами чернильный узор ‘AABB’, мы можем думать о нем как о совокупности лексических единиц, которая сгенерирована разными синтаксическими структурами, – [A[AB]B], [[AA][BB]], [A[A[B[B]]]] и т.д. Рассматриваемый нами чернильный узор ‘AABB’ остается при этом неизменным; единственное, что меняется, – наша гипотеза о генеративной структуре языка [18. P. 18].

[2] Детальный ответ на вопрос о том, почему *зависимость от разума* не может быть угрозой для реализма в отношении слов, см.: [20].

[3] Например, элиминативисты могли бы настаивать, подобно Питеру ван Инвагену, что в мире есть только два вида сущностей – элементарные частицы и организмы [21. P. 98], устраняя тем самым из нашей онтологии объекты вроде столов, автомобилей, произведений искусства, слов и т.д. Впрочем, в распоряжении элиминативистов остаются некоторые возможности для сопротивления подобным выводам [22].

токенами, а также между четвертым и шестым. Такое сходство является хорошим основанием для того, чтобы мы включили токены, обладающие в языке прораба и строителя фонологическим сходством, *в одну и ту же* коллекцию. Поэтому номиналисты в целом готовы принять общий принцип следующего вида:

(NW) Два объекта '*x*' и '*x**' являются экземплярами одного и того же слова, если они являются членами одной коллекции *X*, созданной компетентными носителями языка на основе отношений сходства их фонологических, орфографических и / или семантических свойств φ.

Очевидно, что составленные на основе отношений сходства коллекции токенов не следует рассматривать как реально существующие абстрактные сущности. Для номиналистов коллекция *X* не является элементом нашей онтологии в дополнение к действительно существующим токенам '*x*' и '*x**'. Ограничивая онтологию одними лишь токенами, они пытаются избежать ряда неприятных проблем, связанных с платонистскими представлениями о словах как вечных и никем не сотворенных сущностях. Если слова представляют собой просто коллекции разных токенов, то эти коллекции не существуют без своих членов и возникают только тогда, когда есть обладающие сходством конкретные потоки звуков, чернильных узоров и конфигураций пикселей на экранах гаджетов.

Взгляды номиналистов на природу слов тем не менее не лишены недостатков. Одним из наиболее часто высказываемых возражений является неспособность номинализма дать правдоподобное объяснение таким явлениям, как ошибочные произнесения или написания слов. С точки зрения номиналистов, если прораб в приказе (1) сделал случайную оговорку и выкрикнул фонемы '*блита*' и '*плок*', вместо '*плита*' и '*блок*', он на самом деле не произнес никаких слов. Хотя кажется, что прораб в подобной ситуации все же сумел выкрикнуть слова *ПЛИТА* и *БЛОК*, просто сделал это с ошибками [27. P. 364]. Другое возражение связано с проблемой выбора релевантных оснований при составлении коллекций токенов, благодаря которым мы определяем, являются ли два разных токена одним и тем же словом. В номиналистических онтологиях принадлежность токенов '*x*' и '*x**' к одной и той же коллекции *X* зависит от того, какой именно вид свойств будет нами принят за критерий их сходства. Если основанием становятся орфографические свойства, тогда, например, такие токены английского языка, как '*color*' и '*colour*', не являются одним и тем же словом, в отличие от омографов '*bank*' (берег реки) и '*bank*' (финансовое учреждение). Однако ситуация кардинально меняется, если за релевантное основание сходства принимаются их семантические свойства, – в этом случае омографы '*bank*' и '*bank*' перестают быть членами одной и той же коллекции, а вот токены '*color*' и '*colour*', напротив, рассматриваются нами как экземпляры одного и того же слова[1]. Наконец, самым серьезным вызовом для номинализма становятся вопросы об экзистенциальном статусе слов, которые не были артикулированы кем-либо из

[1] Весьма показательно, что коллекции токенов, собранные на основании сходства их семантических свойств, вызывают у критиков номинализма наибольшее число претензий. Трудно поверить, что токены вроде 'Геспер' (der Abendstern) и 'Фосфор' (der Morgenstern) являются одним и тем же словом. Впрочем, по мнению Джеймса Миллера, «ни одна онтология слов не берет на себя такого обязательства, чтобы интуиции обычных носителей языка совпадали со всеми выводами и следствиями этой онтологии» [12. P. 21].

компетентных носителей языка [7. P. 455]. Для иллюстрации представим чуть более сложный язык прораба и строителя *L**, где помимо фонем '*плита*' и '*блок*' есть морфема '*не-*', выражающая инверсию значения следующего за ним токена. В языке *L** приказ (1) может быть (при необходимости) выражен иначе, чем это делал прораб. Достаточно выкрикнуть:

(2) *Плита, плита, плита, не-плита, плита, не-плита!*

(3) *Не-блок, не-блок, не-блок, блок, не-блок, блок!*

Допустим, что в общении со строителем прораб никогда так и не воспользовался продуктивными возможностями своего языка. Должны ли тогда непроизнесенные им фонемы '*не-плита*' или '*не-блок*' считаться словами? Номиналисты отвечают – нет, никем не артикулированные слова следует исключить из нашей онтологии[1].

4. Оригинализм

По мнению сторонников оригинализма [13; 29–31] (также см.: [8. P. 39–40; 9. P. 890, 892; 19. P. 5–6]), создаваемые компетентными носителями языка потоки звуков и чернильных узоров служат *стадиями* слов, которые являются *континуантами* – конкретными сохраняющими тождество во времени объектами, индивидуализированными каузальной историей своего происхождения [13. P. 98]. Ключевые единицы языка вроде слов создаются его компетентными носителями с помощью практики *именования* и затем получают распространение через цепочки межличностных контактов. Фонологические, орфографические и / или семантические свойства φ, которыми обладают разные стадии одного и того же слова, в целом бесполезны, если мы хотим дать правильное описание таких объектов, как слова. На разных стадиях своего существования слова могут поменять любые свои свойства (произношение, написание и даже референцию[2]), сохраняя при этом тождество во времени[3]. Поэтому для того, чтобы окружающие нас потоки звуков или чернильные узоры считались стадиями определенного слова *X*, они должны создаваться компетентными носителями языка с *намерением* произвести дубликат слова *X*. Таким образом, при отслеживании стадий одного и того же слова мы должны опираться на довольно простой базовый принцип:

(OW) Два объекта '*x*' и '*x**' являются стадиями слова *X*, если и только если при их создании компетентные носители языка имели релевантные интенциональные состояния в виде соответствующего намерения использовать в целях своей коммуникации именно это конкретное слово *X*.

Взгляды оригинализма позволяют определить точное число слов, содержащихся в приказе (1). В каждом случае, когда прораб выкрикивал фонемы '*плита*' и '*блок*', он очевидно намеривался повторить либо слово *ПЛИТА*, либо слово *БЛОК*, а это значит, что отданный строителю приказ (1) содержит в себе ровно 2 слова[4]. Однако такая зависимость от намерений делает оригина-

[1] Подробнее об интересном способе эпистемологической защиты номиналистического тезиса «мир не полон невысказанных слов», см.: [28].

[2] Для оригинализма факты, обеспечивающие тождество слов, понимаемых как конкретные имена, не могут гарантировать тождество референции [30. P. 209] (также см.: [29]).

[3] Согласно лаконичной формулировке, предложенной Рут Милликен, «то, что делает токены слова… токенами одного и того же слова… есть в первую очередь *история*, а не форма или функция» [32. P. 72–73].

[4] Аналогичным образом в приказах (2) и (3) прорабом было произнесено только 2 слова.

лизм открытым для возражений. Многие критики ставят под сомнение его базовый принцип [4. P. 4–6; 5. P. 94–97; 6. P. 180; 20. P. 2, 19; 33. P. 74]. Ведь чтобы артикулированное компетентным носителем языка имя '*x*' воспринималось нами в качестве стадии определенного слова *X* (и обладало конкретными семантическими свойствами), он обязан сделать свои намерения *узнаваемыми*. В рамках реальной коммуникации это достигается с помощью орфографических и фонологических свойств артикулируемого имени '*x*'. Поэтому для успешного произнесения или записывания определенного слова *X* от компетентного носителя языка требуется что-то еще помимо только релевантных намерений[1]. Дополнительной проблемой является и то, что для оригинализма любые два полностью идентичные в своих фонологических и орфографических свойствах имени '*x*' и '*x**' из-за различий в их каузальной истории не могут быть стадиями одного и того же слова *X*. Например, два имени '*Дэвид*' (одно из которых, скажем, принадлежит Юму, а другое Каплану) – это два разных слова. Подобное отождествление имен и слов ставит под вопрос привычные и понятные нам высказывания вроде «Два *Дэвида* спорят» или «У меня два сына, обоих зовут *Дэвид*». С точки зрения оригинализма ни одно из них нельзя признать успешным, поскольку в таких случаях правильным было бы сказать: «*Дэвид* и *Дэвид* спорят» или «У меня два сына – *Дэвид* и *Дэвид*». Кроме того, сохраняются и проблемы с экзистенциальным статусом слов, которые не были артикулированы кем-либо из компетентных носителей языка [7. P. 455; 9. P. 892; 11. P. 593; 24. P. 489; 34. P. 205]. Подобно номиналистам сторонники оригинализма дают отрицательный ответ на вопрос, должны ли морфологически возможные в языке *L**, но так актуально и не произнесенные прорабом фонемы '*неплита*' или '*не-блок*', считаться словами[2].

5. Теория типов-токенов

Для сторонников данной теории [5; 10; 34–39] (также см.: [8. P. 39; 19. P. 3–5]) слова являются *ТИПАМИ*, или *абстрактными объектами*, кодирующими определенный фонографический образец, который в процессе коммуникации должен быть конкретизирован компетентным носителем языка посредством произнесения и / или написания соответствующего *токена*[3]. Базовый принцип теории типов-токенов гласит:

(TTW) Два объекта '*x*' и '*x**' являются одним словом тогда и только тогда, когда они являются *токенами* одного *ТИПА X*.

Предполагается, что существующие в лексиконе языка *ТИПЫ* слов могут быть идентифицированы через фонологические и орфографические свойства *токенов* [38. P. 70–71] (также см.: [9. P. 895–896]). Например, чтобы два объ-

[1] В противном случае, как указывает Герман Каппелен, любая произнесенная или записанная с нужным намерением абракадабра считалась бы нами стадией определенного слова X [5. P. 94].

[2] Перечень возражений против оригинализма, разумеется, намного шире, чем я здесь представил. Некоторые критики считают существенным недостатком, если онтология ключевых единиц языка вроде слов и предложений лишена унифицированного характера [34] (также см.: [9. P. 905]. Поскольку в оригинализме слова являются конкретными объектами, а предложения – абстрактными, его сторонники обязаны объяснить, как первые могли бы становиться составными частями последних.

[3] Появление теории типов-токенов обычно связывают с трудами Чарльза Сандерса Пирса [40. P. 505–506] (также см.: [41]), где под *токенами* понимаются наблюдаемые пространственно-временные объекты (акустические волны и чернильные узоры), а под *ТИПАМИ* – абстрактные лексические единицы, которыми люди обмениваются в процессе общения и которые ими артикулируются с помощью соответствующим образом произносимых звуков либо сделанных определенным способом надписей.

екта ‘*x*’ и ‘*x**’ считались токенами слова *ПЛИТА* в языке *L*, они должны иметь соответствующие фонологические и орфографические свойства (произноситься и записываться прорабом в виде фонемы или графемы ‘*плита*’). Поэтому точная идентификация фонологических и орфографических свойств, с помощью которых *уникальным* образом индивидуализированы *ТИПЫ* слов, должна позволить распознать, в каких случаях два отдельных объекта ‘*x*’ и ‘*x**’ являются токенами одного слова *X*.

Теория типов-токенов обладает рядом преимуществ перед своими конкурентами – элиминатизмом, номинализмом и оригинализмом. Во-первых, она предлагает унифицированную онтологию языковых структур (поскольку деление на *токены* и *ТИПЫ* распространяется здесь на весь спектр лингвистических единиц, включая предложения и буквы). Во-вторых, в отличие от большинства своих конкурентов она способна представить ясный операциональный критерий тождества слов. Мереологическая версия этого критерия предполагает, что *ТИПЫ* букв являются собственными частями *ТИПОВ* слов. Такой критерий не только отвечает нашим общим лингвистическим интуициям относительно того, что *разные слова могут состоять из одних и тех же букв*, но и с помощью простых условий обеспечивает точную идентификацию *ТИПОВ* слов с одними и теми же составными частями[1]:

(ТТТ1) $X = X^*$, если X и X^* состоят из одного и того же набора букв.

(ТТТ2) $X = X^*$, если X и X^* состоят из одного и того же количества букв.

(ТТТ3) $X = X^*$, если X и X^* включают в себя один и тот же порядок букв.

Несмотря на свои очевидные преимущества, теория типов-токенов подвергается постоянной критике. Наиболее распространенным возражением служит указание на факты существования в языках различного рода омографов и омофонов [13. P. 97–98] (также см.: [11. P. 593–594; 38. P. 59]). Например, токен ‘*плита*’ в современном русском языке может обозначать и особый вид строительного материала, и кухонный прибор, используемый для приготовления пищи. Поскольку эти два значения семантически друг с другом никак не связаны и имеют разную каузальную историю своего происхождения, предлагается выделять и различать два отдельных слова: $ПЛИТА^1$ и $ПЛИТА^2$. Однако я считаю, что в этом случае критики упускают из виду важную деталь – предложение Джерольда Катца отделять вопросы идентификации лингвистических единиц (*слов*) от вопросов изучения способов их использования (*имен*) [42. P. 2]. Для теории типов-токенов нет ничего странного в том, чтобы одно и то же слово использовалось нами в качестве двух разных имен.

Для иллюстрации воспользуемся мысленным экспериментом[2]. Представим мир *W*, где есть два сообщества *A* и *B*, которые полностью изолированы и не имеют никаких языковых контактов. В момент времени *t* они независимо друг от друга вводят[3] в свои языки новое слово – *ПЛИТА*, которому в сообществах *A* и *B* приписывается совершенно идентичный набор фонологических, орфографических и семантических свойств φ (одинаковое произ-

[1] Комплексную защиту мереологического критерия см. [39].

[2] Общая конструкция данного мысленного эксперимента (Lexical Clones) была предложена Лукой Гаспарри [11. P. 595–596] (также см.: [31. P. 131–132]).

[3] Опасения критиков относительно столь характерного для платонизма представления о словах как вечных и никем не сотворенных сущностей можно развеять, взяв за образец некоторые современные версии теории типов-токенов, где *ТИПЫ* слов являются *создаваемыми* компетентными носителями языка абстрактными артефактами [10].

ношение, написание и значение). Слова $ПЛИТА^A$ и $ПЛИТА^B$ абсолютно неразличимы по всем своим свойствам φ и связанному с ними языковому поведению членов сообществ *A* и *B*. Нет такой лингвистической задачи, которая не может быть выполнена членом сообщества *A* с помощью слова $ПЛИТА^B$, если он решил использовать его вместо слова $ПЛИТА^A$ из лексикона родного для него языка. Так же, как нет лингвистической задачи, которая не может быть выполнена членом сообщества *B* с помощью слова $ПЛИТА^A$, если бы оно было использовано им вместо слова $ПЛИТА^B$. Таким образом, слова $ПЛИТА^A$ и $ПЛИТА^B$ являются точными и полными фонологическими, орфографическими и семантическими *дубликатами*. Для описанного нами мира *W* кажется вполне естественным вопрос: создали ли сообщества *A* и *B* одно и то же слово *ПЛИТА* или два разных слова $ПЛИТА^A$ и $ПЛИТА^B$?

Очевидно, например, что для сторонников оригинализма независимо от степени сходства фонологических, орфографических и семантических свойств φ каузально изолированные употребления имен $ПЛИТА^A$ и $ПЛИТА^B$ не могут быть примерами использования одного и того же слова *ПЛИТА*. Это два разных имени и два разных слова, различающихся историей своего происхождения. Тогда как в теории типов-токенов точные и полные лексические дубликаты $ПЛИТА^A$ и $ПЛИТА^B$ рассматриваются в качестве примеров токенизации одного и того же слова *ПЛИТА*, случайным образом возникшего в языках двух изолированных сообществ *A* и *B*. Согласно условиям (ТТТ1)–(ТТТ3), в отличие от своих токенов *слова не могут различаться только нумерически*, не имея никаких различий в фонологических и орфографических свойствах.

Теория типов-токенов дает для мира *W* в целом более правдоподобное описание метафизической природы слов, чем взгляды сторонников оригинализма. Они открыто игнорируют наши интуиции относительно ряда важных интра- и кросс-языковых феноменов. Сторонники оригинализма вынуждены трактовать точные и полные лексические дубликаты $ПЛИТА^A$ и $ПЛИТА^B$ как примеры *идеальной синонимии*, и это решение кажется мне довольно абсурдным в отличие от решения, предлагаемого теорией типов-токенов. Включение фонологических и орфографических свойств в условия структурно-функционального тождества слов вполне объяснимо в свете очень простого интуитивного соображения. Предположим, что в некотором мире *W** в момент времени *t* полностью изолированные сообщества *A* и *B* независимо друг от друга вводят в свои языки два новых слова $ПЛИТА^A$ и $БЛИТА^B$, являющихся точными дубликатами в отношении семантических свойств. С точки зрения сторонников теории типов-токенов, только в этом случае сообществам *A* и *B* действительно удалось создать *идеальные синонимы*. По мнению же сторонников оригинализма, они есть в обоих мирах – *W* и *W**. Однако я уверен в том, что понятие синонимии лишается всякого смысла, если мы готовы считать его примерами в равной степени как случаи $X = Y$, так и случаи $X = X$. И это позволяет мне думать, что на современном этапе споров вокруг онтологического статуса слов исследовательские ресурсы теории типов-токенов еще далеко не исчерпаны.

Список литературы

1. *Витгенштейн Л.* Коричневая книга // Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / пер. с англ. В.А. Суровцева, В.В. Иткина. Новосибирск : Сиб.университетское изд-во, 2008. С. 115–240.

2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–319.

3. *Miller J.T.M.* On the Individuation of Words // Inquiry. 2020. Vol. 63, № 8. P. 875–884.

4. *Stojnic U.* Just Words: Intentions, Tolerance and Lexical Selection // Philosophy and Phenomenological Research. 2022. Vol. 105, № 1. P. 3–17.

5. *Cappelen H.* Intentions in Words // Nous. 1999. Vol. 33, № 1. P. 92–102.

6. *Alward P.* Between the Line of Age: Reflections on the Metaphysics of Words // Pacific Philosophical Quarterly. 2005. Vol. 86, № 2. P. 172–187.

7. *Hawthorne J., Lepore E.* On Words // The Journal of Philosophy. 2011. Vol. 108, № 9. P. 447–485.

8. *Balletta S.* The Metaphysics of Word // Theoria. 2019. Vol. 85, № 1. P. 31–48.

9. *Nefdt R.M.* The Ontology of Words: A Structural Approach // Inquiry. 2019. Vol. 62, № 8. P. 877–911.

10. *Irmak N.* An Ontology of Words // Erkenntnis. 2019. Vol. 84, № 5. P. 1139–1158.

11. *Gasparri L.* A Pluralistic Theory of Wordhood // Mind & Language. 2021. Vol. 36, № 4. P. 592–609.

12. *Miller J.T.M.* Sameness of Word // European Journal of Analytic Philosophy. 2022. Vol. 18, № 2. P. 5–26.

13. Kaplan D. Words // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1990. Vol. 64, № 1. P. 93–120.

14. *Rey G.* Conventions, Intuitions and Linguistic Inexistents: A Reply to Devitt // Croatian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 6, № 3. P. 549–570.

15. *Rey G.* Defense of Folieism: Replias to Critics // Croatian Journal of Philosophy. 2008. Vol. 8, № 2. P. 177–202.

16. *Rey G.* Representation of Language: Philosophical Issues in a Chomskyan Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2020. 450 p.

17. *Rey G.* The Innocuousness of Folieism and the Need of Intentionality Where Transduction Fails: Replies to Adger and to Stainton & Viger // Mind & Language. 2022. Vol. 37, № 2. P. 274–282.

18. *Collins J.* Internalist Priorities in a Philosophy of Words // Synthese. 2023. Vol. 201, № 3. P. 1–33.

19. *Miller J.T.M.* The Ontology of Words: Realism, Nominalism, and Eliminativism // Philosophy Compass. 2020. Vol. 15, № 7. P. 1–13.

20. *Tasker N.* The Case for Eliminativism about Words // Synthese. 2022. Vol. 200, № 5. P. 1–23.

21. *Inwagen P.* Material Beings. Ithaca : Cornell University Press, 1990. 300 p.

22. *Rey G.* The Intentional Inexistence of Language – But Not Cars // Contemporary Debates in Cognitive Science / ed. R.J. Stainton. Malden, MA : Blackwell Publishing, 2006. P. 237–255.

23. *Bromberger S.* Types and Tokens in Linguistics // On What We Know We Don't Know: Explanation, Theory, Linguistics, and How Questions Shape Them. Chicago : The University of Chicago Press, 1992. P. 170–208.

24. *Bromberger S.* What are Words? Comments on Kaplan (1990), on Hawthorne and Lepore, and on the Issue // The Journal of Philosophy. 2011. Vol. 108, № 9. P. 486–503.

25. *Miller J.T.M.* Words, Species, and Kinds // Metaphysics. 2021. Vol. 4, № 1. P. 18–31.

26. *Miller J.T.M.* A Bundle Theory of Words // Synthese. 2021. Vol. 198, № 6. P. 5731–5748.

27. *Wetzel L.* The Trouble with Nominalism // Philosophical Studies. 2000. Vol. 98, № 3. P. 361–370.

28. *Miller J.T.M.* There Are No Uninstantiated Words // Inquiry. 2022. P. 1–6.

29. *Kaplan D.* Words on Words // The Journal of Philosophy. 2011. Vol. 108, № 9. P. 504–529.

30. *Sainsbury M.* The Same Name // Erkenntnis. 2015. Vol. 80, № S2. P. 195–214.

31. *Gasparri L.* Originalism about Word Types // Thought: A Journal of Philosophy. 2016. Vol. 5, № 2. P. 126–133.

32. *Millikan R.G.* Language, Truth and Other Biological Categories: New Foundations for Realism. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 367 p.

33. *McCulloch G.* Making Sense of Words // Analysis. 1991. Vol. 51, № 2. P. 73–79.

34. *Lando G.* A Uniform, Concretisy Metaphysics for Linguistic Types // Metaphysica. 2019. Vol. 20, № 2. P. 195–221.

35. *Katz J.J.* Language and Other Abstract Objects. Totowa, NJ : Rowman and Littlefield, 1981. 251 p.

36. *Katz J.J., Postal P.M.* Realism vs. Conceptualism in Linguistics // Linguistics and Philosophy. 1991. Vol. 14, № 5. P. 515–554.

37. *Katz J.J.* Realistic Rationalism. Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. 226 p.

38. *Wetzel L.* Types and Tokens: On Abstract Objects. Cambridge, MA : The MIT Press, 2009. 180 p.

39. *Carrara M., Smid J.* There Is Overlap in Letters: A Mereological Definition of Word Types // Synthese. 2022. Vol. 200, № 2. P. 1–17.

40. *Peirce C.S.S.* Prolegomena to an Apology for Pragmaticism // The Monist. 1906. Vol. 16, № 4. P. 492–546.

41. *Hilpinen R.* Presidential Address: Types and Tokens: On the Identity and Meaning of Names and Other Words // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2012. Vol. 48, № 3. P. 259–284.

42. *Katz J.J.* Names without Bearers // The Philosophical Review. 1994. Vol. 103, № 1. P. 1–39.

References

1. Wittgenstein, L. (2008) *Golubaya i korichnevaya knigi: predvaritel'nye materialy k "Filosofskim issledovaniyam"* [Blue and Brown Books: Preliminary materials for "Philosophical Investigations"]. Translated from English by V.A. Surovtsev, V.V. Itkin. Novosibirsk: Sib.universitetskoe izd-vo. pp. 115–240.

2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from Geman by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.

3. Miller, J.T.M. (2020) On the Individuation of Words. *Inquiry*. 63(8). pp. 875–884.

4. Stojnic, U. (2022) Just Words: Intentions, Tolerance and Lexical Selection. *Philosophy and Phenomenological Research*. 105(1). pp. 3–17.

5. Cappelen, H. (1999) Intentions in Words. *Nous*. 33(1). pp. 92–102.

6. Alward, P. (2005) Between the Line of Age: Reflections on the Metaphysics of Words. *Pacific Philosophical Quarterly*. 86(2). pp. 172–187. DOI: 10.1111/j.1468-0114.2005.00221.x

7. Hawthorne, J. & Lepore, E. (2011) On Words. *The Journal of Philosophy*. 108(9). pp. 447–485.

8. Balletta, S. (2019) The Metaphysics of Word. *Theoria*. 85(1). pp. 31–48.

9. Nefdt, R.M. (2019) The Ontology of Words: A Structural Approach. *Inquiry*. 62(8). pp. 877–911.

10. Irmak, N. (2019) An Ontology of Words. *Erkenntnis*. 84(5). pp. 1139–1158.

11. Gasparri, L. (2021) A Pluralistic Theory of Wordhood. *Mind & Language*. 36(4). pp. 592–609.

12. Miller, J.T.M. (2022) Sameness of Word. *European Journal of Analytic Philosophy*. 18(2). pp. 5–26.

13. Kaplan, D. (1990) Words. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 64(1). pp. 93–120.

14. Rey, G. (2006) Conventions, Intuitions and Linguistic Inexistents: A Reply to Devitt. *Croatian Journal of Philosophy*. 6(3). pp. 549–570.

15. Rey, G. (2008) Defense of Folieism: Replias to Critics. *Croatian Journal of Philosophy*. 8(2). pp. 177–202.

16. Rey, G. (2020) *Representation of Language: Philosophical Issues in a Chomskyan Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

17. Rey, G. (2022) The Innocuousness of Folieism and the Need of Intentionality Where Transduction Fails: Replies to Adger and to Stainton & Viger. *Mind & Language*. 37(2). pp. 274–282. DOI: 10.1111/mila.12403

18. Collins, J. (2023) Internalist Priorities in a Philosophy of Words. *Synthese*. 201(3). pp. 1–33. DOI: 10.1007/s11229-023-04074-w

19. Miller, J.T.M. (2020) The Ontology of Words: Realism, Nominalism, and Eliminativism. *Philosophy Compass*. 15(7). pp. 1–13. DOI: 10.1111/phc3.12691

20. Tasker, N. (2022) The Case for Eliminativism about Words. *Synthese*. 200(5). pp. 1–23. DOI: 10.1007/s11229-022-03846-0

21. Inwagen, P. (1990) *Material Beings*. Ithaca: Cornell University Press.

22. Rey, G. (2006) The Intentional Inexistence of Language – But Not Cars. In: Stainton, R.J. (ed.) *Contemporary Debates in Cognitive Science*. Malden, MA: Blackwell Publishing. pp. 237–255.

23. Bromberger, S. (1992) *On What We Know We Don't Know: Explanation, Theory, Linguistics, and How Questions Shape Them*. Chicago: The University of Chicago Press. pp. 170–208.

24. Bromberger, S. (2011) What are Words? Comments on Kaplan (1990), on Hawthorne and Lepore, and on the Issue. *The Journal of Philosophy*. 108(9). pp. 486–503.

25. Miller, J.T.M. (2021a) Words, Species, and Kinds. *Metaphysics*. 4(1). pp. 18–31.

26. Miller, J.T.M. (2021b) A Bundle Theory of Words. *Synthese*. 198(6). pp. 5731–5748.

27. Wetzel, L. (2000) The Trouble with Nominalism. *Philosophical Studies*. 98(3). pp. 361–370.
28. Miller, J.T.M. (2022) There Are No Uninstantiated Words. *Inquiry*. June. pp. 1–6. DOI: 10.1080/0020174X.2022.2078405
29. Kaplan, D. (2011) Words on Words. *The Journal of Philosophy*. 108(9). pp. 504–529.
30. Sainsbury, M. (2015) The Same Name. *Erkenntnis*. 80(S2). pp. 195–214.
31. Gasparri, L. (2016) Originalism about Word Types. *Thought: A Journal of Philosophy*. 5(2). pp. 126–133.
32. Millikan, R.G. (1984) *Language, Truth and Other Biological Categories: New Foundations for Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. McCulloch, G. (1991) Making Sense of Words. *Analysis*. 51(2). pp. 73–79.
34. Lando, G. (2019) A Uniform, Concretisy Metaphysics for Linguistic Types. *Metaphysica*. 20(2). pp. 195–221.
35. Katz, J.J. (1981) *Language and Other Abstract Objects*. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield.
36. Katz, J.J. & Postal, P.M. (1991) Realism vs. Conceptualism in Linguistics. *Linguistics and Philosophy*. 14(5). pp. 515–554.
37. Katz, J.J. (2000) *Realistic Rationalism*. Cambridge, MA: The MIT Press.
38. Wetzel, L. (2009) *Types and Tokens: On Abstract Objects*. Cambridge, MA: The MIT Press.
39. Carrara, M. & Smid, J. (2022) There Is Overlap in Letters: A Mereological Definition of Word Types. *Synthese*. 200(2). pp. 1–17. DOI: 10.1007/s11229-022-03664-4
40. Peirce, C.S.S. (1906) Prolegomena to an Apology for Pragmaticism. *The Monist*. 16(4). pp. 492–546. DOI: 10.5840/monist190616436
41. Hilpinen, R. (2012) Presidential Address: Types and Tokens: On the Identity and Meaning of Names and Other Words. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 48(3). pp. 259–284. DOI: 10.2979/trancharpeirsoc.48.3.259
42. Katz, J.J. (1994) Names without Bearers. *The Philosophical Review*. 103(1). pp. 1–39.

Сведения об авторе:
Нехаев А.В. – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Nekhaev A.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, leading research fellow of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of Philosophy of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); professor of the Department of Philosophy and Social Communications of Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 07.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 76–93.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 76–93.

Original article
УДК 167.7
doi: 10.17223/1998863X/75/7

FALLIBILISM AS THE BASIS OF RATIONALITY: PHILOSOPHICAL IMPLICATIONS FOR NATURAL AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Igor F. Mikhailov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
ifmikhailov@iph.ras.ru

Abstract. There are two principal conceptions of rationality: one that bounds it with logic, and the other that associates it with efficiency. The first one has language for its model with its systematicity and regularity. Within this conception, to be rational is to follow rules of inference. The other conception is rather modeled by mathematics, as it presupposes that to be rational, in general, is to get more at a lesser cost, to which end all the data should be represented quantitatively. The history of cognitive science may well be seen as a gradual transition from logic and language as the science's basis to parallel processing and statistic computations. The basic concepts of cognitive science in its classical era were "representation" and "computation (processing)", i.e., mind was attributed the architecture of the von Neumann machine: processor, memory, input/output, etc. In connectionism, on the contrary, computation is focused on the most effective adaptation of the network to changing conditions. At the same time, even if individual chains of computations are slower here than in a serial architecture machine, the network as a whole benefits due to the ability to carry them out not only simultaneously and in parallel, but also interdependently – when the sequence takes into account not only the result of the previous step, but also the results of parallel processes. What the predictive processing theory has in common with cognitive symbolism is that it also relies on computations and representations, although not in all its variations. However, like connectionism and neural network vision in general, representations are considered not as symbolic, but as sub-symbolic, expressed by certain probability distributions, and, accordingly, computations are understood as probabilistic (Bayesian) inference. But where predictive processing differs from both competing computationalist paradigms is the understanding of representation as prediction: a cognitive system driven by multilevel attractors generates hypotheses about the causal structure of the environment, allowing for the prediction of incoming perceptual data. These considerations are enough for us to rationally conclude that rationality is rather capability to surf the intractable world with just an updatable engine for predictions and a feedback circuit than commitment to any imposed rules. Philosophers – and not only them – should consider the question of whether some strict and reliable logic of abduction is possible, or – the more probable option as it seems – probabilistic mathematics will remain the only assistant in explaining and creating intelligent systems.
Keywords: rationality, cognitive science, computation, inference

For citation: Mikhailov, I.F. (2023) Fallibilism as the basis of rationality: philosophical implications for natural and artificial intelligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 76–93. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/7

© I.F. Mikhailov, 2023

Научная статья

ФАЛЛИБИЛИЗМ КАК ОСНОВА РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Игорь Феликсович Михайлов

Институт философии РАН, Москва, Россия, ifmikhailov@iph.ras.ru

Аннотация. Рациональность может осмысливаться исходя либо из логики, генетически связанной с языком и грамматикой, либо из эффективности, требующей количественного подхода. Первый вариант может быть оправдан метафизической верой в то, что мир устроен логически и требует общей реалистической позиции. Второй не нуждается ни в каких метафизических допущениях и совместим как с номинализмом, так и с инструментализмом.

Ключевые слова: рациональность, когнитивная наука, вычисления, вывод

Для цитирования: Михайлов И.Ф. Фаллибилизм как основа рациональности: философские следствия для естественного и искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 76–93. doi: 10.17223/1998863X/75/7

There are two principal conceptions of rationality: one that bounds it with logic, and the other that associates it with efficiency. The first one has language for its model with its systematicity and regularity. Within this conception, to be rational is to follow rules of inference. But, if we suppose that, eventually, it is all about successful dealing with the world, and, at the same time, we hold the first stance, then, metaphysically, we are committed to the belief that the world is logical in its composition and arrangement. In other words, if you feel that you need to seek logical ties between factual statements to obtain pragmatically valid results, this is because, in your view, facts are logically bound in reality.

The other conception is rather modeled by mathematics, as it presupposes that to be rational, in general, is to get more at a lesser cost, whatever it means in specific cases. Metaphysically, this position is more cautious as it restrains from judging about the internal essence of what is outside focusing instead on the interactional experience enhanced with memory and feedback.

Historically, the first position dates back to realism, the second one to nominalism. In the modern-day philosophy of science, we may speak of realism *vs.* instrumentalism as applied to this case.

Do people think logically?

Rationality studies have respectable history. In Wason's 1968 experiment, subjects were given a set of cards with letters printed on one side and numbers on the other. According to the rule they were provided with, if there is a vowel on one side of the card, then there will certainly be an even number on the other. The subjects were offered four lying cards, on the "upper" sides of which there were symbols A, K, 2, 7 respectively. The subjects were urged to answer the question: which cards need to be turned over to make sure that the rule is fulfilled. According to the logical rules *modus ponens* and *modus tollens*, you need to turn over the cards labelled "A" and "7". However, the distribution (in %) of the real answers of real subjects looked as follows: "A" – 89, "K" – 16, "2" – 62, "7" – 25

[1. P. 12771]. It is obvious that for the most part people were guided not by the rules of logic declared in their culture, but by some other considerations.

In an experiment by Gigerenzer (1998), subjects were given the following condition: suppose that 0.3% of people have colon cancer. There is a 50 percent chance that a colon cancer test will detect the disease, and a 3 percent chance that it will show that cancer is present when it is not. Q: What is the likelihood that a person who tests positive has cancer? According to Bayes' rule, the correct answer is 4.8%. Gigerenzer interviewed medical professionals (!), who can hardly be suspected of a lack of relevant experience and training. And yet, the median answer of the respondents is 47%, almost 10 times more than the mathematically correct one [1. P. 12771–12772].

These experiments have provoked intense discussion in the literature and have generated several explanatory hypotheses. Thus, the author of the review article himself believes that performance of "Wason (1968) card tasks, Gigerenzer's (1998) statistical tasks, and other experiments demonstrate that people are, in fact, irrational, when measured against accepted (in their cultures. – *I.M.*) standard inferential rules." [1. P. 12772]. Tversky and Kahneman [2] believe that, in these experiments, people transfer heuristics and rules of thumb that are successful in everyday life to laboratory settings where they do not apply. In these interpretations, there is a conviction that any deviation from the only possible rationality is irrational.

On the contrary, John Anderson, a classic of cognitive science in its classical symbolic incarnation, believes that the critical point of what could be called "rational analysis" is to figure out what parameter the cognitive system is intended to optimize, and, knowing this, make predictions about how people will behave in specific experimental tasks [3. P. 28]. To elaborate on this point, Oaksford and Chater emphasize that people do not view a task as a logical test, but rather try to establish a causal relationship between two events [4]. Lacking relevant experience with cards, people interpret Wason's announced rule as a causal relationship similar to those they have seen in the past. In Wason's problem, as the authors see it, we have a situation in which behavior is non-rational with respect to the laws of deduction but can be understood as rational in the context of how people usually seek information.

I should point out a consideration important for understanding the nature of rationality that the causal relationship is associative, not logical. According to Bender and Beller, current research is still discussing a "modified version (of the Lévy-Bruhl concept. – *I.M.*), according to which two modes of thinking are still distinguished – sometimes termed as rule-based vs. associative, reflective vs. intuitive, or abstract vs. content-specific – yet assumed to co-exist in all cultures, is still discussed in research on thinking and reasoning, albeit controversially" [5. P. 2].

A rather important clarification was made by Gigerenzer himself. If the same task was offered to medical examinees not in percentage-statistical, but in simple arithmetic terms – 30 out of every 10,000 people have colon cancer; of those 30, 15 will test positive; of the remaining 9,970 cancer-free people, 300 will still test positive – 67 percent of the subjects answered correctly, compared with 4 percent in the experiment when the data were presented according to the rules of probability theory [1. P. 12774]. From this fact, we can conclude that the success

of solving a problem depends not only on the content and complexity of the data, but also on the conformity of the form of their representation with the daily practice of people in the search for information.

I believe that this discussion makes the following generalization quite reasonable. Initially, we, people, like other animals, are not logical machines, but associative-statistical ones, since we have a parallel (a neural network), not serial, computer on-board. We are compelled to follow deductive rules by science, law, and other social institutions that carry out and regulate social computation. Logic, being an important product of these institutions, nevertheless knows very little about real human thinking.

What does the history of cognitive science teach us?

This history may well be seen as a gradual transition from logic and language as the science's basis to parallel processing and statistic computations. The basic concepts of cognitive science in its classical era were "representation" and "computation (processing)", *i.e.* mind was attributed the architecture of the von Neumann machine: processor, memory, input/output, etc. In mind, according to this view, there are structures representing data about external objects, and there are processors that perform computational procedures upon these data. Cognitivists of various schools still debate what representations and computations are, but these concepts are sort of signature ones for cognitive science as it has been conceived, including some varieties of connectionism, a trend in cognitive research that models mental processes using neural network models. At the same time, current publications also present anti-representationalist currents, such as radical enactivism [6, 7] or "dynamic systems" [8, 9] sometimes labelled as post-cognitivist.

Symbolism

The development of cognitive sciences began in the middle of the 20th century as a response to the dominance of behaviorism in psychology. Behaviorism was formed within the framework of a general positivist trend when there were no scientific means and opportunities to study the inner content of the brain and consciousness. Under these conditions, a rigor science could focus only on the study of observed behavior. In the 1950s–1960s, the first computer technologies appeared. However, long before that, back in the 17th century, Thomas Hobbes famously defined reasoning as computation [10]. In the 1830s, Charles Babbage came up with the idea of a universal automatic computer. In 1936, Alan Turing formulated the concept of a universal machine that can compute any computable function [11].

Cognitive science, which emerged in the mid-1960s, bases on the "computer metaphor". Both Noam Chomsky and his school, and later Jerry Fodor and his followers believed that, over the neural network of the brain, a computing device is built up, which breaks up into blocks, modules, and other components of the serial computer architecture. Within the framework of this theory, the activity of mind is considered compatible with the Turing machine.

In 1976, Newell and Simon hypothesized a "physical symbol system" as a machine that over time develops a certain set of symbol structures. Such a machine (be it a human or a digital computer) has conditions necessary and sufficient for

general intelligent activity [12. P. 116]. One of the classics of the symbolic paradigm in cognitive science, Zenon Pylyshyn, wrote in 1984 that people are able to act basing on representations because they physically form them as cognitive codes. Since this is exactly what computers do, it follows that cognition is a kind of computation [13. P. xiii]. Classicist approaches postulate the presence of fundamentally identifiable physical states of the cognitive system, one-to-one corresponding to the identifiable mental state. These representations are the internal "symbols" that mind operates with. So, symbolism as historically the first form of cognitive science proceeded from an understanding of computation that dates back to Turing's seminal 1936 article: a computation is a transformation of a sequence of characters in accordance with some algorithm. To transfer this vision to the human cognitive apparatus, it was necessary to assume that inside this apparatus there is something that functionally plays the role of symbols and something that functionally plays the role of algorithms. As John Anderson wrote,

However, the unitary theory found an important metaphor in the modern general-purpose computer and, perhaps more significantly, in symbolic Programming languages, which showed how a single set of principles could span a broad range of computational tasks. It also became clear that the set of computational functions was unlimited, meaning that general processing principles were essential to span broad ranges of tasks. It made no sense to create a special system for each conceivable function [14. P. 2].

In the literature, the terms "classicism", "symbolism", and "computationalism" are often used interchangeably, tacitly assuming that Turing's view of computation as a rule-like manipulation of symbols is the only legitimate one. However, as Nir Fresco shows, in addition to symbolic computations, which are preferred within the framework of classicism, one can single out sub-symbolic computations that formed the basis of the connectionist paradigm, which, in turn, can be understood as digital or analog, depending on the architecture of the constructed neural networks [15]. One can also speak of a special kind of computation on which computational neuroscience is based, and which, according to Fresco, are neither digital nor analog, but are computations *sui generis*.

Connectionism

In the mid-1980s connectionism appears as an alternative direction in cognitive science. It emerged as an interdisciplinary approach to the study of cognition that integrates elements from the fields of artificial intelligence, neuroscience, cognitive psychology, and the philosophy of mind. This approach assumes that cognitive phenomena can be explained using a set of general information processing principles known as parallel distributed processing (PDP).

Connectionism is a framework for studying cognitive phenomena using the architecture of simple processors interconnected by weighted connections. According to this model, each neuron receives many inputs from other neurons. The neuron integrates signals by calculating a weighted activation sum. Based on the amount of total input, the activation function (*e.g.*, the threshold function) determines the level of outgoing activation of the neuron. Outgoing activation propagates to subsequent neurons.

The group of researchers who laid the foundations of PDP set up an experiment to train a connectionist network to use irregular English verbs in the

past tense. Linguists know the effect of the so-called U-turn in mastering past tense forms of irregular verbs. During the learning process, the connectionist network reproduced the same effect: that is, at the beginning of the experiment, the network revealed a good knowledge of the forms that irregular English verbs take in the past tense. Then the quality of this understanding deteriorated. And only at the last stage of the training did it return to its previous level. According to the proponents of connectionism, this experiment shows that their approach to cognitive science points the right way realistically reproducing mental habits of real people.

The statistical training of networks makes cognition possible in the face of fuzzy or insufficient data, context-sensitive concepts, and dynamic representations. By simple computing units, we mean neurons that can only enter quantitatively measured states of activation and measure the weights of connections creating complex network configurations described by an equally complex mathematical apparatus. Each such configuration described by a mathematical vector can serve as a representation of a mental state. But such a neural network, unlike serial architecture computers, practically does not need pre-programming; on the contrary, some of them are capable of self-training, because of which they come to generalizations, classifications, and predictions. Connectionist models have proven to be effective in speech and pattern recognition, as well as in the study of memory and learning processes.

In contrast to the programming principles adopted for serial computational architecture, where all algorithms are executed sequentially and the programmer knows the final goal of the program (the condition upon which it terminates), a network program is not contained in anyone's head in the form of blocks, algorithms, and goals. It is focused on the most effective adaptation of the network to changing conditions. At the same time, even if individual chains of computations are slower here than in a serial architecture machine, the network as a whole benefits due to the ability to carry them out not only simultaneously and in parallel, but also interdependently – when the sequence takes into account not only the result of the previous step, but also the results of parallel processes.

Neuroscience

Recently, the complex of cognitive sciences started to integrate with neuroscience, which gives rise to what can be called a complex of neurocognitive sciences. This integration is taking place partly in the experimental realm, driven by the advent of new tools for studying the brain, such as functional magnetic resonance imaging, transcranial magnetic stimulation, and optogenetics. Part of this integration is taking place on the theoretical realm due to advances in understanding how large populations of neurons can perform tasks that have so far been explained in terms of rules and concepts.

Theoretical neuroscience is an attempt to develop mathematical and computational theories, as well as models of structures and processes in the brain of humans and other animals. It differs from connectionism in greater biological accuracy and realism in modeling the behavior of many neurons organized into functionally significant cerebral regions. As science advances, computational models of the brain are approaching both more realistic imitations of neurons, reflecting the electrical and chemical aspects of their activity and modeling interaction between different areas of the brain, such as the hippocampus and the

cerebral cortex. These models are not rigorous alternatives to computational models attempting to imitate inference, rule following, conceptual structures, analogies, and images, but must ultimately conform to them and demonstrate the neurofunctional basis of cognitive processes.

Embodied mind

The "embodied" (situated) approach rejects the classicist understanding of intellect as abstract, individual, rational, and distinguished from perception and action, opposing this understanding of it as embodied, embedded, and distributed [16]. In other words, cognitive processes do not take place in the brain, but between the brain, the rest of the body, and the environment. Classical approaches in AI try to create an artificial expert or an artificial physicist when one should start from the level of insect "intelligence" to proceed to the recreation of language and abstract thinking based on these working models. Learning how to tie shoelaces is more costly than learning how to solve math problems or play chess, and it took billions of years for evolution to develop sensitivity and mobility, and only millions of years to develop proper human abilities.

I would also unite the dynamic approach [8] and the embodied mind into one family. The first involves describing cognitive activity in terms of a "space" of system states defined by time-dependent variables. The consequence of this approach is the replacement of the theoretical language based on computations and representations with the language associated with geometry and dynamic states. Summarizing, one could say that in dynamic explanations the role of mathematics increases at the expense of the role of logic.

The reasons for the unification are their following common features:

• a fundamentally anti-symbolic position – the rejection of the metaphor of computations, a return to the good old causality;

• a turn from logic to mathematics;

• an acknowledgement of the essential role of human biological nature in the formation of intellectual capabilities.

Predictive processing

According to some newer concepts, our internal representations are in no way casts of reality. In fact, they are models created by our brains. These models are updated again and again in accordance with newly incoming perceptual data. That is, a representation that we have and that we are aware of is the result of multiple iterations of the brain rebuilding the a priori models it has basing on the external feedback.

"Predictive processing" (PP) is considered by many to be one of the most influential and most explanatory cognitive approaches currently available [17–22].

What PP has in common with cognitive symbolism is that it also relies on computations and representations, although not in all its variations [23]. However, like connectionism and neural network vision in general, representations are considered not as symbolic, but as sub-symbolic, expressed by certain probability distributions, and, accordingly, computations are understood as probabilistic (Bayesian) inference. But where PP differs from both competing computationalist paradigms is the understanding of representation as prediction: a cognitive system driven by multilevel attractors generates hypotheses about the causal structure of

the environment, allowing for the prediction of incoming perceptual data. The quantitative discrepancy between the predicted and actually obtained external data is the "free energy" that any non-equilibrium system tends to minimize. This minimization follows two alternative paths: updating generative models (cognitive acts) or active inference to change external data (behavior).

Karl Friston offers a biologically plausible explanation based on generative models that generate top-down predictions. The latter are encountered and compared with lower-level upstream representations to calculate the prediction error [24. P. 392]. The natural tendency to minimize the difference between the predicted representation and the incoming data is at the core of the so-called "free energy principle" (FEP). Proponents of PP derive the main principles of their approach from the philosophical and psychological doctrines known in the past, such as those of Alhazen, Kant, and Helmholtz [25. P. 210]. As regards the latter, PP goes back to his idea of "unconscious conclusions". They are formed at an early age and, according to Helmholtz, form the basis of many perception phenomena. He claims that we tune our senses to distinguish the things that affect them with maximum accuracy. Perception, therefore, is the result of a meeting of external influences with what a person already knows [26]. The physicist has also explained the very concept of "free energy" [27]. At the end of the 20th century, the Helmholtz machine, a hierarchical unsupervised learning algorithm capable of determining structures underlying various data patterns, was named after him [28].

PP complements the idea of predictive coding, firstly, with the concept of precision optimization, which modulates the computation of prediction errors at different levels of the system. The precision of the samples is optimized by previous experience, so the computation requires a statistical basis – the "empirical Bayesian approach".

This means that processing is layered and context-dependent, and thus a processing system, be it a cell, a human, or a robot, is capable of hierarchical empirical Bayesian inference approximation, thereby better adapting to an uncertain and ever-changing environment than a system performing only exact Bayesian inference. On the other hand, PP is largely based on the concept of active inference. To minimize prediction errors, the system can, for one, update predictive models to match sensory inputs. Alternatively, it can actively sample the environment in search of data that better matches the prediction. This means that it just actively engages with its environment, from where, in fact, the term itself comes. According to Friston, a living organism can be better explained as an operating system if we assume that the triggers for active output are proprioceptive inputs, because they can be directly functionally related to reflex arcs [29, 30]. Thus, PP turns out to be a unified theoretical framework capable of explaining both perception and action. The above concepts are partial theories that appeal to real or simulated mechanisms and can therefore be directly falsified. But PP is based on FEP that operates in the same way as the well-known principles of natural science: it shapes explanations of particular theories but is itself not amenable to direct refutation. Equipped with a full set of tools, PP leads not only to interesting empirical explanations, such as mood changes or schizophrenia, but also to some philosophical conclusions. Thus, the idea of perception as an ongoing inference from sensory data to their probable causes is an interesting reformulation of such favorite subjects of philosophers as body image, body feeling, and body self-

awareness. These phenomena are naturally explained by the putative causes of interoceptive and proprioceptive sensations. According to Jakob Hovey, the Self in this context can be represented "as a subset of putative causes of sensory input related to one's own actions, and hence the possibility of discussing whether such a set of causes deserves the designation 'I' " [25. P. 217]. Such an extended version of PP obviously includes the familiar plots of Merleau-Ponty-style phenomenology, which, as is well known, was the methodological basis for enactivism and "embodied cognition" [16].

As for the mechanistic implementation of these computational models, they are "created and parameterized by physical variables in the brain of the organism, such as neural activity and synaptic strength, respectively" [27. P. 57]. Thus, we can conclude that PP develops, corrects, and enriches the original doctrine of connectionism, using, in particular, other formal tools, based on the same ontology.

Friston demonstrates an interesting application of this theoretical framework to the modeling of language communication, which was previously the realm of classical symbolic cognitive science. According to him, the criteria for evaluating and fine-tuning the interpretation of someone else's behavior are the same that underlie actions and perceptions in general, namely, minimizing prediction errors. The concept of communication in PP is based on a generative model or narrative shared by agents who exchange sensory signals. According to Friston, models based on hierarchical attractors that generate different categories of sequences allow the hermeneutic circle to be closed simply by updating the generative models and their predictions to minimize prediction errors. It is important to note that these errors can be calculated without even knowing the true state of the other interlocutor, which thus solves the problem of hermeneutics [31. P. 129–130]. Friston and his colleagues created a computer emulation of two songbirds using software agents whose trills were generated by some attractor-based models and recursively refined by listening to each other. The model showed that birds follow the narrative generated by dynamic attractors in their generative models, which are synchronized through sensory exchange. This means that both birds can sing "from the same music sheet" while maintaining a coherent and hierarchical structure of their narrative. It is this phenomenon that Friston associates with communication [24. P. 400]. Generative models used to determine one's own behavior can be used to determine the beliefs and intentions of the other, provided both parties have similar generative models. This perspective creates representations of a set of intentional actions and narratives offering a collective narrative shared by communicating agents [24. P. 401].

It can be assumed that the explanatory possibilities of PP cover not only issues of psychology and traditional philosophy of mind, but also newer topics of "social intelligence" and social cognition. Of course, such universality may raise concerns about the falsifiability of the theory. A brief discussion on this subject is found in [25. P. 221]. But, as a rule, such concern may be related to the question whether each behavior can be represented as being guided by the subject's statistical predictions. It seems that in this case it is difficult to imagine a direct refutation, but there is always room for a better theory that will demonstrate more explanatory potential. Moreover, the PP theory is still too young: although it shows a certain success in real experiments, it will inevitably face the need to give detailed mechanistic explanations of all implemented statistical models. These explanations will certainly be falsifiable.

Evolution in understanding computations

As shown above, the "cognitive revolution" in cognitive sciences took place as a reaction to neobehaviorism at a time when the real computer revolution gave psychologists and linguists the conceptual tools for the scientific study of consciousness. Until then, a desire to avoid psychological terminology was considered a sign of being scientific. The original version of this neo-mentalist picture was perhaps too bluntly copied from computer science and included two main elements: computations that are performed on symbolic representations. That is, computation and representation have become the two conceptual pillars on which the cognitivist paradigm is based. However, to correctly determine the place and role of each of these concepts, we need to understand the conceptual subtleties, which are connected with broader shifts in modern natural sciences. This concerns the concept of computation more, as it plays an increasing role in physics, astrophysics, neuroscience, biology, and even social sciences. This does not relate to their instrumental or methodological role, but mostly the ontological one – when not the researcher, but the subject of research is busy with computations.

Computations and the problem of their definition

The first abstract model of what constitutes a computation came about as an attempt to solve the computability problem for functions posed by David Hilbert. Alan Turing [32] tried to schematize the activity of a human "computer" ("computer" in his terminology) in the most abstract form: as a sequential recording and transformation of symbols of some finite alphabet (for example, numbers) in cells printed on a paper sheet. Since, according to our intuitions, in order to be a computation, this process must obey certain rules – that is, be rigidly determined – then, according to Turing, a person can be replaced by some abstract printing cartridge, and paper by an endless tape divided into cells, each of which can contain only one symbol. And here we have a machine whose device is determined by several finite sets: possible actions (print, erase, move left or right), possible states, alphabet, and rules. If each computational step is uniquely determined by an already existing symbol in the tape cell being read and the current state of the machine, then such a machine is considered *deterministic*. If a machine is capable of reading from a tape not only symbols (data), but also the rules for their processing (program), then such a machine is considered *universal*. Turing showed that his machine could compute any computable function. Based on the concept of a universal Turing machine, John von Neumann described the fundamental architecture of a serial digital computer.

Turing's concept of computation and computability emerged in the context of mathematical discussion. Hence comes the (I would say, purely psychological) belief that computations are carried out by conscious subjects (say, mathematicians) for a specific purpose. Although in fact, it seems to me, Turing's general idea (perhaps not even fully realized by himself) was this: if a person (a "computer" in his terms) performs some sequence of symbolic operations that can also be performed by a machine, then this is computation. By default, computation assumes an algorithm. But if you have an algorithm, you can basically build a machine to run it.

The characteristic features of the Turing model of computation are its symbolism, seriality, and algorithmic nature: a computer, whoever or whatever it may be, performs operations with symbols, processing one of them at each step of the computation in accordance with some algorithm. However, one could go higher up the stairway of abstraction: instead of "Some device or person processes a series of characters in accordance with an algorithm," this process can be described as "X does something to Y in accordance with Z." At the generic level, computation appears as a kind of a dynamic procedural tripartite relation. This relationship can be described by two pairs of related categories: serial – parallel (distributed) and discrete – continual (the last pair is sometimes not quite correctly identified with a pair of digital – analog).

Real complex computational devices are often mixed in type. So, some artificial neural networks allow real numbers as the values of their variables, *i.e.*, in fact, they are (partly) continual in their computational architecture. Neurons in biological brains exchange series of spikes, each of which is described by a continuum amplitude, but their sequences themselves are discrete [33. P. 467]. And the participation of chemical neurotransmitters in enhancing or suppressing the electrical activity of neurons significantly adds "analogue" to the whole process. Due to the understanding of the limited applicability of the Turing concept for describing natural computational processes, theoretical alternatives have appeared. Thus, a few publications formulate the concept of computations based on the abstraction of a "mechanism" [34]. A mechanism as a computational system is understood as a space-time unity of functionally defined components or elements with a sufficiently large number of possible states. The initial state of the mechanism is considered the "input" of the computational process, the final state is its "output".

Due to its abstract formulation, this model at first glance looks like a concept that can demonstrate the computational nature of a wide range of natural processes. However, it overlooks the peculiarity of computational processes, which can be called multilevel. This distinctive feature of computational processes, unlike other systematic ones, was first noticed by David Marr, who listed the levels of any computational process that are irreducible to each other [35. P. 24–25]. Approximately the same was meant by B.J. Copeland in his discussion on the analog system of a physical device as an "honest" (non-non-standard) model of architecture and algorithm of some computation [36]. Both concepts suggest that the actual computational level of the process, which appears to a reasonable observer as symbolic and expedient, is built on top of the algorithmic level, consisting of an arbitrarily complex combination of primitive steps, and the level of physical implementation of this computation, where both the goal and the algorithm are implemented in the form of electrical, chemical, quantum, and other natural interactions. At the same time, a certain computation with its symbolism and purpose can be implemented by more than one algorithm, and a certain algorithm, in turn, can be implemented by more than one physical system. The concept of mechanism, in my opinion, does not have sufficient conceptual means to distinguish between these levels.

I would also like to note that the question of whether "computation" is some kind of a metaphor for describing multilevel processes in self-organizing systems, or such systems are literally computational devices, is relevant to the discussion

between scientific realism and anti-realism, which is not specific to the issues of computational approach.

For natural computing, it is not so much their discrete/continuous nature that is important, but their parallel/distributed architecture. The latter is a clear, albeit indirect, evidence of the evolutionary origin of natural computational systems. In the absence of an engineer acting consciously and purposefully, computational power can only be increased by summing the capacities of already existing processors. Random combinations of cells or individuals, if they lead to an increase in computational power and/or save energy costs for computing, are naturally selected and fixed. Therefore, species with a more developed brain displace those who lag in this indicator from certain ecological niches. In the same way, species with a more efficient social organization gain evolutionary advantages. In the latter case, brain size may no longer be of decisive importance since computational tasks are distributed over a well-organized network of cognitively loaded individuals (*cf.* the history of Neanderthals and Cro-Magnons).

Modeling of computational systems by humans initially went in the direction opposite to natural evolution. It turned out to be easier for us to teach the computer symbolic, logical, and mathematical operations than to recognize images, sounds, to walk and control fine motor skills. Similarly, if artificial computers need to be specially prepared for networking, natural computing devices (cells or organisms) at a certain stage of their evolution are readily combined into tissues, complexes, or networks. Natural causality, as it is understood in traditional natural science, is not capable of explaining this development. But, if computational systems are ontologically implemented as a superstructure of control levels and a chain of descending causality, then the search for greater computational efficiency leads to their parallelization. If this is so, then we need a theory that combines physics and the theory of computation (possibly, linking the increase in the "computability" of natural processes with non-equilibrium thermodynamics).

Given the considerations outlined above, one could define that:

(*Df 1*) Computation is a process carried out by a computational system, which may be one of many possible mechanisms for some representation, and

(*Df 2*) Representation is a mapping of the formal properties of one process to the formal properties of another.

This definition retains the classicist cognitive stance in that computation continues to be understood as operations on representations. But representations themselves get rid of any kind of psychologism and receive a purely formal definition. This approach corresponds to our intuitions, according to which any computation is always a computation of something, and this something is understood more as a goal, and not as a referent. Finally, the definition presented clearly shows the inclusion relation between sets of algorithmic and computational processes, since processes that can be represented as obeying rules but not aiming at the formal properties of other processes can be considered algorithmic but not computational. So, any algorithm can be represented as a set of implications of the form "if A, then B". Then, if A and B are formal properties of distinct but interrelated processes, their algorithmic interdependence forms a natural or artificial computing device. Otherwise, if, for example, A is a property of a thing, and B is an action with it, then the process that fulfills such rules can be considered algorithmic, but not computational.

Computation levels

As said above, according to Marr, any computational system can be described at three levels:

(1) a theory of computation describing its goal, appropriateness, and strategy,

(2) representation of data and the algorithm of their processing, and

(3) the physical implementation of the algorithm and representations.

The heuristic value of the three-level concept, according to its author, is that "since the three levels are only rather loosely related, some phenomena may be explained at only one or two of them" [35. P. 25]. For example, according to Marr, the phenomenon of afterglow (after looking at a burning lamp) can only be explained at the physical (physiological) level (3), while the illusion known as the Necker cube suggests a non-equilibrium neural network with two possible stable states (level 2) and the fundamental possibility of a two-dimensional three-dimensional interpretation of two-dimensional images (level 1).

Marr uses his scheme against the popular thesis, including among connectionists, about the fundamental difference between the (von Neumannian) computer and the brain – the thesis, which implies that the first performs serial computations, and the second parallel ones. For Marr, "the distinction between serial and parallel is a distinction at the level of algorithm; it is not fundamental at all – anything programmed in parallel can be rewritten serially (though not necessarily vice versa)" [35. P. 27]. Even more interestingly, one of the most significant objections (which, however, can be considered as an addition) to Marr's classical three-level scheme was made by his friend and co-author Tomaso Poggio, almost thirty years after the publication of the first edition of *Vision*. In the afterword to the reprint of the book in 2010 and later, in a separate article [37], Poggio argues that, if in the 1970s it seemed to him and Marr that computer science could teach neuroscience a lot, now "the table has been turned", and many of the discoveries of computational neuroscience, the progress of which was largely ensured by the works of Marr, can make a significant contribution to the general theory of computation.

Thus, the most important, from Poggio's point of view, omission of Marr's theory was the lack of an answer to the question of how a living organism can learn the necessary computational algorithms. Some of the current statistical machine learning theories offer plausible answers to this question. Poggio believes that the empirically proven hierarchical organization of the brain regions responsible for processing visual information is an evolutionarily developed structure whose goal is to reduce the level of complexity of visual samples (sample complexity) to develop a representation suitable for efficient computation.

In our time, because of the aforementioned "turning of the table", theories of computation are emerging that can shed light on the algorithms underlying learning and even evolution. Therefore, Poggio proposes the following update of the Marrian scheme:

(1) evolution,

(2) learning and development,

(3) computation,

(4) algorithms,

(5) wetware, hardware, circuits, and components.

The main idea of the article seems to be the following: we will not be able to create thinking (intelligent) machines while we are forced to program their intelligent actions. We must not charge them with ready-made algorithms but make them capable of developing these algorithms in interaction with the external environment, *i.e.*, learning. We must also reproduce in machines the evolutionary mechanisms that ensure the progress of learning. And today it becomes possible.

Computation types

According to Bechtel, computations are understood as a sequence of states of a mechanistic system, in which input is the initial state of the system, and output at different points in time is its subsequent states [34. P. 469–470]. Consequently, according to Fresco, weaker than symbolism, the concepts of digital computing are no longer based on the Turing concept, but on algorithmic descriptions of the operation of mechanistic systems. Alternative concepts for digital computing include finite automata, the Gandhi machine, discrete neural networks, and supercomputers, among others. The possibility of these and similar implementations allows us to argue that cognition is an algorithmic computation, which does not have to be symbolic [15. P. 361].

So, the gradual generalization of the varieties of computationalism is as follows: (a) symbolism, (b) weak digital computationalism, and (c) generic computationalism, including digital, analog, quantum, and neurophysiological ones.

There is a problem with the precise localization of connectionist computations on this scale of generality. Neural networks have different architectures and process different types of data. Some of their varieties can be considered as a subset of digital (non-character) computations, some as a subset of analog ones. But in any case, connectionism, if, according to William Ramsey's important caveat, we are talking about trainable rather than programmable networks, has no intersection points with the symbolic approach: "When connectionists examine the role of the weights in network computations, their primary question is not 'What rule does this weight encode?' but rather, 'How does this connection causally contribute to the processing?' " [38. P. 49]. And this, of course, shows that, even in discrete connectionist networks, computation can only be considered as digital in a weak sense based on the basis of, for example, the abstraction of a mechanistic system or some other alternative models.

The most interesting problem is the exact identification and localization of neurophysiological computations within the proposed taxonomy. At first glance, this variety should be related to connectionist (neural network) computation and, accordingly, obey the logic and mathematics used in connectionist networks. However, this is not the case, and there are several reasons for this. Firstly, artificial neurons are very simple processors, mostly virtual ones, while brain neurons are much more complex physiologically, chemically, and genetically. Secondly, an important part of training an artificial neural network is the backpropagation algorithm, which implies the possibility of transmitting data between layers in the opposite direction. In contrast, the input and output devices of a biological neuron – the dendrites and axons, respectively – assume only unidirectional signal transmission. Thirdly, in connectionist networks, data transmission proceeds sequentially from layer to layer, while the architecture of the

brain is much more complicated and, in many ways, not completely clear to neurophysiologists themselves.

But the most interesting difference is that, if connectionist networks in principle obey the main Marr principle, which asserts the relative independence of the levels of a computational system, then in neurophysiological computations, the material architecture of a biological neural network plays a decisive role in determining possible computational algorithms. Thus, if the Marrian classicist approach is characterized as top-down, then neurophysiological computations demonstrate the opposite – bottom-up – approach, where understanding of the essence of computations is predetermined by knowledge of facts at the level of physical implementation [15. P. 367].

While computational neuroscience remains a highly debatable area, the bottom-up approach practiced here suggests that neurophysiological computing is a special type that is not localized only in the "strong (symbolic)–weak computationalism" dichotomy, but also in the digital–analog dichotomy. A series of neural excitation peaks (spike trains) demonstrate both analog and digital properties: the curve of electrical potentials at the external "ports" of cells is continual, but the sequence of peaks itself forms a discrete structure. It can be assumed that computational neuroscience as a scientific discipline is still too young, and it has yet to decide what kind of computations it must deal with.

What does fallibilism have to do with mind?

The historical trajectory of both the cognitive science and the conception of computations outlined above invokes a sudden analogy, which is Charles Peirce's doctrine of fallibilism [39. Vol. 1. P. 141–175]. All the specific formulations thereof aside, it may converge to a simple thought that our cognitive and epistemic means are never sufficient to ascribe ultimate truth to any proposition. Recursively, this very statement may be considered totally or partially true depending on one's philosophical stance. Thus, Peirce himself appears to be a restricted fallibilist as he stated that it is "a matter of fact to say that each person has two eyes. It is a matter of fact to say that there are four eyes in the room. But to say that ***if*** there are two persons and each person has two eyes there ***will be*** four eyes is not a statement of fact, but a statement about the system of numbers which is our own creation" [39. Vol 1. P. 149].

As we see, this statement continues, as some call it, the "transcendental" line that passes through later Kant and earlier Wittgenstein and that consists in clear distinguishing propositions *saying* anything about the world and those *showing*[1] the arrangement of our representational tools. If the latter are supposed to be justified by default – and it is hard to imagine how they could not be as such, then Peirce and the like-minded exemplify the so-called restricted fallibilism. Although the history of mathematics and logic witnesses rather against this restriction, it is more important in the scope of this discussion that whatever kind a particular fallibilism exemplifies, it generally does not imply skepticism. While the former claims that we never have enough reasons to consider any of our beliefs ultimately true, the latter goes further in stating that we never have reasons to ascribe truth to them at all. This implies that the two philosophical standpoints have different

[1] For more on the distinction between "saying" and "showing", see [41].

models of truth: with skepticism, it may be only total, inseparable, and uncountable, while fallibilism allows for this or that quantifying or conditioning of truth. This, in turn, makes it an effective pattern for better presenting the cognitive grounds of rationality defended herewith.

Karl Popper's idea of falsifiability [40. P. 57–73] logically relates to fallibilism. To briefly sum it up, a theory may be considered sufficiently confirmed if and until its factual predictions are not refuted. This easily entails that the theory currently held by the scientific community is never perfect or ultimate, but it is the best one we have now.

But why do we invoke this epistemological principle in the course of this cognitive discussion? From all the above said, one may conclude that this principle in the philosophy of science reflects some general structure of natural or – nowadays – some of artificial cognitive agents. Thus, if theory can be likened to a generative model, and its empirical consequences to the probabilistic inferences of the latter, we may see then living things bestowed with cognitive tools and capabilities as performing the same Popperian algorithm: generate a hypothesis, make all the available inferences thereof, test them against perceptions, and, as long as they stand, go on with the hypothesis. The difference is that the Boolean two-valued logic of the Popper system is replaced in our brains, as in any living cells, by a probabilistic computation of some acceptable discrepancy limit.

Logically, both approaches are based on the principle of abduction, formulated by the same Charles Peirce [39. Vol. 2. P. 100–194], which itself is a kind of a probabilistic conclusion. In his own words, abduction "is a method of forming a general prediction without any positive assurance that it will succeed either in the special case or usually, its justification being that it is the only possible hope of regulating our future conduct rationally, and that Induction from past experience gives us strong encouragement to hope that it will be successful in the future …" [39. Vol. 2. P. 270]. Please note both keywords of our discussion used here: "prediction" and "rationally". From $A \supset B$ and B, we tend to conclude that "it is likely A", though logic hardly provides any justifications thereto.

And these considerations are enough for us to rationally conclude that rationality is rather a capability to surf the intractable world with just an updatable engine for predictions and a feedback circuit, than commitment to any imposed rules.

Philosophers – and not only them – should consider the question of whether some strict and reliable logic of abduction is possible, or – the more probable option as it seems – probabilistic mathematics will remain the only assistant in explaining and creating intelligent systems.

References

1. Schooler, L. & Schooler, L. (2001) Rational Theory of Cognition in Psychology. In: Smelser, N.J. & Baltes, P.B. (eds) *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences*. Pergamon. pp. 12771–12775.

2. Tversky, A. & Kahneman, D. (1974) Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*. 185(4157). pp. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124

3. Anderson, J.R. (1990) *The adaptive character of thought*. New Jersey: Erlbaum Associates.

4. Oaksford, M. & Chater, N. (1996) Rational Explanation of the Selection Task. *Psychological Review*. 103(2). pp. 381–391.

5. Bender, A. & Beller, S. (2011) The cultural constitution of cognition: Taking the anthropological perspective. *Frontiers in Psychology*. 2(67). pp. 1–6. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00067

6. Hutto, D.D. (2011) Representation Reconsidered. *Philosophical Psychology*. 24(1). pp. 135–139.

7. Hutto, D.D. & Myin, E. (2013) *Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content*. MIT Press.

8. Smith, L.B. & Thelen, E. (2003) Development as a dynamic system. *Trends in Cognitive Sciences*. 7(8). pp. 343–348. DOI: 10.1016/s1364-6613(03)00156-6

9. Thelen, E. & Bates, E. (2003) Connectionism and dynamic systems: are they really different? *Developmental Science*. 6(4). pp. 378–391. DOI: 10.1111/1467-7687.00294

10. Barnouw, J. (2008) Reason as Reckoning: Hobbes's Natural Law as Right Reason. *Hobbes Studies*. 21(1). pp. 38–62.

11. Turing, A.M. (1938) On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. A Correction. *Proceedings of the London Mathematical Society*. s2-43(1). pp. 544–546.

12. Newell, A. & Simon, H.A. (1976) Computer Science as Empirical Inquiry: Symbols and Search. *Communications of the ACM*. 19(3). pp. 113–126. DOI: 10.1145/360018.360022

13. Pylyshyn, Z.W. (1986) *Computation and Cognition: Toward a Foundation for Cognitive Science*. Cambridge, MA, US: The MIT Press.

14. Anderson, J.R. (1983) *The Architecture of Cognition*. Hillsdale, NJ, US: Harvard University Press.

15. Fresco, N. (2012) The Explanatory Role of Computation in Cognitive Science. *Minds Mach (Dordr)*. 22(4). pp. 353–380. DOI: 10.1007/s11023-012-9286-y

16. Varela, F.J., Rosch, E. & Thompson, E. (1992) *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. MIT Press.

17. Keller, G.B. & Mrsic-Flogel, T.D. (2018) Predictive Processing: A Canonical Cortical Computation. *Neuron*. 100(2). pp. 424–435.

18. Wiese, W. (2017) What are the contents of representations in predictive processing? *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 16(4). pp. 715–736. DOI: 10.1007/s11097-016-9472-0

19. Clark, A. (2015) Radical predictive processing. *Southern Journal of Philosophy*. 53(S1). pp. 3–27. DOI: 10.1111/sjp.12120

20. Hohwy, J. (2018) The Predictive Processing Hypothesis. In: Newen, A., De Bruin, L. & Gallagher, S. (eds) *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford University Press. pp. 128–146.

21. Mendonza, D., Curado, M. & Gouveia, S.S. (eds) (2020) *The Philosophy and Science of Predictive Processing*. Bloomsbury Publishing Plc.

22. Wiese, W. & Metzinger, T. (2017) Vanilla PP for philosophers: A primer on predictive processing. *Philosophy and Predictive Processing*. pp. 1–18.

23. Kirchhoff, M.D. & Robertson, I. (2018) Enactivism and predictive processing: a non-representational view. *Philosophical Explorations*. 21(2). pp. 264–281. DOI: 10.1080/13869795.2018.1477983

24. Friston, K. & Frith, C. (2015) A Duet for one. *Consciousness and Cognition*. 36. pp. 390–405.

25. Hohwy, J. (2020) New directions in predictive processing. *Mind and Language*. 35(2). pp. 209–223. DOI: 10.1111/mila.12281

26. von Helmholtz, H. (2013) *Treatise on Physiological Optics*. Dover Publications.

27. Buckley, C.L. et al. (2017) The free energy principle for action and perception: A mathematical review. *Journal of Mathematical Psychology*. 81. pp. 55–79. DOI: 10.1016/j.jmp.2017.09.004

28. Dayan, P. et al. (1995) The Helmholtz Machine. *Neural Computation*. 7(5). pp. 889–904.

29. Friston, K. et al. (2017) Active inference: A process theory. *Neural Computation*. 29(1). pp. 1–49. DOI: 10.1162/NECO_a_00912

30. Sajid, N. et al. (2021) Active inference: demystified and compared. *Neural Computation*. 33(3). pp. 674–712. DOI: 10.1162/neco_a_01357

31. Friston, K.J. & Frith, C.D. (2012) Active inference, Communication and hermeneutics. *Cortex*. 68(Kelso). pp. 129–143. DOI: 10.1016/j.cortex.2015.03.025

32. Turing, A.M. (1937) On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society*. s2-42(1). pp. 230–265.

33. Piccinini, G. & Bahar, S. (2013) Neural Computation and the Computational Theory of Cognition. *Cognitive Science*. 37(3). pp. 453–488. DOI: 10.1111/cogs.12012

34. Craver, C. & Bechtel, W. (2006) Mechanism. In: Pfeifer, J. & Sarkar, S. (eds) *The Philosophy of Science: An Encyclopedia*. Psychology Press. pp. 469–478.

35. Marr, D. (2010) *Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information*. The MIT Press.

36. Copeland, J.B. (1996) What is computation? *Synthese*. 108(3). pp. 335–359.

37. Poggio, T. (2012) The Levels of Understanding Framework, Revised. *Perception*. 41(9). pp. 1017–1023.

38. Ramsey, W. (1997) Do Connectionist Representations Earn Their Explanatory Keep? *Mind and Language*. 12(1). pp. 34–66. DOI: 10.1111/j.1468-0017.1997.tb00061.x

39. Peirce, C.S. (1958) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

40. Popper, K. (2005) *The Logic of Scientific Discovery*. Routledge.

41. Mikhailov, I.F. (2018) *On Whistling What We Cannot Say. The Semantics of Music–an attempt at a conceptual account*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/360727199_On_Whistling_What_We_Cannot_Say_The_Semantics _of_ Music-an_attempt_at_a_conceptual_account?channel=doi&linkId=628784f4cd5c1b0b34e9586e&showFulltext=true (Accessed: 7th August 2023).

Information about the author:
Mikhailov I.F. – Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ifmikhailov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:
Михайлов И.Ф. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: ifmikhailov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 15.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 94–104.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 94–104.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 164.3
doi: 10.17223/1998863X/75/8

СМЫСЛ И РЕФЕРЕНЦИЯ В СЕМАНТИКЕ КАТЦА

Евгений Васильевич Борисов

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. Один из фундаментальных тезисов семантики Фреге состоит в том, что смысл выражения определяет его референт. Катц отвергает этот тезис и предлагает альтернативную трактовку соотношения смысла и референта, согласно которой смысл может представлять собой ложное или неполное описание референта. В случае неполного описания референт, по Катцу, определяется смыслом вместе с дополнительной информацией, которую он называет реальным определением термина. Коэн выдвигает ряд возражений против семантики Катца; в частности, он приводит контрпример против тезиса, согласно которому смысл может быть неполным описанием референта. В данной статье я показываю, что семантика Катца допускает ряд модификаций, которые делают ее устойчивой к критике Коэна. Я предлагаю следующие модификации: 1) исключение из семантики случаев, когда смысл представляет собой ложное описание референта; 2) наложение определенного ограничения на реальные определения терминов; 3) релятивизация реальных определений к контекстам.
Ключевые слова: смысл, референт, медиация, естественный язык, контекстуальность, Катц, Фреге, Коэн, Каплан

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019. Я признателен В.А. Ладову за ценные комментарии к первой версии статьи.

Для цитирования: Борисов Е.В. Смысл и референция в семантике Катца // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 94–104. doi: 10.17223/1998863X/75/8

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

SENSE AND REFERENCE IN KATZ'S SEMANTICS

Evgeny V. Borisov

Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. The article examines some ideas of Katz's semantics (by which I mean his theory of sense together with his theory of reference). What makes this semantic theory especially

© Е.В. Борисов, 2023

interesting is the fact that it provides a reply to some skeptical arguments put forward by the late Wittgenstein, Kripke, and Quine. The main novelty of Katz's semantics is that he refuses one of the most fundamental claims of Fregean semantics, namely, the claim that the sense of a linguistic expression determines its referent (by referent I mean, in particular, the denotation of a singular term and the extension of a general term). Katz offers an alternative view on the relation between sense and referent (he calls this relation "mediation"). According to him, the sense of an expression E can be a false or incomplete description of the referent of a token of E; and the sense of E can also be an incomplete description of the referent of E's type. In the case of incomplete description, what determines the type referent is sense together with some additional information that Katz calls "real definition". So real definitions contribute also to determining truth values and modal character of sentences. Cohen puts forward some objections to this view. In particular, he adduces a counter-example to Katz's notion of the semantic role of real definitions. In the article, I show that Cohen's objections, though correct, are not fatal for Katz's theory. In my view, Katz's semantics can be modified so that it becomes immune to arguments such as those by Cohen. In particular, I suggest the following modifications: (1) excluding cases where sense is (putatively) a false description of reference from semantics: cases of this type have a more natural pragmatic explanation; (2) relativizing real definitions to contexts; (3) putting a constraint on the relation between sense and real definition. The constraint is to the effect that if the sense of an expression E is part of the sense of an expression D, then E's real definition should be part of D's real definition.
Keywords: sense, reference, mediation, natural language, contextuality, Katz, Frege, Cohen, Kaplan

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019. I am grateful to Vsevolod Ladov for some valuable comments on the first draft of the article.

For citation: Borisov, E.V. (2023) Sense and reference in Katz's semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 94–104. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/8

Введение

Под семантикой Катца я буду понимать комплекс, включающий его теорию смысла и теорию референции [1–3]. Специфика семантики Катца состоит в том, что он предлагает принципиально новое, в сравнении с фрегеанской семантикой, понимание соотношения смысла и референта. (Здесь и далее под референтом единичного термина я будут понимать объект, на который это термин указывает, а под референтом общего термина – его экстенсионал.) Во фрегеанской семантике смысл полностью определяет референт; в семантике Катца отношение между ними является более сложным: смысл в некоторых случаях влияет на референт, но не определяет его полностью. Катц называет это отношение медиацией[1].

Предпринятая Катцем ревизия соотношения смысла и референта вызывает значительный философский интерес, поскольку позволяет (как минимум по его замыслу) преодолеть семантический скептицизм, развернутый Крипке и Куайном на основе некоторых идей позднего Витгенштейна. Продуктивность семантики Катца в плане преодоления семантического скептицизма обусловлена следующими обстоятельствами. Главный тезис семантического скептицизма состоит в том, что по речевому поведению носителей языка невозможно определить смыслы выражений этого языка, а других оснований

[1] Подробнее о медиации и ее отличии от детерминации см.: [4].

для определения смыслов у нас нет. Катц согласен с первым из этих тезисов, но отвергает второй: по его мнению, определяя смыслы, мы можем опираться не только на речевое поведение агентов, но и на автономные закономерности смыслов. Возможности этого подхода в опровержении скептицизма развернуты в [2] и заслуживают отдельного обсуждения.

В данной статье я рассматриваю предложенную Катцем трактовку соотношения смысла и референта, выявляю некоторые дефекты его семантики в этом аспекте и делаю ряд предложений по устранению последних.

1. Медиация, номинальное определение, реальное определение

Итак, если, по Фреге, смысл термина определяет его референт, по Катцу, это не так. Катц рассматривает два случая, когда смысл термина не определяет его референт: когда смысл термина представляет собой *ложное* описание его референта и когда смысл термина представляет собой *неполное* описание его референта. Эти случаи демонстрируют отличие медиации от детерминации. В этом разделе статьи приведены примеры ложного и неполного описания референта с учетом различия между типом и токеном термина[1].

1. Случай ложного описания референта токена. Смысл определенной дескрипции (ниже я буду использовать сокращенный термин «дескрипция») как токена – это описание некоторого объекта, позволяющее отличить его от всех остальных объектов. Однако дескрипция может быть использована для указания на объект, который ей не соответствует. Доннеллан в [6] приводит много примеров такого указания; один из них использует Катц [3. P. 9]: это указание на парня, пьющего газированную воду (назовем его Джоном), посредством ошибочной дескрипции «парень, пьющий шампанское». Допустим, на вечеринке присутствует парень, пьющий шампанское (назовем его Полом). Если так, то именно Пол, а не Джон, является референтом дескрипции «парень, пьющий шампанское», во фрегеанской семантике. (В дальнейшем я буду называть референт выражения во фрегеанской семантике фрегеанским референтом.) Однако легко вообразить ситуацию, в которой говорящий применяет эту дескрипцию к Джону, поскольку ошибочно думает, что в бокале Джона находится шампанское, и не замечает Пола. Катц считает, что в этой ситуации референт дескрипции – это именно Джон, хотя смысл этой дескрипции представляет собой ложное описание Джона. То есть в этой ситуации референт дескрипции не совпадает с его фрегеанским референтом.

2. Случай неполного описания референта токена. Катц не приводит примеров такого случая, но это сделать нетрудно. Один из примеров, часто обсуждаемых в литературе, – это неполные определенные дескрипции. Супруги – хозяева собаки – могут использовать определенную дескрипцию «собака», имея в виду «наша собака». В этом случае смысл дескрипции «собака» представляет собой верное, не неполное описание ее референта.

3. Случай неполного описания референта (экстенсионала) типа. Этот случай детально обсуждается в [3], и он наиболее важен для целей данной статьи. Один из примеров этого случая Катц заимствует, опять же, у Патнэма: это пример с терминами «алюминий» и «молибден». Патнэм за-

[1] Для Катца различие между типом и токеном имеет существенное семантическое значение. Подробнее об этом см.: [5].

мечает, что смысл слова «алюминий» (до конца абзаца я говорю только о типах обсуждаемых слов) для среднего носителя английского языка – это описание алюминия, которое приложимо и к молибдену: легкий металл серебристого цвета, не ржавеющий, пригодный для изготовления посуды и т.д. [7. P. 199]. Однако молибден не входит в экстенсионал термина «алюминий». Катц объясняет это тем, что смысл слова «алюминий», как и смысл слова «молибден», представляет собой неполное описание соответствующих металлов: неполное в том смысле, что не содержит критериев, позволяющих различать эти металлы[1].

На этом основании Катц делает вывод, что, если смысл типа общего термина не позволяет полностью определить его экстенсионал, последний определяется не только смыслом, но и дополнительной информацией, которая представляет собой научное или практическое знание о соответствующих объектах. Например, научное знание о молибдене и алюминии позволяет различать их по атомному весу, по номеру в таблице Менделеева и т.д.; здесь важно, что это знание не является частью смысла данных терминов. Используя традиционные логические термины, Катц называет смысл термина его *номинальным определением*, а дополнительную информацию, необходимую для определения его референта, *реальным определением* [3. P. 19]. Ниже я буду использовать эти термины в смысле Катца.

2. Аналитичность и необходимость

В этом разделе статьи я воспроизвожу один из фундаментальных тезисов Катца о соотношении смысла и референта. Аналитичность – это смысловая характеристика предложений, т.е. характеристика, обусловленная соотношением смыслов терминов, фигурирующих в предложении. Тезис, о котором пойдет речь, определяет референциальный коррелят аналитичности, т.е. референциальную особенность аналитических предложений. Этот тезис важен для данной статьи, потому что он позволяет зафиксировать некоторые недостатки семантики Катца и сделать некоторые предложения по ее уточнению; это будет сделано в следующем разделе статьи.

Чтобы воспроизвести указанный тезис, нам потребуется три определения. Ниже (в этом и следующем разделах) в качестве терминов рассматриваются только одноместные предикаты, в качестве референтов – только референты (экстенсионалы) терминов как типов.

1. *Экстенсионал термина* – это класс объектов, подпадающих под смысл этого термина и под его реальное определение [3. P. 24]. Например, допустим, что смысл термина «поэт» таков: поэт – это тот, кто сочиняет стихи. Пусть реальное определение этого термина таково: поэт – это тот, у кого пышные бакенбарды. Тогда под этот термин подпадают только сочинители стихов с пышными бакенбардами; например, Пушкин подпадает под этот термин, а Лермонтов – нет. Иначе говоря, экстенсионал термина – это *пересечение* объема его номинального определения (смысла) и объема его реального определения.

[1] Под полнотой описания класса объектов я понимаю, конечно, не список всех общих для них свойств, но список их общих свойств, достаточный для идентификации этого класса, т.е. позволяющий о любом объекте сказать, входит ли он в этот класс.

2. *Мир, выполняющий предложение* (a satisfier world for a proposition), – это возможный мир, в котором референты всех терминов, входящих в данное предложение, не пусты [3. P. 24]. Например, предложение «Некоторые поэты – филателисты» выполняют те и только те миры, в которых существуют индивиды, подпадающие под термины «поэт» и «филателист». При этом следует помнить, что объект подпадает под термин, если и только если он соответствует как номинальному, так и реальному определению термина. Соответственно, чтобы мир выполнял данное предложение, недостаточно, чтобы в нем существовали поэты и филателисты: необходимо, чтобы существовали поэты, соответствующие реальному определению поэта, и филателисты, соответствующие реальному определению филателиста. Возьмем номинальное и реальное определения поэта, данные выше, и следующие определения филателиста:

– номинальное определение: филателист – этот тот, кто коллекционирует марки;

– реальное определение: филателист – этот тот, у кого много свободного времени.

Тогда мир w выполняет рассматриваемое предложение, если в нем существуют сочинители стихов с пышными бакенбардами и собиратели марок, у которых много свободного времени; w *не* выполняет это предложение, если, например, в нем есть и поэты, и филателисты, но ни один поэт не имеет пышных бакенбард или у всех филателистов мало свободного времени. Отметим, что, если мир выполняет предложение, это не значит, что оно в этом мире истинно.

3. Предложение S является *необходимой в слабом смысле (слабо необходимой) истиной*, если выполнено одно из следующих условий:

(i) S является логической истиной;

(ii) существуют миры, выполняющие S, и во всех таких мирах S истинно [3. P. 24].

Теперь мы можем сформулировать тезис Катца о референциальном корреляте аналитических предложений:

(T) Если предложение является аналитическим, то оно является слабо необходимой истиной.

Таким образом, по Катцу, аналитичность предложения делает его слабо необходимой истиной, даже если оно не является логически истинным. В следующем разделе статьи представлено два контрпримера для (T) и предложены меры по их нейтрализации.

3. Критика и предложения

Коэн [8] выдвигает ряд возражений против семантики Катца, которые показывает, что последняя требует определенных модификаций[1]. Первое из них состоит в том, что случаи, когда смысл термина представляет собой ложное описание его референта, следует объяснять не в рамках семантики, как

[1] Коэн рассматривает свои возражения как опровержение семантики Катца; я попытаюсь показать, что последняя может быть модифицирована с учетом возражений Коэна. Сразу отмечу, что предложенные ниже модификации не превращают семантику Катца в версию фрегеанской семантики, поскольку оставляют в силе тезис о возможности несовпадения референта в смысле Катца и фрегеанского референта.

это делает Катц, но в рамках прагматики. Это возражение мотивировано следующими обстоятельствами:

1) Такие случаи имеют вполне естественное прагматическое объяснение, основанное на различении семантического референта и референта говорящего (референт говорящего – это объект или класс объектов, к которому говорящий ошибочно применяет тот или иной термин, поскольку ошибочно думает, что смысл термина соответствует этому объекту / классу объектов). В приведенном выше примере из Доннеллана говорящий ошибочно применяет дескрипцию «парень, пьющий шампанское» к Джону, поскольку имеет ошибочное мнение, что последний пьет шампанское. Такого рода ошибки возможны и при использовании общих терминов.

2) Если мы пытаемся объяснить такого рода случаи семантически, нам приходится постулировать семантическую неоднозначность, что делает семантику громоздкой и контринтуитивной. Этот аргумент детально развернут Крипке [9] применительно к определенным дескрипциям. Аналогичная аргументация может быть развернута и применительно к выражениям других видов.

Этим мотивировано мое первое предложение по модификации семантики Катца: я предлагаю исключить из семантики случаи ложного описания референта. Если принять это предложение, то причиной несовпадения референта в смысле Катца и фрегеанского референта некоторого термина может быть *только неполнота* смысла данного термина, т.е. тот факт, что смысл представляет собой неполное описание референта.

Однако Коэн показывает: допущение, что смысл может представлять собой неполное описание экстенсионала, тоже порождает проблему для семантики Катца. Он демонстрирует это на примере предложения «Все кошки – животные» [8. P. 131–132]. Согласно Катцу, это предложение является аналитическим[1], поскольку смысл слова «животное» является частью смысла слова «кошка». Допустим для определенности, что смыслы (номинальные определения) этих терминов таковы:

– Животное – это существо, способное к питанию и размножению.

– Кошка – существо, способное к питанию и размножению и имеющее хвост и усы.

Как видим, оба предиката, составляющие номинальное определение слова «животное», входят и в номинальное определение слова «кошка»: по Катцу, это делает рассматриваемое предложение аналитическим.

Коэн предлагает рассмотреть мир, в котором осуществилась история Патнэма о марсианах, подменивших всех домашних кошек на Земле неотличимыми от кошек роботами, которых люди на тот момент не могли отличить от кошек [11. P. 660]. Допустим, реальные определения терминов «кошка» и «животное» таковы:

– Кошка – это домашний питомец, умеющий мурлыкать.

– Животное – это существо, возникшее на Земле в результате естественного отбора.

Как видим, номинальное и реальное определения термина «кошка» таковы, что референтом этого слова является класс роботов, которых поселили на

[1] Трактовка этого предложения как аналитического была предложена Доннеланом [10] и оспорена Патнэмом [11]. Катц в этом споре солидарен с Доннеланом.

Земле марсиане: эти роботы способны к питанию и размножению, имеют хвост и усы, являются домашними питомцами и умеют мурлыкать. Однако роботы этого вида не возникли на Земле в результате естественного отбора, поэтому *не* соответствуют реальному определению слова «животное», что делает рассматриваемое предложение ложным: экстенсионал термина «кошка» не включен в экстенсионал термина «животное». Итак, рассматриваемый мир (мир, в котором осуществилась история Патнэма) выполняет предложение «Все кошки – животные», но в этом мире данное предложение ложно. Следовательно, данное предложение, будучи аналитическим, не является слабо необходимой истиной: это противоречит тезису (Т).

Эта проблема возникает в семантике Катца с силу того факта, что Катц не налагает никаких ограничений на соотношение номинального и реального определений. В силу этого допущения референт термина может варьировать весьма широко в зависимости от реальных определений. Применительно к рассмотренному примеру Коэн замечает, что, если мы знаем смыслы слов «кошка» и «животное», но не знаем их реальных определений, мы «не имеем никакого понятия о том, как соотносятся кошки и животные» [8. P. 132], а значит, и об истинностном значении обсуждаемого предложения.

Пример Коэна можно упростить и усилить, допустив, что реальные определения терминов «животное» и «кошка» исключают друг друга *с необходимостью* (приведенные выше реальные определения этих терминов исключают друг друга в описанном мире, но не во всех возможных мирах, т.е. не необходимо). Например, пусть реальное определение кошки содержит предикат «белый», а реальное определение животного – предикат «серый». Тогда в экстенсионал термина «кошка» попадут только белые кошки, а в экстенсионал понятия «животное» попадут только серые животные. Допустим также, что экстенсионалы этих предикатов не пересекаются во всех возможных мирах, т.е. необходимо, что ни один белый объект не является серым. Тогда предложение «Все кошки – животные» окажется ложным в любом возможном мире, т.е. необходимо ложным в сильном (а значит, и в слабом) смысле. Это, опять же, противоречит тезису (Т).

Обобщим приведенные контрпримеры. Любое аналитическое (в смысле Катца) предложение формы «Все S суть P» может стать такого рода контрпримером, если существуют (примитивные или определяемые) одноместные предикаты Q и R и существует возможный мир w, такие что: 1) пересечение экстенсионалов S и Q в w не пусто; 2) пересечение экстенсионалов P и R в w не пусто; 3) пересечение экстенсионалов S и Q в w не включено в пересечение экстенсионалов P и R в w. Если эти условия выполнены, то, чтобы составить контрпример тезису (Т), достаточно назначить Q реальным определением S, а R – реальным определением P: в этом случае оказывается, что w выполняет, но фальсифицирует предложение «Все S суть P», а значит, последнее не является слабо необходимой истиной. Если при этом экстенсионалы Q и R не пересекаются во всех возможных мирах, то данное предложение оказывается сильно необходимо ложным.

Контрпримеры такого рода мотивируют мое второе предложение по модификации семантики Катца: ввести некоторые *ограничения на реальные определения терминов*. Одно из ограничений такого рода может состоять

в следующем: для любых терминов S и P, если смысл S подчинен смыслу P, то Q подчинено R. Это ограничение мотивировано следующим аргументом. Если смысл S подчинен смыслу P, то предложение «Все S суть P» является аналитическим в смысле Катца, а значит, в соответствии с (T), должно быть слабо необходимой истиной. Допустим, оно не является логической истиной, и существуют выполняющие его миры. Тогда во всех таких мирах оно должно быть истинным. Поскольку смысл S подчинен смыслу P, объем S включен в объем P в любом возможном мире. С другой стороны, тот факт, что Q подчинено R, означает, что объем Q в любом возможном мире включен в объем R. Из этого следует, что пересечение объемов S и Q в любом возможном мире включено в пересечение объемов P и R, а значит, если в некотором мире существуют S, выполняющие Q, то все объекты этого вида являются (в данном мире) P и R. Это делает предложение «Все S суть P» слабо необходимой истиной, а значит, устраняет все контрпримеры описанного выше типа. Например, это ограничение исключает возможность использовать предикаты «белый» и «серый» как реальные определения терминов «кошка» и «животное» соответственно.

Мое последнее предложение по модификации семантики Катца состоит в том, чтобы рассматривать реальные определения как контекстуально зависимые. В самом деле: реальное определение термина – это информация о его референте, не входящая в его смысл. Как было отмечено выше, эта информация, по Катцу, представляет собой научное или практическое знание о референте термина. Но очевидно, что такого рода знание: 1) изменяется с течением времени; 2) варьирует от сообщества к сообществу. Например, в ходе развития химии и физики ученые обнаруживают все новые отличительные свойства алюминия и молибдена; при этом в одно и то же время разные сообщества могут использовать разные критерии отличия алюминия от молибдена, т.е. разные реальные определения соответствующих терминов. Но это значит, что в разных контекстах (в разные моменты времени или в устах представителей разных сообществ) один и тот же термин с одним и тем же номинальным определением может иметь разные реальные определения, т.е. реальное определение зависит от контекста.

Катц высказывает тезис, что реальное определение не может быть контекстуальной информацией [3. P. 18], но не приводит аргументов в пользу этого тезиса. Между тем в литературе представлены семантические концепции, в которых в семантическом анализе предложений естественного языка учитывается контекстуально заданная дополнительная информация. Например, к таким концепциям относится семантика определенных дескрипций, предложенная Ганери [12]. Вспомним пример неполной определенной дескрипции, который я привел выше: супруги, у которых есть собака, могут использовать определенную дескрипцию «собака», имея в виду «наша собака». Рассмотрим ситуацию, в которой супруги находятся дома, их собака проявляет признаки голода, и один из супругов говорит другому: «Собака голодна». По мнению Ганери, эта ситуация представляет собой контекст, в котором определенная дескрипция «собака» получает дополнение «наша». Сформулируем его тезис в общем виде. Без учета контекста предложения формы “The F is G” анализируются (в рамках расселовского подхода) как $\exists x(\mathrm{F}x \,\&\, \forall y(\mathrm{F}y \rightarrow y = x) \,\&\, \mathrm{G}x)$; с учетом контекста – как $\exists x(\mathrm{F}x \,\&\, \mathrm{C}x \,\&\, \forall y(\mathrm{F}y \,\&$

C$y \rightarrow y = x$) & Gx), где C – предикат, выражающий контекстуальное дополнение к определенной дескрипции “the F” [12. P. 289][1].

Я предлагаю распространить этот подход на формализацию предикатов в выражениях всех видов (не только в определенных дескрипциях). Проиллюстрирую эту мысль на примере предложений формы «Все S суть P». Стандартная формализация предложений такой формы, т.е. формализация без учета контекстуальных реальных определений, такова: $\forall x$(S$x \rightarrow$ Px). С учетом контекстуальных реальных определений формализация таких предложений зависит от контекста. Формализацию такого предложения в контексте с можно представить так: $\forall x$(Sx & $Q_c x \rightarrow$ Px & $R_c x$), где Q_c – предикат, выражающий реальное определение S в с, R_c – предикат, выражающий реальное определение P в с, а Q и R – функции от контекстов к предикатам[2]. В свете этого предложения следует уточнить ограничение на реальные определения, которые я предложил выше. С учетом контекстуальности это ограничение следует сформулировать так: для любых терминов S и P и *для любого контекста с*, если смысл S подчинен смыслу P, то Q_c подчинено R_c (Q и R – функции от контекстов к предикатам).

Предложенное ограничение на реальные определения мотивировано определенным видом контрпримеров против семантики Катца. Думаю, дальнейшие исследования этой семантики могут показать необходимость других контекстуальных ограничений. Поскольку формы контекстуальности, присущие естественному языку, бесконечно разнообразны, едва ли возможно составление исчерпывающего перечня такого рода ограничений, даже для отдельно взятого естественного языка. Но формализация естественного языка – это исследовательская программа, рассчитанная не на окончательное достижение цели, а на приближение к ней. Думаю, семантика Катца, модифицированная предложенным образом, открывает новые перспективы в рамках этой программы.

Заключение

Семантика Катца представляет значительный интерес, в частности, поскольку она дает ответ на семантический скепсис, развернутый в работах позднего Витгенштейна, Куайна, Крипке и др. Коэн показал ряд слабостей этой семантики, которые, на его взгляд, опровергают идею медиации как нефрегеанского отношения между смыслом и референтом. На мой взгляд, вывод Коэна поспешен, хотя его критические аргументы вполне обоснованы. Выше я попытался показать, что семантика Катца допускает ряд модификаций, которые делают идею медиации устойчивой к критике Коэна. Эти модификации таковы: 1) исключение из семантики случаев, когда смысл представляет собой ложное описание референта; 2) наложение ограничения на реальные определения терминов, состоящего в том, что если смысл термина

[1] Ганери является сторонником расселовской теории определенных дескрипций, но в данном случае это не важно: контекстуалистская трактовка предиката, содержащегося в определенной дескрипции, вполне совместима и с другими теориями. Например, в рамках стросоновской теории определенных дескрипций мы можем понимать пресуппозицию дескрипции “the F” как утверждение о существовании единственного объекта, выполняющего формулу Fx & Cx.

[2] Использование функций такого рода при формализации предложений представляет собой распространение каплановкой семантики демонстративов [13, 14] на предикаты. В [5] показана параллель между семантическими теориями Катца и Каплана применительно к собственным именам.

S подчинен смыслу термина P, то реальное определение S должно быть подчинено реальному определению P; 3) релятивизация реальных определений к контекстам.

Список источников

1. *Katz J.* Semantic Theory. New York : Harper&Row Publishers, 1972.

2. *Katz J.* The Metaphysics of Meaning. Cambridge, MA : MIT Press, 1990.

3. *Katz J.* Analyticity, Necessity, and the Epistemology of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57, № 1. P. 1–28.

4. *Ладов В.А.* Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // Praxema. 2022. № 3 (33). С. 97–110.

5. *Борисов Е.В.* Контекстуальность в семантике Каплана и Катца // Praxema. 2022. № 3 (33). С. 111–117.

6. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.

7. *Putnam H.* Is Semantics Possible? // *Metaphilosophy*. 1970. Vol. 1, № 3. P. 189–201.

8. *Cohen J.* Analyticity and Katz's New Intensionalism: Or, if You Sever Sense from Reference, Analyticity is Cheap but Useless // Philosophy and Phenomenological Research. 2000. Vol. 61, № 1. P. 115–135.

9. *Kripke S.* Speaker's Reference and Semantic Reference // Midwest Studies in Philosophy. 1977. № II. P. 255–276.

10. *Donnellan K.* Necessity and Criteria // The Journal of Philosophy. 1962. Vol 59, № 22. P. 658–671.

11. *Putnam H.* It Ain't Necessarily So // The Journal of Philosophy. 1962. Vol 59, № 22. P. 658–671.

12. *Ganeri J.* Contextually incomplete descriptions – a new counterexample to Russell? // Analysis. 1995. Vol. 55, № 4. P. 287–290.

13. *Kaplan D.* Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // Themes from Kaplan / eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettsetin. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.

14. *Kaplan D.* On the Logic of Demonstratives // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8, № 1. P. 81–98.

References

1. Katz, J. (1972) *Semantic Theory*. New York: Harper&Row Publishers.

2. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge (Massachusetts): MIT Press.

3. Katz, J. (1997) Analyticity, Necessity, and the Epistemology of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research.* 57(1). pp. 1–28.

4. Ladov, V.A. (2022) Gottlob Frege's semantics in modern analytic philosophy. *Praksema – Praxema. Journal of Visual Semiotics.* 3(33). pp. 97–110. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-97-110

5. Borisov, E.V. (2022) Contextuality in Kaplan's and Katz's semantics. *Praksema – Praxema. Journal of Visual Semiotics.* 3(33). pp. 111–117. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-111-117

6. Donnellan, K. (1966) Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*. 75(3). pp. 281–304.

7. Putnam, H. (1962) It Ain't Necessarily So. *The Journal of Philosophy*. 59(22). pp. 658–671.

8. Putnam, H. (1970) Is Semantics Possible? *Metaphilosophy.* 1(3). pp. 189–201.

9. Cohen, J. (2000) Analyticity and Katz's New Intensionalism: Or, if You Sever Sense from Reference, Analyticity is Cheap but Useless. *Philosophy and Phenomenological Research.* 61(1). pp. 115–135. DOI: 10.2307/2653405

10. Kripke, S. (1977) Speaker's Reference and Semantic Reference. *Midwest Studies in Philosophy.* II. pp. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x

11. Donnellan, K. (1962) Necessity and Criteria. *The Journal of Philosophy*. 59(22). pp. 658–671.

12. Ganeri, J. (1995) Contextually incomplete descriptions – a new counterexample to Russell? *Analysis.* 55(4). pp. 287–290.

13. Kaplan D. (1989) Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals. In: Almog, J., Perry, J. & Wettsetin, H. (eds.) *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press. pp. 481–563.

14. Kaplan, D. (1979) On the Logic of Demonstratives. *Journal of Philosophical Logic.* 8(1). pp. 81–98. pp. 81–98.

Сведения об авторе:
Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@ gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, leading research fellow of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 15.07.2023;
approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 105–114.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 105–114.

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/75/9

АНТИ-ЭССЕНЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Семен Андреевич Московец

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, terawarss@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются критические идеи Ницше, направленные на борьбу с каузализмом и эссенциализмом. Делается вывод, что проблема причинности и эссенциальности являются ключевыми для Ницше в двух отношениях: во-первых, как основание для разрыва с предшествующей философской традицией, во-вторых, как основание для формирования собственной онтологии становления.
Ключевые слова: Ницше, метафизика, причинность, каузализм, эссенциализм.

Для цитирования: Московец С.А. Анти-эссенциализм и проблема причинности в философии Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 105–114. doi: 10.17223/1998863X/75/9

Original article

ANTI-ESSENTIALISM AND THE PROBLEM OF CAUSALITY IN THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH NIETZSCHE

Semyon A. Moskovets

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, terawarss@gmail.com

Abstract. The article considers two critical ontological ideas of Nietzsche – anti-essentialism and criticism of causality. Nietzsche's anti-essentialism serves as the main basis for his criticism of metaphysical ontology based on the idea of identity. The first part of the article presents an analysis of Nietzsche's anti-essentialism. It shows that anti-essentialism runs through all of Nietzsche's works, from early ones, for example, "On Truth and Lies in a Nonmoral Sense", to the late stage of his works. Criticizing various kinds of "unity", for example, the concept "atom", Nietzsche eventually comes to the denial of the concept "thing". Based on this, such concepts as "subject" and "soul" are also criticized. The second part of the article examines Nietzschean criticism of causality or causalism. It, like anti-essentialism, also runs through all of Nietzsche's works, from his early works to the handwritten legacy of the last years of his conscious life. Nietzsche's original arguments to the critique of causality are considered, and Nietzsche's agreement with Hume on this issue is shown. By criticizing the concept of the goal, Nietzsche, in fact, carries out the criticism of the target cause in Aristotle. After dealing with Nietzsche's main objections, the author shows the relationship between anti-essentialism and criticism of causalism. This relationship is embodied primarily in their structural parallelism, based on the same metaphysical leap. In addition, the similarity of Nietzsche's views on causality with modern physics is pointed out. Where the ideas of Werner Heisenberg, who also criticized causalism, are taken as an example. In his conclusions, the author points to the place of anti-essentialism and criticism of causality in Nietzsche's philosophy. It consists of two main consequences. Firstly, by criticizing causality and essentialism, Nietzsche breaks with the philosophical tradition that preceded him – metaphysics. Secondly, Nietzsche, proceeding

© С.А. Московец, 2023

from this criticism, comes to the formation of his own ontology, an alternative metaphysics of the Eleatics, an ontology of becoming.
Keywords: Nietzsche, metaphysics, causality, causalism, essentialism

For citation: Moskovets, S.A. (2023) Anti-essentialism and the problem of causality in the philosophy of Friedrich Nietzsche. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 105–114. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/9

Введение

Проблема преодоления метафизики в философии Фридриха Ницше является хорошо исследованной как в отечественном, так и в зарубежном ницшеведении. И если ницшевский анти-эссенциализм вписан в эти исследования, то проблеме критики каузализма, или причинности, уделяется мало внимания. Обычно данная проблема упоминается вскользь, что особенно характерно для отечественных исследований. Например, Николай Орбел упоминает причинно-следственную трактовку мира как одну из черт метафизического мышления, чем и заканчивается ее рассмотрение в контексте ответа на вопрос о преодолении метафизики в философии Ницше [1]. В свою очередь, сам Ницше уделял данной проблеме много времени, она является для него одной из ключевых и в опубликованных при жизни работах, и в рукописном наследии философа.

Сходу стоит заметить, что в данном исследовании мы не будем особо многословны по поводу проблемы преодоления метафизики. Акцент будет сделан именно на анализе проблемы причинности и эссенциализма в рамках философии Ницше, а не на их рассмотрении в более широком историко-философском контексте. Первым этапом нашего исследования будет рассмотрение ницшевского анти-эссенциализма. Вторым этапом выступят анализ ницшевской критики каузализма и указание на параллелизм критики причинности и эссенциализма. В завершении мы перейдем к обобщающим данное исследование выводам.

Ницшевский анти-эссенциализм

Под эссенциализмом в данном исследовании мы понимаем философскую установку, согласно которой в мире существуют самотождественные идентичности, выступающие в конце концов как сущность вещей или комплекс их неизменных качеств. Соответственно, анти-эссенциализм отрицает такое онтологическое видение мира. Ницше со своей онтологией становления является одним из основных критиков эссенциализма в истории философии. Его анти-эссенциализм складывается достаточно рано и прослеживается уже в ранних работах, т.е. тех, что относятся к Базельскому периоду его жизни.

В одной из таких работ, не опубликованной при жизни философа, а именно «Об истине и лжи во вненравственном смысле», отчетливо прослеживается указанная позиция. Опережая свое время, в этой работе Ницше обращается к философии языка, задается вопросом о том, является ли язык адекватным выражением реальности, и находит на него отрицательный ответ [2. С. 437]. Если бы при именовании вещей люди руководствовались только познавательными потребностями, стремились к истинному именованию, то в языке не возникло бы столь большое количество противоречащих этому

примеров. Ницше указывает на произвольность в обозначении; так, нет ничего мужского в слове «куст». Сюда же он относит субъективные ощущения, которые выдаются за нечто объективное; «твердость» камня не является формой чего-то абсолютного. В конечном счете Ницше находит метафоричность в самой сути именования вещей: «Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям. Подобно тому, как тон кажется глухому фигурой на песке, так и нам загадочное Х вещей кажется то возбуждением нерва, то изображением, то, наконец, звуком. Таким образом, логика отсутствует при возникновении языка, и весь материал, над которым работает и из которого создает свои построения человек истины, исследователь и философ, происходит если не из Тучекукуевска, то все же и не из сущности вещей» [2. С. 438–439]. Итак, по мысли Ницше, именно упущение роли метафоры в языке приводит к возникновению заблуждения в виде эссенциализма. Заблуждения, согласно которому в мире существуют тождества. Сам же Ницше считал, что в процессе именования вещей речь идет не об обозначении самотождественного и единичного, но о создании понятия, вмещающего в себя бесчисленные количества «подобных» вещей. Ни одна снежинка и ни один лист не являются тождественными по отношению к другим снежинкам и листьям, но благодаря языку они обозначаются лишь с помощью одного слова, подводятся под одно понятие.

Эти положения продолжают свое развитие и в дальнейшем. Например, их неоднократно можно обнаружить в начале среднего периода творчества Ницше. Так, в первом разделе книги «Человеческое, слишком человеческое», озаглавленном «О первых и последних вещах», сходу можно натолкнутся на анти-эссенциалисткие выпады Ницше. Вера в постоянство чего-либо трактуется им как наследственный изъян всей философии: «Перед ними непроизвольно витает мысль о „человеке“ как некоей aeterna veritas, как о чем-то неизменном во всех водоворотах, как о надежной мере всех вещей. Но все, что бы ни сказал философ о человеке, – это, в сущности, не более чем свидетельство о человеке одного очень ограниченного временного промежутка» [3. С. 22]. Любые попытки создать понятийный аппарат, претендующий на неизменность в приложении к миру, по Ницше, обречены на провал ввиду изменчивости мира: «…эта самая картина – та, что нынче зовется нами, людьми, жизнью и опытом, – складывалась постепенно, мало того, еще целиком и полностью охвачена становлением, а потому не может рассматриваться как величина постоянная, исходя из которой можно сделать или на худой конец отвергнуть вывод об авторе (достаточном основании)» [3. С. 33]. Тут же, в «Человеческом, слишком человеческом», анти-эссенциализм Ницше снова переплетается с философией языка: «Все интенсивные настроения вовлекают в резонанс родственные ощущения и настроения: они как бы будоражат память <…> Так образуются усвоенные моментальные пучки чувств и мыслей, а в конце концов, когда они начинают молниеносно следовать друг за другом, они ощущаются уже даже не как комплексы, а как единства <…> а на самом деле это реки с великим множеством истоков и притоков. Вот и тут, как это часто бывает, единство слова не гарантирует единства вещи» [3. С. 31–32].

В «Веселой науке» также присутствует множество примеров проявления ницшевского анти-эссенциализма. В одном из афоризмов Ницше пишет о том, что, пользуясь уже и так ограниченным количеством явлений, их умеют еще и обобщить до идеализированного своим неизменным состоянием образа: «Мы оперируем сплошь и рядом несуществующими вещами: линиями, поверхностями, телами, атомами, делимыми временами, делимыми пространствами – какое тут может быть еще объяснение, когда мы заведомо все превращаем в образ, наш образ!» [4. С. 432]. Таким образом, можно сказать, что Ницше в принципе критически относится к такому понятию, как «вещь». Оно оказывается поставлено под вопрос, потому что это лишь знак для обозначения некоторых предметов реальности, из-за которого мы склонны выделять постоянные свойства вещи. Для Ницше это попросту заблуждение, от которого при этом сложно или даже невозможно избавиться, так как оно связано с самой возможностью нашего мышления.

Для более глубокого погружения в ницшевский анти-эссенциализм рассмотрим еще некоторые примеры. В «По ту сторону добра и зла» Ницше заостряет внимание на таком понятии, как атом, который одним своим названием прямо заявляет о себе как о нечто неизменном и неделимом. Здесь Ницше не высказывает каких-то оригинальных мыслей, а солидаризируется с хорватским физиком XVIII столетия Руджером Бошковичем, учившим, что атомы не обладают протяженностью и являются сосредоточением сил: «Боскович учил, что надо отречься от веры в последнее, что оставалось „непоколебимого“ от Земли, от веры в „вещество“, в „материю“, в остаток земного, в комочек-атом. Это был величайший триумф над чувствами из всех достигнутых доселе на земле» [5. С. 24]. Если атом как нечто неделимое и неизменное уже был изгнан из естествознания, то атомистический предрассудок, выражаемый самим поиском «первокирпичиков», остается одним из мотивов в других науках. Например, «субъект», плотно засевший не только в философии, но и в гуманитарном знании. Ницше призывает мыслить с бóльшим сомнением, вопросов нужно ставить больше, чем давать ответов. Поэтому такие понятия, как «субъект», «душа» или «вещь сама по себе», и другие кирпичики познания являются слишком смелыми гипотезами, каждая такая «непосредственная достоверность» может быть разложена на множество вопросов и утверждений. Ницше приводит пример такого анализа с положением «я мыслю»: «Я – тот, кто мыслит; что вообще должно быть нечто, что мыслит; что мышление есть деятельность и действие некоего существа, мыслимого в качестве причины; что существует Я; наконец, что уже установлено значение слова „мышление“; что я знаю, что такое мышление. Ибо если бы я не решил всего этого уже про себя, то как мог бы я судить, что происходящее теперь не есть „хотение“ или „чувствование“? Словом, это „я мыслю“ предполагает, что я сравниваю мое мгновенное состояние с другими моими состояниями, известными мне, чтобы определить, что оно такое; из-за этой отсылки к другому „знанию“ оно как раз не имеет для меня никакой „непосредственной достоверности <…> Откуда беру я понятие мышления? Почему я верю в причину и действие? Что дает мне право говорить о каком-то Я и даже о Я как причине и, наконец, еще о как причине мышления?» [5. С. 27–28].

Все эти примеры так или иначе имеют нечто общее. В каждом из них есть базовые допущения – вера в наличие сущности вещей, в их самотождественность во времени, в их субстанциальную природу. В этих же примерах Ницше не раз дал понять, что он является философом становления, для которого в самой сути вещей прежде всего заложена их непостоянность. На это обстоятельство указывает и Фридрих Юнгер в своей книге «Ницше»: «Познание и становление исключают друг друга, следовательно, познание само есть становление, создающее иллюзию бытия. Эта атака на аксиоматику логики подготавливает атаку на бытие и сущее» [6. С. 126].

Проблема причинности

Уже в «Рождении Трагедии» Ницше кратко высказался о том, что стремление проникнуть в глубочайшие бездны бытия под руководством закона причинности – бредовая идея [7. С. 91]. Этому он не изменил и в дальнейшем: в последние годы своей сознательной жизни в «Сумерках Идолов» Ницше посвящает проблеме причинности отдельный раздел. Особенный интерес вызывают его рабочие тетради последних лет, где он неоднократно обращается к данной проблеме. Почти в любом сочинении Ницше можно встретиться с критикой причинности, причинно-следственных связей. Проблема причинности, как замечает американский исследователь Джошуа Рейман, лежит в основе ницшевской критики метафизики [8. P. 327].

Одним из своих существенных шагов вперед по проблеме причинности Ницше считает умение различать причину поступка и причину как цель поступка. Под целью он здесь разумеет то, куда и как реализуется сам поступок, в каком направлении. Итак, причиной поступка будет скопившаяся сила, которая требует своей реализации, своего выплескивания из-за своего избытка. Причиной же, направляющей реализацию скопившихся сил в то или иное русло, будет второй тип причин. Обычно именно во втором роде причин видят движущую силу, вызывающую само действие, однако Ницше считает, что это лишь управляющая сила: «Разве „цель“, „надобность“ не оказывается достаточно часто лишь благовидным предлогом, добавочным самоослеплением тщеславия, не желающего признаться, что корабль следует течению, в которое он случайно попал? Что он „хочет“ туда, поскольку он туда – должен? Что, разумеется, он имеет направление, но уж никак – не кормчего? – Критика понятия „цель“ все еще остается необходимостью» [4. С. 556]. Итак, Ницше не просто указывает нам различие двух типов причин, но и проблематизирует второй тип причинности. Пример с кораблем проясняет эту проблему. Понимая второй тип причин как управляющий действием, заблуждением будет считать, что именно кормчий управляет кораблем; напротив, течение или поток случайностей на самом деле направляют корабль. Поэтому Ницше и ставит под сомнение понятие «цели», оно совершенно невыводимо из происходящих событий. Можно лишь из удобства полагать, что у того или иного явления есть та или иная цель. На деле управляющий тип причинности оказывается совершенно неуловимым для нашего взора.

На первый взгляд выделяемые Ницше типы причинности не что иное, как простое заимствование целевой и движущей причины у Аристотеля. С нашей точки зрения, было бы ошибкой считать это верным. Во-первых,

целевую причину, как мы видим, он полностью отрицает. Во-вторых, движущая причина у Аристотеля является эмпирически уловимым источником изменения: «так, например, человек, давший совет, является причиною, и отец есть причина ребенка» [9. С. 79]. Ницше вряд ли согласился бы с такой возможностью: «Причина и следствие: подобного раздвоения, вероятно, нигде и не существует – в действительности нам явлен некий континуум, из которого мы урываем два-три куска, так же как и само движение мы воспринимаем всегда лишь в изолированных пунктах, стало быть, не видим его, а заключаем к нему» [4. С. 432]. В этом смысле критика причинности у Ницше схожа с Юмовской: то, что не может быть получено с помощью чувств, является продуктом воображения, не имеющим реального существования. Причинность – это пример именно такого воображаемого продукта [8. P. 328]. В рабочих тетрадях Ницше, датируемых началом 1888 г., также указывается на это обстоятельство: «У нас нет ровно никакого опыта, содержанием которого была бы причина» [10. С. 253]. Об этом же упомянуто и ранее, в 1885 г., даже с отсылкой на теорию причин Аристотеля: «Вопрос „для чего?“. Мы не представляем себе „смысл causa efficiens“: тут Юм прав, это привычка (но непросто личная привычка!) заставляет нас ожидать, что такой-то часто наблюдавшийся нами процесс последует за другим, только и всего! Что дает нам чрезвычайную прочность веры в причинность, так это *не* великая привычка замечать последовательность процессов, а наша *неспособность* интерпретировать происходящее иначе, чем в виде намеренного процесса. Это *вера* в живое и мыслящее как единственно *действующее* – волю, в цель, – а то, что всякий процесс – это деяние, что всякое деяние предполагает действователя, – составляет веру в „субъект“.» [11. С. 93].

В «Сумерках Идолов», как мы уже заметили ранее, есть отдельный раздел, посвященный проблеме причинности. Он озаглавлен «Четыре великих заблуждения», а именно: заблуждение о смешении причины со следствием, заблуждение ложной причинности, заблуждение воображаемых причин и, наконец, заблуждение свободы воли. Несмотря на общую тему всех критик четырех заблуждений, нас прежде всего интересует второе заблуждение, заблуждение ложной причинности. Тут Ницше подвергает сомнению достоверность «внутренних фактов», которые, по его мнению, не выказали своей фактичности. Сознание, воля, «Я» – все это ложные причины наших поступков. «Но мы уже взялись за ум. Мы не верим нынче ни единому слову из всего этого. „Внутренний мир“ полон призраков и блуждающих огней: один из них – это воля. Воля уже ничем не движет и, следовательно, также ничего не объясняет – она только сопровождает события, она может даже отсутствовать. Так называемый „мотив“ – еще одно заблуждение. Просто поверхностный феномен сознания, спутник деяния, который скорее скрывает antecedentia деяния, нежели демонстрирует их. И даже Я! Оно стало басней, фикцией, игрой слов: оно совершенно перестало мыслить, чувствовать и хотеть» [12. С. 43]. На этом критика не останавливается, он пишет, что вся древнейшая «психология» работала на интерпретацию мира таким образом, чтобы каждое событие стало деянием. Так создавалось все больше действующих лиц в мире, одним из которых и стал субъект, который начал мыслиться как нечто, связанное с каждым событием. Но для Ницше это всего лишь заблуждение: «Человек выпроецировал из себя свои три „внутренних факта“,

то, во что он тверже всего верил, – волю, дух, Я; он выудил сперва понятие „бытие“ из понятия Я; он понял „вещи“ как нечто сущее по своему подобию, по своему понятию Я как причины. Что ж удивительного, если он потом всякий раз находил в вещах лишь то, что вложил в них? – Сама вещь, повторю, понятие „вещь“, – просто рефлекс веры в Я как причину... И даже ваш атом, господа механики и физики, – сколько заблуждения, сколько рудиментарной психологии осталось еще в вашем атоме! – Не говоря уж о „вещи в себе“, horrendum pudendum метафизиков! Заблуждение о духе как причине смешать с реальностью! И сделать мерилом реальности! И назвать Богом!» [12. С. 44]. В этом же ключе о причинности Ницше пишет в своих рабочих тетрадях: «Наше „понимание произошедшего“ заключалось в том, что мы изобрели субъект, ответственный за событие и за то, как оно протекало» [10. С. 254].

Итак, как мы видим, что критика причинности в итоге неразрывно связана с критикой эссенциализма. Вера в причинность неразрывно связана с верой в «вещность», подрывая вторую, Ницше, таким образом, подрывает и первую. В свою очередь, это приводит к тому, что всякая философия, замыслившая себя в возможности объяснить мир через наличие в нем законов, разного рода универсальностей, обречена быть ошибочной. Но ошибочна не только старая античная метафизика или метафизика Средневековья, но и современные Ницше натурализм и позитивизм. Если и мыслить себе научную модель мира, то точно без «атомов» и универсальных законов: «Физики на свой лад тоже верят в „истинный мир“: постоянную, одинаковую для всех и движущуюся по строгим законам систему атомов, а „видимый мир“ сводится для них к доступной всякому на свой лад стороне всеобщего и общеобязательного бытия (доступной, но и упорядоченной – сделавшейся „субъективной“). Но тут они заблуждаются: атом, который они конструируют, выведен по законам логики все того же перспективизма сознания, – стало быть, и сам он – субъективная фикция» [10. С. 34]. Того же мнения, что и мы, касательно неразрывной связи критики эссенциализма и причинности в философии Ницше держится уже упомянутый ранее исследователь Джошуа Рейман: «Причинно-следственная связь предполагает тот же метафизический скачок, что и атом, вещь и трансцендентальный субъект, как воображаемое объяснение изменений, выходящих за рамки любого опыта <…> Структурный параллелизм между аргументом в пользу причинности и аргументом в пользу вещности, атомизма и так далее означал бы, что опровержение первого означало бы опровержение всего остального (перевод мой. – *С.А.*)» [8. P. 330]. Таким образом, что философская, что научная картина мира должна либо должным образом ответить на критику Ницше, либо строиться сообразно его критике.

Как показывает Ганс Зигфрид в статье, посвященной квантовой физике и ее связи с наследием Ницше, состояние современной науки как раз-таки, скорее, сообразуется с ницшевской критикой причинности: «Гейзенберг обнаруживает, что наше отношение к природе радикально отличается от того, что было в более ранние эпохи. В более ранние эпохи человек воспринимал природу как нечто иное, как царство со своей собственной структурой и законами, которым нужно было как-то подчиняться. Сегодня мы живем в другом мире; структуры, с которыми мы сталкиваемся в мире, являются нашими собственными конструкциями, и именно поэтому мы как бы сталкиваемся

только с самими собой. Затем Гейзенберг продолжает показывать, что новая ситуация наиболее очевидна в современной физике (перевод мой. – *С.А.*)» [13. P. 628]. То же самое касается и закона причинности, несправедливость которого установила квантовая механика [14. С. 670]. В общем-то и сам Ницше призывал быть прагматичным в этом вопросе и использовать причинность в науке лишь как регулятивные принципы: «„Причиной“ и „действием“ нужно пользоваться как чистыми понятиями, т.е. как конвенциональными фикциями, применяемыми в целях обозначения, соглашения, а не *объяснения*» [5. С. 33].

Выводы

Итак, ницшевский анти-эссенциализм и критика причинности становятся базовыми основаниями для разрыва с предшествующей Ницше философией – метафизикой. Метафизика как традиция восходила к учению элеатов о бытии; идея тождества, а как следствие, и эссенциализм были в основе почти любой философской системы с Античности до Нового времени. Каузализм являлся не менее важным элементом в метафизической интерпретации мира, он лежал в основе как античной, так и средневековой метафизики. Начиная с Нового времени происходил постепенный упадок метафизики. Ницше внес существенный вклад в этот процесс, являясь одним из наиболее артикулировавших критику метафизики мыслителей. Помимо разрыва с метафизикой, Ницше возвращается к альтернативной элеатам онтологии – онтологии становления. Данная онтология интерпретирует сущее в мире как лишенное таких качеств, как неизменность или самотождественность. Становление утверждает непостоянство, является случайностью без целей и начал. Мир становления лишен строгой причинности, и в нем не находится места для “вещности”.

Список источников

1. *Орбел Н.* Ecce Liber: опыт ницшеанской апологии // Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М. : Культурная революция, 2005. С. 571–734.

2. *Ницше Ф.* Из наследия 1872–1873 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. В. Бакусева, В. Невежиной, И. Эбаноидзе и др. ; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. М. : Культурная революция, 2013. Т. 1/2. 480 с.

3. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. В.М. Бакусева. М. : Культурная революция, 2011. Т. 2. 672 с.

4. *Ницше Ф.* Веселая наука // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. В. Бакусева, К. Свасьяна ; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. М. : Культурная революция, 2014. Т. 3. 640 с.

5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. Н.Н. Полилова, К.А. Свасьян. М. : Культурная революция, 2012 Т. 5. 480 с.

6. *Юнгер Ф.* Ницше / пер. с нем. А.В. Михайловского. М. : Праксис, 2001. 256 с.

7. *Ницше Ф.* Рождение трагедии // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. ; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. М. : Культурная революция, 2012. Т. 1/1. 416 с.

8. *Rayman J.* Nietzsche on Causation // The Journal of Speculative Philosophy. 2014. Vol. 28, № 3. P. 327–334.

9. *Аристотель.* Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 347 с.

10. *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1887–1889 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. В.М. Бакусева и А.В. Гараджи ; науч. ред. С.В. Казачков. М. : Культурная революция, 2006. Т. 13. 656 с.

11. *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1885–1887 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. В.М. Бакусева ; науч. ред. С.В. Казачков. М. : Культурная революция, 2005. Т. 12. 560 с.

12. *Ницше Ф.* Сумерки идолов // Полное собрание сочинений : в 13 т. / пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др. ; науч. ред. И.А. Эбаноидзе. М. : Культурная революция, 2009 Т. 6. 408 с.

13. *Siegfried H.* Autonomy and Quantum Physics: Nietzsche, Heidegger, and Heisenberg // Philosophy of Science. 1990. Vol. 57, № 4. P. 619–630.

14. *Гейзенберг В.* О наглядном содержании квантовотеоретической кинематики и механики // Успехи физических наук. 1977. Т. 122, вып. 8. С. 651–671.

References

1. Orbel, N. (2005) Ecce Liber: opyt nitssheanskoy apologii [Ecce Liber: An attempted Nietzschean apology]. In: Nietzsche, F. *Volya k vlasti: opyt pereotsenki vsekh tsennostey* [The Will to Power: An Attempted Transvaluation of All Values]. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 571–734.

2. Nietzsche, F. (2013) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 1/2. Translated from German by V. Bakusev, V. Nevezhina, I. Ebanoidze et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

3. Nietzsche, F. (2011) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 2. Translated from German by V. Bakusev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

4. Nietzsche, F. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 3. Translated from German by V. Bakusev, K. Svasyan. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

5. Nietzsche, F. (2012a) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 5. Translated from German by N.N. Polilov, K.A. Svasyan. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

6. Junger, F. (2001) *Nitsshe* [Nietzsche]. Translated from German by A.V. Mikhaylovsky. Moscow: Praksis.

7. Nietzsche, F. (2012b) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 1/1. Translated from German by V. Bakusev, L. Zavalishina et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

8. Rayman, J. (2014) Nietzsche on Causation. *The Journal of Speculative Philosophy*. 28(3). pp. 327–334. DOI: 10.5325/jspecphil.28.3.0327

9. Aristotle. (1934) *Metafizika* [Metaphysics]. Translated from Ancient Greek by A.V. Kubitsky. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

10. Nietzsche, F. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 13. Translated from German by V.M. Bakusev, A.B. Garadzhi. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

11. Nietzsche, F. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 12. Translated from German by V.M. Bakusev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

12. Nietzsche, F. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 6. Translated from German by Yu.M. Antonovsky, Ya.E. Golosovker et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

13. Siegfried, H. (1990) Autonomy and Quantum Physics: Nietzsche, Heidegger, and Heisenberg. *Philosophy of Science*. 57(4). pp. 619–630. DOI: 10.1086/289582

14. Heisenberg, V. (1977) O naglyadnom soderzhanii kvantovoteoreticheskoy kinematiki i mekhaniki [On the visual content of quantum theoretical kinematics and mechanics]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. 122(8). pp. 651–671.

Сведения об авторе:

Московец С.А. – магистрант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: terawarss@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Moskovets S.A. – master's student, Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: terawarss@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.0.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 25.0.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 115–123.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 115–123.

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/75/10

«ЦАРСТВО САТАНЫ» В ЭСХАТОЛОГИИ ТОМАСА ГОББСА

Артём Юрьевич Тетерин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, avronconst@gmail.com

Аннотация. На основе анализа текстов Томаса Гоббса и исследовательской литературы предпринята попытка актуализировать значение «Царства Сатаны» в эсхатологии английского мыслителя. Выдвинут тезис о «Царстве Сатаны» как угрозе политической философии Гоббса. Через сравнение «Царства Божьего» и «Царства Сатаны» представлены идеи о философии истории, продемонстрирована связь эсхатологии и политической философии Гоббса.
Ключевые слова: Бегемот, Левиафан, «Царство Сатаны», «Царство Божье», эсхатология

Для цитирования: Тетерин А.Ю. «Царство Сатаны» в эсхатологии Томаса Гоббса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 115–123. doi: 10.17223/1998863X/75/10

Original article

THE “KINGDOM OF SATAN” IN THOMAS HOBBES’ ESCHATOLOGY

Artyom Yu. Teterin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, avronconst@gmail.com

Abstract. Eschatology is a key component that Thomas Hobbes uses for his political philosophy. Hobbes turns to eschatology to strengthen his political philosophy against the backdrop of millenarianism in England. Although Hobbes’ scholars and commentators pay attention to Hobbes’ eschatological project, no one adequately addresses his reasoning on the “Kingdom of Satan”, which is presented in the last chapter of *Leviathan*. Hobbes does not develop the concept of the “Kingdom of Satan” anywhere before. This idea is developed in his *opus magnum*, *Leviathan*. the “Kingdom of Satan” is opposed to the concept of the “Kingdom of God”. but Hobbes makes his own adjustments to the concept of the “Kingdom of God”: it is no longer the “perpetual felicity of Heaven”, but a natural form, a basis for the subject to submit to his sovereign until the end of the world. Enemies and threats to sovereign authority become the “Kingdom of Satan”, which creates an obstacle to the sovereign’s authority and the ability of the subjects to potentially enter the “Kingdom of God”. I turn to Michel Foucault’s notion of “political historicism”, which allows highlighting commonalities among opponents of sovereign power in England who have turned to eschatology. This kind of discourse is united by the common idea of agreeing that all human history is a relationship of domination; therefore, any civil authority is taken out of the bracket. However, opponents of civil authority who rely on religion and eschatology in their political actions are, according to Hobbes, the “Kingdom of Satan” – a “Confederacy of Deceivers”. The fact that they are a confederacy rather than a state or commonwealth condemns them to exist within the natural state because confederacy is the basic form of human coexistence in the natural state, which has no potential for a social contract. In the end, Hobbes concludes that the subjects will be saved and resurrected on the Day of

© А.Ю. Тетерин, 2023

Judgment, while the proponents of the “Kingdom of Satan” will die again. Thus, the only way to salvation and entrance into the “Kingdom of God” becomes a “quiet waiting for the coming again” in harmony with the Sovereign.
Keywords: *Behemoth*, *Leviathan*, “Kingdom of Satan”, “Kingdom of God”, eschatology

For citation: Teterin, A.Yu. (2023) The “Kingdom of Satan” in Thomas Hobbes’ eschatology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 115–123. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/10

Эсхатология является важным компонентом, который Томас Гоббс использует для своей политической философии. Включение английским философом эсхатологии в «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651) – это попытка поспособствовать реализации своей политической концепции на фоне гражданской войны в Англии, где пользовались влиянием милленаристские настроения и движения [1]. Эсхатологическими настроениями были охвачены не только духовенство и маргинальные слои населения Англии того времени, но еще и армия, ученые умы и политические деятели от парламентариев до королей [2. P. 94].

Современные исследователи Дж. Пококк (J. Pocock), С. Менезес (S. Meneses), Т. Окада (T. Okada), М. Симендич (M. Simendic) и Дж. Шварц (J. Schwartz) способствовали изучению эсхатологической проблематики в политической философии Гоббса, доказывая значение эсхатологии как части политического проекта Гоббса в силу того, что его эсхатология одновременно развивала религиозный и политический маршрут [1]. Эти исследования объединяет общий исследовательский интерес к проблематике Царства Божьего, но их главным недостатком является отсутствие подробного изучения «Царства Сатаны» (Kingdom of Satan). С нашей точки зрения, «Царство Сатаны» не только является частью рассуждений о критике церкви, но и проливает свет на политические и эсхатологические рассуждения Гоббса. Так, важность «Царства тьмы» / «Царства Сатаны» отмечал немецкий философ и правовед XX в. Карл Шмитт, анализируя труд Лео Штраусса: «Борьба с вожделенным для римской церкви „царством тьмы“, восстановление первоначального единства составляет, по утверждению Лео Штраусса, подлинный смысл гоббсовой теории государства»[1] [3. С. 120].

Цель данной работы состоит в актуализации понятия «Царства Сатаны» в рамках эсхатологии Томаса Гоббса. Для достижения поставленной цели мы рассмотрим, откуда Гоббс берет и как определяет «Царство Сатаны», через противопоставление с «Царством Божьим» попытаемся включить понятие «Царство Сатаны» в эсхатологию, следовательно, в политическую философию Томаса Гоббса. Таким образом, предпринимается попытка устранить пробел в историко-философских исследованиях, посвященных эсхатологии Гоббса.

«Царство Сатаны» впервые встречается в третьей части «Основ философии» (1640). Английский мыслитель, интерпретируя Новый Завет, пытается лишить «Царство Сатаны» метафоричности. Гоббс ссылается на то, что апостол Павел называет преданием сатане (1 Кор. 5:5), подразумевая под преда-

[1] Шмитт ссылается на работу немецко-американского политического философа Лео Штраусса (1899–1973) под названием «Die Religionskritik Spinozas» (1930), в которой, помимо Спинозы, Штраусс обсуждает идею Гоббса о противостоянии евреев и язычников. См.: [3. С. 119–120].

нием отлучение или изгнание из сообщества (церкви, синагоги и т.п.) с целью повлиять на спасение душ тех, кто был отлучен. Апостол Павел адресует эти слова коринфянам для внедрения и поддержания дисциплины внутри общины верующих христиан [4. С. 485][1]. В эпоху раннего христианства было сильно убеждение, что «все за пределами церкви считалось царством сатаны» [4. С. 485], а дьявол, таким образом, играл роль «исправителя» в том же смысле, как это происходит в ветхозаветной Книге Иова [5. С. 70][2]. Гоббс говорит, что целью этого было «научить смирению отлученных на время от милости и духовных благ, даруемых церковью…» [4. С. 485]. В контексте этих рассуждений Гоббс подводит читателей к невозможности отлучения государства от церкви, иначе церковь изгоняет саму себя, потому что «ведь те, кто не собираются на общие для них собрания, не могут быть изгнаны из них; и если бы какая-нибудь церковь… отлучила бы другую… она с тем же успехом отлучила бы и самое себя… ведь невозможно отлучить от церкви тех, кто собственно и образует ее» [4. С. 485–496].

В последующем мы не встречаем упоминаний о сатане или «Царстве Сатаны» в работах Гоббса, кроме как в произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

Несмотря на то, что Гоббс пытается отстраниться от фигуры дьявола / сатаны, обозначая ее как пример неверного словоупотребления, метафоры, было бы ошибкой считать, что для политической философии Гоббса метафора является чужеродным элементом. Так, историк Ф. Анкерсмит характеризует работы Гоббса как изобилующие метафорами [6. С. 298].

«Царство Сатаны» обретает свое метафорическое значение в «Левиафане» и является синонимом «Царства Тьмы», представляющего собой «обманщиков, которые в целях приобретения власти над людьми в этом мире стремятся темными и ошибочными учениями погасить как естественный свет, так и свет Евангелия и сделать людей неспособными войти в грядущее Царство Божие» [7. С. 804]. Отсюда вытекает два положения: во-первых, оно претендует на власть над человеческими умами; во-вторых, эти Царства (Бога и Сатаны) противопоставляются друг другу. Здесь также можно отметить стремление «Царства Сатаны» погасить «естественный свет» (lumen naturale), без которого невозможен «естественный разум» (который по рождению достался каждому человеку для познания, а в дальнейшем для обращения к философии), а также религии, поскольку «учение религии должно доставлять Священное писание, а философские учения – естественный разум» [4. С. 69]. Следовательно, действия «Царства Сатаны» направлены и на религию, и на философию. Напомним, что «Царство Сатаны» противостоит «Царствию Божьему» в попытке не допустить людей к спасению. Для того чтобы лучше понять особенность этого противопоставления, обратимся к трактовке «Царства Божьего» в «Левиафане».

---

[1] Данная история связана с тем, что апостол Павел узнал: в христианской общине в Коринфе «некто вместо жены имеет жену отца своего» (1 Кор. 5:1) и не был осужден за это. Разгневавшись на сложившуюся ситуацию, Павел принял решение изгнать провинившегося из общины с целью спасти его душу: «…дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело» (1 Кор. 5:2), нужно «предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 5:5).

[2] В Книге Иова (2:6) также встречаются слова о передаче человека в руки Сатаны: «И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги» (текст дан в синодальном переводе). Подробно см.: [5].

«Царство Божье» представляет собой проблему в политической философии, поскольку вызывает трудность у поданных «повиноваться одновременно Богу и человеку в тех случаях, когда поведения того и другого противоречат друг другу» [7. С. 792]. Такое противоречие становится предлогом для волнений и гражданских войн.

Чтобы избавиться от противоречия, Гоббс переосмысляет это понятие. «Царство Божие», как говорит Гоббс, не следует рассматривать как «вечное блаженство на небесах после земной жизни» [7. С. 527]. Оно несет буквальный смысл и, согласно Ветхому Завету, было установлено «голосованием народа израильского в особой форме, при которой этот народ, получив от Бога обещание отдать ему во владение землю Ханаанскую, избрал Бога своим царем, заключив с Ним завет» [7. С. 687]. Гоббс называет его «Царство Божье при посредстве природы» (в зарубежной литературе это понятие встречается как «естественное Божье Царство» или natural kingdom of God, для удобства мы будем использовать вариант «Царства Божьего» и подразумевать под ним новое понятие Гоббса).

На основании анализа Писания Гоббс выделяет две формы «Царства Божьего»: пророческую и естественную. Ввиду того, что время пророков подошло к концу остается лишь единственно существующая форма «Царства» – естественная [7. С. 658]. В пророческой форме божественные законы транслировались из уст пророков, с которыми Бог общался непосредственно. В настоящее время, когда пророков не осталось и есть лишь Писание, единственным толкователем религиозных текстов становится Суверен, которому Христос оставил верховную власть [7. С. 739], а подчинение «всякому человеческому начальству» является благом, поскольку «такова есть воля Божия» [7. С. 739][1]. То есть Гоббс приходит к выводу, что «повиновение своему христианскому суверену никому не мешает ни верить, ни повиноваться Богу» [7. С. 802].

Рассуждения о преемственности гражданской власти с «Царством Божьим» открывают перед нами то, что исследователи Гоббса вывели из «Левиафана», – концепцию человеческого прогресса в трех стадиях: естественное состояние (Nature), гражданственность / гражданское состояние (Civility) и «Царство Божие» (Kingdom of God), от естественного состояния до вхождения в «Царство Божие» [8]. Отмечается, что этому соответствует сама структура произведения: от природы человека (Часть I «О человеке»), государства (Часть II «О государстве») до «Царства Божьего» (Часть III «О христианском государстве). При этом «Царству Тьмы» («Царству Сатаны») представлено место в последней IV главе произведения. Чем сопровождается человеческий прогресс в философии Гоббса или что является движущей силой прогресса? Все это сопровождается переходом от господства страстей к господству разума [8. P. 897].

В гражданском состоянии (Civility) мы, согласно Гоббсу, относимся к настоящему миру, современности, что завершится Вторым Пришествием Иисуса Христа [1. P. 140], дата которого никому не известна, о чем говорится в Евангелии от Матфея (24:3–8), хотя Гоббс не ссылается на это место в Новом Завете. Однако в ситуации, когда никто не знает, когда наступит Второе Пришествие, появляется возможность «выйти из истории». Что имеется в

[1] Ссылки на Первое послание Петра (2: 14–15) приведены в соответствии с «Левиафаном».

виду под этими словами? Далее мы продемонстрируем, как выводимая концепцию Гоббса связана с «Царством Сатаны».

В 1976 г. французский историк и философ Мишель Фуко в своих лекциях «Нужно защищать общество» обратился к «Левиафану» Томаса Гоббса. Фуко выявил, что «Левиафан» хочет «заставить замолчать дискурс политического историцизма» [9. С. 109]. Так Фуко назвал род дискурса, против которого были направлены идеи Гоббса. «Политический историцизм» гласил, что «с тех пор как возникли властные отношения, мы не находимся в ситуации права и суверенитета; мы находимся в условиях господства… Мы не можем выйти из нее, а значит, не можем выйти из истории» [9. С. 109]. Стратегия Гоббса направлена на исключение такого рода дискурса.

Проиллюстрируем те идеи, которые были высказаны современниками Гоббса, чтобы показать их сходство с «политическим историцизмом». Обратимся к движению «Пятой Монархии» (Fifth Monarchists)[1]. Его сторонники опирались на ряд религиозных произведений, в частности, на работу Генри Арчера (Henry Archer) «Личное Царство Христа на Земле» (The Personal Reign of Christ upon Earth), датируемую 1642 г. Один из главных тезисов текста – возвещение Царства Христа, которое приведет к уничтожению власти тиранов на земле: «У Христа есть цель поглотить всю царскую власть, Он свяжет с ней мир, позволив ему досадить и разрушить Землю; и когда весь мир будет стенать под тиранией и притеснением царей, тогда придет Он и низвергнет все их Престолы» [10].

Исходя из интерпретации Книги пророка Даниила о четырех Царствах, сторонники «Пятой Монархии» представляли себе историю в виде последовательности четырех монархий (от Ассирийской и Вавилонской до Римской), после которых наступит Пятая. По мнению Уильяма Аспинуолла (William Aspinwall), автора «Краткого описания пятой монархии» (A brief description of the fifth monarchy; 1648–1662), наступление Пятого Царства «подсказывали» тогдашние события: «Все это исполнилось на Карле, покойном короле или абсолютном суверене трех королевств, яростном и надменном тиране и гонителе святых, чье владычество продолжалось до тех пор, пока не был вынесен приговор, т.е. Парламент и Высший суд, который убил зверя и полностью уничтожил его владычество, приняв закон против королевской власти. Зверь, или главный правитель, был убит или обезглавлен, гл. 11 (Книга пророка Даниила. – *А.Т.*). И тело его, т.е. все реликвии царской власти, которые как каркасы царской власти, все они, первые или последние, должны быть разрушены и уничтожены» [11].

Пример со сторонниками «Пятой Монархии» здесь приводится неслучайно. В «Бегемоте, или Долгом Парламенте» Гоббс прозвал их наряду с другими религиозными движениями «совратителями» народа, которые утверждали, что «в это время на земле должно было начаться Царство Христово» [7. С. 910]. Эти противоположные Гоббсу взгляды объединяет не только желание грядущего наступления «Царства Божьего», но и войны как «постоянная черта общественных отношений» [9. С. 125]. Поэтому эсхатология, которая транслируется «воинствующей церковью», вписывается в логику «политического историцизма», поскольку пока продолжается «история», ведущая нас к концу, будут править

[1] Религиозно-политическое движение, действовавшее в Англии в 1649–1650 гг. Известно тем, что отстаивало милленаристские взгляды.

отношения господства, где нет более места суверенной гражданской власти, на чье место должно ступить «Царство Божье».

Гоббс говорит, что бенефициаром подобных идей выступает «воинствующая церковь» [7. С. 854–855]. «Воинствующая церковь» распространяет «тьму» (ложные, ошибочные учения) среди народа, что ведет в конечном итоге к тому, что поданные отвергают власть своего суверена: «…они погашают свет естественного разума и так затемняют человеческий рассудок, что люди в конце концов перестают понимать, кому они обязаны повиновением» [7. С. 806]. В то время Гоббс считает важным то, что религия должна подразумевать «мирное ожидание нового пришествия нашего благословенного Спасителя… решимость повиноваться королевским законам (которые являются также и божественными законами)… не смешивая нашу религию с вопросами естественной философии, такими как свобода воли, бестелесная субстанция, вечность, вездесущность, ипостаси, которых народ не понимает и о которых никогда не заботится»[1] [7. С. 935]. Другими словами, эсхатология, выраженная ожиданиями Второго Пришествия Христа, не должна быть превращена в орудие политических распрей.

Именно в этом контексте «Царство Сатаны» и обретает метафорический смысл, обозначая потенциальных врагов суверенной власти, транслирующих те дискурсы, которые угрожают политическому проекту Гоббса, потому что они уводят поданных в состояние «войны всех против всех», обратно в историю, где правит господство. Чтобы связать понятие «Царства Сатаны» с естественным состоянием, нам необходимо заново обратиться определению этого понятия как «союза обманщиков».

В английском варианте «союз обманщиков» обозначается как «Confederacy of Deceivers» и буквально переводится как «конфедерация обманщиков»[2] [12]. В первую очередь следует задать вопрос: в каком контексте Гоббс употребляет это понятие? Ответ – в XIII главе «Левиафана» («О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей»), где он пишет: «…более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими (or by confederacy with others), кому грозит та же опасность, убить более сильного» [7. С. 511]. То есть «союз», или «конфедерация», по Гоббсу, представляет собой одну из форм социального взаимодействия, которую научились создавать люди в естественном состоянии[3] [13].

---

[1] Здесь имеет место проблема употребления слов. Гоббс в IV главе «Левиафана» приводит классификацию слов, где есть «слова, смысл которых еще не установлен определением; огромное количество таких имен сочинено схоластами и малодушными философами» [7. С. 459]. Такие слова не ведут к пониманию, так как для понимания, по Гоббсу, необходимо понимание значения слов, а ученые мужи должны начинать свои рассуждения с определений, т.е. с «установления значения своих слов» [7. С. 463].

[2] Слово confederacy происходит от латинского *confoederatus* (объединяться в лигу): *com* + *foederare* (*foedus*). Активно используется в европейских языках: например, в XIV в. во французском языке *confederacie* – некоторая совокупность лиц, состоящая в союзе, в объединении, отсылающая нас к истории Древней Греции (Первый Афинский Союз как Foedus Delium). В отличие от *confederation* слово *confederacy* подчеркивает временный характер объединения / союза, что применяется в современном значении как «союз государств», существующих на постоянной основе. В XVII–XVIII вв. *confederacy* обретает негативный оттенок и становится синонимом «заговора» против кого-либо.

[3] Данное предложение не должно вводить в заблуждение. Во-первых, «естественное состояние» Гоббса следует рассматривать не как ранее существовавшую историческую реальность, а, скорее, как идеальный тип или мыслительную конструкцию (вспомним, что Гоббс с большим трепетом относился к геометрии). Во-вторых, естественное состояние не означает состояния «дикости», а подразумевает существование общественных отношений.

В чем заключается проблема «Царства Сатаны» как конфедерации / союза? Во-первых, как и любой другой союз (confederacy) в логике Гоббса, он не дает «никакой уверенности в том, что эти обещания будут выполнены с какой-либо стороны» [7. С. 526]. Во-вторых, там, где нет суверена, «каждый является врагом каждого» [7. С. 526]. В-третьих, если учитывать сказанное ранее о «воинствующей церкви» и ее «темном» учении, то «соглашение не следует заключать с порочными людьми» [7. С. 527]. В-четвертых, «Царство Сатаны» воспроизводит отношения господства в войне «всех против всех», поскольку «сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями» [7. С. 514]. В-пятых, на основе «темных учений», направленных на погашение «естественного разума», невозможно заключить договор (covenant) по той причине, что лишь «разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к соглашению» [7. С. 515]. В-шестых, невозможность каждого точно предсказать Второе Пришествие Христа не есть основание для заключения договора с «Царством Сатаны», ибо такое будущее неясно и неизвестно. Следовательно, ожидание такого будущего есть всего лишь надежда, являющаяся аффектом, что составляет «желание, соединенное с мнением» [7. С. 469], что мешает «каждому познать законы природы» [4. С. 315]. Также «закон природы», или «естественный закон», всегда совпадает с законом гражданским [7. С. 602]. В такой ситуации договор недействителен, другими словами, «…не может быть соглашения о том, что невозможно в будущем» [7. С. 521]. В-седьмых, соглашение возможно только с Сувереном, а не непосредственно с Богом, потому что «заключить соглашение с Богом можно лишь при посредстве тех, с кем Бог сообщается путем сверхъестественного откровения, или при посредстве Его наместников, правящих под Ним и от Его имени, ибо иначе мы не знаем, принимает Бог наши условия или нет» [7. С. 521]. Так, Суверен становится проводником поданных в «Царство Божье», а «Царство Сатаны» – той стороной, которая не может обеспечить какой-либо договор всех со всеми, обрекая себя находится в «естественном состоянии».

В конце концов Гоббс предлагает свой вариант эсхатологии, и отсюда возникает вопрос: что, согласно Гоббсу, произойдет с «Царством Сатаны» после Второго Пришествия? Ответ – враги «Царства Божьего» воскреснут в конце времен, это будут «тела отверженных» [7. С. 817]. Жившие, таким образом, в грехе, в духовной тьме, повторно умрут, но остальные вернутся к состоянию, в котором жил Адам до грехопадения [7. С. 817]. Второе Пришествие будет означать исчезновение «Рукотворного Бога» (другими словами, Рукотворного / Смертного Бога заменит Вечный Бог), ранее удерживавшего мир настоящего в порядке и гарантировавшего своим поданным-христианам «быть принятыми в Царство Божие» [7. С. 738]. Так, единственным путем к спасению и вхождению в «Царство Божье» становится «мирное ожидание нового пришествия» в согласии с Сувереном.

Исходя из вышесказанного, мы можем резюмировать, что Суверен снимает вопрос о предстоящем светопреставлении и переводит этот вопрос в режим «мирного ожидания». Он выводит поданных из «истории», где царит господство («сила и коварство»), демонстрируя, что «Царство Сатаны» представляет собой союз (confederacy), который выступает против философии («естественного разума»), религии и гражданского состояния, выразителем

«темных учений», силы, действующей в рамках естественного состояния / «войны всех против всех». Гоббс помещает «Царство Сатаны» в собственный эсхатологический и политический проект: ныне приобщение поданных к «Царству Сатаны» ведет к одному результату – невозможности спасения, потому что путь к «Царству Божьему» лежит через приверженность Суверену. Автор «Левиафана» отказывается от «историцисткого» взгляда на мир, поскольку призывает не задаваться пророческими вопросами о грядущем Пришествии, а сделать ставку на современность, т.е. порядок и мир.

Список источников

1. *Meneses S.A.* The Apocalypse of Leviathan: Eschatology on the political project of Thomas Hobbes // Revista de Filosofia. Universidad Católica de la Santisima Concepción. 2022. Vol. 21, № 1. P. 129–145.

2. *Jones B.* Part II – Historical Case Studies. Tempering Apocalyptic Ideals: Hobbes and Pretenders to God's Kingdom // Apocalypse without God Apocalyptic Thought, Ideal Politics, and the Limits of Utopian Hope. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 92–118.

3. *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб. : Владимир Даль, 2006. 300 с.

4. *Гоббс Т.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.

5. *Келли Г.А.* Сатана: биография : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2011. 328 с.

6. *Анкерсмит Ф.Р.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.

7. *Гоббс Т.* Основы философии (о теле, о человеке, о гражданине) ; Человеческая природа ; О свободе и необходимости ; Левиафан : пер. с англ. М. : АСТ, 2022. 944 с.

8. *Simendic M.* Nature, civility and eschatology: Thomas Hobbes's progress in three acts // Filozofija i Drustvo. 2016. Vol. 27, № 4. P. 884–900.

9. *Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб. : Наука, 2005. 312 с.

10. *Archer J.* The Personall Reign of Christ upon Earth. London: Benjamin Allen. 1642. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Personall_Reign_of_Christ_upon_Earth.html?id=eTNt8gN_uu8C&redir_esc=y (accessed: 05.06.2023).

11. *Aspinwall W.* A brief description of the fifth monarchy, or kingdome, that shortly is to come into the world. London : M. Simmons and Liverwell Chapman at the Crown in Popes head-Alley, 1653. URL: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A75729.0001.001/1:2?rgn=div1;view=toc (accessed: 05.06.2023).

12. *Confederacy* (noun) // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/confederacy (accessed: 05.06.2023).

13. *Филиппов А.Ф.* Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 102–112.

References

1. Meneses, S.A. (2022) The Apocalypse of Leviathan: Eschatology on the political project of Thomas Hobbes. *Revista de Filosofia. Universidad Católica de la Santisima Concepción*. 21(1). pp. 129–145.

2. Jones, B. (2022) *Apocalypse Without God: Apocalyptic Thought, Ideal Politics, and the Limits of Utopian Hope*. Cambridge: University Press.

3. Schmitt, C. (2006) *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [Leviathan in the Doctrine of the State by Thomas Hobbes]. Translated from German by D.V. Kuznitsyn. St. Petersburg: Vladimir Dal.

4. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. Translated from English. Moscow: Mysl'.

5. Kelly, H.A. (2011) *Satana: Biographiya* [Satan: A Biography]. Translated from English by L.A. Yakushina, O.V. Kogteva. Moscow: Ves' Mir.

6. Ankersmith, F.R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.

7. Hobbes, T. (2022) *Osnovy filosofii (o tele, o cheloveke, o grazhdanine); Chelovecheskaya priroda; O svobode i neobhodimosti; Leviafan* [Elements of Philosophy; Human Nature; Of Liberty and Necessity; Leviathan]. Translated from English. Moscow: AST.

8. Simendic, M. (2016) Nature, civility and eschatology: Thomas Hobbes's progress in three acts. *Filozofija i društvo*. 27(4). pp. 884–900.

9. Foucault, M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [It is necessary to protect society: A course of lectures given at the College de France in the 1975–1976 academic year]. Translated from French by E.A. Samarskaya. St. Petersburg: Nauka.

10. Archer, J. (1642) *The Personall Reign of Christ upon Earth*. London: Benjamin Allen. [Online] Available from: https://books.google.ru/books/about/The_Personall_Reign_of_Christ_upon_Earth.html?id=eTNt8gN_uu8C&redir_esc=y (Accessed: 5th June 2023).

11. Aspinwall, W. (1653) *A brief description of the fifth monarchy, or kingdome, that shortly is to come into the world*. London: Simmons and Liverwell Chapman at the Crown in Popes Head-Alley. [Online] Available from: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A75729.0001.001/1:2?rgn=div1;view=toc (Accessed: 5th June 2023).

12. Etymonline.com. (n.d.) *Confederacy*. [Online] Available from: https://www.etymonline.com/word/confederacy (Accessed: 5th June 2023).

13. Filippov, A. (2009) Aktual'nost' filosofii Gobbsa. Stat'ya pervaya [The relevance of Hobbes' philosophy. Article One]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 8(3). pp. 102–112.

Сведения об авторе:
Тетерин А.Ю. – магистр социологии, аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avronconst@gmail.com

Information about the author:
Teterin A.Yu. – MSc. (Sociology), postgraduate student, Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avronconst@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 07.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 124–137.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 124–137.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.83
doi: 10.17223/1998863X/75/11

КОРЕЙСКИЕ ДИАСПОРЫ В СИСТЕМЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дмитрий Николаевич Барышников

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, barydmit2008@yandex.ru

Аннотация. Основная цель статьи – оценка роли и возможностей корейских диаспор в современной системе дипломатической коммуникации, трактуемой как: 1) политика привлечения правительством страны исхода соотечественников за рубежом в качестве агентов публичной дипломатии или внешнеполитического ресурса; 2) международная активность собственно этнических корейских диаспор, главным образом из стран СНГ. Отдельное внимание уделяется анализу текущей академической дискуссии об определении места диаспор в системе международных отношений и новых формах дипломатии.
Ключевые слова: диаспора, дипломатия, дипломатическая коммуникация, внешняя политика, Республика Корея, корейские диаспоры СНГ

Для цитирования: Барышников Д.Н. Корейские диаспоры в системе дипломатической коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 124–137. doi: 10.17223/1998863X/75/11

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

KOREAN DIASPORAS IN THE SYSTEM OF DIPLOMATIC COMMUNICATION

Dmitry N. Baryshnikov

St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, barydmit2008@yandex.ru

Abstract. The article aims to assess the role of Korean diasporas in the modern system of diplomatic communication. The relevance of the topic is founded on the importance of interaction with compatriots abroad for the government of South Korea and at the same time on the growing activity of Korean diasporas themselves in international cooperation. Important theoretical problems in any study on diasporas are linked to the discussion on parameters of their evolution, classification criteria and institutional status. Some other

© Д.Н. Барышников, 2023

debatable points are the question of diasporas as actors of international relations and the definition of the diaspora diplomacy. Having considered a number of previous approaches, the author has dared to propose his own definition of the diaspora diplomacy as follows: (1) the policy of attracting foreign diasporas by the government of the country of origin; (2) international activity of ethnic diasporas themselves aimed at strengthening their own positions in relations with the states of origin and residence. Based on that interpretation of the diaspora diplomacy and considering the Track II diplomacy as an appropriate mechanism, the author has tried to consider problems of involving some governmental institutions of the Republic of Korea in dealing with foreign compatriots. According to his findings, since 2022 one can talk about a new, more centralized approach to building relations with Koreans abroad by the government of South Korea. The second dimension of the diaspora diplomacy is connected with the activities of the very communities of compatriots abroad. Korean diasporas in the CIS countries and, above all, the largest of them in Russia, Uzbekistan and Kazakhstan, are distinguished by a long and complicated history, thus, by a complex cultural and linguistic identity. After the collapse of the USSR, once united by a common past in a large country, they tried to build some special relations with their historical homeland, while simultaneously integrating into the new socio-political and cultural context of independent post-Soviet states. Today national Korean associations have become the main unifying institutions for CIS Koreans, their members stay quite active in important international projects and dispose of considerable experience in diplomatic communication. The study is concluded with some reflections on positive and problematic aspects of diplomatic communication with the participation of Korean diasporas. Despite prevailing positive conclusions on stability and institutional development of Korean diasporas, the presence of an adequate political agenda, a large number of highly formed professionals in CIS Korean diasporas, certain risks and obstacles are still found for the full-fledged involvement of post-Soviet Korean communities in solving important international problems using Track II diplomacy.

Keywords: diaspora, diplomacy, diplomatic communication, foreign policy, Republic of Korea, Korean diasporas of CIS

For citation: Baryshnikov, D.N. (2023) Korean diasporas in the system of diplomatic communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 124–137. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/11

Введение

В глобальной международной среде количество и разнообразие нетрадиционных акторов постоянно увеличиваются, в том числе за счет растущей активности национальных и этнических диаспор. При том что в академическом и экспертном сообществах продолжаются дискуссии об институциональном статусе зарубежных этнических диаспор и критериях их классификации [1; 2. P. 109–118], правительства многих стран продолжают активно привлекать соотечественников за рубежом в качестве участников дипломатической коммуникации. При этом по-прежнему довольно непросто оценить эффективность такого сочетания официальной правительственной и неофициальной, диаспоральной дипломатии, поскольку взаимодействие сторон весьма различается от страны к стране в зависимости от истории возникновения, численности и влиятельности искомой этнической диаспоры, характеризуется тем, что, формально имея общие цели и проявляя солидарность с правительством государства исхода, диаспоры могут по-своему трактовать общие интересы в стране поселения и на международной арене.

Тем не менее правительства ряда в том числе влиятельных государств относят развитие взаимоотношений с соотечественниками за рубежом к приоритетным направлениям собственной внешней политики и рассматривают

опору на собственные диаспоры в качестве эффективного дипломатического инструмента. Одну из моделей по привлечению собственных диаспор в качестве внешнеполитического ресурса, в том числе на неофициальном дипломатическом треке, на протяжении нескольких десятилетий развивает Республика Корея, чей опыт в этом отношении имеет очевидную ценность для государств, создающих собственные инструменты диаспоральной дипломатии.

Не менее важно оценить возможности и перспективы собственно корейских диаспор в качестве самостоятельных субъектов неформальной дипломатической коммуникации. В этом отношении ценность и безусловный интерес с практической точки зрения, на наш взгляд, представляет опыт крупнейших сообществ корейцев в государствах-участниках Содружества Независимых Государств.

Этнические диаспоры в глобальном мире

Современная этнополитическая карта диаспор глобальна и отражает множество культурных, религиозных, страновых и региональных нюансов. Как следствие, исчерпывающее определение понятий, связанных с диаспорами, их классификация и характеристика с точки зрения вовлеченности в транснациональные политические процессы и дипломатическую коммуникацию по-прежнему весьма затруднены [2. P. 111–120].

При том что научная дискуссия о ключевых критериях для определения понятия «диаспора» продолжается, ряд авторов еще в начале 2000-х гг. предложили самую общую, базовую интерпретацию: диаспора – сообщество «людей общего происхождения, которые проживают на относительно постоянной основе за пределами своей этнической и религиозной родины» [3. P. 452]. Кроме того, диаспоры или группы диаспор с учетом их специфических характеристик, вероятно, отвечают основным общим признакам, выдвинутым У. Сафраном:

– рассеяние из определенного первоначального «центра» в два или более инокультурных региона;

– сохранение коллективной памяти и мифологии исконной родины о ее местоположении, истории, достижениях и, довольно часто, страданиях;

– трудные отношения с доминирующим элементом общества в принимающей стране; они (члены диаспоры. – *Д.Б.*) считают, что остаются чужими и не могут быть полностью приняты коренным населением, и поэтому чувствуют себя частично отчужденными и изолированными от него;

– восприятие родины предков как своего истинного, идеального дома и места, куда они или их потомки могли бы (или должны были бы) вернуться при соответствующих условиях;

– этнообщинное сознание и солидарность, выходящие за рамки политических границ, коллективная приверженность к сохранению или восстановлению своей исконной родины и ее независимости, безопасности и процветанию;

– стремление выжить как отдельная община (в большинстве случаев как меньшинство), сохраняя и передавая культурное и / или религиозное наследие, унаследованное от предков, а также символы, основанные на нем;

– формирование культурных, религиозных, экономических и / или политических институтов, поддерживающих или развивающих отношения с родиной [4. P. 37].

В исторической эволюции диаспор, как правило, выделяют три основных этапа.

Так называемый классический период относится к временам основания колоний древними греками и рассеяния евреев под властью Рима. Формирование диаспор Нового времени относят к периоду европейской колонизации, когда происходило включение коренных народов колоний в систему политических и экономических отношений с европейцами. Наконец, нынешний, новейший период истории формирования диаспор берет свое начало в середине XX в., когда скорость и масштабы международных миграционных процессов начали стремительно нарастать и к нашим дням приобрели поистине глобальные масштабы [5. P. 46–49].

С конца прошлого столетия фундаментальные геополитические сдвиги, связанные с распадом биполярной системы, образованием десятков новых независимых государств (прежде всего в Евразии) и глобализацией международной среды, привели к развитию новых характеристик этнических диаспор как этносоциального феномена.

Прежде всего, это беспрецедентный *рост международной миграции* с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Так, по некоторым данным, за последние 50 лет численность мигрантов в мире увеличилась почти в три раза [1]. Согласно статистике ООН, в 2022 г. в мире насчитывался 281 млн международных мигрантов, или 3,6% населения Земли [6]. В 2019 г. мигрантов в мире было на 128 млн больше, чем в 1990 г., и в три раза больше, чем в 1970 г. [6].

Кроме того, вследствие небывалой интенсивности международной миграции, все большей глобальной взаимозависимости увеличивается число диаспор, *усиливается транснациональный характер* их структуры и взаимодействия с государством исхода, между собой и другими субъектами. Это означает, что идентичность национальных или этнических групп сегодня не определяется базовыми, эталонными характеристиками какой-то одной из них (например, населением исторической родины или крупнейшей зарубежной диаспорой) [2. P. 118]. Кроме того, в условиях глобализации диаспоры могут «перетекать» из страны в страну, из региона в регион, вынужденно или следуя собственному выбору, что также способствует процессу транснационализации.

Наконец, с начала XXI в. наблюдается *рост конфликтогенности* в этнической диаспоральной среде. Это вызвано прежде всего отсутствием в диаспорах общепризнанных институтов и механизмов реализации их этнических интересов, что в сочетании с требованием проявления лояльности к стране поселения приводит ситуации так называемой «двойной идентичности» и «нередко делает их «чужими» в глазах как государства исхода, так и государства поселения» [7. С. 285].

Указанные характеристики существенно затрудняют использование диаспор в качестве агентов дипломатической коммуникации. Тем не менее продолжается концептуальная разработка их привлечения к решению внешнеполитических задач, а ведомства внешних сношений и другие институты в странах исхода создают соответствующие программы и политико-административные механизмы. Сами же диаспоры активны в данном взаимодействии, если видят перспективы для достижения собственных интересов.

Участие диаспор в дипломатической коммуникации

Научная дискуссия, связанная с участием диаспор в дипломатической коммуникации, включает как общетеоретические аспекты, так и попытки разработать специфическую классификацию этнических диаспор с использованием критерия их вовлеченности в международную политику [3, P. 453–454].

При этом нерешенным остается вопрос о том, что понимать под дипломатией, когда речь идет об участии диаспор в дипломатической коммуникации (переговоры, гражданское миротворчество, многостороннее сотрудничество и др.). С учетом различий в интерпретациях базового понятия, разнообразия внутренней структуры диаспор, многообразия форм их вовлеченности в международные процессы авторы идут по пути максимального обобщения и принятия как тождественных таких понятий, как «дипломатия диаспор», «диаспоральная дипломатия», «деятельность диаспор как внешних акторов» и т.д. [8. P. 402; 9. P. 6; 10. P. 8]. Как признают авторы доклада «Участие диаспор в миротворчестве и развитии» из Института исследований мира в Осло, «очевидно, что за концепциями, таким образом, скрывается значительный уровень неоднородности в характеристиках, ролях, уровнях вовлеченности и интересах различных участвующих субъектов… Когда мы говорим о «диаспоре» и «внешних субъектах» в общих чертах, мы не имеем намерения отрицать эти факты» [10. P. 8].

Свой вклад в разработку понятийного аппарата внес А.А. Торреальба, предлагающий рассматривать ключевой термин «диаспоральная дипломатия» в трех аспектах: 1) как раздел политической социологии международных отношений; 2) как обозначение совокупности внешних политик; 3) как дипломатическую стратегию [11. P. 156–166]. При этом автор особое внимание уделяет третьему аспекту, рассматривая в качестве элементов диаспоральной дипломатии публичную дипломатию, консульскую деятельность и отдельную разновидность дипломатической стратегии, предполагающую способность «одних государств управлять диаспорой с целью воздействия на планы других государств» [11. P. 161].

Для решения поставленных задач в рамках настоящей статьи представляется целесообразным предложить авторское понимание дипломатии диаспор. С учетом обращения к опыту Республики Корея и корейских диаспор на пространстве СНГ наше определение имеет два взаимосвязанных значения: 1) политика привлечения правительством страны исхода организаций и представителей своей диаспоры в зарубежных государствах в качестве внешнеполитического ресурса или агента публичной дипломатии путем создания соответствующих институтов, механизмов и форм взаимодействия; 2) международная активность этнических диаспор, направленная на укрепление собственных позиций во взаимоотношениях с правительствами государств исхода и поселения, формирование солидарности между соотечественниками в разных странах при поддержке и координации этих усилий со стороны правительств.

Отдельное внимание при разработке концепций дипломатии диаспор необходимо обратить на выделение средств и форм участия зарубежных соотечественников в дипломатической коммуникации. Исходя из предложенного определения, основными механизмами взаимодействия с соотечественни-

ками за рубежом со стороны правительств, как будет ясно далее на примере Южной Кореи, являются государственные программы, специализированные институты (агентства, фонды и др.), нацеленные на развитие партнерства с диаспорами и усиление влияния на них. Собственно диаспоры, имея весьма различные мотивы и возможности для активного участия в дипломатической коммуникации, используют многие из доступных им форм и инструментов международного неформального сотрудничества (форумы, ассоциации, академический и образовательный обмены, визиты и др.), являются, на наш взгляд, полноценными участниками дипломатического процесса или диалога только в том случае, если их деятельность поддерживается и координируется правительствами государств исхода и поселения или хотя бы одним из них.

В этой связи особенно актуальным представляется оценить систему механизмов и инструментов международного взаимодействия, доступных диаспорам в условиях глобального, но все еще государственно-ориентированного международного порядка. Поскольку возможности и инструменты дипломатии второго трека (ДВТ) являются наиболее доступными для активной в международных делах диаспоры, представляется необходимым рассмотреть их более подробно.

Чаще всего дипломатия второго трека определяется как «ориентированный на решение проблем неофициальный политический диалог, участники которого в той или иной форме имеют доступ к официальным политическим кругам» [12. P. 7]. Наряду с другими понятиями, производными от «дипломатии», такими как «парадипломатия», «парламентская дипломатия», «публичная дипломатия» и т.д., которые нередко используются в одном ряду, особенно в журналистском и обыденном дискурсе, ДВТ задумана и практикуется для более эффективного участия неправительственных субъектов и механизмов в решении внешнеполитических задач.

Традиционная межправительственная дипломатия, опирающаяся в переговорном процессе на официальные нормы, институты и механизмы, иногда оказывается малоэффективной из-за ряда препятствий, среди которых отсутствие политической воли лидеров, бюрократическая или протокольная несовместимость, неблагоприятная международная обстановка, или просто вследствие того, что сам конфликт не созрел для разрешения [13]. Именно такую роль берут на себя участники ДВТ в ситуации, когда представители официальной дипломатии не обладают достаточными возможностями или политической волей для решения проблемы по существу. Среди обычных участников дипломатии второго трека – бывшие главы государств и правительств, правительственные чиновники, религиозные лидеры и представители НПО, ученые, журналисты.

Разумеется, ДВТ не следует считать дипломатической панацеей или, наоборот, политически незначимым средством. Ее умелое и своевременное использование наряду с усилиями или как минимум координацией со стороны официальной дипломатии должно способствовать расширению возможностей для урегулирования конфликтов и укреплению международного сотрудничества.

Существует несколько интересных примеров ДВТ, когда проблемы, связанные с диаспорами, оказывались в центре переговорного процесса, и их представители были прямо или косвенно вовлечены в соответствующие ме-

роприятия. В ряде случаев это было связано с корейскими диаспорами в разных регионах мира, включая постсоветские государства.

Представляется, что, несмотря на проблемы, связанные с глобальными вызовами последнего времени, в частности с завершившейся пандемией COVID-19, в ближайшей перспективе следует ожидать повышенной активности диаспор в дипломатической коммуникации. При этом степень их вовлеченности и эффективности участия в этих процессах, как и ранее, будет зависеть от особенностей формирования различных диаспор, их общей численности и распространенности в мире и, разумеется, от стратегических планов и эффективности государственных институтов стран исхода по привлечению соотечественников за рубежом к решению внешнеполитических задач.

Генезис и формирование корейских диаспор

Появление и распространение корейских диаспор, безусловно, имеют свои особенности, но они, по-видимому, вписываются в существующую типологию формирования сообществ зарубежных соотечественников, отражающую некоторые общие закономерности этих процессов. Как правило, в качестве основных выделяют четыре типа (причины) формирования диаспор (таблица).

Типы диаспор

№ п/п	Тип диаспор	Пример
1	Жертвы режимов и беженцы	Евреи, африканцы, армяне, палестинцы, ирландцы
2	Имперские и колониальные диаспоры	Древние греки, британцы, испанцы, португальцы, голландцы, французы
3	Диаспоры трудовой миграции	Индийцы, китайцы, японцы
4	Диаспоры торговой и коммерческой миграции	Вьетнамцы, китайцы, ливанцы

Примечание. Источники: [14. P.18; 15. P. 13].

Эта, безусловно, неполная классификация в целом отражает базовую типологию происхождения диаспор. Вместе с тем очевидно, что на разных этапах своей истории диаспора может принадлежать к разным типам или даже сочетать в себе черты некоторых из них. Корейская диаспора как глобальное явление в разные периоды своей истории может быть отнесена к типам 1, 3 и 4, а сегодня, по-видимому, переживает период новой трансформации.

Как и в случае многих других диаспор, 1990-е гг. в силу нескольких причин обозначили новейшую веху в истории корейцев за рубежом.

Во-первых, ускорившийся процесс глобализации и стремительное развитие мирового рынка с конца XX в. привели к резкому росту миграционной активности и, следовательно, к количественному увеличению многих этнических диаспор, включая корейцев. По данным Министерства иностранных дел Республики Корея, число корейцев, находящихся за рубежом, с начала 1990-х гг. увеличилось более чем на 2 млн [16. P. 1].

Кроме того, после окончания холодной войны Южная Корея смогла утвердить свою роль как динамичного регионального игрока в Восточной Азии, особенно в экономических и торговых делах. Как следствие, роль корейских диаспор в качестве инструмента международного влияния и сотрудничества объективно становилась все более значимой.

Наконец, под давлением ряда внутренних проблем (падение рождаемости и быстрое старение населения, продолжающаяся эмиграция среднего класса и замедление экономического роста [16. P. 2]) южнокорейское правительство заблаговременно приняло долгосрочную стратегию по привлечению соотечественников за рубежом к обсуждению важных вопросов национального развития и международных проблем.

Сегодня крупнейшие корейские диаспоры проживают в Китае (более 2,7 млн), США (более 2 млн), ряде постсоветских государств (Россия – более 200 тыс., Узбекистан – более 170 тыс., Казахстан – более 100 тыс. и др.) [17. P. 5]. Общее число корейцев в мире, согласно данным Центра сотрудничества с корейцами за рубежом Республики Корея, составляет более 7 млн человек [18]. Корейцы, проживающие в Китае и России, были признаны частью диаспоры только с 1990-х гг., когда отношения Южной Кореи с этими государствами стали улучшаться [17. P. 9].

Политика Сеула в отношении соотечественников в бывших советских республиках и вовлечение крупнейших корейских общин в этих странах в международные дела оказывают непосредственное влияние на политическое и экономическое взаимодействие Южной Кореи со государствами СНГ.

География расселения, правовой статус и условия жизни корейцев среди титульных национальностей и других этнических меньшинств на постсоветском пространстве были предопределены сложной историей государств и народов на этих обширных территориях [19. С. 149–202; 20. С. 107–194].

Распад Советского Союза в 1991 г. привел к необходимости очередной трансформации корейских диаспор в бывших республиках СССР и одновременно открыл новые возможности для развития отношений постсоветских корейцев как с исторической родиной, так и с другими зарубежными сообществами соотечественников. Новый всплеск интереса корейских диаспор к земле предков, родному языку и культуре привел к повышению их роли в общественно-политической жизни, созданию десятков корейских региональных ассоциаций и НПО, привлечению лидеров и активистов диаспор к обсуждению международных проблем, затрагивающих интересы Южной Кореи, будущее корейских государств и всего глобального сообщества корейцев.

Ключевыми международными проблемами как для корейских государств, так и для большинства диаспор являются: 1) объединение корейской нации; 2) денуклеаризация Корейского полуострова; 3) вопросы безопасности в Восточной Азии; 4) экономическое и торговое сотрудничество между государствами региона; 5) развитие связей корейских диаспор со страной (странами) исхода и между собой.

Работа с диаспорой как приоритет внешней политики Республики Корея

С 1990-х гг. вместе с ростом экономического потенциала Республики Корея укреплялся и ее статус в качестве одного из ключевых политических игроков в Восточной Азии, определялись внешнеполитические приоритеты страны и среди них – сотрудничество с диаспорами. Можно говорить о формировании официальной политики Сеула в отношении диаспор, в том числе на пространстве СНГ, которая включает «усилия правительства по развитию

связей с эмигрантами и их потомками за рубежом... а также избирательные действия по предоставлению привилегий отдельным диаспорам, стимулированию возвращения их на родину и помощи в обустройстве» [17. P. 4].

Институты и механизмы государственной политики взаимодействия с диаспорой в Южной Корее весьма разнообразны и гибки. Они предполагают участие соотечественников как в проектах и мероприятиях, связанных с проблемами самих диаспор, так и в сотрудничестве по общим международным проблемам, используя, в частности, средства двусторонней дипломатии. Поскольку реализация дипломатии второго трека так или иначе должна вписываться в официальную дипломатическую повестку, ее концепции и координационные механизмы также разрабатываются, прежде всего, правительственными учреждениями или при поддержке и координации с их стороны.

Так, Комитет по делам корейцев за рубежом, созданный при канцелярии премьер-министра в 1996 г., до недавнего времени являлся ключевым правительственным подразделением, «где представители министерств, научных кругов и сообщества корейцев за рубежом встречались для обсуждения ряда вопросов, включая пути оказания дальнейшей помощи и улучшения условий жизни для этнических корейцев, возвратившихся в Корею…» [21. P. 406].

Другим важным инструментом сотрудничества между правительством Южной Кореи и диаспорами долгое время оставался Фонд корейцев за рубежом (ФКР), связанный с правительством и ориентированный на улучшение положения соотечественников в принимающих странах и укрепление их отношений с исторической родиной. Основная цель программ ФКР – финансовая поддержка лидеров и активистов в области образования (преподавателей корейского языка, истории и культуры), участников молодежных и бизнес-проектов и т.д. [22, 23].

В период пандемии COVID-19, как и во всем мире, в Южной Корее наблюдался спад дипломатической активности в отношении диаспор, так как в плане работы с соотечественниками правительство в первую очередь сосредоточилось на борьбе с глобальным вирусом, содействии возвращению граждан на родину, оказанию государственных услуг в удаленном режиме и т.д. [21. P. 409–410; 22].

Однако уже в ходе президентской избирательной кампании 2022 г. кандидат от партии «Сила народа» Юн Сок Ёль выступил с идеей создания единого правительственного агентства по делам корейцев за рубежом со штаб-квартирой в Инчхоне. Заняв пост главы государства, он воплотил эту инициативу в жизнь в 2023 г., тем самым значительно усилив «диаспоральное» направление корейской внешней политики и дипломатии. По замыслу президентской команды, в условиях продолжающегося роста численности корейской диаспоры в мире появилась необходимость объединить функции и полномочия МИДа и ФКР в отношении диаспор в единой политической и управленческой структуре, которой и стало упомянутое агентство в Инчхоне [24].

Ранее, в законе о создании агентства, принятом Национальным Собранием 24 апреля 2023 г., были официально установлены Всемирный день Кореи (5 октября) и Всемирная корейская неделя (первые девять дней октября), имеющие целью «укрепление связей между корейцами, проживающими за рубежом, и их родиной» [25].

Корейские диаспоры – дипломатия второго трека

На пространстве СНГ самые многочисленные диаспоры корейцев в России, Узбекистане и Казахстане довольно активно, хотя и по-разному, проявляют себя во взаимодействии с официальными кругами и неправительственными партнерами из Южной Кореи.

После распада СССР корейские общины в бывших советских республиках оказались в уникальной ситуации с точки зрения национальной и этнической идентичности, а также выбора внешнего вектора для дальнейшего безопасного и успешного развития. Постсоветские корейцы (по крайней мере старшее и среднее поколения) сохраняют общность исторической памяти о некогда единой, большой стране и остаются в подавляющем большинстве русскоязычными. Они являются не просто лояльными, но активными созидательными гражданами государств, в которых проживают, проявляют солидарность и активную взаимопомощь в отношении соотечественников в других странах СНГ, находятся в поиске собственных исторических корней и в этой связи возлагают осторожные надежды на развивающиеся связи с официальными структурами и негосударственными партнерами в Южной Корее. При этом представители корейских диаспор нередко выступают в роли участников межгосударственных проектов и инициатив, тем самым влияя на дипломатическую повестку отношений Южной Кореи со странами поселения, т.е. государствами СНГ [26].

В качестве примеров реализации дипломатического механизма второго трека, непосредственно вовлекающих НПО и гражданские группы постсоветских корейцев, в первую очередь следует упомянуть Общероссийское объединение корейцев (ООК), Ассоциацию корейских культурных центров Узбекистана (АККЦ), Ассоциацию корейцев Казахстана (АКК), представляющие собой объединения коллективных и индивидуальных участников – неправительственных организаций, культурных и образовательных центров, ориентированные на поддержку и развитие всех аспектов деятельности корейских диаспор в этих странах, включая их отношения с исторической родиной [27–29].

В программных документах и в ходе регулярных форумов этих ассоциаций затрагиваются все направления текущей деятельности и перспектив развития крупнейших корейских диаспор на постсоветском пространстве. При этом традиционно значительное внимание уделяется взаимодействию с органами власти и местного самоуправления в странах поселения, координации деятельности между диаспорами, упрочению связей с партнерами в Республике Корея, содействию развитию партнерских отношений между государствами поселения и исторической родиной корейцев России, Узбекистана и Казахстана [27–29].

Заключение

Общая оценка активного и разнообразного участия в международном сотрудничестве и дипломатической коммуникации корейских диаспор на примере России, Узбекистана и Казахстана позволяет выделить и обобщить ряд позитивных аспектов этого явления.

1. Корейские диаспоры и их ассоциации, как правило, являются устойчивыми и в значительной степени институционализированными субъекта-

ми. Сохраняя лояльность государствам поселения, они остаются специфическими, но надежными партнерами для правительств, международных организаций и других официальных участников международных отношений.

2. В рамках дипломатии второго трека корейские диаспоры, имеющие общественный авторитет и накопившие опыт двустороннего и многостороннего сотрудничества с правительствами, международными организациями и другими заинтересованными акторами, могли бы внести свой вклад в разрешение сложных международных проблем (межкорейское урегулирование, примирение наций – участников вооруженных конфликтов в Корее, возможно, ядерный статус Корейского полуострова), где необходимы длительный «лечебный эффект» и доверительное неформальное общение для достижения взаимопонимания на уровне широкой общественности.

3. С учетом того, что многие корейцы за рубежом, в частности в постсоветских странах, традиционно успешно инвестируют в собственное образование и стремятся овладеть престижными профессиями в политике, бизнесе, науке, СМИ и др. [30], многие члены диаспор, безусловно, соответствуют требованиям, предъявляемым к представителям неправительственной элиты для того, чтобы стать участниками переговорного процесса в рамках дипломатии второго трека.

4. Дипломатическая коммуникация в рамках второго трека реализуется в гибких, разнообразных форматах (конференции, форумы, обмен делегациями, культурные мероприятия и т.д.), в рамках которых участники, включая диаспоры, оказываются более эффективными в преодолении психологических барьеров и недопонимания, чем представители официальной дипломатии.

Вместе с тем риски во взаимоотношениях между Республикой Корея и правительствами государств с активной корейской диаспорой могут стать помехой на пути развития диаспоральной дипломатии, как это, например, в последнее время происходит в российско-южно-корейских отношениях. При таких обстоятельствах «дипломатический потенциал» диаспор заметно снижается, так как их представителям некомфортно проявлять себя в международных контактах в условиях неполного доверия между исторической и истинной родиной.

Кроме того, значительное число корейских диаспор по всему миру и существенные различия между ними между ними (ср.: корейцы СНГ и корейцы США, Японии) затрудняют вовлечение корейских диаспор в процесс международного сотрудничества по глобальным вопросам в качестве единого, согласованного субъекта.

Таким образом, мотивы и методы привлечения корейских диаспор, их ассоциаций и активистов к деятельности в рамках дипломатии второго трека официальными участниками дипломатической коммуникации должны быть целенаправленными, заранее согласованными и достаточно деликатными. В том, что касается привлечения к неформальной дипломатической коммуникации постсоветских корейских диаспор, правительственным и другим официальным акторам следует учитывать их особенности, связанные с трудной историей и сложной идентичностью – постсоветской, русскоязычной и одновременно национальной (российской, узбекистанской, казахстанской и др.).

Список источников

1. *Кондратьева Т.С.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886 (дата обращения: 06.06.2023).

2. *Boysariev M.* Diasporas in the Modern World: the Evolution of Phenomena and Concepts // Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and innovations. Special issue. 2020. Vol. 1, № 1. P. 106–122.

3. *Shian Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // International Organization. 2003. Vol. 57. P. 49–479.

4. *Safran W.* The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective // Israel Studies. 2005. Vol. 10, № 1. P. 36–60.

5. *Reis M.* Theorizing Diaspora: Perspectives of "Classical" and "Contemporary" Diaspora // International Migration. 2004. Vol. 42 (2). P. 41–60.

6. *В мире* насчитывается примерно 281 млн международных мигрантов // Новости ООН – Организация Объединенных Наций. URL: https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252 (дата обращения: 01.07.2023).

7. *Ким А. С.* Этнополитическая конфликтология современных диаспор: актуальность, состояние, научно-исследовательская перспектива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. Вып. 3. С. 283–290.

8. *Ismoilov B.* The State and Prospects of the Institutionalization of Diaspora Politics and Diplomacy in Relation to Compatriots in Foreign Countries and Uzbekistan // Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and innovations. 2020. Vol. 1, № 02. P. 397–414.

9. *Jovenir Ch.* Diaspora Diplomacy: Functions, Duties, and Challenges of an Ambassador // Understanding Diaspora Diplomacy. 2013. June. 12 p. URL: https://www.academia.edu/13397113/Diaspora_Diplomacy (accessed: 02.07.2023).

10. *Horst C., Ezzati R., Guglielmo M., Mezzetti P., Pirkkalainen P., Saggiomo V., Sinatti G., Warnecke A.* Participation of Diasporas in Peacebuilding and Development. A Handbook for Practitioners and Policymakers: PRIO Report. 2. Oslo, 2010. 61 p.

11. *Торреальба А. А.* Три основных подхода диаспоральной дипломатии во внешней политике // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 2. С. 154–169.

12. *Kaye D.D.* Rethinking Track-Two Diplomacy: The Middle East and South Asia // Clingendael: Netherlands Institute of International Relations, 2005. 31 p. (Clingendael Diplomacy Papers; № 3).

13. *Chigas D.* Track-Two (Citizen) Diplomacy // Beyond Intractability. 2003. August. URL: https://beyondintractability.org/node/954 (accessed: 02.07.2023).

14. *Cohan R.* Global Diasporas: an Introduction. 2nd ed. Routledge, 2008. 219 p.

15. *Choi I.* Korean Diaspora in the Making: Its Current Status and Impact on the Korean Economy // Peterson Institute of International Economics. URL: https://piie.com/publications/chapters_preview/365/2iie3586.pdf (accessed: 03.07.2023).

16. *Song Ch.* Engaging the Diaspora in an Era of Transnationalism // IZA. World of Labor. 2014. Vol. 64. P. 1–10. URL: https://wol.iza.org/uploads/articles/64/pdfs/engaging-the-diaspora-in-an-era-of-transnationalism (accessed: 03.07.2023).

17. *Mylonas H.* The Politics of Diaspora Management in the Republic of Korea // The Asian Institute of Policy Studies. 2011. Is. Brief. № 81. P. 1–12.

18. *Статистические* данные о зарубежных корейцах // Центр сотрудничества с корейцами за рубежом. URL: https://rus.korean.net/portal_ru/information/knt_area.do (дата обращения: 03.07.2023).

19. *Ким Г.Н.* История иммиграции корейцев. Алматы : Дайк-Пресс, 1999. Кн. 1: Вторая половина XIX века – 1945 г. 424 с.

20. *Ким Г.Н.* История иммиграции корейцев. Алматы : Дайк-Пресс, 2006. Ч. 1. Кн. 2: 1945–2000. 428 с.

21. *Diplomatic* White Paper 2016. Seoul. Ministry of Foreign Affairs, 2016. 451 p.

22. *Overseas* Korean Foundation // Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5722/contents.do (accessed: 03.07.2023).

23. *Diplomatic* White Paper 2021. Seoul. Ministry of Foreign Affairs, 2021. 396 p.

24. *Агентство* по Делам Зарубежных Корейцев (Overseas Koreans Agency) // Кореяпедия. 2023.04.06. URL: https://koreapedia.info/агентство-по-делам-зарубежных-корейц/ (дата обращения: 03.07.2023).

25. *Incheon* to House New Agency for Overseas Koreans // The Korea Times. 2023.09.05.

26. *Тен М.Д.* Корейцы СНГ: от общей истории к единому общекультурному сообществу корейцев СНГ // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 2, № 1 (31). С. 35–50.

27. *VI съезд* общероссийского объединения корейцев // Российские корейцы. 2023.24.04. URL: https://gazeta-rk.ru/vi-cezd-obshherossijskogo-obedineniya-korejczev/ (дата обращения: 04.07.2023).

28. *IX отчетно-выборная* конференция Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана // Корё Сарам – записки о корейцах. 2022.12.02. URL: https://koryo-saram.site/ix-otchyotno-vybornaya-konferencziya-assocziaczii-korejskih-kulturnyh-czentrov-uzbekistana/ (дата обращения: 04.07.2023).

29. *Ассоциация* корейцев Казахстана. URL: https://koreans.kz/17-associaciya-koreycev-kazahstana/?lang=ru (дата обращения: 04.07.2023).

30. *Ланьков А.Н.* Корейцы СНГ: страницы истории // Корё Сарам – записки о корейцах. 2009.07.07. URL: https://koryo-saram.site/korejtsy-sng-stranitsy-istorii/ (дата обращения: 04.07.2023).

References

1. Kondratieva, T.S. (2010) *Diaspory v sovremennom mire: evolyutsiya yavleniya i ponyatiya* [Diasporas in the modern world: The evolution of phenomena and concepts]. [Online] Available from: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886 (Accessed: 6th June 2023).

2. Boysariev, M. (2020) Diasporas in the Modern World: The Evolution of Phenomena and Concepts. *Zhamiyat va innovatsiyalar*. 1(1). pp. 106–122.

3. Shian, Y. & Barth, A. (2003) Diasporas and International Relations Theory. *International Organization*. 57. pp. 449–479.

4. Safran, W. (2005) The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective. *Israel Studies*. 10(1). pp. 36–60. DOI: 10.1353/is.2005.0110

5. Reis, M. (2004) Theorizing Diaspora: Perspectives of "Classical" and "Contemporary" Diaspora. *International Migration*. 42(2). pp. 41–60. DOI: 10.1111/j.0020-7985.2004.00280.x

6. UNO. (2022) *There are about 281 million of migrants worldwide.* [Online] Available from: https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252 (Accessed: 1st July 2023).

7. Kim, A.S. (2009) Etnopoliticheskaya konfliktologiya sovremennykh diaspor: aktual'nost', so-stoyanie, nauchno-issledovatel'skaya perspektiva [Ethnopolitical Conflict Studies: Relevance, Current State and Research Prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 6(3). pp. 283–290.

8. Ismoilov, B. (2020) The State and Prospects of the Institutionalization of Diaspora Politics and Diplomacy in Relation to Compatriots in Foreign Countries and Uzbekistan. *Zhamiyat va innovatsiyalar*. 1(02). pp 397–414.

9. Jovenir, Ch. (2013) Diaspora Diplomacy: Functions, Duties, and Challenges of an Ambassador. *Understanding Diaspora Diplomacy*. 12th June. [Online] Available from: https://www.academia.edu/13397113/Diaspora_Diplomacy (Accessed: 2nd July 2023).

10. Horst, C. Ezzati, R. Guglielmo, M. Mezzetti, P. Pirkkalainen, P. Saggiomo, V. Sinatti, G. & Warnecke, A. (2010) *Participation of Diasporas in Peacebuilding and Development*. *A Handbook for Practitioners and Policymakers*. PRIO Report 2. Oslo: Prio.

11. Torrealba, A.A. (2017) Tri osnovnykh podkhoda diasporalnoy diplomatii [Three Major Approaches to the Diaspora Diplomacy]. *Aktualnye voprosy ekonomiki i prava*. 11(2). pp. 154–169.

12. Kaye, D.D. (2005) *Rethinking Track-Two Diplomacy: From Middle East to South Asia*. Clingendael Paper № 3. The Hague: Netherlands Institute of International Relations.

13. Chigas, D. (2003) Track-Two (Citizen) Diplomacy. *Beyond Intractability*. August. [Online] Available from: https://beyondintractability.org/node/954 (Accessed: 2nd July 2023).

14. Cohan, R. (2008) *Global Diasporas: an Introduction*. 2nd ed. Routledge.

15. Choi, I. (n.d.) *Korean Diaspora in the Making: Its Current Status and Impact on the Korean Economy*. [Online] Available from: https://piie.com/publications/chapters_preview/365/2iie3586.pdf (Accessed: 3rd July 2023).

16. Song, Ch. (2014) Engaging the Diaspora in an Era of Transnationalism. *IZA. World of Labor*. 64. pp. 1–10. [Online] Available from: https://wol.iza.org/uploads/articles/64/pdfs/engaging-the-diaspora-in-an-era-of-transnationalism (Accessed: 3rd July 2023).

17. Mylonas, H. (2011) The Politics of Diaspora Management in the Republic of Korea. *The Asian Institute of Policy Studies*. Nov. Issue Brief. 81. pp. 1–12.

18. The Center for Cooperation with Koreans Abroad. (n.d.) *Statisticheskie dannye o zarubezhnykh koreytsakh* [Statistical data on Koreans overseas]. [Online] Available from: https://rus.korean.net/portal_ru/information/knt_area.do (Accessed: 3rd July 2023).

19. Kim, G.N. (1999) *Istorya immigratsii koreytsev. Kniga pervaya. Vtoraya polovina XIX veka – 1945* [The History of Korean Immigration. Book One. Second Half of the 19th century – 1945]. Almata: Deyk-Press.

20. Kim, G.N. (2006) *Istorya immigratsii koreytsev. Kniga vtoraya. 1945–2000* [The History of Korean Immigration. Book Two.1945–2000]. Almata: Deyk-Press.

21. Ministry of Foreign Affairs of South Korea. (2016) *Diplomatic White Paper*.

22. Ministry of Foreign Affairs of South Korea. (n.d.) *Overseas Korean Foundation*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5722/contents.do (Accessed: 3rd July 2023).

23. Ministry of Foreign Affairs of South Korea. (2021) *Diplomatic White Paper*.

24. Koreapedia. (2023) *Agentstvo po delam zarubezhnykh koretsev* [Overseas Koreans Agency]. 4th June. [Online] Available from: https://koreapedia.info/агентство-по-делам-зарубежных-корейц/ (Accessed: 3rd July 2023).

25. *The Korea Times*. (2023) Incheon to House New Agency for Overseas Koreans. 9th May.

26. Ten, M.D. (2017) Koreytsy SNG: ot obschey isorii k rdinomy obschekulturnomy soobschestvy koreytsev SNG [CIS Koreans from Common History to a Joint Cultural Society of CIS Koreans]. *Idei i Idealy*. 1-2(31). pp. 35–50.

27. *Rossiyskie koreytsy*. (2023) VI s"ezd obshcherossiyskogo ob"edineniya koreytsev [The 6th Congress of All-Russian Association of Koreans]. 24th April. [Online] Available from: https://gazeta-rk.ru/vi-cezd-obshherossijskogo-obedineniya-korejczev/ (Accessed: 4th July 2023).

28. *Kore Saram – zapiski o koreytsakh*. (2022) IX otchetno-vybornaya konferentsiya Assotsiatsii koreyskikh kul'turnykh tsentrov Uzbekistana [The 9th Electoral Conference of the Association of the Korean Cultural Centers in Uzbekistan]. 12th February. [Online] Available from: https://koryo-saram.site/ix-otchyotno-vybornaya-konferencziya-assocziaczii-korejskih-kulturnyh-czentrov-uzbekistana/ (Accessed: 4th July 2023).

29. *Association of the Koreans in Kazakhstan*. [Online] Available from: https://koreans.kz/17-associaciya-koreycev-kazahstana/?lang=ru (Accessed: 4th July 2023).

30. Lankov, A.N. (2009) Koreytsy SNG: stranitsy istorii [CIS Koreans: Historical Overview]. *Kore-Saram. Zapiski o koreytsakh*. 7th July. [Online] Available from: https://koryo-saram.site/korejtsy-sng-stranitsy-istorii/ (Accessed: 4th July 2023).

Сведения об авторе:
Барышников Д.Н. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: barydmit2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Baryshnikov D.N. – Cand. Sci. (Political Science), associate professor of the Department of World Politics, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: barydmit2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 15.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 138–153.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 138–153.

Научная статья
УДК 330.111.8, 304.3
doi: 10.17223/1998863X/75/12

НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ А.В. ЧАЯНОВА

Анна Владимировна Ложникова[1], Дмитрий Михайлович Хлопцов[2], Александр Григорьевич Мазаев[3]

[1, 2, 3] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
[1] *tfg@mail.ru*
[2] *dmitry.khloptsov@gmail.com*
[3] *tosev@yandex.ru*

Аннотация. Обращение к научному наследию Александра Васильевича Чаянова позволяет авторам статьи выйти за рамки традиционной дилеммы англосаксонского и германского капитализма. Российский ученый признан в мировой экономической теории создателем нового фундаментального направления – учения о некапиталистических системах хозяйствования, объясняющего экономическое поведение любых предприятий, не ставящих целью своей деятельности получение прибыли. Эмпирический анализ авторов статьи обосновывает природу аграрного народного производства в современной России как закономерность.
Ключевые слова: Чаянов, некапиталистическая система хозяйствования, аграрный непредпринимательский сектор, аграрный предпринимательский сектор, народное производство.

Благодарности: авторы выражают огромную благодарность за предоставленные издания РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева об Александре Васильевиче Чаянове и.о. директора Центральной научной библиотеки имени Н.И. Железнова Петру Алексеевичу Берберову и заведующей отделом книгохранения Оксане Сергеевне Куриленко.

Для цитирования: Ложникова А.В., Хлопцов Д.М., Мазаев А.Г. Некапиталистическая система хозяйствования современной России в контексте теории А.В. Чаянова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 138–153. doi: 10.17223/1998863X/75/12

Original article

MODERN RUSSIAN NON-CAPITALIST ECONOMIC SYSTEMS IN THE CONTEXT OF CHAYANOV'S THEORY

Anna V. Lozhnikova[1], Dmitriy M. Khloptsov[2], Alexandr G. Mazaev[3]

[1, 2, 3] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
[1] *tfg@mail.ru*
[2] *dmitry.khloptsov@gmail.com*
[3] *tosev@yandex.ru*

Abstract. By referring to the scientific heritage of Alexander Chayanov, the authors of the article go beyond the traditional dilemma of the two main models of capitalism in the West – American (Anglo-Saxon) and German capitalism. Chayanov showed that a distinctive

© А.В. Ложникова, Д.М. Хлопцов, А.Г. Мазаев, 2023

form – the peasant labor economy – should be added to the categories and modes of production Marx had recognized (slavery, feudalism, capitalism, socialism). As Daniel Thorner, Basile Kerblay (from Ecole Pratique des Hautes Etudes, Sorbonne, Paris), and R.E.F. Smith, the University of Birmingham, England, wrote in the book *A.V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy* (published for the American Economic Association, Inc., Homewood, Illinois, 1966): "Probably the most sophisticated and best documented studies of the theory and problems of peasant economy in the half-century from 1880 to 1930 were written by Russians". The Russian scientist Alexander Chayanov is recognized in world economic theory as the creator of a new fundamental direction – the doctrine of non-capitalist economic systems, which explains the economic behavior of any enterprises that do not aim at making a profit. Chayanov proved that the peasant economy, which is based on family labor, remains a constant component of all economic systems. It is relatively stable and self-sufficient. For the most part, it does not disappear, but is preserved as a special productive force. That is, in fact, it is a special third form that falls neither under the category of entrepreneurs – owners of capital – and employers, nor under the category of employees. These are small and medium owners working for themselves. Chayanov's position was previously been refuted by powerful opponents. For example, in 1899, in his famous work *The Development of Capitalism in Russia*, Lenin wrote that a large enterprise in agriculture is incomparably more efficient ("more progressive") than a small peasant one. In the same year, the great Dmitri Mendeleev, who did not share Lenin's revolutionary sentiments, delivered two lectures "Thoughts on the Development of the Agricultural Industry" and expressed his firm confidence in the imminent transformation of a personal garden into industry in the truest sense. Empirical analysis substantiates the nature of agricultural national production in modern Russia as a regularity. The authors of the article supplement the description of the cyclical nature of the national agricultural production. To the first peasant cycle of the 19th century (from serfdom to the Stolypin reform) and the second peasant cycle of the 20th century (from the collective farm with a collective ownership to the state farm with state ownership), the authors add a third modern cycle. There is a huge class of landowners and land users in labor (according to Chayanov) households of the population (a statistical category of the non-entrepreneurial sector, without the use of hired labor) in modern Russia.
Keywords: Chayanov, national production, non-capitalist economic systems, Rural non-entrepreneurial sector, Rural entrepreneurial sector

Acknowledgements: The authors would like to thank Pyotr A. Berberov, director of the Central Scientific Library named after N.I. Zheleznov, and Oksana S. Kurilenko, head of the Book Storage Department of the Central Scientific Library named after N.I. Zheleznov, who have helped us with Alexander Chayanov's books published by the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy.

For citation: Lozhnikova, A.V., Khloptsov, D.M. & Mazaev, A.G. (2023) Odern Russian non-capitalist economic systems in the context of Chayanov's theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 138–153. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/12

> Развитие земледелия является источником и показателем здорового склада народной жизни, с возникновением земледелия кончается варварство и появляются все полезные искусства. С процветанием земледелия процветают все остальные отрасли народной жизни. С его упадком обнаруживается общее угнетенное состояние, возникает паника, и наступает полное разорение.
>
> *Исаак Ньютон*

Введение

Повестка «Капитализм в России не получился! 30 лет после развала СССР – пора строить Некапитализм» довольно популярна, но очень непроста для воплощения с точки зрения стратегии и тактики. Так, в XX в. за рубежом много говорили об акционировании собственности как о пути в народный

капитализм. В XXI в. появился целый ряд новых подходов к трансформации капитализма – государственный, моральный, нравственный, сознательный и т.д. В книге «Капитализм против капитализма» француз М. Альбер сравнивает американский финансово-спекулятивный капитализм с рейнским (или рейнско-японским) индустриальным капитализмом. В этой же канве написана статья Г.Ю. Канарша из Института философии РАН «Два капитализма». Наша статья призвана выйти за рамки традиционной дилеммы англосаксонского и германского капитализма. (Традиционной мы назвали дилемму, поскольку книга М. Альбера написана в XX в., а статья Г.Ю. Канарша – в XXI в.). Мы расширим предметную область дискуссии за счет аграрного сектора и для этого обратимся к богатому научному наследию нашего соотечественника – Александра Васильевича Чаянова, выдающегося представителя мировой агроэкономической мысли, а также идеолога аграрной блока НЭП. «А.В. Чаянов сформулировал тезис о невозможности описания процессов, происходящих в крестьянских хозяйствах, категориями капиталистического хозяйства» [1. С. 4; 2]. Если основная масса ученых того времени считала основанием для дифференциации крестьянских хозяйств размер посевной площади, то Александр Васильевич описал зависимость объема продукции крестьянского хозяйства от размера семьи (теория демографической дифференциации крестьянских хозяйств), что позволило ученому сделать вывод об особых закономерностях крестьянского хозяйства, отличающих его от деятельности капиталистического хозяйства.

Это позволило признать ученого создателем нового (100 лет назад) фундаментального направления в экономической теории – «учения о некапиталистических системах хозяйствования, которое во многом объясняет экономическое поведение любых предприятий, не ставящих целью своей деятельности получение прибыли» [1. С. 4–5]. Подчеркнем, что Александр Васильевич все свои теории скрупулезно проверял в хозяйственной практике. Немногие плоды приращения научных знаний посчастливилось увидеть ученому в своей трагически короткой жизни. Но в 1924 г. активный разработчик мероприятий аграрного блока НЭП А.В. Чаянов уже застал время, когда доходы сельского хозяйства обогнали промышленные, а главной производительной силой в сельском хозяйстве, как он хотел, становились экономически окрепшие средние слои деревни – крестьянские хозяйства, не использующие наемный труд [1. С. 18].

1. Теории Александра Васильевича Чаянова (1888–1937 гг.)

Очень весомым является вклад нашего соотечественника А.В. Чаянова в теории трудового коллектива, устойчивости крестьянского хозяйства, кооперации. В «Организации крестьянского хозяйства» он доказывал, что крестьянство стремится к увеличению валового дохода, а не к получению максимальной прибыли[1]. Неделимость дохода крестьянского хозяйства на стоимость и прибавочную стоимость объясняет феномен его устойчивости.

[1] Приводим в этой связи современную официальную формулу расчета располагаемого дохода сельских жителей КНР = Общий доход сельских жителей – Расходы на ведение хозяйства – Налоговые расходы – Амортизация производственных основных средств – Расходы на имущество – Расходы на трансферты – Субсидии государства [3]. При этом именно сельские коммунно-артельные и поселково-волостные предприятия связывают с «большим скачком» [4. С. 98].

Для обоснования феномена устойчивости крестьянских хозяйств Чаянов предложил трудопотребительский баланс. Для трудового крестьянства главным является не прибыль, а достижение равновесия между трудом и потреблением. Таким образом, сам мотив деятельности защищает крестьянское хозяйство от расслоения и определяет его устойчивость. Александр Васильевич так описывал самоэксплуатацию в трудовом крестьянском хозяйстве. При уменьшении числа работников напряжение труда остальных работников увеличивается и хозяйство сохраняется. А при благоприятных условиях на фоне роста числа работников степень напряжения труда уменьшается. Итак, трудовое крестьянское хозяйство очень динамично – по параметрам потребления и производительности труда.

А.В. Чаянов объяснял феномен устойчивости крестьянских хозяйств трудопотребительским балансом. Этот феномен изучали также А.Н. Чупров (в 1904 г.), В.А. Косинский, Н.П. Огановский, М.И. Туган-Барановский, А.Н. Анциферов, Н.Д. Кондратьев [1. С. 28–29]. Александр Васильевич придавал огромное значение сбору и анализу многочисленных статистических материалов бюджетных обследований крестьянских хозяйств, много данных собирал сам, часть получал от земств. По мнению А.В. Чаянова, методика обследования капиталистического сельскохозяйственного предприятия не годилась для крестьянских хозяйств, не использующих наемный труд. Это определило линию научных исследований, увенчавшуюся в 1929 г. фундаментальным трудом «Бюджетные исследования: история и методы». За 10 лет А.В. Чаянов собрал огромное количество бюджетов крестьянских хозяйств, что позволило ему изучить и описать в теории экономические механизмы функционирования крестьянского хозяйства. Ученый уделял большое внимание методам оценки средств производства. Его разработки в сфере управленческого учета сельскохозяйственного производства были предназначены для доведения до трудовых крестьянских хозяйств, чтобы оптимизировать в них производство. Была проведена гигантская работа, скрупулезно высчитаны оптимальные нормы кормов и периоды откорма животных, сроки продажи продукции, расходы по основным и оборотным фондам [1. С. 16–17].

Александр Васильевич связывал подъем сельского хозяйства с объединением крестьян в кооперативы, которое органично сначала ограничит, а потом и вытеснит отношения эксплуатации из деревни. Это положение теории Чаянова родилось из поездок в Италию и Бельгию. Проведенный анализ в статье «Странствующие кафедры в Италии» (1908) [2] позволил сделать вывод о том, что за немногие 20 лет «страна, бывшая ранее синонимом голодного, бедного и малокультурного народа, с подавляющей мощностью сумела развить свои производительные силы, с поразительной быстротой создала колоссальное национальное хозяйство и подняла на значительную высоту благосостояние народных масс… Чаянов называл это „экономическим возрождением“ Италии и связывал его прежде всего с кооперированием ее сельского хозяйства, когда тысячи бедных маленьких хозяйств сливались в различные союзы и на началах самодеятельности создавали мощную экономическую организацию кредита, закупок, сбыта, организовывали производственную кооперацию, поддерживали дело агрономической помощи крестьянам» [1. С. 13]. По результатам поездок в Бельгию, Германию и Швейцарию

из-под пера Александра Васильевича вышли серии статей: «Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии» (1909), «Сельскохозяйственный кредит в Бельгии» и «Страхование скота в Бельгии (и его значение)» (1910), «Крестьянское хозяйство в Швейцарии» и «Хозяйствующий человек в немецком земледелии» (1912). По А.В. Чаянову, кооперация имеет антикапиталистическое направление[1], освобождая крестьян от перекупщиков, и антибюрократическое направление, развивая трудовое самоуправление. Развитие кооперации Чаянов видел не по горизонтали, не по объединению многих хозяйств в одно, а по вертикали – путем объединения процессов производства, хранения, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, покупки и обслуживания техники, племенной и селекционной работы и др. На этой основе была сформирована теория устойчивости крестьянского хозяйства [1. С. 3–4].

Предоставим слово о роли организационно-производственной школы в аграрном развитии России А.В. Чаянову (опубликовано в 1922 г.): «В последние годы перед войной группа молодых ученых, учеников покойного Н.А. Каблукова и ныне здравствующего А.Ф. Фортунатова, постепенно сложилась в особое течение экономической мысли, стремящееся соединить изучение широких народно-хозяйственных проблем с глубоким анализом организационной структуры индивидуальных хозяйств… В 1917 г. указанные экономисты разработали проект организации особого высшего института по изучению экономики земледелия, осуществлению которого помешали события революции. Наконец, только в конце 1919 г. удалось положить основание этому своеобразному учреждению. В основе его лежит работа группы ученых в составе профессоров: С.Н. Прокоповича, Б.Д. Бруцкуса, А.А. Рыбникова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Литошенко, В.Я. Железнова, Е.С. Лурье, З.С. Каценеленбаума, В.А. Голгофского, Б.С. Ястремского, П.Н. Першина, С.А. Первушина, Н.Н. Шапошникова и А.В. Чаянова, окруженных своими ближайшими учениками… Соединение работ такого количества видных специалистов дает возможность пленуму Высшего Семинария трактовать с исключительной полнотой все текущие вопросы экономической мысли, давая им всестороннее освещение и исчерпывающую глубину анализа. В течение трех академических лет каждую пятницу зал заседаний семинария переполнялся его членами и гостями, в ожесточенной полемике добивающихся экономической истины» [5. С. 33–34, 37].

Итак, Александр Васильевич сформировал принципиально новый взгляд на крестьянское хозяйство, теоретически и на огромном фактическом материале доказал, что собственность типичного среднего крестьянского хозяйства является не капиталистической, а семейно-трудовой. Ис-

[1] Трактовка альтернативной, некапиталистической, природы кооперативов пережила век и ныне здравствует на Западе. Организационно-правовую основу создания и развития артелей / кооперативов старателей как ранее в СССР, так и теперь за рубежом составляют не только законодательные акты, но и основной закон страны. В конституциях ряда государств наряду с государственной и частной собственностью признается кооперативная собственность и провозглашается тезис о всемерной поддержке кооперативного движения. Подобное содержалось и в Конституции СССР, где в ст. 10 наряду с государственной (общенародной) собственностью отмечалось существование и кооперативно-колхозной собственности, и вместе они составляли основу экономической системы Советского Союза. Сегодня же в России Общероссийский классификатор форм собственности (ОКФС) вопреки представлениям экономической теории идентифицирует производственные кооперативы (артели) как сугубо частную собственность (код ОКФС 16).

следования А.В. Чаянова показали, что семейно-трудовое крестьянское хозяйство – это воспроизводимый экономический организм, доказавший свое право на существование в России на протяжении многих сотен лет. «Крестьянское хозяйство, в основе которого лежит труд семьи, остается постоянной составляющей всех экономических систем… Оно относительно устойчиво и самодостаточно. Оно в основной своей массе не исчезает, а сохраняется как особая производительная сила… То есть по сути оно является особой третьей формой, не подпадающей ни под категорию предпринимателей-собственников капитала и работодателей, ни под категорию наемных работников. Это мелкие и средние собственники, работающие на себя» [1. С. 28].

В следующем разделе статьи проанализируем текущие официальные оценки в секторе сельского хозяйства РФ через призму теории Чаянова о некапиталистическом характере его важной производительной силы – семейно-трудового хозяйства.

2. Контуры современного аграрного непредпринимательского сектора российского населения

А.В. Чаянов был убежденным сторонником обобществления земли с передачей трудовому крестьянству не стихийно, а «на основе государственного плана земельного устройства, разработанного с учетом бытовых и экономических особенностей отдельных районов нашего Отечества и планомерно и организованно осуществляемого без нарушения производственного напряжения нашего народного хозяйства» [1. С. 21].

По имеющимся современным оценкам, количество земельных участков в РФ (35,8 млн) было очень близким к количеству квартир (37 млн). В нашей стране большая часть взрослого населения является собственниками земельных участков – 41 млн человек против 78,8 млн собственников жилья [6]. По данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 г., 92% всех некоммерческих товариществ граждан в России – это садоводческие (прежде всего СНТ), и это явление наблюдается уже давно. Выражаясь языком классической политэкономии**,** в современной России огромен класс землевладельцев и пользователей земли в трудовых (по Чаянову) хозяйствах населения (статистическая категория непредпринимательского сектора, без применения наемного труда). Он насчитывает сегодня 16,6 млн личных подсобных хозяйств (ЛПХ), 14,3 млн человек-«садоводов» (членов садоводческих некоммерческих товариществ, СНТ), 2,7 млн семей на огородах (преимущественно без права собственности на землю) [7. С. 35–36, 57]. И этот класс продолжает расти согласно всем официальным оценкам [7–9]. Если же мы к оценкам 16,6 млн, 14,3 млн и 2,7 млн семей добавим 9 млн человек – владельцев земельных участков под индивидуальное жилищное строительство (ИЖС), как правило, тоже имеющих огороды, то получим почти 43 млн человек. Корректировка последней оценки трудящихся в хозяйствах непредпринимательского сектора на количество как минимум 2 взрослых членов российских семей из разных поколений даст еще более масштабную оценку, вполне сопоставимую с трудоспособным населением нашей страны.

Итак, огромное сообщество граждан России в подавляющей массе владеет (а не временно пользуется) землями личного подсобного хозяйства, садо-

водства, огородничества, животноводства, сенокошения и выпаса скота, а также участками при индивидуальных жилых домах, дачными участками и землями традиционного промысла (таблица).

Типы хозяйств населения (непредпринимательский сектор) в современной России [8]

Тип	СНТ	ДНП	ИЖС	ЛПХ	Деревня
Назначение	Выращивание сельхозкультур	Загородный отдых, небольшое подсобное хозяйство (только выращивание сельхозкультур)	Проживание	Только выращивание сельхозкультур и разведение сельскохозяйственных животных (полевой земельный участок). 2. Выращивание сельхозкультур и разведение сельскохозяйственных животных в границах населенных пунктов, возможно возведение жилого дома и иных строений (приусадебный земельный участок)	Проживание, ведение подсобного хозяйства
Удаленность от населенных пунктов	Могут быть значительно удалены	Разная степень удаленности	Располагаются пределах населенного пункта	Чаще значительно удалены	Является населенным пунктом
Подвод коммуникаций	Зависит от расположения товарищества	Зависит от расположения товарищества	Простой	Зависит от расположения	Простой
Разрешение на строительство дома	Не требуется при соблюдении условий	Не требуется при соблюдении условий	Требуется	Не требуется. Но если участок расположен за чертой населенного пункта, дом строить нельзя, допускаются временные постройки без капитального фундамента	Требуется
Возможность прописки	Необходимо соответствие	Необходимо соответствие	Да	Только в ЛПХ на приусадебных земельных участках	Да
Стоимость	Средняя	Низкая	Мах	Средняя	Мах
Инфраструктура	Удалена	Может быть удаленной	Присутствует	Удалена	Присутствует
Управление	Коллективное, с правлением и председателем	Коллективное, с правлением и председателем	Индивидуальное, может быть поселковый совет	Индивидуальное	Сельсовет

Примечание. ДНП – дачное некоммерческое партнерство.

ЛПХ учитываются местными органами власти в соответствии с заполненными похозяйственными книгами (рис. 1).

Фрагмент заполненной похозяйственной книги представлен на рис. 2.

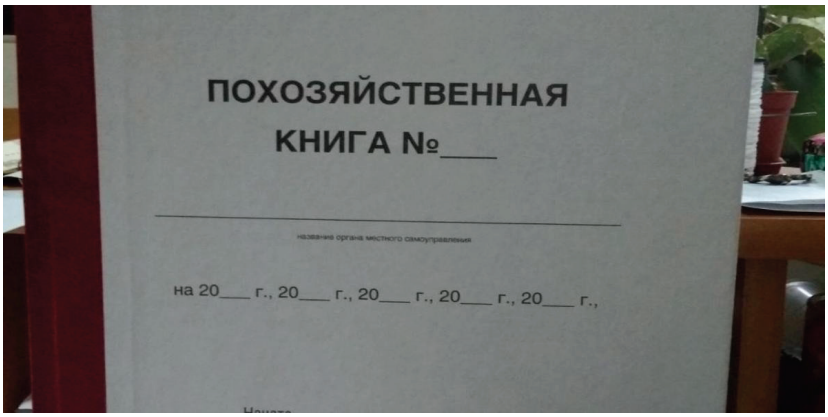
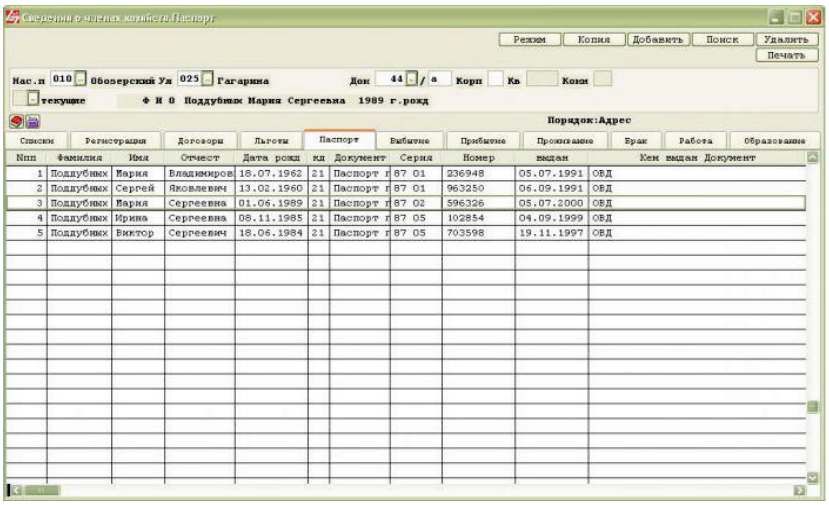


Рис. 1. Фото похозяйственной книги для учета ЛПХ в России



Nпп	Фамилия	Имя	Отчест	Дата рожд	кд	Документ	Серия	Номер	выдан	Кем выдан Документ
1	Поддубных	Мария	Владимиров	18.07.1962	21	Паспорт г	87 01	236948	05.07.1991	ОВД
2	Поддубных	Сергей	Яковлевич	13.02.1960	21	Паспорт г	87 01	963250	06.09.1991	ОВД
3	Поддубных	Мария	Сергеевна	01.06.1989	21	Паспорт г	87 02	596326	05.07.2000	ОВД
4	Поддубных	Ирина	Сергеевна	08.11.1985	21	Паспорт г	87 05	102854	04.09.1999	ОВД
5	Поддубных	Виктор	Сергеевич	18.06.1984	21	Паспорт г	87 05	703598	19.11.1997	ОВД

Рис. 2. Фрагмент заполненной похозяйственной книги в современной России

На 1 января 2022 г. в России насчитывалось 16,6 млн личных подсобных хозяйств (ЛПХ) [10. С. 65]. Добавим 14,3 млн «садоводов» (СНТ) и получим убедительное числовое превосходство именно этих видов хозяйств населения из всего непредпринимательского сектора. Очень важен факт превосходства непредпринимательского сектора над предпринимательским по количеству произведенной продукции. Так, на 2021 г. на хозяйства граждан приходилось 66% от общей посевной площади картофеля. Хозяйства граждан остаются лидерами и по производству овощей, и Минсельхоз продолжит здесь политику господдержки. «Овощи[1] – тяжелый бизнес для промышленного производства: если в молочной промышленности мы уйдем в промышленное производство, то выходить на большие объемы в овощеводстве и картофелеводстве в промышленном бизнесе сложно». Агрохолдинги сейчас предпочитают заниматься простыми сельхозкультурами, такими как зерновые и масличные,

[1] Официальному учету в рамках сельскохозяйственной переписи подлежат следующие овощи: капуста всех видов (кроме цветной капусты и брокколи), огурцы, помидоры, свекла столовая, морковь столовая, лук репчатый, кабачки, патиссоны, тыква столовая, перец сладкий [11].

на которые тратится меньше труда и ресурсов и у которых выше рентабельность [9]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, ЛПХ и хозяйства граждан держат официальную пальму первенства в некоторых секторах животноводства – в поголовье коров (43%), овец (42%), лошадей (47%). Мед производится в основном в личных подсобных хозяйствах, где содержатся почти 94% пчелосемей [10. С. 30]. Непредпринимательский сектор – лидер по плодово-ягодным насаждениям: в 2020 г. на хозяйства населения приходилось почти 280 тыс. га, в то время как на КФХ приходилось 40,5 и на сельхозорганизации 143 тыс. га. Точно так же распределяется и валовый сбор ягод и винограда. На первом месте непредпринимательский сектор – 2,5 млн тонн, на втором месте – сельхозорганизации с показателем 1,5 млн тонн, и КФХ произвели 373 тыс. тонн [10. С. 57]. Россия занимает первое место по производству малины в мире. Структура выращиваемых в России ягод существенно отличается от мировой. Так, в России существенно выше доля выращиваемой смородины (33%, в мире – 11%), малины (14%, в мире – 8%) и крыжовника (5%, в мире – 2%). Что касается «королевы ягод» – клубники, то здесь мы существенно уступаем мировым показателям – 20% против 68%. Черники / голубики производим только 0,3%, в мире – 5% [12].

Официальная статистика зафиксировала на 1 января 2021 г. наибольшее количество граждан, занимающихся садоводством в регионах всех федеральных округов России (за исключением СКФО, Северо-Кавказского федерального округа). Это Московская (ЦФО, Центральный федеральный округ), Ленинградская области (СЗФО, Северо-Западный федеральный округ), Республика Башкортостан (ПФО, Приволжский федеральный округ), Новосибирская (СФО, Сибирский федеральный округ), Свердловская (УФО, Уральский федеральный округ), Самарская (ПФО), Челябинская области (УФО), Красноярский (СФО) и Краснодарский края (ЮФО, Южный федеральный округ), Нижегородская (ПФО), Саратовская (ПФО), Иркутская области (СФО), Кемеровская область – Кузбасс (СФО), Республика Татарстан (ПФО), Пермский (ПФО) и Приморский края (ДВФО, Дальневосточный федеральный округ), Волгоградская и Ростовская области (ЮФО) [11].

Яркие иллюстрации значимости производительной силы хозяйств населения мы представили на рис. 3, 4. Рисунок 3 демонстрирует: максимальная отметка по показателю «число хозяйств» принадлежит ЛПХ и СНТ из непредпринимательского сектора, а вовсе не предпринимательскому сектору (сельскохозяйственные организации и КФХ), а рис. 4 показывает многократное опережение показателей ЛПХ по сравнению с КФХ как в растениеводстве, так и животноводстве.

Далее очертим контуры аграрного предпринимательского сектора. Он представлен следующими хозяйствующими субъектами: сельхозорганизации (юридические лица), крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), ИП (индивидуальные предприниматели) без образования КФХ. Всего на 1 января 2022 г. в России насчитывалось 317,5 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей [7. С. 57]. По сравнению с 2016 г. почти на треть уменьшилось число хозяйств организованного сектора (сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели). За 5 лет их число сократилось более чем на 60 тыс.

Рис. 1. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия)

4

Нижегородская область (по данным Нижегородстата)

Наименование показателя	Ед. изм.	ЛПХ		КФХ	
		2011	2012	2011	2012
Объем произведенной продукции					
Молоко	тонн	148976	131170	35116	41514
Мясо скота и птицы на убой (в живом весе), всего	тонн	30118	27206	4733	4785
Зерно (в весе после доработки)	тонн	4507	4726	117292	106114
Картофель	тонн	460919	521988	128946	130249
Овощи	тонн	271208	324698	3920	3085
Поголовье скота					
КРС	голов	61376	57940	18671	23146
в том числе коров	голов	25152	25476	9027	11631
Свиней	голов	56770	57792	5393	4802
Овец и коз	голов	65405	55790	9671	11366

MyShared

Рис. 2. Сравнение предпринимательского (КФХ) и непредпринимательского (ЛПХ) секторов в АПК Нижегородской области

На первый взгляд, использование сельскохозяйственных угодий организациями (юридическими лицами) составило 113 258,9 тыс. га, т.е. больше, чем гражданами, которые использовали 80 211,0 тыс. га. Но применение теории некапиталистических способов хозяйствования А.В. Чаянова позволяет нам присоединить к описанному нами выше непредпринимательскому сектору граждан значительный массив юридических лиц из предпринимательского

сектора, основанных на собственности работников. Это производственные кооперативы (1 человек = 1 работник = 1 совладелец). К примеру, в массиве сельскохозяйственных кооперативов – представителей малого и среднего предпринимательства (МСП) сегодня присутствует более 15 тыс. единиц. Кроме того, к непредпринимательскому сектору отнесем общинно-родовые хозяйства, занимающиеся традиционным промыслом. К примеру, в северных регионах страны (основным видом сельскохозяйственного производства является северное оленеводство) именно эти позиции входят в тройку основных производителей сельскохозяйственной продукции. Первыми являются государственные и муниципальные унитарные предприятия, ими использовалось 45,3% земель, предоставленных предприятиям для сельскохозяйственного производства. Общинно-родовыми хозяйствами, занимающимися традиционным промыслом, использовалось 23,5% земель, производственными кооперативами – 18,4%. Поиск на ключевые слова «родовая община» выдал в Едином реестре субъектов МСП 156 результатов. Отметим частые пересечения сельскохозяйственных кооперативов и родовых общин. Вот несколько примеров из Республики Саха (Якутия): производственный сельскохозяйственный кооператив родовая община «Муна», сельскохозяйственный производственный кооператив (кочевая родовая община) «Орогли», сельскохозяйственный производственный кооператив «кочевая – родовая община „Геван“» , сельскохозяйственный производственный кооператив «кочевая – родовая община „Чомполо“», сельскохозяйственный производственный кооператив «кочевая родовая община „Хатын“».

Далее приведем некоторые оценки по вкладу в производство сельскохозяйственной продукции предпринимательского сектора. За 10 лет, с 2010 по 2020 г., чаша весов между предпринимательским и непредпринимательским секторами в сельском хозяйстве несколько сместилась. Если в 2010 г. хозяйства населения (непредпринимательский сектор) произвели продукции, по данным официальной статистики, на максимальную сумму среди всех производителей – 1,182 трлн руб., то в предпринимательском секторе было произведено меньше: сельхозорганизациями – на сумму 1,1 трлн руб., КФХ – 176 млрд руб. (в основном продукция растениеводства). К 2020 г. произошли абсолютные и структурные изменения. Сельхозорганизации произвели существенно больше, чем хозяйства населения, – 3,8 против 1,7 трлн руб. Но вот КФХ по-прежнему производят в 2 раза меньше, чем хозяйства населения, – 964 млрд руб., хотя используют существенно большие земельные ресурсы. Если хозяйства населения практически сбалансированно занимаются растениеводством и животноводством, то КФХ за 10 лет сохраняют специализацию на растениеводстве: 793 из 964 млрд руб. [10. С. 20].

К примеру, вклад сельскохозяйственных организаций примерно равен вкладу хозяйств населения по поголовью крупного рогатого скота по категориям хозяйств; составляет более 80% по поголовью свиней; 78% по поголовью птицы. Вклад КФХ и ИП без образования КФХ заметен по поголовью лошадей (28%), почти равнозначен вкладу ЛПХ по поголовью овец (38%), по поголовью коров (15%). Итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. указывают, что усилилась отраслевая специализация в животноводстве. Сельхозорганизации все больше фокусируются на свиноводстве и птицеводстве, а фермерские хозяйства – на разведении крупного рогатого скота. Со-

гласно итогам сельскохозяйственной микропереписи 2021 г., сельхозорганизации, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели отдавали предпочтение выращиванию зерновых, технических (подсолнечник, сахарная свекла, лен-долгунец, хлопчатник) и кормовых культур.

3. Современный феномен КФХ – не по Чаянову

Александр Васильевич плодотворно занимался дифференциацией хозяйств в аграрном секторе, основанной на богатейшем статистическом материале и полевых экспедициях. Неожиданным для нас, привыкших с 1990-х гг. к термину КФХ, или крестьянское (фермерское) хозяйство, является то, что ученый с мировым именем Чаянов научно обосновывал разницу между понятиями «крестьянское» и «фермерское хозяйство». В основе крестьянского хозяйства лежит труд семьи, нет применения наемного труда и нет мотивации на получение прибыли. КФХ является субъектом предпринимательства. Граждане, изъявившие желание создать фермерское хозяйство, заключают между собой соглашение, согласно которому один из членов этого хозяйства признается главой фермерского хозяйства. КФХ может работать с образованием юридического лица или без его образования (глава КФХ в этом случае должен быть зарегистрирован как индивидуальный предприниматель). Согласно одноименному федеральному закону, право на создание фермерского хозяйства имеют дееспособные граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. КФХ образуются прежде всего на основе семей. Членами фермерского хозяйства могут быть: 1) супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей (дети, внуки, братья и сестры членов фермерского хозяйства могут быть приняты в члены фермерского хозяйства по достижении ими возраста шестнадцати лет); 2) граждане, не состоящие в родстве с главой фермерского хозяйства (максимальное количество таких граждан не может превышать пять человек).

Возможно, попытка соединить в одном феномене КФХ два явления разной природы – «крестьянское» и «фермерское хозяйство» – потому и не увенчалась успехом. За весь рыночный период в нашей новейшей истории КФХ так и не стали определяющими производителями по какому-либо виду продукции растениеводства или животноводства, как хозяйства населения или сельскохозяйственные организации [13. С. 390].

4. А.В. Чаянов vs Д.И. Менделеев: Народное производство против «Садов Эдема»

Чаянов «постоянно подчеркивал, что хотя оптимальный размер рассчитать можно для любого хозяйства, но все-таки количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии не очень значительно, поскольку в земледелии концентрация производства немыслима. И часто крупное хозяйство вообще не имеет преимуществ перед мелким, а по ряду своих отраслей даже проигрывает ему» [1. С. 27]. Подчеркнем, что это положение ранее опровергалось авторитетными оппонентами. Например, в 1899 г. в своей знаменитой работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин писал о том, что крупное предприятие в земледелии несравненно эффективнее («прогрессивнее») мелкого крестьянского. Не разделявший ре-

волюционных настроений великий Дмитрий Иванович Менделеев в том же 1899 г. выступил с двумя лекциями «Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности». В них он выражал твердую уверенность в скором превращении «личного огорода, наполовину заменяющего „сады эдема“, а на другую половину удовлетворяющего потребности семьи в пище» [14. С. 6]. «Если мы собрались здесь в раздумье о будущности русского хозяйства, то потому только, что оно уже давно вступило в свою промышленную эпоху, перестало быть простым домоводством, себе довлеющим, каким остается еще у многих крестьян; перешло в область дел, касающихся общественных и мировых потребностей, стало содержать альтруистические начала (обмена. – *А.Л, Д.Х., А.М.*), словом, становится промышленностью в истинном смысле, как железная дорога, созидаемая не для самих строителей…» [14. С. 5]. Дмитрий Иванович верил в выгодность и неизбежность специализации в сельском хозяйстве [14. С. 36] и справедливости ради надо подчеркнуть, что современные сельскохозяйственные организации действительно придерживаются специализации (о чем мы уже писали выше). Но описанный нами в статье значимый российский аграрный непредпринимательский сектор существует без специализации и приложения больших капиталов вопреки страхам Менделеева о том, что «первичное или простое домоводство, или предприятие, обреченное азиатскому застою, не могущее содействовать росту альтруизма и народного богатства, а через то и увеличению мирового влияния нашей страны» [14. С. 37]. Добавим здесь еще один факт о господстве малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве из итогов сельскохозяйственной микропереписи в целом по Российской Федерации: на 1 августа 2021 г. насчитывалось 31,1 тыс. сельскохозяйственных организаций, из них 65% составляли малые предприятия, из которых 68% – микропредприятия; 100,1 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и 18,2 тыс. индивидуальных предпринимателей [11].

Заключение. А.В. Чаянов во всем прав

Первое. Начнем с того, что просто процитируем В.М. Баутина, И.Н. Виноградова и В.И. Глазко: «…Вроде бы время необратимо… Но крестьянский цикл XIX в. от крепостного права к столыпинской реформе, к частнику... далее к обвалу… повторил крестьянский цикл XX в. от колхоза к совхозу, к частнику… далее к обвалу… В этой связи особый интерес представляют жизнь и творчество А.В. Чаянова» [1. С. 8]. Важный вывод в том же ключе, о важнейшей роли народного производства в форме некапиталистической общины в конце XIX в., сделал и выдающийся российский ученый В.Т. Рязанов в своей книге «Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» [15].

Если первый вывод относится к XX в., то второй, третий и четвертый выводы мы сформулируем уже применительно к текущему периоду. Итак, второе. В рамках НЭП, которую особенно часто вспоминают сегодня, А.В. Чаянов как один из идеологов ее аграрного блока предложил следующий план построения продовольственного обеспечения. Он убеждал руководство страны в те труднейшие времена, что нужно изъять землю из товарооборота и что в деревне могут одновременно сосуществовать разные формы трудового землепользования – и личная, и общественная, и артельная (коопе-

ративная. – *А.Л, Д.Х., А.М.*) [1. С. 5, 20]. Возьмем за основу и продолжим формулировку первого вывода: крестьянский цикл XXI в. восстановил все формы трудового землепользования в секторе земель сельскохозяйственного назначения. По официальной оценке, из всех земельных участков России, находящихся в частной собственности (133 322,7 тыс. га – лесной фонд, водный фонд и др.), именно на долю земель сельскохозяйственного назначения приходилось 95,8% (127 734,5 тыс. га). При этом личная собственность на земельные участки в современной России очень важна – из земель категории сельскохозяйственного назначения в собственности граждан находится 105 103,2 тыс. га (27,7%), в то время как в собственности юридических лиц существенно меньше – 22 631,3 тыс. га (5,9%). Заметим, что среди юридических лиц – земельных собственников в России на настоящий момент работают 15 086 сельскохозяйственных кооперативов – представителей малого и среднего предпринимательства (МСП). На две трети земли сельскохозяйственного назначения – это общественная собственность (государственная и муниципальная) [7]. Третье. Уже несколько лет свои надежды на рост благосостояния россиян государство, в противовес теории А.В. Чаянова, связывает прежде всего с предпринимательством. Например, сегодня очень активно продвигается институт самозанятости, в том числе для него применительно к ЛПХ выстраивается система пусть небольших, но государственных субсидий (безвозмездных вложений). Вместе с тем самозанятый, как в той пословице, «один в поле не воин» (хотя в этом качестве и разрешено регистрироваться молодым людям с «самых младых ногтей» – с 14 лет, как нигде больше). Для самозанятого предусмотрена невыгодная формула расчета налога на профессиональный доход по ставкам 4 и 6%, в то время как ЕСХН (единый сельскохозяйственный налог для зарегистрировавшихся сельхозпроизводителей) составляет ту же ставку 6%, но не к доходу, а к разности доходов и расходов. В то время как большинству россиян предлагают регистрироваться в качестве самозанятых и создавать для себя самих рабочие места, институт семейного бизнеса «застрял» в недрах Государственной Думы РФ с 2020 г., вопреки идеям гармонизации семейных и трудовых отношений, по Чаянову.

И в качестве четвертого вывода приведем официальный факт из Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2021 г. о том, что в России «возможность иметь на одном земельном участке жилой дом, сад и огород объясняет все возрастающую потребность населения в таких земельных участках» [7. С. 65]. А от себя к «сухой» официальной констатации добавим следующее. Возможность – это прекрасно, но к ней прилагается еще целый ряд важных условий, блестяще сформулированных, очевидно, на века, Александром Васильевичем Чаяновым.

Список источников

1. *Александр* Васильевич Чаянов / авт. вступ. ст.: В.М. Баутин, И.Н. Виноградова, В.И. Глазко ; сост.: Н.В. Дунаева, М.С. Козинская, Г.А. Макаренко. М., 2008. 97 с. (Выдающиеся ученые (выпускники, профессора) Петровской (Тимирязевской) академии, Российского аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева / ЦНБ РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева).

2. *Чаяновский* исследовательский центр. URL: https://chayanov.org/ru/biblio/a-v-chayanov (дата обращения: 10.08.2023).

3. *Longzihu* District Statistics Bureau. 2018.21.05. URL: https://www.citypopulation.de/en/ china/anhui/admin/bèngbù_shì/340302__lóngzihú_qū/ (accessed: 01.07.2023)

4. *Хуан Я.* Капитализм по-китайски: государство и бизнес : пер. с англ. 2-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2012. 375 с.

5. *Чаянов А.В.* Из области новых течений русской экономической мысли (публикация статьи А.В. Чаянова. Труды «Высшей Семинарии с.-х. экономии и политики») // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1.

6. *Миркин Я.* В России прямыми собственниками жилья оказались 78,8 миллиона человек // Российская газета. URL: https://rg.ru/2017/05/03/v-rossii-priamymi-sobstvennikami-zhilia-okazalis-788-milliona-chelovek.html (дата обращения: 01.07.2023).

7. *Государственный* (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в РФ в 2021 году. URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 29.07.2023).

8. *Что* такое СНТ – отличия от ИЖС, ЛПХ, ДПН, плюсы и минусы. URL: https://www.sravni.ru/text/snt/ (дата обращения: 29.07.2023).

9. *Итоги* сельскохозяйственной микропереписи. URL: https://www.rbc.ru/business/01/12/2022/6387574d9a79479a444f6113 (дата обращения: 29.07.2023)

10. *Российский* статистический ежегодник. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с.

11. *Основные* итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года : стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М. : Статистика России, 2022. 420 с.

12. *Анализ* рынка ягод. URL: https://agri-news.ru/novosti/analiz-ryinka-yagod/ (дата обращения: 01.07.2023).

13. *Российский* статистический ежегодник. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 692 с.

14. *Менделеев Д.И.* Мысли о развитии сельско-хозяйственной промышленности. М. : Книга по требованию, 2023. 42 с.

15. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб. : Наука, 1998. 796 с.

References

1. Bautin, V.M. (ed.) (2008) *Aleksandr Vasilievich Chayanov*. Moscow: Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy.

2. Website of the Chayanov Research Center. [Online] Available from: https://chayanov.org/ru/biblio/a-v-chayanov (Accessed: 10th August 2023).

3. Longzihu District Statistics Bureau. May 21, 2018. [Online] Available from: https://www.citypopulation.de/en/ chi-na/anhui/admin/bèngbù_shì/340302__lóngzihú_qū/ (Accessed: 1st July 2023)

4. Huang, Ya. (2012) *Kapitalizm po-kitayski: Gosudarstvo i biznes* [Capitalism in Chinese: State and Business]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Al'pina Pablisher.

5. Chayanov, A.V. (2018) Iz oblasti novykh techeniy russkoy ekonomicheskoy mysli (Publikatsiya stat'i A.V. Chayanova. Trudy “Vysshey Seminarii s.-kh. ekonomii i politiki”) [From the field of new trends in Russian economic thought (Publication of A.V. Chayanov’s article. Proceedings of the Higher Seminary of Agricultural Economics and Politics)]. *Krest'yanovedenie*. 3(1).

6. Mirkin, Ya. (2017) V Rossii pryamymi sobstvennikami zhil'ya okazalis' 78,8 milliona chelovek [In Russia, 78.8 million people are direct owners of housing]. *Rossiyskaya gazeta*. 3rd May. [Online] Available from: https://rg.ru/2017/05/03/v-rossii-priamymi-sobstvennikami-zhilia-okazalis-788-milliona-chelovek.html (Accessed: 1st July 2023).

7. The Russian Federation. (2021) *Gosudarstvennyy (natsional'nyy) doklad o sostoyanii i ispol'zovanii zemel' v RF v 2021 godu* [The national report on the state and use of land in the Russian Federation in 2021]. [Online] Available from: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/ (Accessed: 29th July 2023).

8. Sravni.ru. (2022) *Chto takoe SNT – otlichiya ot IZhS, LPKh, DPN, plyusy i minusy* [What is SNT – differences from individual housing construction, private household plots, dacha non-profit partnership, pros and cons]. [Online] Available from: https://www.sravni.ru/text/snt/ (Accessed: 29th July 2023).

9. RBC.ru. (2022) *Itogi sel'skokhozyaystvennoy mikroperepisi* [Results of the agricultural micro-census]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/busi-ness/01/12/2022/6387574d9a79479a444f6113 (Accessed: 29th July 2023).

10. Rosstat. (2022) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2022* [Russian Statistical Yearbook. 2022]. Moscow: Rosstat.

11. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (2022) *Osnovnye itogi sel'skokhozyaystvennoy mikroperepisi 2021 goda. Statisticheskiy sbornik* [Main results of the 2021 agricultural microcensus. Statistical collection]. Moscow: IITs "Statistika Rossii."

12. *Selskokhozyaystvennye vesti*. (2019) Analiz rynka yagod [Berry market analysis]. 6th August. [Online] Available from: https://agri-news.ru/novosti/analiz-ryinka-yagod/ (Accessed: 1st July 2023).

13. Rosstat. (2021) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2021* [Russian statistical yearbook. 2021]. Moscow: Rosstat.

14. Mendeleev, D.I. (2023) *Mysli o razvitii sel'sko-khozyaystvennoy promyshlennosti* [Thoughts on the development of the agricultural industry]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.

15. Ryazanov, V.T. (1998) *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: reformy i rossiyskoe khozyaystvo v XIX–XX vv.* [Economic development of Russia: Reforms and the Russian economy in the 19th–20th centuries]. St. Petersburg: Nauka.

Сведения об авторах:

Ложникова А.В. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail:tfg@mail.ru

Хлопцов Д.М. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

Мазаев А.Г. – соискатель Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tosev@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lozhnikova A.V. – Dr. Sci. (Economics), professor of the Department of Economics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail:tfg@mail.ru/

Khloptsov D.M. – Dr. Sci. (Economics), professor, head of the Department of Economics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

Mazaev A.G. – applicant for research at the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tosev@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 09.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 154–163.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 154–163.

Научная статья
УДК 111.12
doi: 10.17223/1998863X/75/13

ВРЕМЯ И ЛЮБОВЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Лия Рафиковна Миркушина[1], Наталья Алексеевна Трубина[2]

[1, 2] *Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия*
[1] *mirkushinalr@mgpu.ru*
[2] *Trubina-481@mgpu.ru*

Аннотация. Прослеживаются трансформации двух онтологических конструктов бытия человека в городском пространстве – любви и времени. Городская пространственная темпоральность интерпретируется как инструмент ускорения динамики человеческой жизни, который способствует усложнению, дискретности экзистенциального опыта человека. Показано, каким образом урбанизация нивелирует онтологическую функцию любви, заключающуюся в обретении целостности бытия человека.
Ключевые слова: время, город, любовь, пространство, темпоральность, экзистенциальный опыт

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, https://rscf.ru/project/23-18-00288/

Для цитирования: Миркушина Л.Р., Трубина Н.А. Время и любовь в пространстве города // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 154–163. doi: 10.17223/1998863X/75/13

Original article

TIME AND LOVE IN THE URBAN SPACE

Liya R. Mirkushina[1], Natalya A. Trubina[2]

[1, 2] *Institute of Human Sciences, Moscow City University, Moscow, Russian Federation,*
[1] *mirkushinalr@mgpu.ru*
[2] *Trubina-481@mgpu.ru*

Abstract. The article notes that the city transforms a person's being, sets orientations to value-cultural directions, changes the perception and experience of such ontological foundations as love and time. The temporality of the urban space accelerates the dynamics of human being, providing for the implementation of existential functions diverse variations, the significance of which a person does not have time to appreciate during his life due to their rapid dynamics. The mechanisms of urbanization transform the ontological function of love, which for several millennia was reduced to understanding the completion of the integrity of a person's being, determined the meaning of his life and allowed him to gain essence. The principles of urban values reduce love to fleeting and material-physiological forms of actualization, thereby depriving a person of the opportunity to gain the fullness of his being. A comparative analysis of philosophical teachings allowed the authors to come to the conclusion that, in search of worldview attitudes, a person turns to the modes of time, and time itself, being a transcendent form of inner feeling, takes shape in the flow of city events. In the modern paradigm of the "accelerated pace of life" of a big city, space forms a different cognitive perception of temporality, due to tension and oversaturation with events of socio-cultural life, which gives more intensity to the flow of time. The self-discrediting

© Л.Р. Миркушина, Н.А. Трубина, 2023

future has ceased to be stable and predictable in existential experience, old fears are forgotten and give way to new ones – in front of the future, which are gaining more strength. In this way, in the conditions of progressive civilizational values and conditions of uncertainty, the past is romanticized as a means of psychological protection against a difficult predictable future. The authors conclude that the existential experience of a citizen is actualized in discrete modes both when experiencing a feeling of love and in relation to time, which becomes one of the causes of unresolved existential problems.
Keywords: time, city, love, space, temporality, existential experience

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No 23-18-00288, https://rscf.ru/project/23-18-00288/

For citation: Mirkushina, L.R. & Trubina, N.A. (2023) Time and love in the urban space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 154–163. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/13

Постановка проблемы

Время является категорией, вокруг которой сформировались проблемное поле и плюрализм гипотетических и фактологических решений в области разных видов познания. В контексте экзистенциального подхода семантика времени определяется бытием человека. Бытие человека – это существование во времени, наполненное ценностями и смыслами, меняющимися под действием как внутренних, так и внешних факторов [1. С. 193]. Человек не только пребывает во времени, но также является субъектом его смыслоположения. Формулируемые значения о времени детерминированы их значимостью для бытия человека, влиянием на жизненный смысл, ценностные и мировоззренческие ориентиры, уклад и образ жизни. Таким образом, время и бытие человека взаимообусловлены: время полагает смыслы бытия человека, а бытие человека, социума формирует его семантические значения.

Процесс смыслопорождения времени и его результат обретают свою значимость и определенность именно в рамках парадигмы исторической эпохи, в контексте ценностей, потребностей, значимых процессов, происходящих в обществе. Темпоральность определяет длительность событий, процессов и явлений. В XX в. меняется восприятие темпоральности, динамика времени синхронизирована с социально-культурными, научно-техническими и экономическими процессами, в частности ускоренным развитием капитализма, урбанизации. В городском пространстве следствия социальной, политической, экономической, культурной динамики переходят к индивиду быстрее, чем к жителю деревни, и он в своем опыте сталкивается с изменениями раньше. Город трансформирует бытие человека, задает ориентации ценностно-культурным направлениям, меняет восприятие и переживание онтологических оснований, так как «является фокусом духовных вызовов цивилизационного развития» [2. С. 60]. Темпоральность системообразует событийную насыщенность территории города в повседневное бытие его жителей, а также город является той средой, где у человека, ставшего его частью, появляется возможность ощутить воздействие социальных преобразований в определенном ритме времени, сформировать в его условиях мироощущение. Городская среда непосредственным образом оказывает влияние на смыслообразующие и сущностные основы бытия человека, трансформирует его ценности и отношения.

Человек и городская пространственная темпоральность

Человеческая деятельность обусловливает специфику социальной организации времени общества и ее особенности на каждом этапе. По утверждению С.С. Касаткиной, индустриальные центры, крупные города, мегаполисы, где ритм жизни подчинен производственным процессам, расписанию работы транспорта, высокой мобильности субъектов городского пространства, характеризуются высокой степенью темпоральности [2. С. 145]. В современной парадигме «ускоренного темпа жизни» большого города, при восприятии времени как инвестиции, меняются условия реализации экзистенциальных потребностей, влияющих на формирование целостности личности, поиски смыслов существования. Пространство города дает иное когнитивное восприятие темпоральности, обусловленное напряжением от постоянных перемещений, «длительностью дорог», насыщенностью событиями социально-культурной жизни, что в целом придает большую интенсивность течению времени. Человек, подчиняясь темпоральности урбосферы, сталкивается с потенциальной, а в некоторых случаях и актуальной утратой своей целостности, проявление которой заключается в ее неоднозначной множественности. В событиях городской реальности личность сталкивается с кризисом идентичности, обнаруживающимся в потере связи с городом, ввиду автономии от места проживания, конкретных городских локаций. Городской ландшафт представляет собой социальную и культурную реальность, которая меняет «собственную природу» [3. С. 13] человека, восприятие его идентичности. Городская культура наполнена различными моделями поведения, плюрализмом мировоззренческих позиций и ценностей, она оказывает значительное влияние на поведение, мышление человека, задает вариативность его существованию. Личности предоставлена возможность быть кем захочет, но определиться с самоидентичностью получается лишь на короткий период времени, так как калейдоскоп возможностей, предоставленный событийностью города, постоянно ставит человека перед выбором. Проблема обретения целостности и идентичности, поиск своего Я, смещает фокус внимания на время через субъектность.

В начале XX в. в учениях П. Сорокина и Р. Мертона появляется категория «социального времени», выражающая интуитивное ощущение человеком времени, связанное с переживаниями и эмоциями. В современной физике выделяется два вида времени, имеющих онтологическое различие: субъективное, или социальное, время – имманентное человеку, воспринимаемое сознанием и объективное физическое время, независимое от человеческого существования. Ученые-позитивисты считают, что субъективное время является производным от объективного времени, которое, в свою очередь, является первичным. Л. Кент и М. Уиттман подчеркивают особенность дискретности времени, проявляющуюся через субъективность его восприятия, обнаружение дискретности происходит в эмоциональных и телесных процессах [4. P. 2]. Отсюда следует, что социальное время, в частности время, которое задается бытием города, становится неотъемлемым атрибутом человеческого сознания, поскольку относится к субъективному виду. Временной порядок является важным конструктом в ментальном представлении человека, вся феноменальная реальность возникает из тождественной связи настоя-

щего времени и сознательного Я. Сознательный анализ временного порядка и изменений исходит из нейронных связей, позволяющих человеку понять, что он существует в данный момент времени, но то, что человеком представляется как свойства однонаправленности и текучести времени, для физической реальности не является таковым, эти свойства возникают вследствие работы сознания [5. P. 47].

Обращаясь к теме модусов времени, А.Ю. Севальников видит корреляцию традиционной метафизики с квантовой механикой и делает вывод о том, что потенциальное будущее связано с актуализацией возможного. А.Ю. Севальников сравнивает тезис Аристотеля «Время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему» [6. С. 150] с волновой функцией в квантовой механике, которая выступает «иной» (как возможность) по отношению к нашей наблюдаемой действительности. Он приходит к умозаключению, что в метафизическом понимании времени происходит скачок при переходе модуса будущего к сущему, а в квантовой механике этот скачок выражается «редукцией волновой функции», и этим объясняется «несхватываемое» настоящее время [7. С. 61].

Современные мыслители отмечают факт усиления темпоральной фрагментарности в бытии человека. Так, представитель интуитивизма и философии жизни А. Бергсон утверждал, что у человека есть прямое внутреннее восприятие времени и это образует сущность его существования. Представитель немецкого экзистенциализма М. Хайдеггер пришел к подобному заключению, но с другой перспективы. Он считал, что человек существует в мире пространства и времени и осознает не только свое физическое положение в нем, а также свое бытие в модусах настоящего, будущего и прошлого и тот факт, что у жизни есть начало и конец во времени. Он также противопоставляет город деревне, считая город порождением человеческой технически ориентированной культуры, в котором человек «ангажирован» – во всем многообразии смыслов этого слова, поэтому он не может существовать подлинно и быть самим собой. Человек не только воспринимает время, он придает времени антропные свойства и «человекомерность» феномену темпоральности. Конечность человеческого бытия представлена М. Хайдеггером в нескольких значениях: как необратимость времени; как регулятор человеческого поведения; мотив к осмысленному отношению к действительности. М. Хайдеггер утверждал, что благодаря человеческой природе онтологически значимым становится именно будущее, а не прошлое, в структуре модусов времени, поскольку есть возможность вносить собственные коррективы, а сосредоточенность на будущем дает способность к экзистенции [8. С. 363]. Будущее зависит от «заботы», которая дана темпоральностью экзистенциии. «Забота» и преданность своей самости, ощущение себя через события связывают человека с объективным миром и пространством. Отношение к смерти усиливает значение модуса будущего в подлинной экзистенции.

Линейная схема модерна «прошлое–настоящее–будущее» утратила свой важнейший компонент, с которым была связана идея прогресса – будущее. В связи с этим новые темпоральные представления переосмысливают либерально-прогрессистское понимание о перспективном будущем, популярное в 1960-е гг. Данную политику времени З. Бауман назвал «ретротопической» [9. С. 15]. Состояние «текучей современности», которое началось как утопия,

а закончилось ностальгией, объясняется тем, что человек становится более мобильным и готовым к изменениям своей географии внутри пространства города, в роде своей деятельности, в поиске новых ощущений и чувств, в том числе и таких, которые бы позволили обрести свою целостность, например благодаря любви, как это представлялось возможным древнегреческим мыслителям, о чем свидетельствует диалог Платона «Пир». В погоне за лучшей жизнью, сопровождающейся отсутствием обременения по длительным обязательствам, человек позволил легко и кардинально изменять свою действительность, но при этом он чаще находится в состоянии неопределенности. Дискредитирующее себя будущее перестало казаться стабильным и предсказуемым, старые страхи предаются забвению, им на смену приходят новые – перед будущим, которые обретаю большую силу. Таким образом, человек стал больше предаваться воспоминаниям о прошлых порядках, коммунистическом светлом будущем, придавая модусу прошлого ценность видимой стабильности и надежности. Это не только прослеживается на уровне частной жизни, как указывал З. Бауман, но и подтверждается обращением к старым методам в решении проблем государствами [9. С. 47].

В условиях прогрессирующих цивилизационных ценностей и урбанистического роста романтизация прошлого становится средством психологической защиты и приемом самоуспокоения перед сложным прогнозируемым будущим, которая в массовой культуре находит свое выражение в тяготении к винтажным вещам. К.В. Игаева и Ф.В. Николаи отмечают, что в современной реальности наблюдается смещение временных модусов в сознании человека – на первый план выдвигается презентизм как преобладание настоящего над прошлым и будущим. Исследователи находят подтверждение данному феномену в трудах Ф. Артога, Р. Козеллека, З. Баумана, он объясняется многочисленными войнами XX в. [10. С. 123], идеологическими противостояниями холодной войны, пандемией XXI в.: будущее стало больше представлять некую непредсказуемую угрозу, несмотря на выстраиваемую безопасную общественную среду и политические обещания. Городской уклад жизни, сопровождающийся апокалиптическими прогнозами по экологии, климату и демографии, заставил усомниться в представлении о прогрессивном пути человеческого развития, модус будущего воспринимается как потенциальная опасность для существования социума. Таким образом, изменения, происходящие в социальном пространстве в постиндустриальный период, влияют на восприятия и смыслоположения времени относительно субъектности, его переживания, не имеют объективности и линейности. Это подтверждается идеями постмодернистов, которые коренным образом пересматривают и отвергают принцип линейности течения времени и линейного прогресса. Все больше утверждается реляционный характер времени, который восходит к антиномийной конструкции Г.В.Ф. Гегеля: «Реальное отлично от времени, но и существенно тождественно с ним» [11. С. 49–50], – а также он иллюстрируется общей теорией относительности А. Эйнштейна.

Принципы постиндустриального этапа развития общества формируют «концепцию городской застройки как неизбежно фрагментированного явления, „палимпсеста“ прошлых форм, наложенных друг на друга, и „коллажа“ сиюминутных функционалов, многие из которых могут носить эфемерный характер» [12. С. 142]. Застроенное пространство города представляет собой

условие для обеспечения нового способа «объединения индивидуумов – гипертолпы» [13. С. 53], для которого характерны дезориентация и децентрализация. В городском пространстве формируется среда, в которой агрессия и пассивность становятся привычными состояниями общества, отраженные и воплощенные в объектах даунтауна. Зеркальная поверхность зданий отражает внешние объекты реальности «точно так же, как зеркальные очки создают взаимоотношения агрессии–пассивности между их носителем и наблюдателем». Эскалаторы и лифты – объекты урбанистического пространства, отправляют человека «в тревожное вертикальное путешествие, сознательно лишая его способности выбирать свой путь» [13. С. 84]. Эмпирические исследования современных социологов свидетельствуют, что поведение новоприбывших горожан отличают следующие состояния: рост безразличия к проблемам и событиям, не имеющим непосредственного отношения к индивиду; цензура коммуникации, основанная на избирательности по причине множества социальных контактов; актуализация тайм-менеджмента; «снижение выраженности реагирования на социальную ответственность по причине большей отстраненности в условиях города»; сокращение объема отношений, построенных на доверии; рост одиночества [14. P. 20].

Таким образом, урбанизированная среда сводится к росту агрессии, пассивности, подмене духовных ценностей на материальные ввиду того, что город сопряжен с процессом массового производства и потребления, в целом к дегуманизации социума. Состояния, свойственные горожанину, отражают дефицит любви в бытии человека по причине отчужденности общества, где каждый индивид руководствуется только собственными целями и интересами.

Трансформация онтологической функции любви

Одиночество, отсутствие доверия и интереса к особенностям других людей, одержимость собственными целями, агрессивность и пассивность становятся факторами, ведущими к проблеме актуализации любви на этапе ее зарождения для горожанина. Одним из важнейших модусов межличностного общения, определяющим смыслы и сущность бытия человека, является любовь, с помощью которой преодолеваются отчуждение между людьми, чувства одиночества и опустошенности. Недостаток любви становится следствием фрагментации бытия человека в городской среде, утраты его смыслов. В урбосфере любовь приобретает социально-культурные смыслы, подчиняющиеся принципам бытия города, нормам социального взаимодействия.

Любовь в ее воплощенных формах современного проявления подчинена доминирующим в культуре и социуме принципам материальных ценностей. П.А. Сорокин в статье «Современная любовь» подчеркивал, что с развитием цивилизации и ростом больших городов любовь все дальше отходит от духовных основ и стремится к материально-физиологической воплощенности, а в ее акутализации встречается новая форма, которая названа им «ресторанная любовь» и обозначает все половые отношения «между мужчиной и женщиной, которые преследуют не идеальные задачи „единения душ“, симпатии, дружбы и „чистой возвышенной любви“, а именно… простое единение тел, за плату (проституция), или бесплатно, все те бесчисленные связи – мгновенные или длительные, – где индивид для индивида важен, прежде всего, как

„самец“ или „самка“, могущие удовлетворить надлежащую физиологическую потребность» [15. С. 256].

По мнению Э. Фромма, «сексуальное желание может порождаться не только любовью, но и боязнью одиночества» [16. С. 97], что объясняет возможную причину материально-физиологической воплощенности любви в городском пространстве: «Пройдитесь по кафе, по ресторанам, и вы увидите достаточное число таких „ищущих“ того и другого пола, платных и бесплатных. Войдите в большие залы, в театральные фойе – и здесь при достаточном опыте немало увидим лиц, занимающихся тем же. А сколько таких „искателей“ ежеминутно встречаются вам на улицах и на тротуарах, в трамваях и в парках, в салонах и будуарах» [15. С. 257]. Еще в античности Платоном была отмечена важная онтологическая функция любви – восполнение целостности природы человека, обретение смысла его бытия и бессмертия. Но материально-физиологическая воплощенность любви неспособна выполнить функцию восполнения целостности бытия человека: «Сексуальная близость создает на короткий миг иллюзию слияния, однако без „слияния“ оставляет людей такими же чужими и далекими друг от друга, какими они были и раньше; порой они даже стыдятся друг друга, потому что, когда иллюзия развеивается, их отчужденность ощущается еще более остро, чем прежде» [16. С. 97].

Спасаясь от одиночества в городском пространстве, человек прибегает к любви, которая приобретает эфемерный характер, ее актуализация сводится к темпоральной дискретности. Э. Тоффлер отмечал, что традиционный брак как социальная оформленность любви изживает себя, и, по его прогнозам, «широкие слои перейдут к временным бракам» [17. С. 276]. По его мнению, неизбежным порождением социального устройства, построенного на постиндустриальных принципах производства, которые характерны для городского уклада жизни, станет установка в сознании социума на фрагментарность любви. Люди не будут испытывать иллюзий в отношении ее существования до окончания жизни, а развод не будет вызывать «ни потрясения, ни смятения, ни даже боли» [17. С. 276], поскольку возможность вступать в брак у них будет появляться снова и брак станет серийным. В «Эпохе Быстротечности» взаимоотношения людей становятся непродолжительными подобно тем временным явлениям, которыми наполнена реальность их пребывания: «автомобили берут напрокат, кукол отдают в счет покупки новых, одежду перестают носить, надев ее один раз» [17. С. 276]. Таким образом, любовь в «Эпохе Быстротечности» и «текучести» становится онтологической основой для обретения целостности своего бытия в многообразных объектах любви. Английский социолог Э. Гидденс отметил, что для современной реальности характерны трансформации в проявлении чувства любви: «В нынешнюю эпоху идеалы романтической любви имеют тенденцию к фрагментации, на смену романтической любви пришла „любовь-слияние“» (confluent love – «конфлюентая любовь») [18. С. 83]. Любовь-слияние, иными словами, «текучая», является преходящей, не ориентирована на поиск единственного объекта любви, вечной любви, что характерно для романтической любви. Характерной чертой конфлюэнтной любви является не исключительность партнера, а конкретность отношений, сформировавшихся в условиях здесь и сейчас, которые приносят эмоциональную, сексуальную удовлетворенность партнерам. В случае если удовлетворенность отношениями не достигается, то от-

ношения пары разрушаются. В потоке быстро сменяющихся городских событий, сформировавшихся ценностных ориентиров урбосферы, любовь подстраивается под темпоральность, заданную пространством, и проявляется фрагментарно в бытии человека.

Заключение

Можно заключить, что механизмы урбанизации трансформируют онтологическую функцию любви, которая на протяжении нескольких тысячелетий сводилась к пониманию восполнения целостности бытия человека, определяла смысл жизни и позволяла обрести сущность. Темпоральность городского пространства ускоряет динамику бытия человека, предоставляя для реализации онтологических и мировоззренческих функций многообразие вариаций, значимость которых человек не успевает оценить в течение жизни ввиду их быстрой динамики. Любовь, подчиненная принципам урбанистических ценностей, сводится к быстротечным и материально-физиологическим формам актуализации, тем самым лишая человека возможности обрести сущность и целостность своего бытия.

Сделаем вывод: в городском пространственно-временном бытии ускоряется темп человеческой жизни. Для решения экзистенциальных вопросов урбосфера предлагает человеку множество различных вариантов, которые носят фрагментарный и быстротечный характер. В поиске мировоззренческих установок человек обращается к модусам времени, а само время, оформленное в потоке событий города, является трансцендентной формой внутреннего чувства. Однако в современной парадигме «ускоренного темпа жизни» большого города пространство дает иное когнитивное восприятие темпоральности, обусловленное напряжением и перенасыщенностью событиями социально-культурной жизни, что придает большую интенсивность течению времени. Таким образом, в условиях прогрессирующих цивилизационных ценностей и состояния неопределенности происходит романтизация прошлого как средства психологической защиты перед сложным прогнозируемым будущим.

Экзистенциальный опыт горожанина актуализирован в дискретных модусах как при переживании чувства любви, так и в отношении ко времени, это становится одной из причин нерешенных экзистенциальных проблем.

Список источников

1. *Скворцова А.А.* Факторы изменения ценностных ориентаций населения в условиях социальной трансформации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 2 (3). С. 192–195.

2. *Касаткина С.С.* Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2018. 160 с.

3. *Акалелова Т.А.* Антропологические характеристики урбанистической культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44) : в 2 ч. Ч. I. С. 13–15.

4. *Kent L., Wittmann M.* Time consciousness: the missing link in theories of consciousness // Neuroscience of Consciousness. 2021. № 7 (2). P. 1–10.

5. *Dresp-Langley B., Durup J.* Does consciousness exist independently of present time and present time independently of consciousness? // Open Journal of Philosophy. 2012. Vol. 2, № 1. P. 45–49.

6. *Аристотель.* Физика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1981. Т. 3. С. 59–262.

7. *Севальников А.Ю.* Время как осуществление возможного и свет // Метафизика. 2017. № 3 (25). С. 56–70.

8. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.

9. *Бауман З.* Ретротопия : пер. с англ. М. : ВЦИОМ, 2019. 160 с.

10. *Игаева К.В., Николаи Ф.В.* Трансформация культуры общества потребления в работах З. Баумана // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 120–126.

11. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения : в 14 т. Т. 2: Философия природы. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1932. 775 с.

12. *Харви Д.* Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко ; под науч. ред. А. Павлова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.

13. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 799 с.

14. *Alpysbes A.M.* Urbanization as a cultural process and a value phenomenon Urbanization as a cultural process and a value phenomenon // European Scientific e-Journal. 2020. № 5 (5). P. 18–31.

15. *Сорокин П.А*. Современная любовь // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М. : Наука, 1994. С. 256–266.

16. *Фромм Э.* Искусство любить / пер. с англ. А.В. Александровой. М. : АСТ, 2022. 221 с.

17. *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева и др. М. : АСТ, 2002. 557 с.

18. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб. : Питер, 2004. 208 с.

References

1. Skvortsova, A.A. (2012) Faktory izmeneniya tsennostnykh orientatsiy naseleniya v usloviyakh sotsial'noy transformatsii [Factors of change in the value orientations of the population in conditions of social transformation. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve – Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2(3). pp. 192–195.

2. Kasatkina, S.S. (2018) *Urbosfera: praktiki osmysleniya gorodskogo prostranstva* [Urbosphere: Practices of Comprehension of Urban Space]. Cherepovets: Cherepovets State University.

3. Akalelova, T.A. (2014) Anthropological characteristics of urban culture. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 6(44). pp. 13–15. (In Russian).

4. Kent, L. & Wittmann, M. (2021) Time consciousness: the missing link in theories of consciousness. *Neuroscience of Consciousness*. 7(2). pp. 1–10. DOI: 10.1093/nc/niab011

5. Dresp-Langley, B. & Durup, J. (2012) Does consciousness exist independently of present time and present time independently of consciousness? *Open Journal of Philosophy*. 2(1). pp. 45–49.

6. Aristotle. (1981) *Fizika. Sochineniya: v 4 t.* [Physics. Essays in 4 vols]. Vol. 3. Translated from Ancient Greek. Moscow: Mysl'. pp. 59–262.

7. Sevalnikov, A.Yu. (2017) Vremya kak osushchestvlenie vozmozhnogo i svet [Time as the Realization of the Possible and Light]. *Metafizika – Metaphysics*. 3(25). pp. 56–70.

8. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.

9. Bauman, Z. (2019) *Retrotopiya* [Retrotopia]. Translated from English. Moscow: VTsIOM.

10. Igaeva, K.V. & Nikolai, F.V. (2022) Transformations of Consumer Culture in Zygmunt Bauman's Works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 120–126. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/65/12

11. Hegel, G.V.F. (1932) *Sochineniya v 14 t.* [Works in 14 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow; Leningrad: SOTsEKGIZ.

12. Harvey, D. (2021) *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy* [The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change]. Translated from English by N. Protsenko. Moscow: HSE.

13. Jameson, F. (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Translated from English. Moscow: The Gaydar Institute.

14. Alpysbes, A.M. (2020) Urbanization as a cultural process and a value phenomenon. *European Scientific e-Journal*. 5(5). pp. 18–31.

15. Sorokin, P.A. (1994) *Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [A Public Textbook of Sociology. Articles of Different Years]. Moscow: Nauka. pp. 256–266.

16. Fromm, E. (2022) *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving]. Translated from English. Moscow: AST.

17. Toffler, A. (2002) *Shok budushhego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.

18. Giddens, A. (2004) *Transformatsiya intimnosti* [Intimacy Transformation]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

Сведения об авторах:

Миркушина Л.Р. – кандидат философских наук, старший преподаватель общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Трубина Н.А. – кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: Trubina-481@mgpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mirkushina L.R. – Cand. Sci. (Philosophy), senior lecturer at the University Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Trubina N.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the University Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Trubina-481@mgpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023;
одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 19.06.2023;
approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 164–178.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 164–178.

Научная статья
УДК 316.613
doi: 10.17223/1998863X/75/14

«РАСШИРЕННОЕ Я» КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНЦЕПТ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Анна Александровна Шавлохова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия, ollyvost@tpu.ru

Аннотация. Актуализируется проблема «расширений» человеческой самости через коммуникативные действия в цифровом обществе. Доказывается, что при использовании гаджетов, телефонов и иных технических устройств, являющихся частью Интернета вещей, человек включается в систему коммуникаций, которая производит его собственное «расширение» вне границ реального мира и своего тела. Показано, что термин «расширенного Я» можно рассматривать в социально-философском дискурсе как коммуникативный концепт, состоящий из различных модусов коммуникации, продуцирующих значения в отношении настоящего и будущего.
Ключевые слова: коммуникации, расширенное Я, конструирование, модус, цифровое общество

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00757.

Для цитирования: Шавлохова А.А. «Расширенное Я» как коммуникативный концепт цифровой реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 164–178. doi: 10.17223/1998863X/75/14

Original article

“EXTENDED SELF” AS A COMMUNICATIVE CONCEPT OF DIGITAL REALITY

Anna A. Shavlokhova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation, ollyvost@tpu.ru;

Abstract. The article deals with the issue of “expanding” the boundaries of the human self through the use of digital devices (gadgets) in everyday life within communicative practices. The aim of the article is to identify the main ways of transition of meanings that underpin a new understanding of the term “extended self” as a communicative concept. The multidimensionality of the subject determined the need to appeal to a wide range of methodological backgrounds: to the phenomenology of Heidegger, Merleau-Ponty and Husserl; to the theory of social constructionism of Berger and Luckmann; and also to the ideas of Lotman’s autocommunication and Belk’s marketing research. The analysis allowed the author of the study to propose a new understanding of the term “extended self” as a set of communicative practices. The undertaken theoretical research made it possible to prove that the “extended self” is a way of an objective construction of personality in digital reality, carried out through various modes of communication. The concept of the mode has been applied to describe the substantial basis of the person’s self (through I/I and I/Body) as a certain state that is reproduced when the digital and real worlds collide, when the virtual world “opens” to the outside and conditions for unlimited semiosis are created. The author of the study proves that, in the current realities, when a person is already immersed in the

© А.А. Шавлохова, 2023

digital space of meanings, the user's consciousness becomes so adaptive that it perceives the subject environment of the Internet of Things (gadgets and phones) as part of its physicality, its continuation, which is a new understanding of the "extended self". The author shows that it is possible to trace certain communicative patterns that manifest themselves in the process of interaction of a person with things ("images of things") in the Internet space. These patterns are modes of communication, in relation to digital reality, which are objectified in various ways of a person's existence – through I/Body communication and I/I autocommunication.

Keywords: communication, extended self, construction, mode, digital society

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00757.

For citation: Shavlokhova, A.A. (2023) "Extended self" as a communicative concept of digital reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 164–178. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/14

Классическим примером, объясняющим феноменологическую сторону «расширяющих предметов» для личности, является, по мнению М. Хайдеггера, пример плотника, который использует молоток для влияния на окружающую его среду (т.е. посредством какого-то элемента мы изменяем мир вокруг себя в соответствии со своими предпочтениями). М. Мерло-Понти приводит аналогичный пример «продолжения» личности – слепой человек с помощью трости также продолжает себя вовне и ощущает окружающую его среду.

Переход же в новую, техноцентричную реальность ознаменовал становление личности, которая уже самостоятельно «достраивает» себя с помощью цифровых сред виртуальной и предметно-вещной реальности. Об этом начиная с 1990-х гг. неустанно говорят исследования не только философов, но и психологов, физиологов и социологов, таких как Н.А. Носов, О.В. Попова, В.В. Попов, В.Г. Буданов, Д. Чалмерз, М. Кастельс и др. [1–8]. В свете чего современные ученые активно пытаются исследовать проблемы изменения опыта пространственного ощущения личности (ее восприятия окружающего мира) в процессе погружения в виртуальную реальность. По мнению К. Лоренца, имеются все основания предполагать, что врожденные структуры нашего мозга, которые отвечают за формы восприятия и их категоризацию есть не сам разум, а «инструменты, которые он использует» [9. С. 35], что подтверждается некоторыми мыслями И. Канта об априорных формах созерцания и рассудка, которые опирались на чувственный, телесный опыт познания действительности.

Вопросами расширения человеческих возможностей и когнитивной деятельности за счет внешних устройств и цифровых гаджетов исследователи начали заниматься относительно недавно (к примеру, советский ученый И. Фейгенберг предложил ввести новый термин «Человека Достроенного», Homo sapiens perimplens, как некоторой формы, продолжающей эпоху Человека Разумного). Концепция Extended Self впервые была предложена в 1988 г. американским бизнес-академиком, который специализируется на маркетинговых исследованиях, анализе покупательского бихевиоризма и является приверженцем теории множественной идентичности личности – Р. Бэлком. В своей работе ученый-маркетолог определяет это понятие «расширенного Я» «…как тела, внутренние процессы, идеи и переживания, а также те люди, места и вещи, к которым человек чувствует привязанность» [10. С. 140].

Поскольку современное видение «расширенного Я» требует нового социально-философского осмысления, предлагается рассматривать расширение человеческой самости в контексте современной цифровой реальности не только через исследование переживаний и вещей, к которым человек привязан (пространство идей, чувственный опыт), а в контексте различных модусов коммуникации, через которые понятие «расширенное Я» становится именно коммуникативным концептом.

Ключевой проблемой представленного исследования является следующее утверждение: проблема коммуникативных оснований «расширенного Я» является малоизученным аспектом в социально-философском контексте.

Работы зарубежных авторов в основе своей базируются на идеях Р. Бэлка, что методологически затрудняет исследование самого феномена в современном социуме, так как понятие не раскрывается с фундаментальных позиций коммуникации (основываясь только на маркетинговых исследованиях). Рассмотрение же феномена «расширенного Я» в контексте коммуникативных практик позволило бы расширить само понимание конструирования различных форм самости человека в цифровой культуре.

Гипотезой представленного исследования предполагается, что в процессе конструирования собственной самости с помощью предметно-вещной реальности Интернета вещей и цифровых устройств (гаджетов) личность встраивается в систему коммуникации со своими цифровыми «двойниками» или с «образами» вещей (в представлении самой личности каждая вещь имеет свой образ). В этом случае личность становится «расширенной», и ее пространство видоизменятся через различные модусы коммуникации, такие как Я / Я и Я / Тело. В нашем случае образы вещей в пространстве цифровой реальности являются инструментами означивания самой личности, ее идентичности и выступают в качестве связующего элемента для больших масс людей, сплетая их в группы по определенному признаку, выступая в качестве связующей нити в пространстве глобальных информационных технологий и личностных конструктов. Выходя за пределы маркетингового понимания «расширенного Я», по Р. Бэлку, тем самым автором выдвигается предположение, что данный феномен может являться коммуникативным концептом цифровой реальности, который можно увидеть именно через различные модусы коммуникации (Я / Я, Я / Тело).

Предлагаемое автором видение «расширенного Я» как коммуникативного концепта через различные модусы требует некоторого терминологического уточнения. Понятие «модус» коммуникации будет принято за основу, исходя из феноменологической и лингвистической базы. В области феноменологии Ф. Брентано рассматривал модус в качестве некоторой субстанциональной основы, в качестве состояния, которое может быть представлено через какую-либо вещь или сущность, – в нашем случае самость представляет себя через какие-то аспекты (будь то телесные практики или автокоммуникация), а в плане лингвистической базы модусом можно называть способы вербального и невербального существования личности в разных хронотопах (т.е. вне каких-либо временных ограничений) [11]. Вследствие этого автором исследования представляется, что понятие «модусов» коммуникации является наиболее применимым для отражения сути контекста.

Автором планируется рассмотреть различные подходы, объединяющие в себе феноменологию М. Хайдеггера в части описания пространственной коммуникации с вещью через обладание ею и ее «размыкание», теорию социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана и теорию автокоммуникации Ю.М. Лотмана, отражающую перспективность рассмотрения конструкта самокоммуникации в виртуальной реальности через пространственную вневременную проекцию своего Я.

«Расширенное Я» как способ предметного конструирования личности в цифровой реальности

Об интериоризации опыта, полученного извне, говорил еще И. Кант. Он полагал, что существует некое содержание явлений, которое, по его мнению, относилось к категории «чистого созерцания», усвоенного рассудком с помощью совокупности чувственных данных, – т.е. некоторые явления не опосредованы опытом [12. С. 26]. Но при этом в рассудочную деятельность человека И. Кант включал еще и ее основную функцию, а именно установление взаимосвязей и некоторых законов возможного опыта как совокупности предметов, полученных из «сырого материала» восприятия и чувств. Однако автор исследования полагает (и в этом плане наше мнение солидарно с утверждениями Е.В. Косиловой, В.В. Миронова и других современных российских философов [13]), что в эпоху повсеместного внедрения «виртуальности» и Интернета вещей в обиход человека уже нельзя говорить о том, что что-то может быть «дано» человеку в чистом созерцании, так как мы наблюдаем в телефоне и компьютере те фотографии, новости, объекты, которые уже «прошли» через чье-то сознание и были ранее проинтерпретированы и подобраны «только для нас» совокупностью SMM-менеджеров и поисковыми запросами. По мнению отечественного философа культуры В.В. Миронова [13], глобальные тенденции расширения границ человеческого познания таковы, что человек может самостоятельно выбирать уровни своей горизонтальной и вертикальной дифференциации с мировой культурой через глобальную сеть. Происходящая локализация индивидуального коммуникационного пространства формирует своего рода уровни «расширения» человеческой самости. Вследствие этого актуализируется поиск новых форм, способов конструирования и взаимодействия человека с объектами цифровой среды, с «вещами», которые конструируют нашу коммуникацию как некий род передачи и восприятия опыта. По мнению автора, одной из таких категорий, которая поможет раскрыть различные модусы ощущения «настоящего» посредством актуальных коммуникативных концептов, является категория «расширенного Я».

Значимыми для данного исследования являются труды философа и психолога У. Джеймса, автора ряда работ по прагматизму и функционализму, которого часто называют «отцом» современной психологии. В своей книге «The Principles of Psychology» [14] У. Джеймс предложил концепцию «эмпирического Я» (оригинал – empirical self. – *А.Ш.*): «Эмпирическое Я для каждого из нас составляет то, что каждый стремится назвать „своим“ или присвоить себе. Но между тем, как человек присваивает себе что-то, и тем, кем он считает себя, сложно провести какую-то четкую грань. Мы чувствуем и мы действуем в отношении определенных вещей, которые нам принадлежат,

во многом так же, как мы чувствуем и действуем в отношении себя самих» [14. С. 291]. Джеймс утверждал, что «эмпирическое Я» есть неотъемлемая часть личности человека, которая преимущественно конституируется за счет различных предметов (предметно-вещной реальности. – *А.Ш.*) и людей, окружающих его. В этом случае мы можем говорить, что к конституции «эмпирического Я» относятся все вещи / предметы и люди, которые вызывают у личности инстинктивный импульс. Этот инстинкт побуждает нас «собирать имущество», которое в конечном итоге вырастает в некоторое подобие «коллекции» с разной степенью «близости» / «привязанности»; и вся эта предметно-вещная реальность становится частью нашей эмпирической самости(-ей).

Вследствие усложнения коммуникационных процессов и технологического прогресса возникали альтернативные точки зрения касательно того, какие варианты вещно-предметной реальности мы можем соотносить с представлениями о себе. К пулу таких зарубежных исследований можно отнести идеи «расширенного разума», «расширенного сознания», «расширенного Я», а также различные теории об объектно-ориентированных онтологиях по «типу теории сетей акторов» (как разновидности теории влияния социального и технического контента на научную активность ученых и инженеров). Технологические возможности в качестве продолжения собственного Я не только стали уже реалиями современного мира, но и расширили возможности для «продолжения» телесности. В данном контексте мы понимаем под телесностью некоторое сложносоставное понятие о самости человека, формируемое социумом, его окружением, предметно-вещной реальностью и теми коммуникациями, которые личность осуществляет в процессе присвоения каких-либо значений в отношении свой самости.

Утверждения о том, что технологии могут являться «продолжением» человеческой телесности и его восприятия имеют давнюю традицию в зарубежной философской мысли. М. Мерло-Понти, М. Маклюэн, Д. Иде и другие именитые ученые утверждали, что некоторые артефакты могут быть «продолжением» нашей сенсомоторной системы.

По мнению Х. Де Престера и М. Тсакириса, феноменологическое восприятие реальности и самого себя посредством внешних объектов происходит благодаря такому понятию, как транспарентность. В тот момент, когда вещь или объект, воспринимаемый человеком как внешний, переходит за границы осознанного восприятия, – тогда и наступает транспарентность и восприятие предмета / вещи в качестве части своего тела становится реальностью. В зарубежной практике в последнее время участились исследования относительно периперсонального пространства (peripersonal space) человека, которое состоит из мультисенсорных нейронов мозга, определяющих тактильное рецептивное поле человека, его самость в контексте его окружения. Другими словами, периперсональное пространство определяется как телесность, которая «продолжается», «простирается вдоль» мира вещей с помощь цифровых гаджетов, что находит свое отражение и в том, как наш мозг воспринимает реальность.

Например, А. Серино утверждает, что в головном мозге существует три разновидности понятия «пространство»:

1) личное пространство человека как часть его телесности;

2) периперсональное пространство как что-то, граничащее с телесностью;

3) экстра-персональное пространство как часть окружения, находящееся далеко от тела.

В качестве классического примера, иллюстрирующего периперсональное пространство как некоторое продолжение телесности, можно привести работу Луиса Х. Фавела «Empirical Evidence for Extended Cognitive Systems», в которой на экспериментальном уровне было доказано, что когнитивные системы человека могут коррелировать с устройством / предметом, которым человек манипулирует, и не на уровне банальных механических движений, а на уровне *системных изменений, происходящих в мозге человека под воздействием технических устройств, сопряженных с телом* [15].

Суть всех идей указанных выше авторов можно свести к следующему: нейронные связи человека, погруженного в техническое и цифровое пространство вещно-предметной реальности, настолько адаптивны и пластичны, что могут приспосабливаться к вещам, окружающим его, и становиться частью его телесности, его продолжением или, как мы предлагаем называть, – «расширенным Я».

Автором современного понимания «расширенного Я» следует считать Р. Бэлка. В одной из своих последних работ Р. Белк подчеркивает, что альтернативные точки зрения («расширенное сознание», «расширенный разум» и пр.) на вопрос касательно конструирования и взаимодействия самости человека с «вещами» вокруг него были выработаны до того, как репрезентация человека вышла на новый уровень благодаря дигитальным (цифровым) медиа и онлайн-реальности. Пространственная «наполненность» новых гаджетов, составляющих частей Интернета вещей, предоставляет личности новые формы для коммуникации, осуществления покупок в режиме реального времени, самовыражения, планирования, инвестирования, обучения и т.д. В основном труды Р. Белка посвящены коммерциализации, маркетинговому анализу составляющих элементов «расширенного Я», которые можно применять для PR-деятельности компаний, понятию гендерной идентичности личности и т.д., что позволяет вычленять из его работ только некоторые основные элементы, позволяющие нам анализировать конструирование самости человека в пространстве Интернета вещей [16, 17].

Говоря о виртуальной, или онлайн-реальности, следует отметить, что ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не существует единого мнения насчет данного понятия. В работах разных авторов выделяются какие-то характерные черты, позиции этой реальности по отношению к объективности, представляющиеся основными в контексте *виртуальности*. В последних отечественных исследованиях [18–20], во многом опирающихся на феноменологию М. Хайдеггера, онлайн-реальность выступает в качестве особого мира, отличающегося иной пространственностью, структурой подручного мира (сюда можно отнести разные гаджеты, приложения на телефоне и пр.), специфическими способами присутствия, а также формами отношений, в том числе и с предметно-вещной реальностью онлайн-среды.

Онтологический статус этой виртуальности может, по нашему мнению, занимать место между объективной и субъективной стороной реальности. Онлайн-погружение в какую-либо компьютерную игру, чат с друзьями в социальной сети и тому подобное имитируют правдоподобные элементы объективной среды (круг общения, наличие предметов, которыми человек обла-

дает и пр.) и воспринимаются мозгом как некоторого рода субститут объективной реальности, функционируя как правдоподобный элемент.

Именно вследствие этого, по нашему мнению, следует пристально изучать способы конструирования самости человека в онлайн-реальности и те вариации «расширенного Я» которые могут выступать в качестве коммуникативного предметного конструирования личности в виртуальном пространстве.

Это онтологическое утверждение имеет методологическое и нормативное значение. Чтобы изучить эту сущность, мы должны расширить единицу анализа в концептуальном и эмпирическом плане, сосредоточив внимание на коммуникации агента (расширенных вариантах самости личности) и среды (цифровой, вещно-предметной).

Методологические основания исследования «расширенного Я» как коммуникативного концепта

Для рассмотрения феномена «расширенного Я» в качестве коммуникативного концепта следует первоначально выявить ключевые смысловые закономерности, которые отвечали бы выдвинутым атрибутам.

Авторская гипотеза в отношении представления «расширенного Я» как коммуникативного концепта базируется на нескольких фундаментальных позициях. Подчеркнем, что обращение лишь к одной методике не позволило бы раскрыть всю многогранность и неоднозначность объекта. В качестве основной методологии исследования принимается теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Согласно идеям Ю. Хабермаса, в процессе коммуникации происходит символически опосредованная интеракция, в процессе которой, на наш взгляд, возникают различные модусы языкового употребления. В стремлении разграничения коммуникативных сред (на окружающую среду, мир внутренний и внешний), по Ю. Хабермасу, мы также видим сходство с разграничением коммуникативных модусов «расширенного Я» на внутренний (Я / Я) и внешний (Я / Тело). Согласно Ю. Хабермасу, децентрализованное миропонимание индивида является причиной того, что человек может различать речевые и символические акты общения между внутренним и внешним миром [21. С. 363].

Попробуем выразить различные коммуникативные модусы «расширенного Я» через способы существования личности в пространстве Интернета вещей (IoT), так как, по мнению автора, «расширенное сознание» (как часть «расширенного Я») возникает именно посредством активного экстернализма, т.е. путем воздействия окружающей (в нашем случае – цифровой) среды на когнитивные процессы человека. В свое время Э. Левинас говорил о возможности существования принципа chez soi, т.е. «у себя» (у Левинаса это ассоциировалось с крышей собственного дома над головой), как некоторого экзистенциала, дополняющего принцип «бытия-в-мире» М. Хайдеггера, где «мир, есть то, из чего подручное подручно» [22. С. 83]. Оба этих феноменологических экзистенциала смело можно применять к понятию IoT, так как именно в нем человек может ощущать свое коммуникативное «у себя, в своем доме, на своем месте» (с одной стороны), где у пользователя все имеется под рукой для осуществления покупок, продаж, работы, звонков, творчества и пр. Хайдеггеровское «бытие-в-мире» тоже осуществляется в дигитальном про-

странстве как деятельность, где личность может делать все, и которая находится в со-зависимой связи с ним (как современный человек не обходится без ноутбука / телефона / компьютера, так и эти гаджеты не могут существовать отдельно от человека).

Цифровые устройства как составные элементы IoT предоставляют личности новые формы для коммуникации, осуществления покупок в режиме реального времени, самовыражения, планирования, инвестирования, обучения и т.д. Согласно зарубежной литературе, IoT представляет собой особый вид взаимодействия цифровых устройств с Интернетом посредством сетевого беспроводного подключения. Именно подобный формат «моментального подключения» к Сети может являться частью саморепрезентации личности, так как условное «подручное» (по М. Хайдеггеру) нахождение Интернета и его доступность могут быть зачастую использованы человеком для отражения своей жизни и себя в пространстве смыслов.

Р. Белк отмечает, что мультифункционал современных мобильных устройств (гаджетов, различных нательных датчиков, мобильных приложений) на данном этапе развития настолько широк, что может влиять на вовлеченность человека в процесс его саморепрезентации [16]. Такое же активное вовлечение IoT (через Facebook[1], Twitter[2], WeChat, WhatsApp) отмечают зарубежные исследователи, говоря о том, что постоянное нахождение человека «на связи» через выкладывание постов, видео, интернет-коммуникацию, комментирование и тому подобное провоцирует ситуацию, когда мы продолжаем собственное Я для тех значимых Других, которые являются частью нашего «агрегированного» состояния (a part of our aggregate extended self. – *А.Ш.*). По нашему мнению, это «агрегированное» состояние и есть сумма тех объектов, вещей и людей, которые суммарно составляют наше понимание себя и отражение себя в Сети. Эта мысль подтверждается идеями Ю. Хабермаса, так как в рамках его теории коммуникативного действия существуют разные измерения коммуникации: прагматическое коммуникативное действие (когда говорящий высказывает свое мнение о чем-то, что происходит в мире), смысловое и символьное. По нашему мнению, эти измерения коррелируют с позицией «расширенного Я» в системе IoT, так как при выходе за пределы собственной телесности с помощью различных гаджетов и телефона личность также налаживает систему связей как некоторую модель собственного присутствия в Сети и попытку наполнить свое «расширенное» пространство объективным смыслом.

К примеру, Л. Розен отмечает, что в случае отстранения пользователей от общения в социальной сети Facebook[3] ($N = 1\,143$) наблюдался ряд клинических симптомов, включающих 6 расстройств личности (шизоидное состояние, нарциссизм, антисоциальное поведение, компульсивное расстройство, параноидальные случаи и истерия) и 3 вида расстройства настроения (депрессия, дистимия и биполярная мания). И чем больше «друзей» было в списке контактов в социальной сети у исследуемого, тем глубже и серьезней наблюдались расстройства личности в случае ограничения в коммуникации [23]. Подобный результат также подтверждается в работах Дж. Грохола,

[1] Деятельность Facebook в России признана экстремистской и запрещена с 4 марта 2022 г.
[2] Заблокирован в России с 4 марта 2022 г. на основании требования Генпрокурора.
[3] Деятельность Facebook в России признана экстремистской и запрещена с 4 марта 2022 г.

А. Кинга и С. Ходкинсона, где была установлена прямая зависимость между ограничениями испытуемых от гаджетов / телефонов и возникновением таких фобий, как FOMO (fear of missing out – «боязнь пропустить интересное». – *А.Ш.*) и номофобия (страх остаться без мобильного телефона. – *А.Ш.*). То есть позиция личности по отношению к IoT, которые, по ее мнению, составляют часть ее самости как вариант «расширенного Я», может вызывать настолько сильные аддиктивные состояния, что в процессе отказа от использования собственных «расширений» могут возникать негативные последствия.

Подобный контекст цифровой реальности может рассматриваться, по нашему мнению, в качестве «модуса фоновой достоверности» (по Ю. Хабермасу), так как, выходя за рамки реальной жизни, пользователь погружается в пространство «вымышленной» реальности, созданной в заданном формате (в VK это система новостного контента и общения в формате постов / сообщений, на платформе YouTube – система визуального контента и т.д.), которая может принимать ту или иную гипотетическую установку (в том числе и идеологическую, исходя из политических позиций и финансовой заинтересованности владельцев цифровых платформ). И по мере погружения в этот «фоновый» дискурс личность может утратить связь с теми нормами, которые были заложены в реальном мире, в собственной культуре, так как в «расширенном Я» также могут происходить реорганизации базовых социально-когнитивных установок.

По мнению автора, человеческий разум, воспринимая «внешние» сущности цифрового мира через взаимодействие с ними в пространстве «расширенного Я», выстраивает различные коммуникативные модусы для взаимодействия с самим собой и своей телесностью. Обращаясь к феноменологической трактовке Dasein М. Хайдеггера, можно трактовать коммуникативное взаимодействие пользователя через «размыкание» виртуального объекта в реальный мир (для самого пользователя), т.е. через отношения и способы существования вещи «для меня» в «моем мире».

В рамках данной работы, помимо трудов Ю. Хабермаса, автор опирается на работы Н.А. Лукьяновой, так как в ее публикациях освещается современная проблематика коммуникативно-семиотического моделирования социокультурных изменений через разные структурообразующие элементы. Автор исследования согласен с Н.А. Лукьяновой в той части, что в цифровом мире предметно-вещная реальность дематериализуется и личность уже имеет дело с «образами» вещей, а не с самими вещами, и именно это является необходимым условием для возникновения новых форм коммуникации [24].

В этой связи мы также полагаем, что любой пользователь является «когнитивно-расширенным», но степень и конфигурация этого расширения варьирует на основе интенсивности погружения в цифровую среду, количества времени пребывания в мире IoT, а также модусов коммуникации личности в виртуальной реальности.

Рассмотрим же механизмы объективации идентичности личности в «вещах» и телесности как вариации различных модусов коммуникации (способов существования разнообразных «расширений» личности) в виртуальной реальности.

Коммуникативный модус Я / Я

Как известно, именно в процессе осуществления коммуникации личность «включается» в систему общественных отношений. Система дискурсивных практик как некое отражение событийности мира (в контексте «здесь и сейчас») и сознательного взаимодействия людей представляется нами как некий символический контекст, в том числе в системе цифровых сред, который формирует у личности представление как о своем настоящем, так и о своем будущем. Сложносочиненность виртуальной коммуникации является на данный момент таким же объективным миром, в котором субъект формирует собственную картину мира на основе различных коммуникативных модусов (Я / Я, Я / Тело, Я / Вещи и пр.). В основу данного видения проблемы конструирования окружающего пространства с помощью коммуникативных практик повседневности можно отнести идеи А. Шюца, который говорил, что индивид переживает мир прежде всего как поле действий, а лишь во вторую очередь – как объект мышления [25. С. 26].

В классических работах Ю. Лотмана описывается модель автокоммуникации с позиции Я / Я, как особого вида общения, в рамках которого происходит трансформация самого индивида-адресанта [26]. При этом стоит отметить парадоксальность самого события системы автокоммуникации, где передача сообщения происходит не в категории пространства, а в категории времени, о чем упоминал и сам Лотман [26. С. 164]. В данном случае мы говорим о переводе сообщения, адресованного самому себе, в другую систему графических знаков – а именно в цифровое, визуально-ориентированное пространство, в рамках которого пользователь оставляет для себя самого некое сообщение (в виде фото, или видео, или каких-то текстовых заметок, или даже хэштега), которое в определенный момент времени отражало его устремления, желания, настроение. И через это «одномоментное настоящее», воплощенное в своем пространстве «расширенного Я», субъект производит проекцию на свое будущее – существует ли оно, выражает ли он надежду на светлое будущее и т.д.

Несмотря на то, что Ю. Лотман не описывал конкретно цифровой формат автокоммуникации Я / Я, его теория может быть применена для анализа дигитальной культуры: «Но и в целом ряде других случаев мы имеем передачу сообщения от „Я“ к „Я“. Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [26. С. 15]. На основании концепции Ю. Лотмана можно сделать вывод, что автокоммуникация как вид коммуникативного конструирования реальности является и частью экспликации мыслей о настоящем, и проектированием собственного будущего через выражение внутреннего состояния субъекта (его желаний, устремлений, планов, настроения) в некие формы символико-знаковой цифровой реальности, которые помогают ему «спроецировать в настоящем будущее».

Таким образом, по нашему мнению, коммуникативный модус Я / Я следует рассматривать как пространственно-временную ситуацию, в которой цифровое общество предлагает личности новые инструменты для трансфор-

мации онтологии современной реальности (в данном случае мы рассматриваем IoT как инструмент для «расширенного Я»). В связи с этим актуализируются идеи П. Бергера и Т. Лукмана в части понимания основ конструирования социальной реальности посредством повседневных практик коммуникации. По мнению указанных авторов, именно благодаря акту автокоммуникации личность может управлять реальностью через обращение к собственному естеству, так как «речевое поддержание реальности» является имплицитным.

При выстраивании формата виртуальной коммуникации в разрезе «субъект–субъект», по мнению А.А. Лазаревича [27. С. 15], адресат сообщения тождествен символу-субъекту или символу-человеку, что характеризует виртуализацию социального субъекта (конечно, в этом случае уважаемый автор имел в виду не автокоммуникативный аспект, а более архаичный тип общения, где адресат сообщения замещается аватаром или онлайн-пользователем, но тем не менее эта концепция может быть отнесена к системе Я / Я). Таким образом, по мнению А.А. Лазаревича, происходит виртуализация не только предметной реальности вокруг нас, но и нас самих, что ведет к атрибутивно-отражательной функции субъекта, в рамках которой, по нашему мнению, происходит дальнейшая мифологизация. Паттерны объективной предметной реальности отражаются субъектом в рамках воображаемого виртуального мира IoT и переносятся им в некие «слои» репрезентаций, после чего в рамках автокоммуникации происходит уже сопряженность этих слоев с «настоящей» и «будущей» реальностью.

Коммуникативный модус Я / Тело

Данный коммуникативный модус сопряжен с предыдущим (Я / Я), но находится немного в другой позиции по отношении к субъекту. То есть если в рамках реального времени коммуникативный модус Я / Я может не пересекаться с модусом Я / Тело, то в дигитальной реальности мы можем наблюдать другую ситуацию: когда наше Я может выражаться через наше тело (через аватар-опосредованную деятельность).

В этой коммуникативной связке формируется отношение личности к собственному телу через некоторые функции, а именно персонификацию и гламуризацию.

• *Персонификация*, по нашему мнению, фундируется наличием в пространстве IoT персонифицированных устройств, с помощью которых личность может дигитально взаимодействовать со своим телом. По мнению М. Маусса, «воплощенная самость» (embodied self) включает в себя культурно-обоснованные практики тела и может изменяться под воздействием технологий. Например, в смарт-часах Apple Watch имеется функция «подталкивания» их носителя (предполагается, что данная функция нужна офисным работникам) для того, чтобы носитель менял позицию своего тела каждые 30 минут. Посредством цифровизации своего тела, своей самости через предметно-вещную реальность Интернета вещей мы уже имеем возможность измерить и персонализировать все аспекты, относящиеся к телесности: оцифровать сонные ритмы (через часы или смарт-устройства, приложения на телефоне), настроить влажность и температуру воздуха в комнате (с помощью системы умного дома, которая может подключаться к кондиционеру).

Коммуникативный же аспект персонификации кроется как раз в таком феномене, как самомониторинг, посредством которого мы можем взаимодействовать с собственным телом через носимые гаджеты. Возрастающий тренд относительно контроля над свои телом, возможно, стоит относить к новому феномену под названием «измерение себя» (quantified self), включающему приложения, которые проводят мониторинг диеты, количества пройденных шагов, здоровья (например, напольные умные весы могут проводить биоимпедансный анализ массы тела, – Omron, Picooc, QardioBase и др.). Нас постоянно окружают не только гаджеты, но и персонифицированные, подстроенные конкретно под нас системы – анализаторы нашей Интернет-активности, поисковых запросов, отслеживающие GPS-координаты нашего нахождения. Все это – составные части нашего Я / Тела-коммуникации, которая «расширяет» нашу персонифицированную телесность.

• *Гламуризация.* Данный феномен в той или иной мере начал освещаться в трудах зарубежных ученых начиная с 2000-х гг., так как именно с этого периода начинается активное проникновение в жизнь общества такого понятия, как «селфи». Мы опираемся на идеи И. Гофмана [28], который утверждал, что те манипуляции, которые человек совершает «на публику», являются не чем иным, как проявлением желания завладеть вниманием аудитории. Этим, по сути, также является гламуризация как часть модуса Я / Тело. И. Гофман рассматривал тело как нечто, что человек может самостоятельно создавать, концептуализируя его в соответствии с собственными желаниями, а не нечто «фиксированное». В этих утверждениях он явно соотносился с позицией социальных конструкционистов.

Согласно Ж. Бодрийяру, объекты потребления (к которым можно сейчас относить гаджеты, телефоны) приобретают свою истинную значимость ввиду устанавливаемого в социуме отношения к этим объектам, что, по сути, является некоторой симуляцией. Развивая эту идею, можно утверждать, что гаджеты и другие носимые человеком цифровые устройства являются частью системы символических ценностей, репрезентирующих телесность. С помощью аксессуаров, ровно как и с помощью одежды, мы вносим определенный «смысл» в собственную жизнь и придаем этим вещам не только функциональные, но и социальные и психологические атрибуты. В этом кроется часть коммуникативной природы конструирования реальности личностью, так как с помощью этих гаджетов человек передает своеобразное «сообщение» или убеждает своим видом других в том, что он относится к определенной группе людей, которые могут себе позволить такие дорогие устройства (например, IPhone 14 Pro Max 1T на 2022 г. стоит 150 тыс. руб.). Таким образом можно заключить, что с помощью цифровых сред и средств создается некое «расширенное Я», наполненное различными симулякрами, с помощью которых это Я выстраивает систему коммуникаций через отношение к собственному телу в различных вариациях персонификации и гламуризации.

Заключение

Автором исследования установлено, что в отличие от стандартной, маркетинговой, теории в отношении Extended Self феномен «расширенное Я» может быть рассмотрен как коммуникативный концепт, состоящий из различных модусов коммуникации и активно вовлеченный в процессы констру-

ирования самости личности в цифровом пространстве. Выявлено, что «образы» вещей в дигитальной среде стали частью «расширенного Я» через обретение контроля над предметом, создание или познание объектов. Установлено, что виртуальная реальность может быть рассматриваема как мир актуальных коммуникаций и включает не только «ощущение» настоящего, но и «предвкушение» будущего (особенно в части автокоммуникации). Сама особенность дигитальной среды IoT (включенность пользователя, вызывающая аддиктивные наклонности, отсутствие линейности времени) формирует новую феноменологическую парадигму Dasein в части «размыкания» виртуального объекта в пространство реального мира через коммуникативные практики. Но при этом отмечается, что когнитивная «расширенность» личности зависит от интенсивности погружения в цифровую среду и времени, уделенного на погружение в пространство среды IoT.

Автором выявлены закономерности в способах конструирования и взаимодействия самости человека с вещами Интернет-реальности («образами вещей»), в рамках которых формируются особые модусы коммуникации с прагматической, смысловой и символьной «стороной» коммуникативного дискурса (Ю. Хабермас) применительно к цифровой реальности. В указанных процессах автором описаны механизмы объективации идентичности в вещах и телесности через различные вариации модусов коммуникации посредством теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, а именно через разные способы существования «расширений» личности в виртуальной реальности. Описаны модус коммуникации Я / Я (в парадигме модели автокоммуникации Ю. Лотмана) и модус коммуникации Я / Тело. В этих модальностях формируется отношение личности к собственному телу, в том числе через персонификацию и гламуризацию как доминирующие типы визуальных репрезентаций.

Список источников

1. *Носов Н.* Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000. 432 с.

2. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. 564 с.

3. *Попова О.В., Попов В.В.* Биосоциальность, генетизация, биоидентичность: социально-философский взгляд // ГГЗ. 2020. № 4. С. 35.

4. *Искусственный* интеллект: философия, методология, инновации : сб. ст. X врос. конф. студентов, аспироантов и молодых ученых, 27–28 апр. 2017 г. / отв. ред. Е.А. Никитина. М. : МИРЭА, 2017. 328 с.

5. *Буданов В.Г., Синицына Т.А.* Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: от антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13–28.

6. *Ratan R., Klein M., Ucha C., Cherchiglia L.* Avatar customization orientation and undergraduate-course outcomes: Actual-self avatars are better than ideal-self and future-self avatars // Computers & Education. 2022. Vol. 191. Art. 104643.

7. *Wilson R.A.* Boundaries of the Mind: The Individual in the Fragile Sciences – Cognition. Cambridge University Press, 2004. 400 p.

8. *Chalmers D.J.* Extended Cognition and Extended Consciousness // Andy Clark and His Critics / ed. M. Colombo, E. Irvine, M. Stapleton. Oxford University Press, 2019. P. 10.

9. *Лоренц К.* Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. 1997. № 5. С. 23–35.

10. *Belk R.W.* Possessions and the Extended Self // Journal of Consumer Research. 1988. Vol. 15, № 2. P. 139–168.

11. *Сорокин Ю.А.* Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 20. С. 61–72.

12. *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2015. 735 с.

13. *Косилова Е.В., Миронов В.В., Сокулер З.А., Фролов А.В., Шапошников В.А.* Бытие. Познание и человек в цифровую эпоху. М. : Издатель Воробьев А.В., 2019. 184 с.

14. *James W.* Principles of Psychology. Dover. New York : Rauterberg, 1890. Vol. I. 701 p.

15. *Favela L.H., Amon M., Chemero A.* Empirical Evidence for Extended Cognitive Systems // Cognitive Science. 2021. Vol. 45, № 11. Art.. e13060.

16. *Belk R.* Extended self and the digital world // Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 10. P. 50–54.

17. *Ruvio A., Belk R.* Strategies of the extended self: The role of possessions in transpeople's conflicted selves // Journal of Business Research. 2018. Vol. 88. P. 102–110.

18. *Сокулер З.А.* "Fundamental Ontology" and the Ontology of Digital World // Вестник Московского университета. Философия. 2017. № 6. С. 3–17.

19. *Труфанова Е.О.* Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. № 1 (16). С. 4–21.

20. *Фролов А.В.* Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем // Философия и общество. 2019. Т. 1, № 90. С. 18–38.

21. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001. 377 с.

22. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

23. *Rosen L.D., Whaling K., Rab S., Carrier L., Cheever N.* Is Facebook creating "iDisorders"? The link between clinical symptoms of psychiatric disorders and technology use, attitudes and anxiety // Computers in Human Behavior. 2013. Vol. 29, № 3. P. 1243–1254.

24. *Лукьянова Н.А., Скальная О.А.* Феномен «Расширенного Я» в эпоху цифровых технологий // Философия и культура информационного общества. СПб. : СПб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, 2022. С. 103–105.

25. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

26. *Лотман Ю.М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (о двух моделях коммуникации в системе культуры). СПб. : Искусство–СПБ., 2000. 165 с.

27. *Лазаревич А.А.* Особенности виртуализации коммуникативных практик в цифровую эпоху // Философские исследования : ежегодный сб. науч. тр. 2020. № 7. С. 7–18.

28. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh : University of Edinburgh, 1956. 173 p.

References

1. Nosov, N. (2000) *Virtual'naya psikhologiya* [Virtual psychology]. Moscow: Agraf.

2. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Vol. 1. Moscow: HSE.

3. Popova, O.V. & Popov, V.V. (2020) Biosotsial'nost', genetizatsiya, bioidentichnost': sotsial'no-filosofskiy vzglyad [Biosociality, geneticization, bioidentity: a socio-philosophical view]. *GGZ*. 4. p. 35.

4. Sigov, A.S., Andrianova, E.G., Redko, V.G. & Nikitina, E.A. (2017) *Iskusstvennyy intellekt: filosofiya, metodologiya, innovatsii* [Artificial intelligence: philosophy, methodology, innovation]. Moscow: MIREA.

5. Budanov, V.G. & Sinitsyna, T.A. (2020) Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoy telesnosti: Ot antropologii teatra k ochelovechivaniyu iskusstvennogo intellekta, problema granits [Quantum-synergistic ontology of generalized corporeality: From the anthropology of theater to the humanization of artificial intelligence, the problem of boundaries]. *Kul'tura i iskusstvo*. 7. pp. 13–28.

6. Ratan, R., Klein, M., Ucha, C. & Cherchiglia, L. (2022) Avatar customization orientation and undergraduate-course outcomes: Actual-self avatars are better than ideal-self and future-self avatars. *Computers & Education*. 191. pp. 104643. DOI: 10.1016/j.compedu.2022.104643

7. Wilson, R.A. (2004) *Boundaries of the Mind: The Individual in the Fragile Sciences – Cognition*. Cambridge University Press.

8. Chalmers, D.J. (2019) Extended Cognition and Extended Consciousness. In: Colombo, M., Irvine, E. & Stapleton, M. (edds) *Andy Clark and His Critics*. Oxford University Press. p. 10.

9. Lorents, K. (1997) Kantovskaya doktrina apriori v svete sovremennoy biologii [Kant's doctrine of a priori in the light of modern biology]. *Chelovek*. 5. pp. 23–35.

10. Belk, R.W. (1988) Possessions and the Extended Self. *Journal of Consumer Research*. 15(2). pp. 139–168.

11. Sorokin, Yu.A. (2010) Chelovek govoryashchiy v ego modusakh i otnosheniyakh (obzor-diskussiya) [A speaking person in his modes and relationships a (review-discussion)]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. 20. pp. 61–72.

12. Kant, I. (2015) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Eksmo.

13. Kosilova, E.V., Mironov, V.V., Sokuler, Z.A., Frolov, A.V. & Shaposhnikov, V.A. (2019) *Bytie. Poznanie i chelovek v tsifrovuyu epokhu* [Being. Cognition and Man in the Digital Age]. Moscow: Vorobiev A.V.

14. James, W. (1890) *Principles of Psychology*. Vol. 1. Dover; New York: Rauterberg.

15. Favela, L.H., Amon, M. & Chemero, A. (2021) Empirical Evidence for Extended Cognitive Systems. *Cognitive Science*. 45(11). p. e13060.

16. Belk, R. (2016) Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*. 10. pp. 50–54.

17. Ruvio, A. & Belk, R. (2018) Strategies of the extended self: The role of possessions in trans-people's conflicted selves. *Journal of Business Research*. 88. pp. 102–110. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.03.014

18. Sokuler, Z.A. (2017) "Fundamental Ontology" and the Ontology of Digital World. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya*. 6. pp. 3–17.

19. Trufanova, E.O. (2019) Informatsionnoe perenasyshchenie: klyuchevye problemy [Information oversaturation: key problems]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 1(16). pp. 4–21. (In Russian).

20. Frolov, A.V. (2019) Fenomenologiya v tsifrovuyu epokhu: obzor problem [Phenomenology in the digital era: a review of problems]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1(90). pp. 18–38.

21. Habermas, Ju. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.

22. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkov: Folio.

23. Rosen, L.D., Whaling, K., Rab, S., Carrier, L. & Cheever, N. (2013) Is Facebook creating "iDisorders"? The link between clinical symptoms of psychiatric disorders and technology use, attitudes and anxiety. *Computers in Human Behavior*. 29(3). pp. 1243–1254.

24. Lukyanova, N.A. & Skalnaya, O.A. (2022) *Fenomen "Rasshirennogo Ya" v epokhu tsifrovykh tekhnologiy* [The phenomenon of the "Extended Self" in the era of digital technologies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. pp. 103–105.

25. Schutz, A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira* [The semantic structure of the everyday world]. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.

26. Lotman, Yu.M. (2000) *Avtokommunikatsiya: "Ya" i "Drugoy" kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury)* [Autocommunication: "I" and "Other" as addressees (On two models of communication in the cultural system)]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.

27. Lazarevich, A.A. (2020) Osobennosti virtualizatsii kommunikativnykh praktik v tsifrovuyu epokhu [Virtualization of communicative practices in the digital era]. *Filosofskie issledovaniya*. 7. pp. 7–18.

28. Goffman, E. (1956) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh.

Сведения об авторе:
Шавлохова А.А. – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: ollyvost@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Shavlokhova A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), leading research associate of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: ollyvost@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2023;
одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 12.03.2023;
approved after reviewing 13.07.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 179–192.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 179–192.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.342.6
doi: 10.17223/1998863X/75/15

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ВЫДЕЛЕНИЯ АГЕНТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ирина Николаевна Воробьева

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, vorobyova-i-n@yandex.ru

Аннотация. Основная проблематика статьи заключается в доказательстве возможности использования ресурсного подхода для выделения особой социальной группы – агентов социальных изменений. Автор обобщает опыт применения и теоретические наработки отечественных авторов по использованию ресурсного подхода и представляет свою частную модель стратификации на основании социальных ресурсов, приводит результаты ее апробации по результатам массового опроса населения.
Ключевые слова: ресурсный подход, стратификация, агенты социальных изменений, социальное участие

Для цитирования: Воробьева И.Н. Ресурсный подход как методологический принцип выделения агентов социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 179–192. doi: 10.17223/1998863X/75/15

SOCIOLOGY

Original article

RESOURCE APPROACH AS A METHODOLOGICAL PRINCIPLE FOR IDENTIFYING AGENTS OF SOCIAL CHANGE

Irina N. Vorobyova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, vorobyova-i-n@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is determined, on the one hand, by new scientific trends in the stratification of Russian society, on the other hand, by the demands of its innovation and modernization, where the most active social group of agents of social change, prone to change and social activity, is the key driving force. In the article, the author, in accordance with the analysis of theoretical and practical approaches of domestic authors, argues that the resource approach can act as a principle of stratification of the population, and the main criteria allocated by representatives of this paradigm allow developing a particular approach to resource stratification of the population based on the sum of only those accumulated resources that show the potential of social activity of an individual. In the article, the author gives an overview of the contribution to the resource approach of V.A. Yadov, T.I. Zaslavskaya, N.E. Tikhonova, N.M. Davydova and a number of other authors in order to

© И.Н. Воробьева, 2023

identify the necessary criteria for identifying the activity resource of the population. The author's model of stratification and the results of its approbation based on the results of a mass survey are presented. The survey of the population of the city Cherepovets was conducted in March 2020. The sample population is a quota sex and age group, representing the population over 18 years old. 600 people were interviewed. Not only the most active group of agents of social change, of which only 2.3% in the city and their periphery, activists (16.8%) were identified, but also the entire population was differentiated by activity into five groups. According to the results of the study, the author proves that the agents of social change really differ in the potential of activity and energy, which is measured by the propensity to put forward innovative ideas and their implementation, high responsibility not only for their personal lives, but also for affairs in the region, city, region. Moreover, high activity potential is transformed into social activity, which is embodied in participation in public organizations, gratuitous activities in various areas, in developed digital and innovative practices. The practical significance of using the resource approach of population stratification in its private implementation is to measure the potential of the local community and highlight its weakest places; it also has heuristic possibilities for measuring the development potential of the territory.
Keywords: resource approach, stratification, agents of social change, social participation

For citation: Vorobyova, I.N. (2023) Resource approach as a methodological principle for identifying agents of social change. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 179–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/15

Постановка проблемы

Актуальность темы определяется, с одной стороны, новыми научными тенденциями стратификации российского общества, с другой стороны, существующими запросами общества на модернизацию. При этом многие исследователи подчеркивают, что проблема развития зачастую заключается в недостаточности деятельностных социальных ресурсов общества, что проявляется в низком уровне социальной активности, готовности к переменам, включенности в практики преобразования общества, низкой адаптации к изменениям и, как следствие, в высоком уровне инертности и сопротивления нововведениям. При таком раскладе актуальной исследовательской проблемой становится выявление группы населения, склонной к преобразованию социальной реальности, так называемых агентов социальных изменений, готовых объединяться для решения социальных проблем и изменять социальную реальность в позитивном русле.

В последнее время в социологической науке широкое распространение получил ресурсный подход, который заключается в дифференциации населения на основании разного рода ресурсов [1–5]. Нам представляется актуальной стратификация населения на основании суммы не всех видов ресурсов, а только тех из них, которые показывают потенциал социальной активности индивида. Таким образом, нашей задачей является выявление такой комбинации установок и практик населения, которая при измерении покажет уровень социальной активности в целом в определенном городе и регионе и выступит критерием для стратификации населения. Основной практической целью в данном аспекте являются создание индикаторной модели и выделение эмпирических индикаторов агентов социальных изменений. Модель позволит не только выделить наиболее активную группу, но также дифференцировать все население – от агентов социальных изменений до инертных и наиболее сопротивляющихся групп населения.

Теоретические основы исследования

Основа ресурсного подхода заложена в трудах зарубежных авторов: П. Бурдье [6], Р. Патнема [7], Дж. Коулмана [8, 9], Э. Гидденса [10]. Эти ученые чаще используют категорию «капитал», выступающую у них синонимом категории «ресурс». Наиболее детальное рассмотрение среди всех видов капитала получила категория социального капитала, которая, с одной стороны, рассматривается как ресурс развития общества [11, 12], с другой – как основа активности в практиках гражданского и социального участия [13]. Важным аспектом также является поиск индикаторов измерения социального капитала [14, 15]. Широкое дискуссионное поле представляют и публикации отечественных авторов по данной тематике [16–18].

Наиболее детальное теоретическое осмысление среди отечественных авторов дано у В.В. Радаева. Он в своих работах ставит задачу правильной трактовки и операционализации капитала и ресурса для дальнейшего использования в эмпирических исследованиях. Под капиталом автор понимает «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм» [1].

Т.И. Заславская, обобщая классические и современные стратификационные теории, где основой стратификации является капитал, детально описывает еще и стратификационные особенности каждой из групп, выделяемых на основании используемого подхода. Она обращает внимание на то, что представители страт, занимающие близкие места в социальной иерархии, обладают сходными стилями жизни и коллективной идентичностью. Она пишет: «…чтобы не находиться в состоянии застоя или упадка, общество должно динамично развиваться и обладать движущей силой, складывающейся из социальных действий составляющих его групп. Успех определяется уровнем человеческого потенциала граждан государства и эффективностью его реализации» [19. С. 166]. Важной составляющей потенциала является деятельностный потенциал, который выражается в активности, энергии и деловых качествах социальных акторов, преобладании традиционных или инновационных форм мышления и способов деятельности, а также в возможности реализовать свои социальные и творческие потенции. Один из индикаторов деятельностного потенциала – инновационно-реформаторский потенциал, состоящий из трех компонентов: реформаторского, социально-инновационного (готовность и способность к разного рода нововведениям, обновлению базовых социальных практик), адаптационного (способность приспосабливаться к изменяющейся среде) [19. С. 269].

Ресурсный подход как в теоретических, так и в прикладных аспектах представлен и в трудах Н.Е. Тихоновой [3, 21]. Обобщая работы зарубежных и отечественных авторов, Н.Е. Тихонова и Н.М. Давыдова приводят свою модель ресурсного подхода и методику расчета показателей стратификации населения, которая основывается на принципе «набора баллов» каждым респондентов при наличии определенного ресурса [4]. Схожий алгоритм набора баллов мы использовали в своей индикаторной модели.

Возможности и перспективность применения ресурсного подхода ярко обозначены в трудах В.А. Ядова. Он доказывает, что комбинаторика много-

образных компонентов социального ресурса хорошо вписывается в стратификационный анализ, и этот методологический подход успешно применим в эмпирическом исследовании [2]. Он подчеркивает, что именно социальный ресурс активно используется в оценке эффективности социальных движений: чем богаче репертуар действий движения, тем выше его мобилизационный ресурс. Наряду с общими составляющими социальных ресурсов он обращает внимание на очень важный для нашей модели блок индивидуально-личностных ресурсов: высокую личную самооценку, интернальность, готовность к риску, способность к адаптации.

Ю.А. Дроздова использует ресурсный подход для исследования возможностей и ограничений территорий. Она подтверждает, что развитие региона зависит от включенности горожан и сельских жителей как основных территориальных общностей в процессы модернизации и социального развития территории, а будущее региона определяется его социальными ресурсами [5]. Социальный ресурс как основа и актив развития территории прослеживается в работах и других отечественных авторов. Так, Р.А. Логуа обращает внимание, что социальные ресурсы представляют собой нематериальный актив местного самоуправления, богатство местной жизни [22].

Помимо общих индикаторов, выделяемых классиками отечественной ресурсной стратификации, А.В. Мозговая и Е.В. Шлыкова, описывая социальные ресурсы, выделяют способность к адаптации, включенность в определенную социальную сеть, готовность к риску, социальное самочувствие, социально-психологические, психологические, мировоззренческие и поведенческие особенности [23].

Таким образом, очевидно, что ресурсный подход к исследованию и дифференциации населения содержит большой эвристический потенциал. Однако, на наш взгляд, столь пестрое разнообразие подходов, критериев и показателей требует систематизации. Анализ работ отечественных и зарубежных авторов позволил нам выделить основные составляющие социальных ресурсов. Личностные характеристики, установки включают в себя: интернальность (внутренний локус ответственности), высокий уровень адаптации к изменениям, склонность к совместным действиям и готовность объединяться, творческий потенциал, инициативность. Поведенческие аспекты включают в себя накопленный опыт инновационных практик в трудовой деятельности и повседневной жизни, цифровых практик и практик социального участия. Именно такую структуру и такие теоретические основания мы заложили в базис нашей индикаторной модели.

Методика исследования

Используя ресурсный подход, теоретические и практические основы его применения для стратификации общества, была разработана практическая индикаторная модель (табл. 1). Основу модели составляют два укрупненных блока: установок и поведения. Блок установок включает в себя следующие составляющие: локус и уровень ответственности, готовность объединяться, склонность к новаторству и творчеству. По каждой составляющей считается средний индекс среди всех входящих индикаторов: индекс ответственности, готовности объединяться, склонности к новаторству. Общий индекс установок считается также как среднее входящих трех индексов. Подробное описа-

ние весов альтернатив и используемых для измерения вопросов в инструментарии представлено в табл. 1.

Таблица 1. **Индикаторная модель выявления агентов социальных изменений**

Общие блоки	Составляющие	Вопросы	Расчет индекса по каждому респонденту, вес выбранных вариантов ответа
Установки	Ответственность	*«Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее на работе?», «…в доме, дворе?», «…в городе», «…в стране».* Насколько Вы согласны со следующими утверждениями: *«Мое материальное положение в настоящем и будущем зависит, прежде всего, от меня», «Моя карьера, положение в обществе зависят, прежде всего, от меня», «Насколько интересна, насыщена моя жизнь, зависит, прежде всего, от меня»*	Ответам респондентов присваиваются следующие шкальные значения: «Да» или «Полностью согласен» – 5; «Скорее да» или «Скорее согласен» – 4; «Затрудняюсь ответить» – 3; «Скорее нет» или «Скорее не согласен» – 2; «Нет» или «Не согласен» – 1. Индекс ответственности считается как среднее по всем входящим индексам
	Готовность объединяться	*«Готовы ли вы объединяться с другими людьми, чтобы… участвовать в самоуправлении домом, подъездом», «…обустраивать территорию проживания», «…помогать бедным, инвалидам», «бороться с преступностью, пьянством, наркоманией», «протестовать против неправильных действий властей», «…защитить свои права»*	Ответам респондентов присваиваются следующие шкальные значения: «Да» – 5; «Скорее да» – 4; «Затрудняюсь ответить» – 3; «Скорее нет» – 2; «Нет» – 1. Индекс готовности объединяться считается как среднее по всем входящим индексам
	Склонность к новаторству, творчеству	Насколько Вы согласны со следующими утверждениями: *«для меня характерно выдвигать и выражать большое количество различных идей», «мне доставляет эмоциональное удовлетворение процесс творческой деятельности», «я буду заниматься созданием чего-то необычного и нового, даже если это связано с какими-то трудностями и риском», «мне часто удается, проявив находчивость или даже предприимчивость в работе и в жизни», «для меня важно реализовать свои способности», «я легко привыкаю к изменениям в трудовом коллективе, в жизни, в работе»*	Ответам респондентов присваиваются следующие шкальные значения: «Полностью согласен» – 5; «Скорее согласен» – 4; «Затрудняюсь ответить» – 3; «Скорее не согласен» – 2; «Не согласен» – 1. Индекс креативности считается как среднее по всем входящим индексам
Поведение	Потребительские, цифровые и трудовые практики	*Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние два-три года?* (варианты ответа, которые включают потребительские и цифровые практики, например: «покупать товары через Интернет», «оплачивать коммунальные услуги онлайн», «пользоваться сайтом „Госуслуги“, МФЦ»). *Что из перечисленного Вам доводилось делать за последние год-два на работе?* (варианты ответа показывают инициативность и активность человека на работе, например: «приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности», «вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе», «повышать образование» и т.д.)	Рассчитывается как сумма выборов каждого респондента, балл присваивается в соответствии со следующими весами: Индекс 1 присваивается, если респондент выбрал от 0 до 6 практик, индекс 2 – от 7 до 12 практик, индекс 3 – от 13 до 18, индекс 4 – от 19 до 24 и индекс 5 – от 25 и более
	Формальное участие	*Входите ли Вы в состав каких-либо официальных общественных организаций?* (варианты ответа включают в том числе благотворительные, профессиональные, культурные, общественно-политические и другие организации)	Вес 1 присваивается, если респондент не выбрал ни одного варианта; 2, если входит в одну организацию; 3 – два выбора, 4 – три-четыре выбора, 5 – более четырех выборов

Окончание табл. 1

Общие блоки	Составляющие	Вопросы	Расчет индекса по каждому респонденту, вес выбранных вариантов ответа
Поведение	Неформальное участие и помогающее поведение	*Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?* Два вопроса, в первом перечень практик неформального участия, например общественные работы по месту жительства, благотворительные акции и т.д. Во втором вопросе перечень помогающего поведения, например: «помогать транспортом», «помогать вещами», «помогать деньгами» и т.д.	Вес 1 присваивается, если респондент не выбрал из обоих вопросов ни одной практики; 2 – 1–2 практики, 3 – от 3 до 5, 4 – от 6 до 8 и 5 – от 9 практик и более

Поведение измеряется уровнем вовлечения в потребительские, цифровые, инновационные трудовые практики, уровнем формального социального участия и уровнем развитости практик неформального участия и помогающего поведения. Все вопросы данного блока поливариантные, поэтому индекс получается в соответствии с количеством выбранных практик по каждому вопросу среди респондентов (см. табл. 1). Общий индекс блока считается как среднее трех входящих индексов.

Общий индекс респондента считается как средняя величина между индексом установок и индексом участия. В соответствии с весами ответов всех вопросов (см. табл. 1), общий индекс респондента может варьировать в интервале от 1 до 5. Стратификация населения в соответствии с данной моделью определяется по величине индекса каждого респондента. В зависимости от значения полученного индекса каждый респондент определяется в одну из пяти однородных внутри и существенно отличающихся между собой по уровню накопленных ресурсов групп. Модель состоит из 19 вопросов по порядковым шкалам по блоку установок и 5 поливариантных вопросов с общей суммой разных практик более пятидесяти.

Методом эмпирического выявления агентов социальных изменений среди населения конкретного города может служить социологический опрос. На основании индикаторной модели агентов социальных изменений был разработан инструментарий социологического опроса, включающий вопросы по всем блокам модели. Опрос населения г. Череповца Вологодской области был проведен в марте 2020 г. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой взрослого населения города. Объем выборки – 600 человек. Ошибка выборки не превышает 4%. Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук). Для работы с массовыми социологическими данными использовались приемы построения и анализ линейных (одномерных) и парных (двумерных) частотных распределений и таблиц, индексный метод. Половозрастная структура выборочной совокупности соответствует структуре города старше 18 лет и представлена в табл. 2.

Таблица 2. **Половозрастной состав респондентов, %**

Возраст	Мужской	Женский	Всего
от 18 до 24	6,3	8,4	14,6
от 25 до 34	12,8	13,0	25,8
от 35 до 44	8,7	11,2	19,9
от 45 до 54	7,2	8,1	15,3
от 55 до 64	5,1	6,4	11,5
65 и старше	3,3	9,6	14,8
Всего	43,40	56,60	100,0

Результаты исследования

По результатам опроса населения все респонденты были разбиты на пять групп в соответствии с уровнем накопленных ресурсов, который измерялся величиной общего индекса по представленной индикаторной модели. В первую группу вошли респонденты, которые имеют самый низкий индекс, от 1 до 2. Большинство представителей данной группы при ответе на вопросы по измерению установок (см. табл. 1) чаще всего выбирали позиции «нет» и «скорее нет» или «не согласен» и «скорее не согласен». Следовательно, они не склонны объединяться для решения проблем, не обладают инициативностью, имеют внешний локус ответственности. Среди поведенческих практик у них практически нет цифровых практик, практик социального участия. Мы данную группу условно обозначили «инертными». По нашим измерениям, она составляет 9% среди всего населения.

Вторую группу, у которой общий индекс варьирует в интервале от 2 до 2,66, мы обозначили как «сопротивляющиеся социальным изменениям», их среди населения 32%. По вопросам-индикаторам установок они чаще всего выбирали варианты «скорее нет», «скорее не согласен», «затрудняюсь ответить», но могли быть позитивные ответы по ряду вопросов. Установки ответственности, новаторства, объединения не выражены. Среди всех установок позитивно выражен только локус ответственности по суждениям: «Мое материальное положение в настоящем и будущем зависит, прежде всего, от меня», «Моя карьера, положение в обществе зависят, прежде всего, от меня», – тогда как ответственности за дела в доме, городе, регионе они не чувствуют. Слабо развиты цифровые компетенции. Только 12% в данной группе входят в общественные организации. 38% используют практики неформального участия, самые распространенные среди них общественные работы по месту жительства (18%), участие в благотворительных акциях (14%). Достаточно развиты практики помогающего поведения, но они, как правило, распространяются на ближайшее окружение.

Третья группа условно обозначена «традиционалисты», она самая многочисленная и составляет 39%. Разброс индекса по нашей методике для их выделения составляет от 2,66 до 3,33. Среди этой группы наиболее выражен разброс позитивных, негативных и нейтральных ответов. У них достаточно явно выражены установки творчества, готовности объединятся для самоуправления и обустройства дома, двора, ответственность за дела на работе, в своем доме, но при этом существенно слабее инициативность, ответственность за дела в городе, стране, готовность объединяться для решения более широкого спектра социальных проблем. Они обладают общими цифровыми и потребительскими практиками, у них уже очень развиты практики помогаю-

щего поведения (только 10% группы за последние два года не применяло ни одной из списка) и практики неформального общественного участия (33% занимались благоустройством дома, 26% участвовали в благотворительных акциях, 20% – в массовых мероприятиях). Но в формальных общественных организациях состоит только 26% от всей группы. Это группа, ресурсы которой можно мобилизовать, но только при активном внешнем на них влиянии.

Целью нашего исследования было выявление наиболее активных слоев населения, это последние две группы. Четвертую группу, индекс ответов в которой по индикаторным вопросам находится по нашей методике в интервале от 3,33 до 4, мы условно обозначили «активистами», это периферия ядра социальных изменений, активная часть населения, склонная к высокому уровню мобилизации, их среди населения 17%. Они, как правило, по большинству вопросов-установок ответили «скорее да», «да», а по вопросам-суждениям «скорее согласен» и «полностью согласен». Соответственно, им характерен внутренний локус ответственности за дела в доме, дворе, городе, регионе, они готовы объединяться для совместных действий, обладают высоким уровнем инициативности, адаптации и новаторства. Среди них 59% состоят в общественных организациях, 83% активно использовали неформальные практики участия (48% в общественных работах по месту жительства, 35% в благотворительных акциях, 32% в публичных конференциях, 12% в общественных слушаниях). У них очень развиты цифровые практики, они активно проявляют себя и на работе (31% вносили рацпредложения на работе в последнее время, 50% помогали новым сотрудникам на работе, 45% получали дополнительное образование).

Наиболее активная, но самая малочисленная, группа населения обозначена как «агенты социальных изменений», их индекс по нашей модели варьирует от 4 до 5, таких среди населения только 2%. Однако это действительно лидеры социального участия и преобразования окружающей среды, они обладают самыми высокими деятельностными ресурсами участия. У них ярко выражены установки к объединению, внутренний локус ответственности, высокий уровень креативности, адаптации. Они широко используют цифровые практики как в повседневной жизни, так и на работе и в своей общественной жизни. Самое главное, они активно участвуют в жизни двора, города, региона, активно помогают не только своему близкому кругу окружения, но и абсолютно незнакомым людям, они сами мобилизуют других людей для социальных преобразований. 86% данной группы состоят в общественных организациях, 93% используют практики неформального участия (71% участвовали в общественных работах по месту жительства и благотворительных акциях, 36% – в публичных конференциях, 29% – в общественных слушаниях). 79% за последние год-два помогали безвозмездно деньгами, 71% вещами, 29% давали профессиональные консультации. На работе они тоже представляют самый прогрессивный слой работников: 64% помогали новым сотрудникам, 71% получали дополнительное образование, 57% вносили рационализаторские предложения.

Приведем ряд таблиц сопряженности, эмпирически доказывающих валидность представленной модели и характеристики выделенных групп населения.

В соответствии с мнением Т.И. Заславской [19], деятельностный потенциал выражается в активности, энергии и деловых качествах социальных акторов, преобладании традиционных или инновационных форм мышления и способов деятельности, а также в возможности реализовать свои социальные и творческие потенции. В соответствии с нашим исследованием, выделенные группы действительно существенно дифференцированы по своим деловым качествам и преобладанию инновационных форм мышления. Так, среди выделенной группы агентов социальных изменений все представители согласны с утверждением: «Для меня характерно выдвигать и выражать большое количество разных идей», – среди активистов таких 77%, тогда как среди инертных, самой пассивной группы, таких только 13% (табл. 3). Также среди агентов социальных изменений все согласились, что им часто приходится проявлять находчивость и предприимчивость в обычной жизни и на работе: среди активистов с данным утверждением согласились 89%, среди инертных – только 19%.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы согласны со следующим суждением… для меня характерно выдвигать и выражать большое количество различных идей», %, в разрезе групп**

Ответ	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Активисты	Агенты изменений	Общий
Полностью согласен	2	12	20	33	43	**18**
Скорее согласен	11	28	49	44	57	**38**
Скорее не согласен	47	35	18	15	0	**25**
Не согласен	28	10	8	8	0	**10**
Затрудняюсь ответить	12	14	6	1	0	**8**

Активисты выделяются и своими лидерскими качествами, которые отражаются на их способности мобилизовать окружающих для решительных действий. Они, как правило, предпочитают быть лидералами, проявлять инициативу, нежели быть подчиненным. С данным суждением согласилось 86% выделенной группы агентов социальных изменений, даже среди активистов таких уже существенно меньше – 69%, тогда как среди инертных – уже только 14% (табл. 4).

Таблица 4. **Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы согласны со следующим суждением… я предпочитаю быть лидером, проявлять инициативу, чем быть подчиненным», %, в разрезе групп**

Ответ	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Активисты	Агенты изменений	Общий
Полностью согласен	5	16	26	35	57	**23**
Скорее согласен	9	26	42	34	29	**32**
Скорее не согласен	33	33	21	23	14	**26**
Не согласен	39	13	6	4	0	**11**
Затрудняюсь ответить	14	12	5	5	0	**8**

По мнению Т.И. Заславской одним из индикаторов также является развитость социальной, политической, предпринимательской и других видов социально-инновационной активности [19]. В анкете респондентам был задан вопрос: «Хотели бы Вы заниматься предпринимательством, открыть свое дело?». В отличие от предыдущих он не был индикаторным, т.е. не входил в общую модель выделения агентов перемен, тем не менее ответы разных вы-

деленных групп существенно отличаются по этому вопросу. Так, среди агентов социальных изменений хотели бы заниматься предпринимательством 86%, среди активистов – уже только 44%, а вот среди инертных – лишь 11% (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы заниматься предпринимательством, открыть свое дело?», %, в разрезе групп**

Ответ	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Активисты	Агенты изменений	Общий
Да, хочу	11	26	43	44	86	**36**
Нет, не хочу	88	68	51	53	14	**60**
Уже занимаюсь	0	3	4	4	0	**3**

Склонность к мобилизации как индикатор выделяют и Т.И. Заславская, и В.В. Радаев. В.В. Радаев определяет ее как способность к мобилизации коллективных действий и участию в этих действиях [1]. В нашей модели он реализован двумя группами индикаторов – склонность к объединению и участие в разных видах деятельности. При этом склонность к объединению разбита на несколько составляющих, среди которых готовность объединяться с другими людьми, чтобы участвовать в самоуправлении домом, подъездом. Агенты социальных изменений практически все имеют склонность к готовности объединяться с данной целью – 93%, даже среди активистов их уже существенно меньше – только 71%, среди инертных – только 23%. Отметим, что он не очень высок и среди всего населения нашего города – лишь 53% (табл. 6).

Таблица 6. **Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли вы объединяться с другими людьми, чтобы участвовать в самоуправлении домом, подъездом», %, в разрезе групп**

Ответ	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Активисты	Агенты изменений	Общий
Да	2	10	23	30	57	**19**
Скорее да	21	26	42	41	36	**34**
Скорее нет	39	35	20	22	7	**27**
Нет	37	24	13	7	0	**18**
Затрудняюсь ответить	2	5	3	1	0	**3**

На наш взгляд, деятельностный потенциал как ресурс конвертируется в активную деятельность, что явно отражается и в нашем исследовании. Приведем выраженность практик неформального участия среди разных слоев населения в соответствии с ответом на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?». Как видно из табл. 7, население обычного среднего города России, такого как Череповец, не отличается высоким уровнем социальной активности: 44% не делали ничего из перечисленных в вопросе практик. Но обратим внимание, что среди инертных таких 88%, тогда как среди выделенных по нашей модели агентов социальных изменений таких только 7%. Среди агентов социальных изменений 71% добровольно участвовали в общественных работах по месту жительства, тогда как среди всего населения только – 29%; также 71% участвовали в благотворительных акциях, тогда как среди населения – только 22%.

Таблица 7. **Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?» (выберите все необходимые варианты ответа), %, в разрезе групп**

Ответ	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Активисты	Агенты изменений	Общий
Общественные работы по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству)	7	18	33	48	71	**29**
Благотворительные акции	2	14	26	35	71	**22**
Массовые мероприятия	2	6	20	39	57	**17**
Подписывал обращения, петиции в защиту общественных интересов	4	4	9	25	14	**9**
Публичные дискуссии, конференции, семинары, в том числе в Интернете	0	2	4	32	36	**8**
Уход за животными в приютах, охотничьих хозяйствах, ипподроме	0	2	6	9	14	**5**
Общественные слушания	2	1	3	12	29	**4**
Донорство крови	0	3	1	9	14	**3**
Наблюдение за порядком (народные дружины и т.д.)	0	1	3	6	7	**2**
Поиск людей, работа поисковых групп на полях прошлых сражений	0	0	1	1	7	**1**
Ликвидация последствий стихийных бедствий	0	0	0	2	0	**0**
Ничего из перечисленного	88	62	35	17	7	**44**

На основании исследования можно выделить социально-демографические характеристики каждой из групп. Возраст менее активных слоев населения значительно выше. Среди инертных 26% старше 65 лет, среди сопротивляющихся – 19%, тогда как среди всего населения данная возрастная группа составляет 12%. Средний возраст инертных составил 51 год, сопротивляющихся – 43 года, традиционалистов – 40 лет, активистов – 36 лет, агентов социальных изменений – 34 года. Отличается и уровень образования: он существенно выше у наиболее активных слоев населения. Среди агентов социальных изменений 67% имеют высшее образование, среди активистов 46%, тогда как среди инертных – только 10%. Среди группы агентов социальных изменений 40%, а среди активистов 27% работают специалистами при 20% среди всего населения.

Выводы

Ресурсный подход является одним из новых, но уже зарекомендовавших себя подходов к стратификации общества. Среди зарубежных авторов он наиболее детально представлен в работах П. Бурдье, Р. Патнема, Дж. Коулмана, среди отечественных – в работах В.А. Ядова и Т.И. Заславской. Основная интерпретация понятий, операционализация для возможности использования в прикладных исследованиях тщательно прописана в работах В.В. Радаева. Реальное воплощение с основными практическими индикаторами для каждого ресурса и их балльные расчеты приведены в работах Н.Е. Тихоновой и Н.М. Давыдовой. Ресурсный подход получил и распространение в практических исследованиях в регионах России в целях доказа-

тельства необходимости измерения ресурсов как наиболее важных нематериальных активов развития территории.

В нашей работе мы предложили доказательство того, что ресурсный подход может выступать методологическим принципом выделения агентов социальных изменений, движущей силы развития общества с точки зрения преобразования социальной реальности. Данный подход позволяет стратифицировать население на разные по уровню социальной активности группы. Выявленные критерии измерения склонностей и установок к активности, поведенческих практик участия и активной жизненной позиции, исходя из ресурсного подхода, позволили сформировать индикаторную модель измерения. По результатам апробации данной модели было доказано, что выделенная группа агентов социальных изменений существенно отличается от остальных высоким уровнем готовности к объединению для участия в повседневных практиках улучшения окружающей среды, ответственности не только за свою личную жизнь, но и за дела в области, городе, регионе. Она выделяется потенциалом активности и энергии, который измеряется склонностью к выдвижению новаторских идей и их реализации. Более того, высокий деятельностный потенциал преобразуется в социальную активность, которая воплощается в участии в общественных организациях, безвозмездной деятельности, помощи окружающим. Отличается группа агентов социальных изменений и по социально-демографическим характеристикам, она относительно молодая, средний возраст составляет 34 года, большинство имеет высшее образование, более высокий профессиональный статус.

Практическая значимость применения ресурсного подхода стратификации населения в частном его воплощении измерения социальных ресурсов и прикладное использование данной модели заключаются в измерении потенциала местного сообщества и прогнозировании возможностей развития территории.

Список источников

1. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация ресурсов // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 2–32.

2. *Ядов В.А.* Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. М. : МВШСЭН, 2001. С. 310–319.

3. *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 3. С. 12–26.

4. *Давыдова Н.М., Тихонова Н.Е.* Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // Методы социологических исследований. 2006. № 2. С 29–41.

5. *Дроздова Ю.А.* Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 82–103.

6. *Bourdieu P.* Forms of Capital // The Sociology of Economic Life / Granovetter M. ; eds. M. Swedberg, R. Swedberg. 2nd ed. Boulder : Westview Press, 2011. Ch. 5.

7. *Putnam R.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 65–78.

8. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

9. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

10. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. М. : Академ. проект, 2005. 528 с.

11. *Panebianco S.* The impact of social capital on regional economic development. ACSP-AESOP Congress. Germany : Universitat Kassel, 2013.

12. *Callois J.M, Schmitt B.* The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas // Review of Agricultural and Environmental Studies. 2009. Vol. 90 (3). P. 257–286.

13. *Morales L., Giugni M.* Social Capital, Political Participation and Migration in Europe. Macmillan Publishers Limited, 2011.

14. *Grootaert C., Bastelaer van T.* Understanding and Measuring Social Capital. A Multidisciplinary Tool for Practitioners. Washington, DC : World Bank, 2002.

15. *Pichler F., Wallace C.* Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe // European Sociological Review. 2007. Vol. 23, № 4. P. 423–435.

16. *Полищук Л., Меняшев Р.* Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.

17. *Гужавина Т.А.* Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4. С. 252–268. doi: 10.15838/esc.2018.4.58.16

18. *Габидинова Г.С.* Содержание и структура социального капитала территории // Экономический журнал. 2013. № 3. С. 118–125.

19. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 400 с.

20. *Заславская Т.И., Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

21. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

22. *Логуа Р.А.* Социальные ресурсы местного самоуправления: инновационные технологии реализации // Вестник СамГУ. 2011. № 9 (90). С. 16–20.

23. *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков ; Ин-т социологии РАН. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358–378.

References

1. Radaev, V.V. (2002) Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya resursov [The concept of capital, forms of capital and their conversion of resources]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 2–32.

2. Yadov, V.A. (2001) Sotsial'nyy resurs individov i grupp kak ikh kapital: Vozmozhnost' pri-meneniya universal'noy metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiyskom obshchestve [The social resource of individuals and groups as their capital: Possibility of using a universal methodology for studying real stratification in Russian society]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu?* [Who is trying to lead Russia and where?]. Moscow: MVShSEN. pp. 310–319.

3. Tikhonova, N.E. (2006) Resursnyy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 7(3). pp. 12–26.

4. Davydova, N.M. & Tikhonova, N.E. (2006) Metodika rascheta resursnoy obespechennosti pri analize sotsial'noy stratifikatsii [Methodology for calculating resource availability in the analysis of social stratification]. *Metody sotsiologicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 29–41.

5. Drozdova, Yu.A. (2019) Resursnyy podkhod v issledovanii territorial'nykh obshchnostey [A resource approach in the study of territorial communities]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 10(1). pp. 82–103.

6. Bourdieu, P. (2001) Forms of Capital. In: Granovetter, M. (ed.) *The Sociology of Economic Life*. 2nd ed. Boulder: Westview Press.

7. Putnam, R. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*. 6(1). pp. 65–78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002

8. Coleman, J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 94. pp. 95–120.

9. Coleman, J. (2001) Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3. pp. 122–139.

10. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskiy proekt.

11. Panebianco, S. (2013) *The impact of social capital on regional economic development*. ACSP-AESOP Congress. Germany: Universitat Kassel.

12. Callois, J.M. & Schmitt, B. (2009) The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*. 90(3). pp. 257–286.

13. Morales, L. & Giugni, M. (2011) *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe*. Macmillan Publishers Limited.

14. Grootaert, C. & Bastelaer van, T. (2002) *Understanding and Measuring Social Capital. A Multidisciplinary Tool for Practitioners*. Washington, DC: World Bank.

15. Pichler, F. & Wallace, C. (2007) Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe. *European Sociological Review*. 23(4). pp. 423–435. DOI: 10.1093/esr/jcm013

16. Polishchuk, L. & Menyashev, R. (2011) Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala [Economic significance of social capital]. *Voprosy ekonomiki*. 12. pp. 46–65.

17. Guzhavina, T.A. (2018) Sotsial'nyy kapital gorodskogo soobshchestva: doverie, solidarnost', otvetstvennost' [Social capital of the urban community: trust, solidarity, responsibility]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 4. pp. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16

18. Gabidinova, G.S. (2013) Soderzhanie i struktura sotsial'nogo kapitala territorii [Content and structure of the territory's social capital]. *Ekonomicheskiy zhurnal*. 3. pp. 118–125.

19. Zaslavskaya, T.I. (2004) *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Modern Russian society: social mechanism of transformation]. Moscow: Delo.

20. Zaslavskaya, T.I. & Yadov, V.A. (2008) Sotsial'nye transformatsii v Rossii v epokhu global'nykh izmeneniy [Social transformations in Russia in the era of global changes]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 8–22.

21. Tikhonova, N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social Structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow: Novyy khronograf; Institute of Sociology RAS.

22. Logua, R.A. (2011) Sotsial'nye resursy mestnogo samoupravleniya: innovatsionnye tekhnologii realizatsii [Social resources of local government: Innovative implementation technologies]. *Vestnik SamGU*. 9(90). pp. 16–20.

23. Mozgovaya, A.V. & Shlykova, E.V. (2016) Neravenstvo v raspredelenii riskov: resursy i strategii adaptatsii [Inequality in the distribution of risks: resources and adaptation strategies]. In Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Vol. 14. Moscow: Novyy khronograf. pp. 358–378.

Сведения об авторе:
Воробьева И.Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия). E-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Vorobyova I.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08 2021;
одобрена после рецензирования 09.07.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 28.08 2021;
approved after reviewing 09.07.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 193–206.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 193–206.

Научная статья
УДК 323.2
doi: 10.17223/1998863X/75/16

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РОССИИ: КАК НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Наталья Алексеевна Гузь[1], Марина Викторовна Дуброва[2], Светлана Созрыкоевна Дзусова[3], Ирина Сергеевна Рябова[4], Светлана Викторовна Фрумина[5]

[1, 2 ,3 ,4 ,5] *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия*
[1] *NAGuz@fa.ru*
[2] *MVDubrova@fa.ru*
[3] *SSDzusova@fa.ru*
[4] *ISRyabova@fa.ru*
[5] *SVFrumina@fa.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации проектов инициативного бюджетирования в регионах Российской Федерации и муниципалитетах. Подробно освещены вопросы законодательного регулирования и методического обеспечения процессов инициативного бюджетирования. Описаны основные модели инициативного бюджетирования. Дана оценка социальных эффектов, связанных с реализацией инициативного бюджетирования. Приведены показатели вовлеченности граждан в процессы инициативного бюджетирования. Основные вопросы, на которые дают ответы авторы: идет ли Россия по пути «стандартизации» или «диверсификации» процессов инициативного бюджетирования; какая модель инициативного бюджетирования преобладает в российской практике; какие факторы могут способствовать или препятствуют развитию гражданской инициативы.
Ключевые слова: инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, инициативный проект, муниципалитет, бюджет, общественное самоуправление

Для цитирования: Гузь Н.А., Дуброва М.В., Дзусова С.С., Рябова И.С., Фрумина С.В. Инициативное бюджетирование в России: как не препятствовать гражданской активности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 193–206. doi: 10.17223/1998863X/75/16

Original article

PARTICIPATORY BUDGETING IN RUSSIA: HOW NOT TO HINDER CIVIC ENGAGEMENT

Natalya A. Guz[1], Marina V. Dubrova[2], Svetlana S. Dzusova[3], Irina S. Ryabova[4], Svetlana V. Frumina[5]

[1, 2, 3, 4, 5] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*
[1] *NAGuz@fa.ru*
[2] *MVDubrova@fa.ru*
[3] *SSDzusova@fa.ru*
[4] *ISRyabova@fa.ru*
[5] *SVFrumina@fa.ru*

Abstract. Today, the practice of participatory budgeting becomes the most prominent democratic innovation in the budgeting process, as it involves the formation of a democratic framework in the allocation of budgetary funds and the introduction of civic initiatives in the

© Н.А. Гузь, М.В. Дуброва, С.С. Дзусова, И.С. Рябова, С.В. Фрумина, 2023

management of public finances. The article considers the peculiarities of the implementation of initiative budgeting projects in the regions and municipalities of the Russian Federation. The issues of legislative regulation and methodological support of the processes of initiative budgeting are covered in detail. The main models of initiative budgeting are described. Social effects associated with the implementation of initiative budgeting are assessed. The indicators of citizens' involvement in the processes of initiative budgeting are given. The authors answer the main questions: Is Russia on the way of "standardization" or "diversification" of initiative budgeting processes? What model of initiative budgeting prevails in Russian practice? What factors can promote or hinder the development of civic initiative? Participatory budgeting creates effects in at least three directions: formation of civil society with active position, progress in social sphere and effectiveness of budgeting process. The authors point out the existing problems in the preparation of participatory budgeting projects and suggest specific ways to solve them. According to the authors, it is necessary to elaborate a methodical study of financial evaluation of citizens' labor participation in participatory budgeting projects. The authors propose to establish social preferences for persons participating in implementations of initiative projects in the legislation. They formulate their own scientific position on issues related to the implementation of participatory budgeting projects in the Russian Federation and outline directions for further research in this direction. Every year, the number of projects implemented in the framework of participatory budgeting in Russia increases in multiples. This form of public involvement in solving urgent issues of municipalities becomes relevant. Citizen participation in public finance management is a growing trend in many countries of the world. Participatory budgeting has a positive effect by uniting local residents and increasing responsibility for territorial development, ensuring transparency of budgeting and constructive communication with the authorities.

Keywords: initiative budgeting, participatory budgeting, initiative project, municipality, budget, public self-government

For citation: Guz, N.A., Dubrova, M.V., Dzusova, S.S., Ryabova, I.S. & Frumina, S.V. (2023) Participatory budgeting in Russia: how not to hinder civic engagement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 193–206. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/16

Введение

Партисипаторное бюджетирование (ПБ) исторически возникло на фоне требования большей открытости для граждан и их вовлечения в процессы принятия решений. ПБ является объектом обсуждения в социальных науках уже на протяжении 30 лет, но сегодня, будучи устоявшейся управленческой технологией, выходит за рамки сугубо муниципальной политики.

Существуют различные теоретические подходы к раскрытию сущности ПБ. Во-первых, как инструмент прямой демократии ПБ предоставляет широким слоям населения возможность узнать о деятельности правительства, обсуждать и влиять на распределение государственных ресурсов. Во-вторых, как указывают Х. Азиз и Н. Шах, ПБ – механизм для обучения, вовлечения, расширения прав доступа, так как совместное планирование бюджета укрепляет инклюзивное управление, предоставляя в том числе маргинализированным и отчужденным группам возможность быть услышанными и влиять на принятие государственных решений, отвечающих их интересам [1].

Авторитетный исследователь И. Синтоме, проведя анализ европейского опыта развития ПБ, пишет о важности идей привлечения граждан к перераспределению бюджетных средств, что обычно связано с передачей полномочий по принятию решений гражданскому обществу, продвижением социальной справедливости и «демократизацией демократии». Автор характеризует

ПБ как «процесс участия неизбираемых граждан в установлении ориентиров для достижения основных целей и направлений государственной финансовой политики» [2].

По мнению Дж. Алегретти и К. Копелло, ПБ должно включать как минимум 4 обязательных элемента [3]:

1. Обсуждение бюджетных вопросов, связанных с решением проблемы ограниченных ресурсов.

2. Вовлечение местной администрации, наделенной необходимыми бюджетными полномочиями.

3. Соблюдение инклюзивности процесса, взаимного обмена аргументами.

4. Подотчетность, наличие обратной связи с участниками.

Вышеупомянутый И. Синтоме добавляет еще один важный элемент – повторяемость (периодичность), так как однократно проведенное совещание по бюджетным вопросам или даже реализованный проект не позволяют судить об устойчивости процесса ПБ [4].

Ввиду длительного опыта централизованного планирования и слабых традиций участия граждан в управлении идеи ПБ пришли в Россию, как и в другие страны Центральной и Восточной Европы, с некоторым запозданием [5]. Инициативное бюджетирование (ИБ) представляет собой российскую версию ПБ, социальную технологию, содействующую развитию местного самоуправления, совокупность различных практик вовлечения граждан в принятие бюджетных решений, инструмент повышения эффективности бюджетных расходов.

Хотя в отечественной практике не существует общепринятого и законодательно закрепленного определения понятия ИБ, для целей настоящей статьи используем формулировку, предложенную экспертами Минфина России – «форма осуществления гражданами местного самоуправления посредством участия в инициировании, отборе и последующем контроле за реализацией отобранных проектов, финансируемых за счет средств местного бюджета, в том числе с возможным привлечением финансирования из средств бюджета субъекта Российской Федерации, инициативных платежей граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, в целях реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для граждан по решению вопросов местного значения или иных вопросов, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления»[1].

Посредством данного исследования авторы пытаются выяснить, идет ли Россия по пути «стандартизации» или «диверсификации» процессов ИБ, какая модель ИБ является преобладающей в российской практике, какие факторы могут способствовать (или препятствуют) развитию гражданской инициативы на местном уровне. Например, проведя подобное исследование, польские социологи (К. Мончка и др.) пришли к выводу, что не только в Евросоюзе, но и в отдельно взятой Польше не существует единой чистой мо-

[1] Порядок взаимодействия Министерства финансов Российской Федерации и финансовых органов субъектов Российской Федерации по формированию Доклада о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=129772-poryadok_vzaimodeistviya (дата обращения: 25.07.2023).

дели ПБ. Разрозненные муниципальные практики авторы описывают термином «лоскутная модель ПБ» [6].

Правовые основы реализации процесса ИБ

Для регулирования ИБ в Российской Федерации применяются нормативные правовые акты (НПА) разного уровня. Действующее законодательство, регламентирующее ИБ, включает: Бюджетный кодекс Российской Федерации (с изменениями, предусмотренными Федеральным законом № 216-ФЗ от 20.07.2020)[1]; Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ст. 56.1)[2] и другие НПА. В настоящее время отмечается тенденция правового закрепления формы вовлечения граждан в реализацию социально-экономической политики и в региональной законодательной базе [7].

ИБ нашло отражение в последующих документах стратегического планирования на среднесрочную перспективу. Например, «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года»[3] предусматривают внедрение механизмов ИБ (п. 6.8 «Вовлечение граждан в государственное и муниципальное управление»), а также обеспечение роста доли субъектов Российской Федерации, утвердивших программу (мероприятия) по развитию ИБ в составе государственных программ субъектов Российской Федерации, в общем количестве – до 50% (п. 5.3).

По состоянию на 2023 г. законы о реализации проектов ИБ (инициативных проектах) приняты в 18 субъектах Российской Федерации. Из 56 стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, в которых определены процедуры участия граждан в государственном управлении, ИБ как процесс четко обозначен в стратегиях 13 регионов, в их числе Республика Башкортостан, Республика Карелия, Чувашская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Архангельская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская, Новгородская, Самарская, Смоленская, Томская, Ульяновская области.

В отдельных случаях ИБ предусмотрено документами стратегического развития субъектов Российской Федерации. Программный подход к развитию ИБ в Российской Федерации выражается в закреплении соответствующих мероприятий в государственных программах. В рамках первого подхода различные практики ИБ могут быть закреплены в одной государственной программе субъекта РФ (в составе разных мероприятий или подпрограмм, либо в качестве основных мероприятий одной подпрограммы). Второй подход базируется на отраслевой принадлежности возможных инициативных

[1] О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 20 июля 2020 № 216-ФЗ // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/74399583/ (дата обращения: 25.07.2023).

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федеральный закон от 20 июля 2020 № 236-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357767/ (дата обращения: 25.07.2023).

[3] Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации 29 сентября 2018 г. № 8028п-П13 // Правительство России. URL: http://government.ru/news/34168/ (дата обращения: 25.07.2023).

проектов [8], соответствующие им мероприятия закрепляются в различных госпрограммах[1].

По данным мониторинга Центра инициативного бюджетирования Научно-исследовательского финансового института (ЦИБ НИФИ) Минфина России, в 2021 г. насчитывалось 215 муниципальных правовых актов, регулирующих ИБ. В данном перечне НПА большую часть занимают решения представительных органов власти муниципальных образований. В 185 муниципальных программах закреплены мероприятия, направленные на реализацию инициативных проектов[2].

Формы государственного содействия развитию ИБ включают информационную, образовательную, методическую и финансовую поддержку. В качестве финансовой помощи, как правило, выступают средства местных бюджетов, а также внебюджетное финансирование, привлекаемое от граждан и юридических лиц.

Появляется все больше попыток «упорядочить» процесс ИБ, выработать соответствующие стандарты, ключевые метрики и инструментарий для оценщиков. Но возникают встречные вопросы – нуждается ли ИБ в стандартизации и четком законодательном определении, не навредит ли подобная формализация идее расширения прав и возможностей общества?

Обзор существующих практик ИБ в России

В Российской Федерации существует несколько базовых моделей ИБ, которые трансформировались в конкретные практики.

Программа поддержки местных инициатив (ППМИ) – исторически первая практика ИБ в России, которая стартовала при поддержке Всемирного банка в 2007 г. в Ставрополье. Программа ориентирована на поддержку инициативных групп в городских, а чаще – в сельских поселениях при определении приоритетов расходования средств местных бюджетов, отборе конкретных проектов, консультативной помощи в организации партисипаторных процедур. Важным элементом ППМИ является обязательное софинансирование проектов со стороны населения[3] (средний показатель – 10%). Всего в рамках Программы реализовано около 4 тыс. проектов в восьми регионах РФ: Ставропольском крае, Кировской, Тверской, Нижегородской областях, Республике Башкортостан, Хабаровском крае, Республике Северная Осетия – Алания, Еврейской автономной области[4]. ППМИ имеет не только самую

[1] Например: Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», новая редакция закона «О молодежной политике» (проект), новая редакция Стратегии по повышению финансовой грамотности в Российской Федерации (проект).

[2] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2021 // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/Doklad_o_luchshikh_ praktikakh_initsiativnogo_budzhetirovaniya_2021.pdf (дата обращения: 25.07.2023).

[3] Под «населением» понимаются не только отдельные граждане, проживающие на территории данного муниципального образования, но и заинтересованные представители бизнеса, НКО, международные организации и т.д. В качестве инструментов финансирования могут выступать инициативные платежи граждан, гранты, средства спонсоров, пожертвования, краудфандинг и другие формы.

[4] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2022. // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin. gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf (дата обращения: 25.07.2023).

продолжительную историю среди российских практик ИБ, но и является самой распространенной моделью ИБ в России.

2. *Партиципаторное бюджетирование* (совместная разработка Европейского университета в Санкт-Петербурге и Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив) реализуется в России с 2013 г. В отличие от ППМИ, данный механизм не предполагает софинасирования проектов гражданами[1] и направлен на развитие преимущественно городских территорий. Практика *бюджетных комиссий* является частью партиципаторного бюджетирования, реализуемого Центром гуманистической урбанистики UP (Urbanism and Participation) при ЕУСПб в Санкт-Петербурге (проект «Твой бюджет»), Сосновом Бору («Я планирую бюджет»), Череповце («Народный бюджет») и Кировской области. Участники бюджетных комиссий, отобранные жребием из числа заинтересованных граждан, обсуждают, какие именно решения нуждаются в первоочередной реализации [9].

3. «*Народный бюджет*» и «*Народная инициатива*» (проекты Всероссийской политической партии «Единая Россия») представляют собой синтез различных подходов ИБ, реализовывались с 2010 г. в различных регионах России. Политолог А.Л. Бентон [10] выражает опасение, что политические институции могут использовать механизм ИБ для укрепления одобрения со стороны избирателей. Действительно, ИБ предпочтительнее оставаться политически нейтральной совещательной инициативой, не зависящей от чьих бы то ни было электоральных интересов.

Оценка эффективности существующих практик ИБ

ИБ создает эффекты как минимум в трех направлениях: формирование гражданского общества с активной позицией, прогресс в социальной сфере и эффективность бюджетного процесса.

Первый и наиболее заметный результат проявляется в росте общественного доверия к власти, повышении политической активности общества. Второй касается, прежде всего, улучшения качества и доступности социальных услуг и объектов социальной инфраструктуры. Хотя в нормативных актах не содержится прямого указания на необходимость достижения социального эффекта при реализации проектов ИБ, согласно 131-ФЗ (ст. 26.1), инициативный проект представляет собой мероприятие, имеющее полезность для либо для всех жителей муниципального образования, либо его части, т.е. не носит индивидуального характера. Конкретизируют неоспоримость достижения социального эффекта при реализации проектов ИБ как исследования ученых, так и практическая реализация проектов в регионах и муниципальных образованиях Российской Федерации. Исследователь М. Холдо считает, что ИБ, являясь катализатором изменений «снизу-вверх» и опираясь на творческие инициативы людей, солидаризирует общество, препятствует социальному отчуждению отдельных категорий граждан – лиц с ограниченными физическими возможностями, лиц, освободившихся из мест лишения свободы и т.д. [11]. Социальный эффект ИБ связан с тем, что сопричастность рядовых граждан развитию и благоустройству своих населенных пунктов способствует снижению

[1] «Нефинансовые» форматы участия граждан в ИБ могут выражаться в публичных обсуждениях проектов бюджетов и консультациях, опросах и голосованиях, инициировании проектов, работе в бюджетных комиссиях, личном трудовом участии и т.д.

социальной напряженности (в том числе уменьшению фактов вандализма в отношении муниципальной собственности), развитию добрососедских отношений.

В нормативных документах на уровне регионов определены критерии отбора проектов ИБ, в том числе параметры, обеспечивающие социальный эффект: доля благополучателей в общей численности населения (в основном градация по данному критерию – 10–5%, 5–1%, менее 1%); количество жителей, поддержавших проект (все, проголосовавшие «за», минус все, проголосовавшие «против»). Критерий количества благополучателей от реализации проектов ИБ постоянно увеличивается. Так, в 2020 г. данный показатель составлял в среднем 30,8% населения Российской Федерации, а к концу 2021 г. – уже 34,2%[1].

Помимо критериев отбора проектов ИБ, перечнем поручений главы государства по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления в 2020 г. были утверждены нормативы распределения бюджетных средств: не менее 5% бюджета муниципального образования должно быть направлено на реализацию проектов ИБ четырех основных направлений, которые, по мнению авторов, носят социальный характер: «благоустройство городской среды, проведение культурных и спортивных мероприятий, обустройство объектов социальной инфраструктуры и прилегающих к ним территорий» [12].

На фоне первых двух эффектов влияние ИБ на общественные финансы может показаться обществу менее заметным. Однако при должной организации этого механизма можно обеспечить оптимальный учет общественных приоритетов при решении вопросов местного значения [13]. Это позитивно скажется на эффективности бюджетных расходов. Для государства ИБ тоже обладает финансовой привлекательностью, поскольку позволяет привлечь дополнительные денежные средства от бизнеса и населения для развития социальной инфраструктуры.

На сегодняшний день практика ИБ становится самой известной демократической инновацией в бюджетном процессе, так как предполагает формирование демократических основ в распределении бюджетных средств и внедрение гражданских инициатив в управление общественными финансами, а также является одним из наиболее развивающихся направлений проекта Минфина России «Бюджет для граждан».

О размахе и тенденциях ИБ можно судить по данным о приросте числа реализованных практик. Если в 2015 г. практиками ИБ было охвачено 35 субъектов Российской Федерации, то в 2021 г. их количество выросло до 75, что свидетельствует о росте потребности регионов в данной практике. Систематизировать фактические результаты реализации практик ИБ довольно сложно в силу их разноаспектности, однако изучение даже отдельных результатов реализации проектов на местах свидетельствует о целесообразности дальнейшего продвижения ИБ в бюджетный процесс в Российской Федерации. Например, результатами программы «Крым как мы хотим», в основу

[1] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2022 // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf (дата обращения: 25.07.2023).

которой положен механизм ИБ, в 2022 г. стали благоустройство территории 12 кладбищ, 15 детских и спортивных площадок, 14 парковых зон и зон отдыха, реализация 11 проектов по монтажу и ремонту уличного освещения и т.д. В отношении Республики Крым также наблюдается высокая финансовая вовлеченность граждан в ИБ (объемы финансирования гражданами проектов приближены к вложению бюджетных средств муниципалитетами – 6,3 млн руб. против 8,6 млн руб. соответственно), что свидетельствует о заинтересованности в результатах реализации проектов ИБ со стороны благополучателей на соответствующей территории[1].

Исторически ИБ ассоциируется с созданием устойчивого механизма поддержки гражданских инициатив в решении местных вопросов, поэтому положительная динамика муниципальных практик за анализируемый период может рассматриваться как положительный факт (табл. 1). Так, за период 2018–2021 гг. количество реализованных муниципальных практик возросло в 3 раза (или на 183 практики). Несмотря на сохраняющийся на региональном уровне положительный тренд, удельный вес реализованных муниципальных практик в 2021 г. в два раза превышает удельный вес региональных.

Таблица 1. **Структура практик инициативного бюджетирования, реализованных в России на региональном и муниципальном уровнях, в 2018–2021 гг.**

Уровни практик	Год							
	2018		2019		2020		2021	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Практики регионального уровня	102	53	102	41	115	40	132	33
Практики муниципального уровня	91	47	147	59	175	60	274	67
Итого	193	100	249	100	290	100	406	100

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных ЦИБ НИФИ Минфина России.

Среди субъектов Российской Федерации, активно реализующих на своих территориях муниципальные практики, выделяются такие субъекты, как Республика Удмуртия, Республика Коми, Ставропольский край, Краснодарский край, Самарская и Белгородская области. Для оценки практик ИБ очень важны вопросы финансового обеспечения. Представленные в табл. 2 данные свидетельствуют о росте средней стоимости инициативных проектов. За анализируемый период (2015–2021) она выросла на 37,1 млрд рублей.

Таблица 2. **Структура финансирования инициативных проектов, млн руб.**

Источники финансирования	Год						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Бюджетное финансирование	1 991	6 292	13 372	17 371	21 884	29 795	36 625
Внебюджетные источники финансирования	404	704	1 130	1 943	2 180	2 013	2 834
Общая стоимость проектов	2 395	6 996	14 502	19 314	24 064	31 808	39 459

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных ЦИБ НИФИ Минфина России.

[1] Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчетов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2022 год // Министерство финансов Республики Крым. URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments// d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpmgcNKL_1.Итоги%202022%20года%20_%20на%20сайт.pdf (дата обращения: 25.07.2023).

Среди источников финансирования инициатив граждан основное место принадлежит средствам бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Удельный вес государственных источников финансирования в 2021 г. в общей стоимости инициативных проектов составил 92,8%, из них: вклад региональных бюджетов в общей стоимости проектов составил 53,5%, федерального бюджета – 22,8%, местных бюджетов – 17,1%. Несмотря на ежегодный рост внебюджетных источников, их удельный вес в общей структуре денежных потоков составил всего 7,1%. При анализе структуры финансирования муниципальных практик выявилась тенденция к некоторому сокращению бюджетных ассигнований из местных бюджетов (–2%) и росту внебюджетного финансирования, в рамках которого наибольший удельный вес принадлежит вкладу юридических лиц в софинансирование проектов (табл. 3). Данный факт указывает на усиление заинтересованности российского бизнеса, компаний, осуществляющих деятельность на территории конкретных муниципальных образований.

Таблица 3. **Структура финансового обеспечения муниципальных проектов инициативного бюджетирования, %**

Показатель	Год	
	2020	2021
Финансирование из местных бюджетов	80,8	79,41
Внебюджетные источники, в том числе:	19,2	20,59
софинансирование проектов населением	4,3	2,6
софинансирование проектов юридическими лицами	14,9	17,09
инициативные платежи	–	0,9
Общая стоимость проектов	100	100

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных ЦИБ НИФИ Минфина России.

Несмотря на незначительный удельный вес (0,9%), огромное значение имеет появление новой формы софинансирования инициативных проектов – *инициативных платежей*[1], совокупный объем которых составил 23,9 млн рублей. Положительный результат применения данной практики продемонстрировали 19 субъектов Российской Федерации. Особое значение имеет трудовой (нефинансовый) вклад населения и юридических лиц в реализацию инициативных проектов в форме безвозмездных работ, предоставления материалов и товаров, а также экспертной поддержки, методика оценки которой отсутствует в большинстве регионов.

В среднем стоимость одного инициативного проекта для всех видов практик сократилась за последний год на 30 тыс. рублей и составила 1,4 млн рублей для региональных практик и несколько ниже (1,3 млн рублей) для муниципальных практик. Объем внебюджетной поддержки остается на стабильном уровне на протяжении последних лет и составляет приблизительно 100 тыс. рублей на один проект. Для оценки социального эффекта от реализации проектов ИБ используется показатель, отражающий долю благополучателей от общей численности населения. По данным

[1] Под «инициативными платежами» подразумеваются добровольные платежи юридических и физических лиц в целях реализации инициатив жителей по решению конкретных вопросов местного значения. В местных бюджетах инициативные платежи относятся к неналоговым доходам бюджетов и исключаются из принципа общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов в целях обеспечения направления указанных средств исключительно на реализацию инициатив жителей.

Минфина России, благополучателями проектов ИБ в 2021 г. стало 34,2% населения страны[1].

Таким образом, положительные результаты анализа свидетельствуют о важности и значимости внедрения гражданских инициатив в современную бюджетную политику. С одной стороны, данная практика способствует укреплению доходной базы местных бюджетов, с другой – позволяет выявить наиболее острые проблемы для граждан и обеспечить их решение с помощью соответствующего перераспределения бюджетных источников и средств населения. При этом участие граждан в проектах ИБ не только позволяет повысить качество и прозрачность бюджетного планирования, но и способно обеспечить сплоченность населения муниципалитетов, повысить их ответственность за развитие своих территорий. В зависимости от выполняемой роли и модели вовлечения бизнеса в софинансирование проектов, реализуемых на принципах ИБ, представители бизнес-сообщества получают прямой и / или косвенный положительный социально-экономический эффект.

Масштабирование практик и повышение эффективности управления процессом ИБ напрямую связано с реализацией мониторинга их развития. Регулярный сбор, обобщение и систематизация информации, безусловно, помогают своевременному выявлению и решению возникающих проблем. Но гораздо важнее – регулярное предоставление информации населению о ходе реализации практик и отдельных инициативных проектов; что укрепляет доверие населения и упрощает диалог с органами власти, это в конечном счете стимулирует дальнейшее развитие гражданских инициатив.

Заключение

С каждым годом число реализуемых проектов в рамках ИБ в России увеличивается кратно. Данная форма вовлечения населения в решение насущных вопросов муниципальных образований становится релевантной. Участие граждан в управлении общественным финансами – это естественный процесс, усиливающийся во многих странах мира. ИБ дает положительный эффект через сплочение местных жителей и повышение ответственности за развитие территорий, обеспечение прозрачности бюджетирования и конструктивного общения с органами власти.

Подход к организации практик ИБ в каждом из субъектов Российской Федерации индивидуален. Часть субъектов (которые, как правило, имеют многолетний опыт реализации ИБ) развивает единственную практику («Народный бюджет» в Тульской области с 2011 г.). Подобные практики регламентируются на региональном уровне, в отличие от субъектов, где процессы ИБ развиваются преимущественно в муниципальных образованиях (Пензенская область, Липецкая область, Краснодарский край и др.). В отдельных субъектах федерации сложился комплекс различных практик, которые, развиваясь автономно, взаимодополняют друг друга (ППМИ и партиципаторное бюджетирование в Кировской области).

[1] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2022 // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf (дата обращения: 25.07.2023).

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что российская модель ИБ находится в процессе кристаллизации, однако процедуры ИБ уже не подвергаются таким динамичным изменениями, как это было в 2010-е гг. Существует риск утраты творческого подхода к реализации практики ИБ, превращения процесса в очередную задачу «для галочки». Требует ли законодательного закрепления термин «инициативное бюджетирование» на национальном уровне? Как представляется, любая унификация, регулирование процессов ИБ по единой схеме принесут инициативе больше вреда, чем пользы.

Ввиду того что ИБ – «живой» инструмент, который отличается высокой степенью личного участия граждан, считаем, что сохранение традиционных каналов коммуникации власти и населения будет предпочтительнее, чем «цифровизация» всех этапов процесса рассмотрения и отбора проектов. ИБ, как и предшествовавшее ему социальное проектирование, – формы социальной медиации в местной среде. Для бизнес-структур ИБ является инструментом формирования положительного имиджа и доверия потребителей, руководство компаний имеет возможность контролировать потоки средств, направленных на ESG-стратегию (решение экологических, социальных и управленческих проблем).

ИБ должно стать общей идеологией современной государственной политики, встроенной в национальную административную, бюджетную и правовую системы. Такая интеграция должна способствовать обеспечению высокого уровня доверия граждан административным единицам, без которого невозможен рост софинансирования практик ИБ. Именно через участие граждан в софинансировании проектов следует оценивать степень доверия населения к реализуемым проектам и готовность осуществить личный вклад в их стоимость и осуществление.

Несмотря на то, что авторы попытались обозначить собственную позицию по вопросам, связанным с реализацией практик ИБ на территории Российской Федерации, ряд из них остался за рамками данного исследования. Требует отдельного научного осмысления ряд дискуссионных вопросов:

– являются ли школьное (студенческое, молодежное) бюджетирование, рейтинговое голосование «Комфортная городская среда», «самообложение граждан» составными частями ИБ или самостоятельными инклюзивными практиками;

– какой процент регионов Российской Федерации оптимально должен быть вовлечен в практику ИБ, чтобы считать ее успешно реализуемой;

– каким образом «увязать» цели муниципального образования, где чаще всего и реализуются проекты ИБ, с целями региона, на территории которого он расположен;

– возможно ли учесть мнение отдельных категорий граждан (мигрантов, вынужденных переселенцев и т.д.), концентрация которых ввиду активных миграционных процессов особенно возросла в крупных городах.

Список источников

1. *Aziz H., Shah N.* Participatory budgeting: Models and approaches // Pathways Between Social Science and Computational Social Science / eds. T. Rudas, G. Péli. Berlin : Springer, 2021. P. 215–236. doi: 10.1007/978-3-030-54936-7_10

2. *Sintomer Y., Röcke A., Herzberg C.* Participatory Budgeting in Europe: Democracy and Public Governance. London : Routledge, 2016. 268 p. doi: 10.4324/9781315599472

3. *Allegretti G., Copello K.* Winding around money issues. What's new in PB and which windows of opportunity are being opened? // Hope for Democracy: 30 Years of Participatory Budgeting Worldwide / ed. by N. Dias. Faro : Epopeia Records, Oficina, 2018. P. 34–53.

4. *Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G.* Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting // Journal of Public Deliberation. 2012. Vol. 8, № 2. Art. 9.

5. *Primc M.* Participatory Budgeting in Slovenia: A Budding Field // Hope for Democracy. 30 Years of Participatory Budgeting Worldwide / ed. N. Dias. Faro : Epopeia, Oficina, 2018. P. 357–371.

6. *Mączka K., Jeran A., Matczak P., Milewicz M., Allegretti G.* Models of participatory budgeting. Analysis of participatory budgeting procedures in Poland // Polish Sociological Review. 2021. Vol. 216 (4). P. 473–492. doi: 10.26412/psr216.03

7. *Печенская-Полищук М.А.* Развитие партисипаторного бюджетирования как фактор роста бюджетного потенциала территории // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 49–66. doi: 10.15838/ptd.2020.5.109.4

8. *Вагин В.В., Шаповалова Н.А.* Особенности нормативно-правового регулирования инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. № 3. С. 34–53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-normativno-pravovogo-regulirovaniya-initsiativnogo-byudzhetirovaniya-v-subektah-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.07.2023).

9. *Блинова Е.А.* Партисипаторное бюджетирование в России: практика и перспективы развития // Государство и граждане в электронной среде. 2018. № 2. С. 28–36. doi: 10.17586/2541-979X-2018-2-28-36

10. *Benton A.L.* How “participatory governance” strengthens authoritarian regimes: Evidence from electoral authoritarian Oaxaca, Mexico // Journal of Politics in Latin America. 2016. Vol. 8, № 2. P. 37–70. https://doi.org/10.1177/1866802x1600800202

11. *Holdo M.* Contestation in Participatory Budgeting: Spaces, Boundaries, and Agency // American Behavioral Scientist. 2020. Vol. 64, № 9. P. 1348–1365. https://doi.org/10.1177/0002764220941226

12. *Перечень* поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления от 30 января 2020 года № Пр-354 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346891/ (дата обращения: 25.07.2023).

13. *Векерле К., Соколов И.* Перспективы и условия востребованности инициативного бюджетирования в России // Экономическая политика. 2022. Т. 17, № 2. С. 34–61. doi: 10.18288/1994-5124-2022-2-34-61

References

1. Aziz, H. & Shah, N. (2021) Participatory budgeting: Models and approaches. In: Rudas, T. & Péli, G. (eds) *Pathways Between Social Science and Computational Social Science*. Berlin: Springer. pp. 215–236. DOI: 10.1007/978-3-030-54936-7_10

2. Sintomer, Y., Röcke, A. & Herzberg, C. (2016) *Participatory Budgeting in Europe: Democracy and Public Governance*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315599472

3. Allegretti, G. & Copello, K. (2018) Winding around money issues. What’s new in PB and which windows of opportunity are being opened? In: Dias, N. (ed.) *Hope for Democracy: 30 Years of Participatory Budgeting Worldwide*. Faro: Epopeia/Oficina. pp. 34–53.

4. Sintomer, Y., Herzberg, C., Röcke, A. & Allegretti, G. (2012) Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting. *Journal of Public Deliberation*. 8(2). p. 9.

5. Primc, M. (2018) Participatory Budgeting in Slovenia: A Budding Field. In: Dias, N. (ed.) *Hope for Democracy: 30 Years of Participatory Budgeting Worldwide*. Faro: Epopeia/Oficina. pp. 357–371.

6. Mączka, K., Jeran, A., Matczak, P., Milewicz, M. & Allegretti, G. (2021) Models of participatory budgeting. Analysis of participatory budgeting procedures in Poland. *Polish Sociological Review*. 216(4). pp. 473–492. DOI: 10.26412/psr216.03

7. Pechenskaya-Polishchuk, M.A. (2020) Razvitie partisipatornogo byudzhetirovaniya kak faktor rosta byudzhetnogo potentsiala territorii [Participatory budgeting development as territory’s budget potential growth factor]. *Problemy razvitiya territorii*. 5(109). pp. 49–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.4

8. Vagin, V.V. & Shapovalova, N.A. (2021) Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya ini-tsiativnogo byudzhetirovaniya v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii [Normative-legal regulation of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation]. *Rossiyskie regiony: vzglyad v budushchee*. 3. pp. 34–52. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-normativno-pravovogo-regulirovaniya-initsiativnogo-byudzhetirovaniya-v-subektah-rossiyskoy-federatsii (Accessed: 25th July 2023).

9. Blinova, E.A. (2018) Partisipatornoe byudzhetirovanie v Rossii: praktika i perspektivy razvitiya [Participatory Budgeting in Russia: Practice and Prospects for Development]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede*. 2. pp. 28–36. DOI: 10.17586/2541-979X-2018-2-28-36

10. Benton, A.L. (2016) How "participatory governance" strengthens authoritarian regimes: Evidence from electoral authoritarian Oaxaca, Mexico. *Journal of Politics in Latin America.* 8(2). pp. 37–70. DOI: 10.1177/1866802x1600800202

11. Holdo, M. (2020) Contestation in Participatory Budgeting: Spaces, Boundaries, and Agency. *American Behavioral Scientist.* 64(9). pp. 1348–1365. DOI: 10.1177/0002764220941226

12. The Russian Federation. (2020) *Perechen' porucheniy Prezidenta Rossiyskoy Federatsii po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya ot 30 yanvarya 2020 goda № Pr-354* [The list of instructions of the President of the Russian Federation following the meeting of the Council under the President of the Russian Federation for the development of local self-government dated January 30, 2020 No. Pr-354]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346891/ (Accessed: 25th July 2023).

13. Vekerle, K. & Sokolov, I. (2022) Perspektivy i usloviya vostrebovannosti initsiativnogo byudzhetirovaniya v Rossii [Prospects and demand factors of participatory budgeting in Russia]. *Ekonomicheskaya politika*. 17(2). pp. 34–61. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-34-61

Информация об авторах:

Гузь Н.А. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: NAGuz@fa.ru

Дуброва М.В. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: MVDubrova@fa.ru

Дзусова С.С. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: SSDzusova@fa.ru

Рябова И.С. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: ISRyabova@fa.ru

Фрумина С.В. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: SVFrumina@fa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Guz N.A. – Cand. Sci. (Economics), associate professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: NAGuz@fa.ru

Dubrova M.V. – Cand. Sci. (Economics), associate professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: MVDubrova@fa.ru

Dzusova S.S. – Cand. Sci. (Economics), associate professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: SSDzusova@fa.ru

Ryabova I.S. – Cand. Sci. (Economics), associate professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: ISRyabova@fa.ru

Frumina S.V. – Cand. Sci. (Economics), associate professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: SVFrumina@fa.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 207–220.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 207–220.

Научная статья
УДК 316.48
doi: 10.17223/1998863X/75/17

ВСТРЕЧНОЕ ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ГРУПП В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ

Людмила Алексеевна Осьмук[1], Ирина Анатольевна Скалабан[2], Зоя Николаевна Сергеева[3]

[1, 2, 3] *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*
[1] *osmuk@corp.nstu.ru*
[2] *skalaban_i@mail.ru*
[3] *zoya-sergeeva@list.ru*

Аннотация. Современные городские конфликты открывают возможность противостояния экономических и гражданских лобби. Встречное лоббирование представляет собой новое для российского города явление, а выявление сфер отстаивания интересов и арсенала лоббистских действий становится перспективной задачей. В статье специфику встречного лоббизма позволили осмыслить кейс-анализ, геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации и документы Совета депутатов города.

Ключевые слова*:* город, городской конфликт, лоббизм, массовое лоббирование, оборонительные сообщества

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ и Правительство Новосибирской области, № 20-411-540003).

Для цитирования: Осьмук Л.А., Скалабан И.А., Сергеева З.Н. Встречное лоббирование интересов экономических и общественных групп в городских конфликтах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 207–220. doi: 10.17223/1998863X/75/17

Original article

COUNTER-LOBBYING OF INTERESTS OF ECONOMIC AND SOCIAL GROUPS IN URBAN CONFLICTS

Lyudmila A. Osmuk[1], Irina A. Skalaban[2], Zoya N. Sergeeva[3]

[1, 2, 3] *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*
[1] *osmuk@corp.nstu.ru*
[2] *skalaban_i@mail.ru*
[3] *zoya-sergeeva@list.ru*

Abstract. In this article, the city is considered as a set of spaces that are “appropriated” and actively advocated by citizens in case of violation of their interests. The conducted research is based on the notion that the institutionalization of public policy and changes in communication structures have allowed citizens to use lobbying to assert their “right to the city”. Lobbying is of particular importance when urban conflicts increase. The authors prove that during the conflict the opposing parties often use similar tools, including lobbying. In the article, this situation is defined as counter-lobbying as the competitive impact of various subjects of urban relations on decision-making by municipal and state authorities in the

© Л.А. Осьмук, И.А. Скалабан, З.Н. Сергеева, 2023

course of the struggle for control over the contested space or other significant urban resource. In this regard, the aim of the article is to reveal the logic, content and repertoire of actions of the counter-lobbying subjects of urban conflicts when an intersection of interests is caused by projects to change the urban environment. To reach the aim, sociological methods were used: case analysis (cases were collected from the Novosibirsk geoinformation database of conflicts in agglomeration and semi-structured interviews) and document analysis (documents of the City Council of Deputies). The analysis of the database confirms the hypothesis that in urban conflicts the main subjects of counter-lobbying are economic and civil lobbyists, whose confrontation is built around the planning and implementation of investment projects. The identification of the main conflict triggers shows that more than a third part of all city conflicts over the past decade are somehow related to construction issues. The analyses of cases demonstrate that the repertoire of lobbying actions by the subjects of the conflict varies from legitimate forms such as appeals to the authorities, influence on decision-making through the deputy corps, to shadow collaborations and street protests. The main public arenas of counter-lobbying are promotion of a position in the mass media space and interaction with municipal authorities. The authors conclude that the development of social and civic lobbying led to certain "shifts" in the nature of relations between subjects of urban relation. Participants in urban conflicts, as the situation develops and they gain experience in counter-lobbying, try new lobbying strategies for themselves, which makes them more flexible in building relationships.
Keywords: city, urban conflict, lobbying, mass lobbying, defensive communities

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Humanitarian Science Foundation and the Government of Novosibirsk Oblast, Project No. 20-411-540003.

For citation: Osmuk L.A., Skalaban I.A., Sergeeva Z.N. (2023) Counter-lobbying of interests of economic and social groups in urban conflicts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 207–220. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/17

Постановка проблемы

Лоббизм как политический институт по мере развития приобретает все более многовариантный характер, дифференцируясь по типам, формам, правовому статусу и субъектам. Это уже не та социальная практика, которая появилась в Соединенных Штатах в 1861–1865 гг. в вестибюле («лобби») гостиницы «Уиллард» (Willard) в Вашингтоне. Решение вопросов в «кулуарах» (от англ. lobby) с представителями органов власти как механизм продвижения интересов отдельных групп, организаций и сообществ сегодня широко используется не только в традиционных «узких» политических и административных кругах, но и в сфере публичной политики.

Крупный город – это, прежде всего, пространство общественных и властных отношений, где процессы лоббирования проявляют себя наиболее заметно. Они непосредственно влияют на жизнь и благополучие горожан. у которых есть общие интересы: развитие, стабильность, комфортная среда, экологическая безопасность и др. Город – совокупность пространств, которые символически и физически «присвоены» горожанами как пользователями или собственниками, поэтому большинство происходящих в городе изменений средового характера стоит на пересечении интересов жителей и их идентификации с пространством. Интересы легитимированы «правом на город» посредством присвоения и активного участия горожан в оспаривании локальных пространств [1]. Это право является коллективным, неотчуждаемым правом горожанина и укоренено в социальных практиках [2. С. 81]. Лоббизм, будучи инструментом влияния, также обладает потенциалом для реализации этого права.

Лоббизм позволяет отстоять свое право на значимый ресурс, однако сам этот механизм всегда воспринимался горожанами как нелегитимный, обслуживающий интересы исключительно городских элит. Тем не менее институциализация сферы публичной политики и изменения в структурах коммуникаций, сделавшие позицию горожанина публичной, содействовали постепенному приобретению новых качеств негативно воспринимаемым социально-политическим механизмом. Он становится востребованным не только за кулисами структур власти, но и в условиях общегородского или же локального городского конфликта.

Городской конфликт представляет собой столкновение интересов «пользователей города» по поводу городского пространства [3. С. 7]. В качестве арены публичной репрезентации городской конфликт сегодня избирает не только площадь и сети, но и залы, кабинеты муниципальных органов власти. В ходе конфликта часто возникают ситуации, когда в отношении одной проблемы противоборствующие стороны используют схожие инструменты, в том числе лоббизм. Мы определили такую ситуацию как встречное лоббирование – конкурентное воздействие различных субъектов городских отношений на принятие решений муниципальными и государственными органами власти в ходе борьбы за контроль над оспариваемым пространством или иным значимым городским ресурсом.

На городских аренах чаще всего сталкиваются две противостоящие друг другу группы. Это «экономические» лоббисты – коммерческие компании, крупные финансово-промышленные группы, корпорации, отраслевые союзы, девелоперы, инвестирующие в ту или иную территорию, и «гражданские», «социальные», лоббисты – организации гражданского общества, специализирующиеся на защите интересов граждан: правозащитные организации, объединения по защите экологии, объединения по защите прав ребенка и др. [4, 5], а также сообщества, организованные по признаку места (территории), интересов или принадлежности [6. С. 2–4][1]. Реже возникают ситуации, когда субъектами лоббизма становятся противоборствующие группы горожан, выступающие против бизнес-групп. Эти конфликты либо разворачиваются в теневой сфере, либо проявляют себя в открытом публичном пространстве города через поддержку иных конфликтантов.

Несмотря на многоаспектный и глубокий анализ лоббизма в российской политологической традиции (В.И. Быков, Л.Н. Галенская, С.П. Перегудов, Л.В. Сморгунов) [7, 8], в отечественной исследовательской среде последних десятилетий всегда присутствовал интерес к его «неэкономическим» видам. Исследователи обращались к проблематике социального (А.Б. Белоусов, К.А. Бекмурадов) [9, 10] и гражданского (А.П. Любимов, Ю.В. Хрумалова) [11, 12] лоббизма. Так, К.О. Магомедов и С.И. Крамченков отмечают, что лоббизм на муниципальном уровне часто «выступает полноценным инструментом самоорганизации гражданского общества, с помощью которого мобилизуется общественная поддержка или оппозиция какому-либо политическому решению» [13. С. 43]. В целом внимание исследователей сосредоточено на «формализован-

[1] Между гражданским и социальным лоббизмом современные исследователи не проводят жесткой границы. Гражданский лоббизм, скорее, ориентирован на защиту прав граждан, отдельных групп и продвижение их интересов, в то время как социальный лоббизм сфокусирован на защите прав социально депревированных и нуждающихся в поддержке групп.

ных» субъектах городских отношений, а лоббистский потенциал неформальных городских сообществ больше фиксируется, чем изучается.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть логику, содержание и репертуар действий встречного лоббирования субъектов городских конфликтов в ситуации пересечения интересов, вызванных проектами изменений городской среды.

Понятия экономического, социального и гражданского лоббизма

Экономический лоббизм чаще других становится предметом научного анализа, в том числе в контексте согласования интересов [14. С. 64]. Интересы бизнеса занимают более выгодное положение по сравнению с группами, представляющими диффузные интересы [15]. Традиционно экономический лоббизм интерпретируется как инструмент тесного взаимодействия (коалиций) властных и бизнес-структур в режиме закрытых сетей и манипулирования в конкуренции с активностью местных сообществ [3. С. 180]. Эти коалиции противопоставляются интересам горожан, так как сужают возможности участия граждан в принятии решений. Исследователи указывают также на устойчивость коалиции политических и бизнес-групп, представленных в городской ассамблее, ее способность к мобилизации совместных ресурсов в городских конфликтах, что само по себе достаточно перспективно для раскрытия источников и механизмов лоббистской активности на уровне местного самоуправления.

Если экономический лоббизм предполагает давление представителей экономических структур на власть с целью принятия ею решений, отвечающих интересам этих структур, то социальный лоббизм направлен на достижение признания, восстановления прав людей, нуждающихся в поддержке и помощи [10. С. 43]. Гражданский лоббизм предполагает активную публичную деятельность по защите прав и удовлетворению законных интересов граждан [12. С. 106] с намерением повлиять на законотворчество и решения, принимаемые органами власти[1].

Сферы деятельности, в которых может осуществляться лоббирование, весьма разнообразны: финансовая, правовая, социальная и др. Причем в каждой из этих сфер лоббирование может использоваться в двух вариантах: теневом (непубличном) и публичном. Теневой лоббизм – это «попытка влияния на власть для соблюдения узких интересов» [8]. Здесь могут применяться конспиративные методы воздействия, часто неправомерные. Такое лоббирование во многих случаях противоречит потребностям жителей. Публичный, цивилизованный лоббизм соблюдает законодательство и принципы гласности, для него характерны прозрачность воздействия на власть, нацеленность на развитие социальных институтов.

Методы исследования

Учитывая, что лоббизм разворачивается в конкретной ситуации, в качестве стратегического метода исследования перспективно использовать кейс-

[1] В литературе эти два термина разводятся слабо, часто заменяют друг друга. Поэтому выделив их особенности, мы тем не менее исходим из того, что их смысловые поля во многом пересекаются.

анализ. Выбранная стратегия определила эмпирическим объектом исследования ситуации конфликтов, вызванные изменениями городской среды города Новосибирска за последние десять лет. Эмпирической базой исследования стала геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (https://conflictsnsk.ru) (ГБД), разработанная и поддерживаемая авторами статьи. Наполнение данной базы осуществляется с помощью геокодирования случаев городских конфликтов, собираемых методом качественно-количественного контент-анализа с использованием информационной автоматизированной системы мониторинга Scan-Interfax [16]. К массиву данных были применены индикаторы – ключевые слова «конфликт», «протест», «митинг», «защита», «выступили с обращением» и др., по которым выявлено 1 568 публикаций и из них релевантно поставленной цели отобран 101 конфликт.

В качестве дополнительных методов использовались: 1) метод анализа документов – списки избранных в Совет депутатов города Новосибирска 4-, 5-, 6-го созывов, 2005–2020 гг. [17–21], опубликованные на официальном сайте Совета депутатов города Новосибирска, что позволило оценить лоббистский потенциал депутатского корпуса городского совета исследуемого периода; 2) метод полуструктурированного интервью лидеров актива и периферии участников городских конфликтов, а также экспертов, имеющих опыт работы с ситуациями конфликтов (40 интервью), открывший возможность выделить виды и механизмы лоббирования со стороны конфликтных групп.

Результаты исследования: выделение и описание приоритетных сфер и практик лоббирования в условиях городского конфликта на основании результатов исследования

Анализ ГБД подтвердил гипотезу о том, что в городских конфликтах основными субъектами встречного лоббирования выступают экономические и гражданские лоббисты, чье противостояние чаще всего строится вокруг планирования и реализации инвестиционных проектов. Абсолютными лидерами триггерных ситуаций, запускающих конфликты последних десяти лет, наряду с экологией и общественными ценностями стали проекты в сфере девелопмента, городского хозяйства и благоустройства города, а также сопровождающие эти проекты изменения статусов собственности и назначения земельных участков. Среди них наибольший удельный вес принадлежит коммерческим проектам жилой застройки. Примерно в равном соотношении друг к другу располагаются триггеры проектов сноса значимых для горожан объектов, проектов благоустройства парковых зон, строительства мусорных полигонов. Во многом это результат активного развития городской среды и роста темпов жилищного строительства. Если в 2009 г. объем ввода жилых домов в Новосибирске составлял 815,2 тыс. м^2, то с некоторыми колебаниями к 2020 г. он составил 1 323, 1 тыс. м^2 [22] и в 2021 г. продолжал расти [23]. Темпы жилищного строительства и разворачивающиеся на этом фоне конфликты сформировали значимый запрос на адекватную политико-организационную среду.

Выяснение возможности экономического лоббирования в городских политических структурах и выявление связи предмета лоббирования и источ-

ников конфликтогенности представляется эмпирически сложной задачей. Нет четких индикаторов связи лиц, принимающих решения, с конкретными финансово-экономическими группами. В связи с этим возникло предположение о возможности лоббирования депутатами тех экономических сфер, отраслей, в которых они заняты. Для этого были выделены сферы профессиональной принадлежности депутатов городского совета (табл. 1), сопоставленные далее со сферами городской конфликтности (табл. 2). Представленные в таблицах данные демонстрируют постепенное увеличение удельного веса вероятного «строительного лобби» в составе городского совета на протяжении 15 лет и высокий удельный вес конфликтов в сфере строительства в г. Новосибирске в течение последнего десятилетия. Показательно, что эту же связь зафиксировали и исследователи городских политических режимов В. Бедерсон и И. Шевцова, определив в Новосибирске наличие конфронтационного режима с высокой степенью политической конкуренции и нефрагментированным бизнесом [24].

Таблица 1. **Сферы профессиональной деятельности депутатов Городского совета г. Новосибирска 4-, 5-, 6-го созывов (2005–2020)**

Сфера активности вне депутатской деятельности	6-й созыв	5-й созыв	4-й созыв
Предпринимательство	9	7	9
Строительство	17	13	9
Управление недвижимостью	1	3	2
Образование	0	3	2
Здравоохранение	1	2	2
Культура / наука / спорт	5	1	2
Местное самоуправление	1	1	3
Общественные организации	3	5	2
Политика	9	6	7
Юриспруденция	–	0	0
СМИ	2	–	–
Военная служба	1	–	–

Таблица 2. **Сферы деятельности депутатов Городского совета г. Новосибирска 6-го созыва и частота городских конфликтов в соответствии со сферами жизнедеятельности города за последние пять лет**

Сфера активности вне депутатской деятельности	Количество депутатов	Сферы развертывания конфликта / конфликтные повестки	Количество конфликтов
Предпринимательство	9	Конфликты в сфере управления городом	10
Строительство	17	Строительство	32
Управление недвижимостью	1	Городское хозяйство / благоустройство	40
Социальная сфера: образование, здравоохранение	1	Социальная сфера: образование здравоохранение	2
Культура / наука / спорт	5	Культура и общественные ценности	38
Местное самоуправление	1	Соседство, среда проживания	12
Общественные организации	3	Экология	30
Политика	10	Экономика	1
СМИ	2	–	–
Военная служба	1	–	–
Итого	50	Итого	165

Для того чтобы сопоставить представленные данные со сферами конфликтности, была разработана двухуровневая типология, где ключевым ти-

пологическим признаком стала сфера развертывания конфликта (выделено 9) (см. табл. 2), а вспомогательным – направления деятельности, способные создавать в городе собственную конфликтную повестку (выделено 52).

Поскольку из исследуемого 101 кейса значительная часть конфликтов разворачивалась одновременно в зонах разных повесток и нескольких лоббистских позиций, то это обусловило превышение числа конфликтных повесток по отношению к общему числу кейсов. Например, в ходе строительства жилого дома (сфера: строительство; тип повестки: уплотнительная застройка) местные жители инициировали конфликт, выдвигая требования прекращения строительства и восстановления «зеленых зон» на территории (сфера: экология; тип повестки: вырубка группы деревьев).

Именно проекты уплотнительной жилой застройки в 32 случаях из 101 выступали триггерами городских конфликтов. Источники конфликтности: «захват» (условно легитимное материальное присвоение) инвестиционно-привлекательных мест в городе (9 случаев); существенное изменение в связи со строительством привычного для местных жителей облика места (13 случаев); активное лоббирование девелоперами перезонирования участков земли на месте парков и зеленых зон (11 случаев). Таким образом, более трети всех конфликтов города за последнее десятилетие так или иначе связаны со строительной тематикой.

Близкий к строительному тип конфликтов лежит в плоскости культуры и противодействия разрушению символически значимых объектов (16 конфликтов). Он разворачивается вокруг отстаивания права на сохранение объекта и получения юридического статуса «памятника архитектуры». Ввиду «медийности картинки» эти конфликты часто обладают высоким паблицитным капиталом: в центре внимания оказывается сопротивление людей, защищающих не столько само здание «под снос», сколько культурную ценность, которую оно представляет.

Анализ кейсов показал, что репертуар лоббистских действий субъектов конфликта варьирует от легитимных форм обращений в органы власти разного уровня, влияния на принятие решений через депутатский корпус до теневых коллабораций и уличного протеста. Однако основными публичными аренами встречного лоббирования почти во всех конфликтах стали две: взаимодействие с муниципальными, государственными структурами законодательной, исполнительной, судебной власти и продвижение позиции в медиапространстве, включая СМИ и социальные сети. Обе стороны конфликтов стремятся к установлению с органами власти устойчивых отношений: «*вот сейчас в Горсовете появилось несколько депутатов, небольшая группа ребят, которые начали действовать в одну сторону, но они как минимум могут влиять на аппетиты застройщиков, это уже как-то приятно*» (И1. Архитектор, вовлеченный в конфликт). Один из вариантов действий в конфликте девелопера, инвестора можно обозначить как «делегирование». Оно происходит, когда корпорации хотят избежать общественного внимания из-за возможности столкнуться с критикой со стороны общественности [25].

Открытая публичная поддержка позиции бизнес-структур органами власти встречается в кейсах только в пяти случаях. Однако в 47 случаях органы власти сами оказываются вовлеченными в конфликт в связи с тем, что значительная часть проектов, особенно инфраструктурных, требует государствен-

ного или муниципального участия или реализуется через государственно-частное партнерство, что в определенной степени легитимирует действия вовлеченных бизнес-структур. В 15 случаях органы муниципальной власти занимали позицию посредника (преимущественно общественные конфликты), а в 7 случаях публичная поддержка властью оказывалась общественным активистам в борьбе против застройщика. Примечательно, что обстоятельства, ее вызвавшие, связаны не столько с нарушением законности, сколько с активным общественным резонансом, вынудившим органы власти занять позицию горожан в отношении проблемы (массовая вырубка деревьев, активное сопротивление жителей «точечной» застройке, проект строительства объекта, угрожающий нарушить целостность образа центра города и др.). Вот как описывает позицию органов власти взаимодействующий с ними девелопер: «*Когда начинается общественный конфликт, это всегда проблема, прежде всего для властей, для губернатора, потому что в KPI губернаторов заложено отсутствие напряженности в регионе. Поэтому конфликт неприятен для застройщика, у него могут испортиться отношения с местными властями, если он портит показатели мэру и губернатору. Сами по себе негативные публикации или комментарии в соцсетях на бизнес, на продажи влияют мало, хотя эмоционально лично мне, конечно, неприятно про себя читать плохое*» (И3. Крупный девелопер).

Показателен в плане поддержки органами власти горожан кейс «Попытка сноса здания ДК „Металлист“ (2018 г.). Бывший первый каменный кинотеатр города, не имеющий на момент начала конфликта статуса «объект культурного наследия», и прилегающая к нему территория были проданы застройщику под проект строительства жилья. Однако перспектива потери значимого объекта стимулировала активность государственных структур (Областное управление по охране объектов культурного наследия) и общественных активистов-краеведов, инициировавших процесс оформления статуса. Понимая, что запущен снос здания, активисты использовали нелегитимные способы действий – публичное блокирование строительной техники, что в силу полученного через СМИ резонанса вынудило органы местной власти вмешаться в конфликт: «*...мы как бы тоже бы вызвали там полицию. Понятно, что пока полиция приехала и пресекла... Но он был первым, кто привлек внимание. Встал перед бульдозером, попытался встать*» (И4. Чиновник). После остановки сноса здания оба противоборствующих субъекта использовали почти зеркальные методы кабинетного лоббирования [5]: заказ экспертизы, жалобы в органы власти, обращения в прокуратуру, однако в условиях последующего дистанцирования органов власти от конфликта ресурсов для победы не хватило ни одной из сторон. Проблема до сих пор не решена, а кинотеатр стоит полуразрушенный и законсервированный.

Если в кабинетах чиновников публичные репрезентации действий субъектов встречного лоббирования выглядят примерно одинаково, то за их пределами диапазон теневых и публичных действий становится более разнообразным. Одно из направлений городского экономического лоббизма в сфере застройки – раннее предупреждение прогнозируемого сопротивления горожан в ситуациях старта и реализации проекта, что также требует использования инструментов влияния. Подчеркнем, что, учитывая степень важности, которую общественность придает определенному вопросу, корпорации пред-

почитают снижать заметность при лоббировании проблемы, чтобы шансы столкнуться с общественным вниманием в отношении их легитимности были сведены к минимуму [26].

В ситуации, когда конфликт уже манифестирован, диапазон действий девелоперов и инвесторов может варьировать от прямых переговоров с участниками или сформировавшимся оборонительным сообществом[1] в теневой непубличной зоне до противодействия их активности. Противодействие может осуществляться, например, через замещение на искусственно сконструированные «инициативные группы» или «общественные советы» совместно с органами власти, через контроль местных каналов коммуникации в социальных сетях и мессенджерах.

Вместе с тем запрос на ясные правила и прозрачные публичные пространства согласования интересов с жителями и органами власти сегодня транслирует и та группа девелоперов, которая ориентируется на социально ответственный бизнес: «*В Москве ты купил участок промышленного назначения, хочешь построить там жилье. Не вопрос, просто доплачиваешь за перезонирование, а мэрия эти деньги вкладывает в благоустройство территории вокруг, чтобы жители были довольны. Все абсолютно прозрачно, нет никаких непонятных схем, когда мэрия может разрешить, а может не разрешить, и непонятно, от чего это зависит*» (ИЗ. Крупный девелопер).

Результаты исследования: анализ опыта встречного лоббирования

В Международных стандартах по регулированию лоббизма отмечено: «…у всех групп и общественности в целом должно быть общепризнанное право участвовать в процессе принятия государственных решений на всех уровнях управления» [28. С. 10]. Таким образом, нормативная база для встречного лоббирования существует. С учетом того, что формат встречного лоббирования становится возможен только при наличии «гражданского лобби», принципиально рассмотреть именно этот вид лоббизма.

Городские общественные группы и сообщества – «гражданские» или «гражданское лобби» – чаще других участников становятся инициаторами городских конфликтов. Действуя преимущественно на открытых городских аренах, они более других участников заинтересованы в публичной артикуляции позиций, особенно с учетом гражданской мобилизации как ресурса общественного давления. Ресурсы социальных и гражданских лобби несопоставимы с ресурсами экономических лоббистов и редко предлагают что-то взамен, в то время как взаимное манипулирование бизнеса и власти всегда приносит конкретные выгоды. Но эти виды лоббирования не абсолютно антагонистичны. Поскольку политические и экономические элиты находятся под влиянием социальной среды, они могут участвовать и в социальном лоббировании [29], а в ситуации конфликта использовать общественный ресурс в своих интересах.

[1] Под оборонительным сообществом мы понимаем сформировавшееся сообщество для защиты места (территории), норм и ценностей от изменений, не соответствующих представлениям членов сообщества. Чаще всего они формируются вокруг защиты интересов, поддержания стабильности, безопасности территории или сообщества в попытке сохранить общую идентичность и образ жизни. [27. С. 10].

Как экономический, так и гражданский лоббизм в большинстве случаев предполагают «длинные» отношения с органами власти, здесь субъекты лоббирования в ходе реализации своих задач приобретают связи и компетентность. Другое дело – «короткое» лоббирование в случае угрозы изменений, не принимаемых сообществом. Как правило, оно предполагает гражданский «массовый» или «низовой» (grassroot) лоббизм, и его основной ресурс – обращение к широкой общественности с целью оказать влияние или давление на инвесторов и чиновников, чтобы отменить проект.

Логику и динамику действий гражданских лоббистов через призму публичной политики хорошо описала Н. Беляева: «…согласование воль в конкретных сообществах, причем охватывающее весь этот процесс, от осознания сообществом некоторой проблемы, ее артикуляции, формирования центров различных конкурирующих интересов и до выработки какого-то общего решения. А затем – отслеживание реализации этого решения – или его „торможения“, вплоть до блокирования, если не всем такое решение понравилось и центры противодействия оказались сильнее тех, кто решение принимал» [30]. В этом контексте процесс гражданского лоббирования есть продвижение согласованной позиции сообщества в отношении способов преодоления значимой проблемы.

Осуществление общественного давления в конфликте – функция той части сообщества, которая вовлечена в конфликт. Однако сообщество крайне редко вовлекается в конфликт в полном составе; кейсы показали, что ответственность за позицию и способы продвижения берут на себя уже действующие объединения или выделившиеся из сообществ инициативные группы. В случае успешной мобилизации сторонников они оформляются в оборонительные сообщества. В зависимости от характера складывающейся ситуации они используют широкий арсенал средств легитимного, а в случае остроты конфликта – нелегитимного характера. Обнаружилось, что открытый конфликт не начинается без предварительного использования манифестирующими его субъектами механизмов лоббирования (адвокатирования) своих интересов: обращения в прокуратуру, суд, к структурам исполнительных органов власти, депутатам разного уровня, экспертам. В ситуации, если оборонительное сообщество сохранило устойчивость после окончания конфликта, оно может не завершить свой жизненный цикл, а трансформироваться в структуру, адвокатирующую интересы своих членов в «праве на город».

Заключение

Современный город с его уровнем властных отношений и конгломератом интересов пользователей имеет определенную специфику в осуществлении лоббистской активности, которая уже не воспроизводится исключительно на уровне власти, но приводит к появлению относительно короткой социальной и политической дистанции между субъектами. Последняя персонифицирует конфликт, делает более прогнозируемыми перспективы использования сторонами спорных ресурсов. Сокращение дистанции позволяет участникам конфликта использовать примерно симметричный репертуар легитимных лоббистских практик влияния и давления, что поддерживает ситуацию встречного лоббирования. Запрос на нелегитимные формы конфликтования и взаимного давления усиливается в случае угрозы потери контроля над теку-

щей ситуацией субъектами конфликта, а также низкой эффективности институтов согласования интересов, амбивалентной позиции органов власти в отношении сторон.

Участники городских конфликтов по мере развития ситуации и приобретения опыта встречного лоббирования пробуют новые для себя лоббистские стратегии, что делает их более гибкими в выстраивании отношений. Однако в целом разница в стратегиях сохраняется: если экономическое лобби ориентировано на усиление связей с органами местной власти в публичной и непубличной сферах, то массовое социальное лобби больше рассчитывает на публичность, поддержку социальных медиа и горожан. Это продиктовано тем, что в ситуации конфликта экономические субъекты обладают большими ресурсами влияния на органы власти, в то время как защищающие себя сообщества – ресурсами давления. Исследование подтвердило наличие «сдвига» в характере и стратегиях лоббизма на фоне изменения структуры коммуникаций и взаимодействий в городской среде. Основным результатом этого «сдвига» стало появление встречного лоббирования.

Список источников

1. *Лефевр А.* Другие Парижи // Логос. 2008. № 3. С. 141–147.

2. *Харви Д.* Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.

3. *Медведев И.Р.* Разрешение городских конфликтов. М. : Инфотропик, 2018. 372 с.

4. *Васильева В.М.* К вопросу о сущности международного лоббизма // Власть. 2012. № 2. С. 174–176.

5. *Фельдман П.Я.* Социальный лоббизм: сущность явления и инструменты реализации URL: http://mir-politika.ru/102-socialnyy-lobbizm-suschnost-yavleniya-i-instrumenty-realizacii.html (дата обращения: 30.05.2021).

6. *Willmott P.* Social Networks, Informal Care and Public Policy. London : Policy Studies Institute, 1986. 102 p.

7. *Формирование* системы цивилизованного лоббизма в России: GR и проблемы эффективности взаимодействия общества и власти / под ред. В.И. Быкова, Л.Н. Галенской, Л.В. Сморгунова. СПб. : Россия-Нева, 2006. 208 с.

8. *Перегудов С.П., Уткина А.И., Костяев С.С.* Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС. М. : Ин-т Соединенных Штатов Америки и Канады РАН, 2009. 65 с.

9. *Белоусов А.Б.* Лоббизм как политическая коммуникация: основы теоретического моделирования : дис. … канд. полит. наук. Екатеринбург, 2004. 176 с.

10. *Бекмурадов К.А.* Лоббизм как эффективный инструмент достижения социального благополучия человека: понятие социального лоббизма, конституционные основы и нормативно-правовое регулирование, перспективы развития в российской федерации // Право и государство: теория и практика. 2018. № 6 (162). С. 34–45.

11. *Любимов А.П.* Гражданский лоббизм. Процедуры и технологии обращений граждан. М. : Мейн, 1998. 120 с.

12. *Хрумалова Ю. В.* Гражданский лоббизм в обращениях в органы государственной власти как форма участия в законотворческой деятельности // Право и политика. 2012. № 1. С. 104–108.

13. *Магомедов К.О., Крамченков С.И.* Лоббизм на уровне местного самоуправления: опыт социологического анализа // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 39–44.

14. *Кольба А.И.* Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. 2020. № 3. С. 56–73.

15. *Aizenberg E.* Conflict and salience as drivers of corporate lobbying? An elite survey experiment // Governance. 2023. Vol. 36, is. 2. P. 555–574.

16. S*can-Interfax*. URL: https://scan-interfax.ru/media-monitoring/ (дата обращения: 14.04.2021).

17. *Список* зарегистрированных кандидатов в депутаты Совета депутатов города Новосибирска пятого созыва // Новосибирская муниципальная избирательная комиссия. URL:

http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/ vibory_archive/ vybory- 2010/ vydvizhenie-i-registratsiya-kandidatov.php (дата обращения: 12.05.2019).

18. *Список* зарегистрированных кандидатов в депутаты Совета депутатов города Новосибирска шестого созыва // Сайт Новосибирская муниципальная избирательная комиссия. URL: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/vybory2015-sovet-deputatov/ (дата обращения: 12.05.2019).

19. *Об избрании* депутатов в состав постоянных комиссий Совета депутатов города Новосибирска // Совет депутатов г. Новосибирска. URL: https://gorsovetnsk.ru/sessions/archive/1464/29974/ (дата обращения: 20.05.2019).

20. *Об избрании* депутатов в состав постоянных комиссий Совета депутатов города Новосибирска // Совет депутатов г. Новосибирска. URL: //https://gorsovetnsk.ru/sessions/archive/1497/30930/ (дата обращения 20.05.2019).

21. *Регламент* Совета депутатов города Новосибирска // Совет депутатов г. Новосибирска. URL: https://gorsovetnsk.ru/about/reglament-soveta/ (дата обращения: 15.06.2019).

22. *Ввод* жилых объектов // Департамент архитектуры и строительства города Новосибирска. URL: http://dsa.novo-sibirsk.ru/ru/site/1932.html (дата обращения: 10.11.2021).

23. *Аналитический* обзор – Новосибирская область, август 2021 // Институт развития строительной отрасли. URL: https://erzrf.ru/images/repfle/18860874001REPFLE.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

24. *Бедерсон В., Шевцова И.* Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 285–300.

25. *Chalmers A.W.* Unity and conflict: Explaining financial industry lobbying success in European Union public consultations: Financial industry lobbying // Regulation & Governance. 2018. Vol. 14 (3). P. 391–408.

26. *Wlezien C.* On the salience of political issues: The problem with ‘most important problem // Electoral Studies. 2005. Vol. 24 (4). P. 555–579.

27. *Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С.* Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. 2022. Т. 31, № 4. С. 33–56.

28. *International* standards for lobbying regulation. Towards greater transparency, integrity and participation. 2015. 14 p. https://transparencia.pt/wp-content/uploads/2022/04/lobbyingtransparency.pdf

29. *Grose P.L., Sadhwani S., Yoshinaka A.* Social Lobbying // Journal of Politics. 2021. Vol. 84 (1). P. 367–382. doi: 10.1086/714923. H.R.2316

30. *Беляева Н.* Публичная политика идет на смену партийной. URL: https://iq.hse.ru/news/177669424.html (дата обращения: 30.11.2021).

References

1. Lefebvre, A. (2008) Drugie Parizhi [Other Parises]. *Logos*. 3. pp. 141–147.

2. Harvey, D. (2008) Pravo na gorod [The Right to the City]. *Logos*. 3. pp.80–94.

3. Medvedev, I.R. (2018) *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Resolving urban conflicts]. Moscow: Infotropik.

4. Vasilieva, V.M. (2012) K voprosu o sushhnosti mezhdunarodnogo lobbizma [On the essence of international lobbying]. *Vlast'*. 2. pp. 174–176.

5. Feldman, P.Ya. (n.d.) *Sotsial'nyy lobbizm: sushchnost' yavleniya i instrumenty realizatsii* [Social lobbying: The essence of the phenomenon and tools for implementation]. [Online] Available from: http://mir-politika.ru/102-socialnyy-lobbizm-suschnost-yavleniya-i-instrumenty-realizacii.html (Accessed: 30th May 2023).

6. Willmott, P. (1986) *Social Networks, Informal Care and Public Policy*. London: Policy Studies Institute.

7. Bykov, V.I., Galenskaya, L.N. & Smorgunov, L.V. (eds) (2006) *Formirovanie sistemy tsivilizovannogo lobbizma v Rossii: GR i problemy effektivnosti vzaimodeystviya obshchestva i vlasti* [Formation of a system of civilized lobbying in Russia: GR and problems of the effectiveness of interaction between society and government]. St. Petersburg: Rossiya-Neva.

8. Peregudov, S.P., Utkina, A.I. & Kostyaev, S.S. (2009) *Lobbizm rossiyskogo biznesa v SShA i ES* [Lobbying of Russian business in the USA and the EU]. Moscow: Institute of the United States of America and Canada RAS.

9. Belousov, A.B. (2004) *Lobbizm kak politicheskaya kommunikatsiya: osnovy teoreticheskogo modelirovaniya* [Lobbying as political communication: Fundamentals of theoretical modeling]. Political Sciences Cand. Diss. Ekaterinburg.

10. Bekmuradov, K.A. (2018) Lobbizm kak effektivnyy instrument dostizheniya sotsial'nogo blagopoluchiya cheloveka: ponyatie sotsial'nogo lobbizma, konstitutsionnye osnovy i normativno-pravovoe regulirovanie, perspektivy razvitiya v rossiyskoy federatsii [Lobbying as an effective tool for achieving human social well-being: The concept of social lobbying, constitutional foundations and legal regulation, development prospects in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 6(162). pp. 34–45.

11. Lyubimov, A.P. (1998) *Grazhdanskiy lobbizm. Protsedury i tekhnologii obrashcheniy grazhdan* [Civil lobbying. Procedures and technologies for citizens' appeals]. Moscow: Main.

12. Khrumalova, Yu.V. (2012) Grazhdanskiy lobbizm v obrashcheniyakh v organy gosudarstvennoy vlasti kak forma uchastiya v zakonotvorcheskoy deyatel'nosti [Civil lobbying in appeals to public authorities as a form of participation in legislative activity]. *Pravo i politika*. 1. pp. 104–108.

13. Magomedov, K.O. & Kramchenkov, S.I. (2012) Lobbizm na urovne mestnogo samoupravleniya: opyt sotsiologicheskogo analiza [Lobbying at the level of local government: experience of sociological analysis]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2. pp. 39–44.

14. Kolba, A.I. (2020) Issledovanie regional'nykh i gorodskikh politicheskikh konfliktov: osnovnye kontsepty i perspektivy razvitiya subdistsiplin [A study of regional and urban political conflicts: Basic concepts and prospects for the development of subdisciplines]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 56–73.

15. Aizenberg, E. (2023) Conflict and salience as drivers of corporate lobbying? An elite survey experiment. *Governance*. 36(2). pp. 555–574. DOI: 10.1111/gove.12682

16. *Scan-Interfax*. [Online] Available from: https://scan-interfax.ru/media-monitoring/ (Accessed: 14th April 2021).

17. The Novosibirsk Municipal Election Commission. (2010) *Spisok zaregistrirovannykh kandidatov v deputaty Soveta deputatov goroda Novosibirska pyatogo sozyva* [List of registered candidates for deputies of the Council of Deputies of the city of Novosibirsk of the fifth convocation]. [Online] Available from: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/vybory-2010/vydvizhenie-i-registratsiya-kandidatov.php (Accessed: 12th May 2019).

18. The Novosibirsk Municipal Election Commission. (2015) *Spisok zaregistrirovannykh kandidatov v deputaty Soveta deputatov goroda Novosibirska shestogo sozyva* [List of registered candidates for deputies of the Council of Deputies of the city of Novosibirsk of the sixth convocation]. [Online] Available from: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/vybory2015-sovet-deputatov/ (Accessed: 12th May 2019).

19. The Council of Deputies of Novosibirsk. (n.d.) *Ob izbranii deputatov v sostav postoyannykh komissiy Soveta deputatov goroda Novosibirska* [On the election of deputies to the permanent commissions of the Council of Deputies of Novosibirsk]. [Online] Available from: https://gorsovetnsk.ru/sessions/archive/1464/29974/ (Accessed: 20th May 2019).

20. The Council of Deputies of Novosibirsk. (n.d.) *Ob izbranii deputatov v sostav postoyannykh komissiy Soveta deputatov goroda Novosibirska* [On the election of deputies to the permanent commissions of the Council of Deputies of Novosibirsk]. [Online] Available from: https://gorsovetnsk.ru/sessions/archive/1464/29974/ (Accessed: 20th May 2019).

21. The Council of Deputies of Novosibirsk. (n.d.) *Reglament Soveta deputatov goroda Novosibirska* [Regulations of the Council of Deputies of Novosibirsk]. [Online] Available from: https://gorsovetnsk.ru/about/reglament-soveta/ (Accessed: 15th June 2019).

22. The Novosibirsk Department of Architecture and Construction. (n.d.) *Vvod zhilykh ob"ektov* [Commissioning of residential facilities]. [Online] Available from: http://dsa.novo-sibirsk.ru/ru/site/1932.html (Accessed: 10th November 2021).

23. Institute for Development of the Construction Industry. (2021) *Analiticheskiy obzor – Novosibirskaya oblast' avgust 2021* [An analytical review – Novosibirsk region, August 2021]. [Online] Available from: https://erzrf.ru/images/repfle/18860874001REPFLE.pdf (Accessed: 10th November 2021).

24. Bederson, V. & Shevtsova, I. (2021) Zastroyshchiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentsii v ros-siyskikh millionnikakh: tipologiya gorodskikh rezhimov v 2010-e gg. [Developers, the party in power and a little competition in Russian million-plus cities: A typology of urban regimes in the 2010s]. *The Journal of Social Policy Studies*.19(2). pp. 285–300.

25. Chalmers, A.W. (2018) Unity and conflict: Explaining financial industry lobbying success in European Union public consultations: Financial industry lobbying. *Regulation & Governance*. 14(3). pp. 391–408.

26. Wlezien, C. (2005) On the salience of political issues: The problem with 'most important problem. *Electoral Studies*. 24(4). pp. 555–579. DOI: 10.1016/j.electstud.2005.01.009

27. Skalaban, I.A., Sergeeva, Z.N. & Lobanov, Yu.S. (2022) Zashchishchayushchiesya. Oboronitel'nye funktsii soobshchestv v gorodskikh konfliktakh (na materialakh g. Novosibirska) [Defenders. Defensive functions of communities in urban conflicts (based on materials from Novosibirsk)]. *Mir Rossii*. 31(4). pp. 33–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56

28. Lobbyingtransparency.net. (2015) *International standards for lobbying regulation. Towards greater transparency, integrity and participation*. https://transparencia.pt/wp-content/uploads/2022/04/lobbyingtransparency.pdf

29. Grose, P.L., Sadhwani, S. & Yoshinaka, A. (2021) Social Lobbying. *Journal of Politics*. 84. pp. 367–382. DOI: 10.1086/714923. H.R.2316

30. Belyaeva, N. (n.d.) *Publichnaya politika idet na smenu partiynoy* [Public policy is replacing party politics]. [Online] Available from: https://iq.hse.ru/news/177669424.html (Accessed: 30th November 2021).

Сведения об авторе:

Осьмук Л.А. – доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: osmuk@corp.nstu.ru

Скалабан И.А. – доктор социологических наук, доцент, руководитель лаборатории городских исследований Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: skalaban_i@mail.ru

Сергеева З.Н. – кандидат социологических наук, доцент, начальник управления информационной политики Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: zoya-sergeeva@list.ru

Information about the authors:

Osmuk L.A. – Dr. Sci. (Sociology), professor, director of the Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: osmuk@corp.nstu.ru

Skalaban I.A. – Dr. Sci. (Sociology), docent, head of the Laboratory of Urban Research, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skalaban_i@mail.ru

Sergeeva Z.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, head of the Information Policy Department, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zoya-sergeeva@list.ru

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 221–229.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 221–229.

Научная статья
УДК. 316.4.
doi: 10.17223/1998863X/75/18

ДОХОДНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В БУРЯТИИ

Елена Викторовна Петрова[1], Ирина Доржиевна Ван[2]

[1, 2] *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Россия*
[1] *elenapet_05@mail.ru*
[2] *irdon@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрена одномерная социальная стратификация в Бурятии, выявлены доходные группы, охарактеризованы их адаптационные стратегии и финансовые практики, построена региональная графическая модель доходного распределения. Сделан вывод о влиянии показателей социально-экономического развития республики на социальное расслоение и необходимость поиска наиболее эффективных механизмов для улучшения социального благополучия населения региона, уменьшения его дифференциации и бедности, расширения среднего класса.
Ключевые слова: Республика Бурятия, социальная стратификация, доходные группы, адаптационные стратегии, модель доходного распределения

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

Для цитирования: Петрова Е.В., Ван И.Д. Доходная стратификация в Бурятии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 221–229. doi: 10.17223/1998863X/75/18

Original article

INCOME STRATIFICATION IN BURYATIA

Elena V. Petrova[1], Irina D. Van[2]

[1, 2] *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation,*
[1] *elenapet_05@mail.ru*
[2] *irdon@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the income stratification of the population of Buryatia. The results of a sociological study conducted in 2020 and 2021 are taken as a basis. A relative (objective) approach was applied using a median calculated from the empirical data obtained. In the presented graphical income distribution model, seven income groups are identified (“poor”, “needy”, “vulnerable”, “median”, “middle-income”, “provided”, “wealthy”), arranged into low-income (23.1%), middle-income (59.7%) and high-income (17.2%) groups. The indicators of the socio-economic development of the republic, which affect the social stratification in the region and the formation of a certain type of income distribution model, as well as create conditions for the reproduction of poverty, are considered. The study shows that the main characteristics and adaptation strategies of low-income and middle-income groups have much in common, including ineffective adaptation strategies, while they differ significantly among low-income and high-income groups. Representatives of low-income groups, as a rule, have a low level of education, a high dependency burden, high-interest debts and loans, and they more often live in rural areas. Middle-income groups are well educated, but they are indebted, they have multiple

© Е.В. Петрова, И.Д. Ван, 2023

employment with low income, a lower dependency burden, and they more often live in urban areas. Representatives of high-income groups, mostly with higher education, have highly paid jobs, low dependency burden, their own way of life, power resources, and use highly effective adaptation strategies. “he most massive is the “median group” (40.9%), which occupies a middle position, although it does not correspond to the classical parameters of the middle class. The study concludes that it is necessary to find the most effective mechanisms for improving the social well-being of the region’s population, reducing its differentiation and poverty, and expanding the middle class.
Keywords: Republic of Buryatia, social stratification, income groups, adaptation strategies, income distribution model

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment, Project No. 121031000243-5: Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries).

For citation: Petrova, E.V. & Van, I.D. (2023) Income stratification in Buryatia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 221–229. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/18

Постановка проблемы

Социальная структура и социальная стратификация являются одними из ключевых тем изучения в российской социологии. Но в основном преобладают эмпирические исследования общероссийского уровня, в то время как региональные представлены не слишком широко. Хотя существующая территориально-поселенческая неоднородность страны и разный уровень качества жизни в регионах, серьезно дифференцирующие возможности жителей разных населенных пунктов для конвертации своих активов в ресурсы или капиталы, делают необходимым изучение региональных моделей социальной стратификации с выявлением доходных и социальных групп, анализом их характеристик для принятия управленческих решений по уменьшению социального расслоения, преодолению бедности, а также корректировки социальной и экономической политики в регионах.

При сохранении общероссийских тенденций в Бурятии существуют определенные особенности формирования социальной стратификации, обусловленные уровнем социально-экономического развития региона, географической удаленностью от «центра», межрегиональным неравенством страны, а также социальной структурой населения. Дифференциация жителей по уровню доходов, образованию, занятости, социально-демографическим параметрам в конечном итоге влияет на формирование и специфику социальной структуры республики, а также конфигурацию региональных моделей социального расслоения.

Эмпирическая база исследования

В 2020–2021 гг. социологи отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) провели в Бурятии инициативное социологическое исследование по изучению проблем социальной стратификации и социального неравенства. Разработана репрезентативная многоступенчатая выборка, на последней ступени отбора – квотная (пол, возраст, образование, этническая принадлежность). За основу взяты итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Объектом исследования выступал респондент, а не домохозяйство. Метод

сбора информации – индивидуальное анкетирование. Генеральная совокупность (N) составила 743 724 человек (население в возрасте 18 лет и старше). Были опрошены (n) 646 человек (356 человек – в г. Улан-Удэ и 290 человек в шести сельских муниципальных районах республики – Еравнинском, Прибайкальском, Иволгинском, Тарбагатайском, Кяхтинском и Хоринском): 52,63% женщин и 47,37% мужчин; 37,31% респондентов со средним общим образованием, 35,6% – со средним профессиональным и 27,09% – с высшим; 66% русских, 30% бурят и 4% представителей других национальностей; 31,89% респондентов в возрасте 18–29 лет; 18,89% в возрасте 30–39 лет; 16,72% – 40–49 лет; 17,34% – 50–59 лет; 15,16% – 60 и старше.

Методология исследования

В российской науке к началу XXI в. сформировалось многообразие подходов к исследованию современного российского общества, его социальной структуры и социальной стратификации. Разные исследователи, школы и учреждения используют те парадигмы, которые, по их мнению, наиболее подходят как для теоретического, так и для эмпирического анализа, руководствуясь при этом целями и задачами конкретных исследований. Чаще всего предпочтение отдается стратификационному анализу, а не классовому, наряду с одномерными моделями социальной стратификации исследуются многомерные, а также предлагаются интегральные подходы, сочетающие в себе множество теорий и методологий и, соответственно, позволяющие более объективно и достаточно широко взглянуть на социальную структуру российского общества, в том числе на основе иерархии социальных слоев, доходных групп и показателей их неравенства [1–9].

Социальную стратификацию обычно рассматривают как упорядоченную и иерархически структурированную систему расположения различных социальных страт в социальном пространстве, основанную на неравенстве шансов, возможностей и степени доступности благ для разных социальных страт. Она имеет свойство воспроизводиться в том же виде, однако современные общества расширяют возможности для вертикальной восходящей мобильности не только внутри социальных страт, но и между ними, создавая систему социальных лифтов. Поэтому социальная стратификация конкретного общества нестатична, постоянно видоизменяется в зависимости от эпохи или периода и характеризует динамику социальных групп с присущими им статусными позициями, а также механизм распределения этих групп по категориям – низкостатусные, среднестатусные или высокостатусные [10; 11. С. 8–10].

В статье проанализировано доходное распределение населения Бурятии на базе относительного подхода с применением медианы, рассчитанной на основе результатов социологического исследования. Доходное распределение является вариантом вертикальной одномерной модели социальной стратификации общества. Методология исследования доходной стратификации связана с двумя подходами – абсолютным и относительным (объективным). Модель доходной стратификации по абсолютному подходу строится на статистических данных, по относительному – на материалах социологических исследований. При этом более достоверной и репрезентативной считается относительная (объективная) модель доходной стратификации, при которой границы задаваемых доходных групп связываются с медианами [8. С. 37–43].

Единицей наблюдения в нашем исследовании являлся индивид, и для расчетов были использованы показатели среднедушевого ежемесячного дохода, т.е. брался вопрос из анкеты о размере дохода семьи, затем рассчитывалась медиана (13 500 рублей) и выделялись доходные группы, опираясь на наиболее распространенную среди российских социологов методику отнесения к определенным доходным группам по числу (количеству) медиан, содержащихся в доходе, которая считается достаточно объективной: «нищие» – респонденты с доходами менее 0,25 медианы, «нуждающиеся» – 0,25–0,5 медианы, «уязвимые» – 0,5–0,75 медианы, «медианная группа» – 0,75–1,25 медианы, «среднедоходные» –1,25–2 медианы, «обеспеченные» – 2–4 медианы, «состоятельные» – более 4 медиан [4. С. 14–26; 12].

Результаты исследования

Формирование региональных моделей доходной стратификации во многом зависит от показателей социально-экономического развития республики, оказывающего влияние на социальное расслоение в регионе.

Если рассмотреть рейтинг субъектов РФ по основным параметрам экономического развития и качества жизни за последние годы, то можно увидеть, что Бурятия стабильно занимает места в конце списка (2016, 2017, 2019 гг. – 76; 2018 г. – 77; 2022 г. – 74) [13, 14]. Анализ демографических изменений, которые произошли в республике за последние 30 лет реформ, показал, что уменьшилась численность населения (1990 г. – 1,053; 2022 г. – 982,6 тыс. человек), выросла миграционная убыль (с 828 человек в 1990 г. до 4 577 человек в 2018 г.), снизился коэффициент естественного прироста (с 9,1 в 1990 г. до 0,9 в 2020 г.), произошло старение населения (рост населения в возрасте старше трудоспособного с 13% в 1990 г. до 20% в 2020 г., соответственно уменьшение доли населения в возрасте моложе трудоспособного с 37,1% до 24,5%). В совокупности с низкими среднедушевыми доходами (2021 г. – 60-е место среди регионов РФ), ростом уровня безработицы (с 5,8% в 1990 г. до 10,5 в 2020 г.) [15], конкуренцией за рабочие места и отсутствием высокооплачиваемых вакансий в республике создаются условия для воспроизводства низкодоходных групп.

На рис. 1 представлена региональная модель доходной стратификации, построенная на основе полученных результатов, которая коррелирует с графическими моделями общероссийских исследований [4. С. 65]. Как видим, выделено семь доходных групп, из которых суммарно 82,8% респондентов получают среднедушевой доход менее 27 000 рублей (кроме «*состоятельных*» и «*обеспеченных*»). Объективная бедность составляет 23,1% («*нищие*» + «*нуждающиеся*» + «*уязвимые*»), и это практически четверть респондентов, большинство из которых проживают в сельской местности.

Графическая модель доходного распределения в республике показывает полярные низкодоходные–среднедоходные–высокодоходные группы, которые различаются не только по их базовым характеристикам (доход, образование, занятость, возраст, профессия, материальное положение, число человек в семье, место проживания), но также по применяемым адаптационным стратегиям и практикам финансового поведения, что позволяет составить некий портрет представителей каждой из групп, обозначить общие черты и различия между доходными группами.

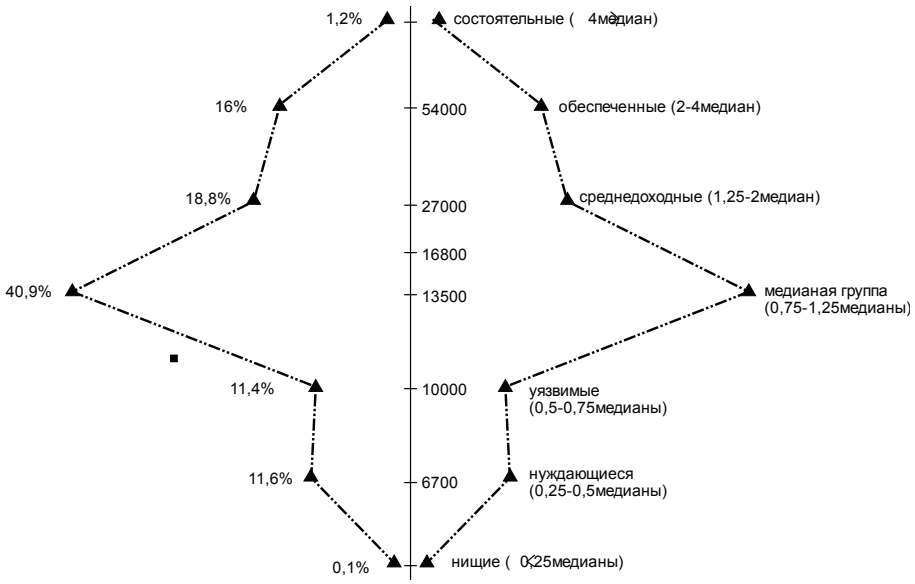


Рис. 1. Модель доходной стратификации в Бурятии

Рассмотрим характеристики доходных групп более подробно. Прежде всего хотелось бы отметить, что «медианная группа» составила 40,9% и является наиболее типичной для республики группой с минимально приемлемым стандартом жизни, однако на самом деле больше похожа на низкодоходную (малообеспеченную) группу, разнообразную по составу (уровень образования, квалификация, возраст), самую закредитованную, но со стабильным положением на работе. «Медианная» группа наиболее многочисленна, расположена в середине представленной шкалы, т.е. является срединной, однако не соответствует параметрам среднего класса.

Средним классом в масштабах Бурятии являются, скорее, представители «*среднедоходной*» группы (18,8%), в то время как средним классом по меркам РФ и в классическом его понимании можно назвать группу «*обеспеченных*» (16%). Хотя представители и той и другой групп зачастую попадают в эти страты в связи с тем, что работают на двух или более работах (что нехарактерно для среднего класса).

К основным характеристикам современного российского среднего класса, несмотря на его неоднородность, социологи относят такие, как сформировавшийся стиль жизни, достижительность, стремление к успеху, властный ресурс, важность занятости и профессионализма, материальная обеспеченность, позволяющая сохранить достойный уровень жизни др. [16].

Кроме того, еще Аристотель указывал на способность среднего класса обеспечить устойчивость и безопасность государства: «*Только там, где в составе населения средние имеют перевес либо над обеими крайностями* (бедные и богатые. – *Е.П., И.В.*)*, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость… Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный*

строй. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому, как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности» [17. С. 376, 644].

Поэтому вполне обоснованно стремление исследователей к поиску среднего класса в социальной структуре современного российского общества с использованием различных методов и подходов и, соответственно, получением разных результатов о его численности [1, 16, 18–19].

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что уровень образования влияет на принадлежность к определенной доходной группе, и чем он выше, тем чаще респонденты находятся в группе с более высокими доходами. Среди бедных («*уязвимые*» + «*нуждающиеся*») меньше всего респондентов с высшим образованием (35,32%), среди богатых («*обеспеченные*» + «*состоятельные*») – больше всего (94,12%). Высокий уровень образования респондентов обеспечивает им достаточные знания в области финансовой грамотности, которые позволяют реже иметь кредиты с высокими процентами, в отличие от менее образованных, берущих кредиты на текущие нужды с высокими ставками. Среди богатых мало или совсем нет кредитной нагрузки на респондентов и их семьи. Долги имеют лишь 16,66% «*состоятельных*» и 42,16% «*обеспеченных*», в то время как среди «*нуждающихся*» долги у 68,12%, среди «*уязвимых*» – у 51,39%.

В ходе исследования было установлено, что территориальная принадлежность респондентов также связана с доходным распределением. Наблюдается такая динамика: чем выше становится доходная группа, тем чаще респонденты, ее представляющие, проживают в городской местности, и наоборот. Так, если среди «*нуждающихся*» 40,58% горожан, среди «*уязвимых*» – 51,39%, «среднедоходных» – 63,33%, то среди «*состоятельных*» все опрошенные – городские жители.

В более высоких по доходу группах чаще встречаются представители руководящего состава (33,3%) и предприниматели (50%), в бедных группах таких вообще нет, что вполне очевидно. Собственное жилье (дом, квартира) имеется у всех богатых, причем не только в единственном числе, в то время как у бедных оно есть не всегда. Высокодоходные группы пользуются вторым и третьим жильем в качестве дополнительного источника дохода.

Анализ адаптационных стратегий выявленных доходных групп показал серьезные различия между высокодоходными («*обеспеченные*», «*состоятельные*») и низкодоходными («*нищие*», «*нуждающиеся*», «*уязвимые*») группами. Более высокий доход обеспечивает множественные и вариативные адаптационные стратегии, в то время как у бедных их мало или они совсем не применяются. В высокодоходных группах для улучшения своего материального положения используют такие адаптационные стратегии, как переквалификация, дополнительное образование, а также получение дохода от банковских вкладов, сбережений, сдачи внаем недвижимого имущества.

Стратегии низкодоходных («*нищие*», «*нуждающиеся*», «*уязвимые*») и среднедоходных («*медианная*», «*среднедоходные*») групп имеют много общего – используются практически похожие малоэффективные адаптационные стратегии (сезонный калым, выращивание овощей, сбор ягод, грибов, орехов и т.д.). Для низкодоходных групп также характерна высокая иждивен-

ческая нагрузка (до 11 человек), для средне- и высокодоходных она ниже (до 3–5 человек).

Возрастной состав доходных групп не выявил особых различий. Пенсионеры в большей степени сконцентрированы в медианной (21,37%) и среднедоходной (19,17%) группах, молодежь в равной степени представлена во всех группах. Этнический фактор не оказал выраженного влияния, представители основных этнических групп (русские, которых в республике 64%, буряты (32%) и другие национальности (4%)) пропорционально представлены в разных доходных группах.

Выводы

Таким образом, результаты нашего исследования позволили выявить доходные группы, система иерархии которых представляет собой одну из характеристик региональной социальной стратификации, поскольку доход остается самым важным, хотя и не единственным, ее критерием. Однако доходное неравенство воспринимается населением как наиболее несправедливое и самое болезненное.

Если сравнить графические модели доходной стратификации российского общества периода начала реформ и современности, то можно увидеть их существенные изменения – треугольник с широким основанием [1, 2. С. 7] (где располагалось большинство населения страны, представлявшего собой низкодоходные группы) трансформировался в ромб с большим медианным слоем (правда, не всегда являющимся средним классом, как хотелось бы). Причем такие преобразования характерны и для Бурятии, что свидетельствует об улучшении уровня жизни населения и ее качества по сравнению с 90-ми гг. XX в.

Однако в настоящее время в республике наряду с общероссийскими тенденциями существуют и специфические, связанные, прежде всего, с невысокими показателями социально-экономического развития региона, которые обеспечивают воспроизводство доходного неравенства, ограниченное число представителей высокодоходных групп, сохранение бедности, безработицу, актуальность миграционных стратегий на выезд из республики, распространение вахтового метода работы среди молодых мужчин трудоспособного возраста. Поэтому одной из государственных задач по уменьшению социального расслоения в регионе являются поиск и реализация эффективных механизмов уменьшения бедности, создания рабочих мест, повышения уровня жизни населения, расширения возможностей для вертикальной восходящей мобильности.

Исследование также высветило проблему медианного слоя. С одной стороны, то, что он широко представлен, – это, конечно, позитивное динамическое изменение со времени начала социально-экономических реформ в российском обществе (90-е гг. XX в.), однако невысокий уровень благосостояния медианного слоя, составляющего большинство в региональной модели социальной стратификации, позволяет надеяться на продолжение государственной работы по стратегическому и инфраструктурному развитию отдаленных от центра регионов Сибири и Дальнего Востока для преодоления межрегионального неравенства и повышения благосостояния населения этих регионов. Кроме того, в перспективе хотелось бы видеть преобразование «медианной группы» в средний класс в его классическом понимании со всеми атрибутами

и характеристиками, среди которых главным выступает доход. Он в настоящее время пока что не дает возможности говорить о достаточном материальном уровне жизни большинства населения региона.

Список источников

1. *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М. : Academia, 2001. 183 с.

2. *Заславская Т.И.* Стратификация современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 7–15.

3. *Ильин В.И.* Социальная стратификация. Сыктывкар : СГУ, 1991. 222 с.

4. *Модель* доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина. С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк ; под ред. Н.Е. Тихоновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.

5. *Социальная* стратификация российского общества. М. : Ин-т социологии РАН : Летний сад, 2003. 368 с.

6. *Социальное* расслоение и социальная мобильность / под ред. З.Т. Голенковой. М. : Наука, 1999. 192 с.

7. *Социально*-стратификационные процессы в Республике Тыва / отв. ред. З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова, П.Е Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с.

8. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М. : Ин-т социологии РАН. 2007. 320 с.

9. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

10. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М. : Аспект-экспресс, 1996. 237 с.

11. *Сорокин П.А.* Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой ; под общ. ред. В.В. Сапова. М. : Academia, 2005. 588 с.

12. *Хахулина Л.А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 18–22.

13. *Названы* лучшие по качеству жизни регионы России. URL: https://ria.ru/20200217/1564852684.html (дата обращения: 15.01.2023).

14. Названы регионы России с самым высоким качеством жизни. URL: https://ria.ru/20210215/zhizn-1597464812.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1613349793000 (дата обращения: 15.01.2023).

15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf. (дата обращения: 10.01.2023).

16. *Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория и реальность. М. : Альфа-М, 2009. 320.

17. *Аристотель.* Сочинения. М. : Мысль. 1983. Т. 4: Политика. 828 с.

18. *Средний* класс в современной России: 10 лет спустя : аналитический доклад. М. : Ин-т социологии РАН, 2014. 222 с.

19. *Средние* классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. Малевой. М. : Гендальф, 2003. 506 с.

References

1. Belyaeva, L.A. (2001) *Sotsial'naya stratifikatsiya i sredniy klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitiya* [Social stratification and the middle class in Russia: 10 years of post-Soviet development]. Moscow: Academia.

2. Zaslavskaya, T.I. (1996) Stratifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Stratification of modern Russian society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 7–15.

3. Ilin, V.I. (1991) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Syktyvkar: [s.n.].

4. Tikhonova, N.E., Lezhnina, Yu.P., Mareeva, S.V., Anikin, V.A., Karavay, A.V. & Slobodenyuk, E.D. (2018) *Model' dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya* [Model of income stratification of Russian society: Dynamics, factors, cross-country comparisons]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

5. Institute of Sociology RAS. (2003) *Sotsial'naya stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva* [Social stratification of Russian society]. Moscow: Institute of Sociology RAS, Letniy sad.

6. Golenkova, Z.T. (1999) *Sotsial'noe rassloenie i sotsial'naya mobil'nost'* [Social stratification and social mobility]. Moscow: Nauka.

7. Golenkova, Z.T., Goliusova, Yu.V. & Sushko, P.E. (eds) (2020) *Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva* [Social stratification processes in the Republic of Tyva]. Moscow; Kyzyl: RAS.

8. Tikhonova, N.E. (2007) *Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia: An attempted empirical analysis]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

9. Tikhonova, N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: theories and reality]. Moscow: Novyy khronograf, Institute of Sociology RAS.

10. Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Aspekt-ekspress.

11. Sorokin, P.A. (2005) *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Translated from English by M.V. Sokolova. Moscow: Academia, LVS.

12. Khakhulina, L.A. & Tuchek, M. (1995) Raspredelenie dokhodov: bednye i bogatye v postsotsialisticheskikh obshchestvakh (nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo analiza) [Distribution of income: poor and rich in post-socialist societies (some results of the comparative analysis)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 1. pp. 18–22.

13. RIA. (2020) *Nazvany luchshie po kachestvu zhizni regiony Rossii* [The Russian regions with the highest quality of life have been named]. [Online] Available from: https://ria.ru/20200217/1564852684.html (Accessed: 15th January 2023).

14. RIA. (2021) *Nazvany regiony Rossii s samym vysokim kachestvom zhizni* [The Russian regions with the highest quality of life have been named]. [Online] Available from: https://ria.ru/20210215/zhizn-1597464812.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1613349793000 (Accessed: 15th January 2023).

15. The State Committee of Statistics of the Russian Federation. (2022) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. [Online] Available from: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf. (Accessed: 10th January 2023).

16. Tikhonova, N.E. & Mareeva, S.V. (2009) *Sredniy klass: teoriya i real'nost'* [Middle class: Theory and reality]. Moscow: Al'fa-M.

17. Aristotle. (1983) Sochineniya [Works]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.

18. The Institute of Sociology RAS. (2014) *Sredniy klass v sovremennoy Rossii: 10 let spustya. Analiticheskiy doklad* [The middle class in modern Russia: 10 years later. An analytical report]. Moscow: IS RAS.

19. Maleva, T. (2003) *Srednie klassy v Rossii: ekonomicheskie i sotsial'nye strategii* [Middle classes in Russia: Economic and social strategies]. Moscow: Gendal'f.

Сведения об авторе:

Петрова Е.В. – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Ван И.Д. – младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: irdon@yandex.ru

Information about the authors:

Petrova E.V. – Dr. Sci. (Sociology), docent, leading research fellow at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Wang I.D. – junior research fellow at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irdon@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 09.07.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 09.07.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 230–239.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 230–239.

Научная статья
УДК: 355.01
doi: 10.17223/1998863X/75/19

ВИНТОВКИ МАУЗЕРА, ПУЛЕМЕТЫ МАКСИМА, ПУШКИ КРУППА, КОММУНИКАТИВНАЯ СВЯЗНОСТЬ И КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА МАКСА ВЕБЕРА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Азат Борисович Рахманов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, azrakhmanov@mail.ru

Аннотация. Сочетание передовых вооружений и средств коммуникации, достигнутое в ведущих странах мира в начале XX в., породило феномен совершенного насилия. Для такого насилия характерны сокрушительность, вездесущность, быстрота, и ему невозможно противостоять. Субъектом совершенного насилия стало государство, и это впервые в истории сделало его монополистом насилия. Концепция легитимного господства Макса Вебера отразила возникновение совершенного насилия, хотя ее автор это в полной мере вряд ли осознавал. Рассмотрение роли совершенного насилия и войн создаст необходимые предпосылки для снятия ограниченности, характерной для концепций К. Маркса и М. Вебера.

Ключевые слова: Макс Вебер, концепция легитимного господства, зрелое оружие, коммуникативная связность, совершенное насилие, война, восстание

Для цитирования: Рахманов А.Б. Винтовки Маузера, пулеметы Максима, пушки Круппа, коммуникативная связность и концепция легитимного господства Макса Вебера. Часть вторая // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 230–239. doi: 10.17223/1998863X/75/19

Original article

MAUSER RIFLES, MAXIM MACHINE GUNS, KRUPP CANNONS, COMMUNICATION CONNECTIVITY AND MAX WEBER'S THEORY OF LEGITIMATE DOMINATION. PART TWO

Azat B. Rakhmanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, azrakhmanov@mail.ru

Abstract. The combination of advanced weapons and means of communication has given rise to the phenomenon of perfect violence, characterized by destruction, omnipresence and swiftness. The state became the subject of perfect violence, and this made it, for the first time in history, a monopoly of violence. There is nothing the state can resist once the perfect violence within a given society has emerged. The state equipped with perfect violence can be confronted only by an outside force, i.e., other states at a similar level of development and with a comparable military power. Much importance was given to the awareness of the significance of committed violence, which was made possible by the wars of this era, namely, the Anglo-Sudan War of 1884–1898, the Second Anglo-Boer War of 1899–1902, the Russo-Japanese War of 1904–1905, World War I, and other military conflicts. The study of the phenomenon of perfect violence shows the strength and weakness of Max Weber's theory of legitimate domination. This theory reflected the emergence of perfect violence, although its author was hardly fully aware of this. The monopoly on legitimate physical

© А.Б. Рахманов, 2023

violence is typical only for the state, which emerged on the basis of industrial capitalism and which possesses the means of perfect violence. In pre-capitalist societies there was a polycentrism of violence and a polycentrism of legitimacy, where the state was only one of the centers. This led to an abundance of armed anti-state demonstrations (revolts, uprisings, peasant wars, etc.) in all countries of the world. In this regard, we can speak of the limitations of Weber's definition of the state. The legal type of domination corresponded to the era of industrial capitalism and perfect violence; the traditional type of domination to the era of pre-industrial society and imperfect violence. The study of perfect violence as a factor of social development will remove the limitations of both Marxist and Weberian conceptions of the state.

Keywords: Max Weber, theory of legitimate domination, mature weapon, communication connectivity, perfect violence, war, rebellion

For citation: Rakhmanov A.B. (2023) Mauser rifles, Maxim machine guns, Krupp cannons, communication connectivity and Max Weber's theory of legitimate domination. part two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 230–239. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/19

Совершенное насилие и войны как экспериментальный полигон

Синтез зрелого оружия и высокого уровня коммуникативной связности, который был осуществлен в начале XX в. в ведущих странах мира, впервые в истории создал феномен совершенного насилия. Совершенное насилие – это сокрушительное, эффективное, неотвратимое, вездесущее и быстродействующее насилие, которое подавляет любое вооруженное сопротивление, и, следовательно, ему никто и ничто не в состоянии противостоять на территории данной страны. Совершенное насилие сосредоточено в руках государства, и благодаря этому государство впервые в истории стало монополистом насилия, возникло общество моноцентрического насилия. После возникновения совершенного насилия вооруженное сопротивление государству со стороны негосударственных субъектов стало совершенно бесперспективным и бессмысленным, превратившись в гарантированное коллективное самоубийство. Благодаря этому государство впервые в истории стало средством эффективного контроля над обществом и всеми гражданами. Государство превратилось в своеобразную фабрику насилия, тогда как ранее оно в этом отношении напоминало мануфактуру или ремесленную мастерскую. Подобно тому, как после возникновения фабричного производства мануфактурное и ремесленное производство, основанные на ручном труде, уходит в небытие, оказавшись не в состоянии конкурировать с машинами, так и государство, оперируя совершенным насилием, вытесняет возможных конкурентов в области насилия на своей территории. В результате этого негосударственное насилие в пределах государственных границ оказалось полностью и необратимо вытесненным в сферы, во-первых, политического террора, осуществляемого индивидуумами или организациями, во-вторых, уголовной преступности. Политический террор может приводить к значительным жертвам среди представителей государственной власти и населения, но, как показывает недавний опыт Великобритании, Израиля, Италии, Испании, России, Турции и других стран, он не в силах значительно повлиять на политику государства, которое к тому же в конечном итоге более или менее быстро и вполне успешно подавляет террористов. Криминальное насилие представляет угрозу

для отдельных индивидуумов, но не для государства или общественного строя, и с ним государство умеет достаточно эффективно бороться или по крайней мере обуздывать его. Государству, располагающему потенциалом совершенного насилия, могут противостоять только другие государства, причем находящиеся на близком уровне развития и обладающие сопоставимой военной мощью.

До возникновения совершенного насилия монополии государства на насилие общественно-политической направленности не существовало. Доиндустриальные и в особенности докапиталистические общества были обществами полицентрического насилия. Государство чаще всего являлось главным центром общественно-политического насилия, но лишь наряду с другими центрами; государство было первым среди равных в пространстве насилия. В феодальном обществе средства насилия, включая оружие, находились в руках не только королевской (царской, императорской и т.п.) власти, но и крупных феодалов, которые повелевали своими вассалами и вооруженными слугами, самоуправляющихся городов, располагавших ополчениями, незнатных дворян (рыцарей, самураев и т.п.), казачества и иных военных сословий. Кроме того, субъектом насилия – в случае восстаний, мятежей – выступали социальные низы (крестьяне, ремесленники и т.д.), которые использовали в качестве оружия находящиеся в их руках средства труда и их компоненты (вилы, рогатины, косы, топоры, мотыги, лопаты, оглобли и т.п.) и оружиеобразные предметы (дубины и т.п.). Во всех странах мира на суше и на морях существовали объединения разбойников и пиратов, которые нередко располагали весомым военным потенциалом и создавали квазигосударства, конкурируя с обычными государствами по поводу контроля над определенными территориями и акваториями. Американский исторический социолог Ч. Тилли справедливо указывал, что на протяжении большей части европейской истории многие индивидуумы располагали оружием [1. P. 69]. Выдающийся французский историк Ф. Бродель немало страниц своего фундаментального труда посвятил описанию сухопутного и морского разбоя как важных компонентов средиземноморского мира XVI в. [2. С. 546–588, 742–790]. Это было характерно и для других регионов мира. В начале XIX в. в прибрежных водах южных провинций Китая действовал целый флот пиратов, которые тесно взаимодействовали с тайными обществами, руководствовавшимися лозунгом «Свергнем династию Цин, восстановим династию Мин», а также антифеодальными народными движениями [3. С. 168–172].

До возникновения совершенного насилия вооруженные антигосударственные выступления были возможны, потому что, во-первых, военный потенциал восставших был сопоставим с государственным или же был скромнее, но незначительно (например, повстанцы, уступая в вооружениях и военной подготовке, могли обладать превосходством в численности), во-вторых, вооруженные силы государства отличались низкой мобильностью, в-третьих, информационный обмен по поводу восстания происходил с низкой скоростью. Все это препятствовало эффективному подавлению вооруженных восстаний и создавало у восставших представление о том, что они располагают шансами на успех. Иначе восстания были бы невозможными, поскольку их участники отнюдь не были склонными к самоубийственному поведению. Это и объясняет то, что история феодального общества знает

много антифеодальных войн, в числе которых были Жакерия во Франции в 1358 г., восстание «Красных повязок» в 1351–1368 гг. в Китае, восстание Уота Тайлера в Англии в 1381 г., Крестьянская война в Германии в 1524–1525 гг., восстание И.И. Болотникова в 1606–1607 гг., Крестьянская война под предводительством Ли Цзычена в 1628–1647 гг. в Китае, восстание Богдана Хмельницкого в Речи Посполитой в 1648–1657 гг., восстание С.Т. Разина в 1670–1671 гг., восстание К.А. Булавина в 1707–1708 гг., Крестьянская война под руководством Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг., восстание «Белого лотоса» в 1796–1804 гг. и Крестьянская война тайпинов в 1850–1868 гг. в Китае. Все эти антигосударственные вооруженные выступления объединяет то, что, во-первых, в них участвовали большие массы плохо вооруженных социальных низов, во-вторых, они происходили на территориях, далеких от столиц и центров власти, что осложняло переброску войск и осуществление информационного обмена.

Вооруженные восстания происходили и в раннеиндустриальном или полуиндустриальном обществе, причем они часто вспыхивали в крупных городах и даже столицах. В этом случае в военном отношении восстания были вдохновлены несовершенством вооружений правительственных сил, а также возможностью ведения баррикадных боев (Июньское восстание в 1848 г. в Париже, Парижская коммуна в 1871 г.). С возникновением зрелого оружия и совершенного насилия ситуация радикально изменилась.

Вместе с тем для того, чтобы совершенное насилие, т.е. зрелое оружие в единстве с современными средствами коммуникации стало важным фактором общественного развития, одного лишь его возникновения на рубеже XIX и XX вв. было недостаточно. Общество должно было осознать значение такого насилия, убедившись в его несокрушимой мощи, что было возможно только благодаря крупным военным конфликтам. В роли экспериментальных полигонов, показавших значение зрелого оружия и совершенного насилия, выступили завершающая фаза англо-суданской войны 1884–1898 гг. (битва под Омдурманом в 1898 г.), в ходе которой британские войска разгромили войска дервишей, подавление восстания ихэтуаней в Китае в 1898–1901 гг., Вторая англо-бурская война 1899–1902 гг.[1], русско-японская война 1904–1905 гг., Балканские войны 1912–1913 гг., наконец, Первая мировая война. Они, в частности, показали, что кавалерия как род войск, основанный на применении холодного оружия, превратилась в музейный экспонат.

Эффективность зрелого оружия была подтверждена в конце XIX в. не только позитивно, но и негативно. Такими негативными экспериментами стали англо-зулусская война 1879 г., в которой британским войскам удалось победить, но с трудом, – в частности, британцы 22 января 1879 г. были разбиты в битве у холма Изандлвана, начальная фаза англо-суданской войны 1884–1898 гг., в ходе которой британская армия потерпела поражение, потеряв Хартум. Еще более показательной была итало-эфиопская война 1895–1896 гг., в рамках которой впервые в истории колониальных войн европейская страна потерпела поражение от африканского народа. Эти три случая

[1] Буры в ходе войны 1899–1902 гг. использовали винтовки Маузера, немецкие и французские артиллерийские системы и т.д. Малочисленная бурская артиллерия стреляла лучше, чем превосходящая ее по численности британская, поскольку буры были вооружены лучшими в то время в мире немецкими и французскими пушками [4. P. 233].

объединяет то, что в них практически не использовалось зрелое оружие. Во время англо-зулусской войны британцы были вооружены однозарядными винтовками Мартини–Генри 1871 г., использовавшими патроны с черным порохом. На начальной фазе англо-суданской войны британская армия, помимо винтовок Мартини–Генри, была вооружена некоторым количеством картечниц Гатлинга и предпулеметами Гарднера, а также и единичными экземплярами пулемета Максима. Итальянская армия во время итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. использовала не вполне удачные магазинные винтовки Веттерли–Витали 1887 г., которые вскоре после войны были заменены более совершенными винтовками Каркано 1891 г., а также не располагала пулеметами и современной артиллерией.

До массового использования зрелого оружия при столкновении с противником из числа первобытных или феодальных народов, который был вооружен главным образом холодным и метательным оружием и обладал значительным численным превосходством, европейцы нередко побеждали не без труда и даже иногда терпели поражения. В связи с этим создание колониальных империй в XVI–XIX вв. было сопряжено со значительной тратой времени и сил. После начала использования зрелого оружия ситуация для войск европейских стран полностью изменилась – они теперь почти всегда легко одерживали верх над колонизуемыми народами даже в случае значительного численного превосходства последних. Вооруженное сопротивление войскам европейских метрополий стало бессмысленным, а поддержание контроля над колониальными империями превратилось в относительно простое дело. Народы, которые не располагали зрелым оружием и совершенным насилием, должны были покориться. С возникновением совершенного насилия произошли изменения и во внутренней политической жизни развитых стран – протестная активность трансформировалась в ненасильственные или насильственные бескровные акции, которые в случае необходимости подавляются теперь с помощью уже не огнестрельного оружия, а специальных средств – дубинок, водометов и т.п. С учетом сказанного, по всей вероятности, значение зрелого оружия и совершенного насилия раньше других, еще в самом начале XX в., было осознано в Великобритании и уже потом, после 1918 г., – и в других западных странах.

С возникновением совершенного насилия для того, чтобы притязать на захват власти, необходимо было установить контроль по крайней мере над частью вооруженных сил государства. Так произошло в случае Октябрьской революции и победы большевиков в Гражданской войне в России в 1917–1920 гг. Большевики победили не только потому, что их поддержали пролетариат и беднейшее крестьянство, но и потому что на их стороне оказались большинство нижних чинов и отчасти офицерский корпус бывшей Российской императорской армии. Никакая Красная гвардия, т.е. ополчение, не смогла бы победить регулярную армию, как то показали Парижская коммуна 1871 г. и позже – Гражданская война в Испании в 1936–1939 гг. Равным же образом победа китайских коммунистов во главе с Мао Цзэдуном над Гоминьданом была бы невозможной без перехода на их сторону части солдат и офицеров правительственных войск [5. С. 302, 520].

Анализ значения совершенного насилия позволяет признать весомую толику правоты в неовеберианской концепции М. Манна, который рассмотрел

исторический процесс как переплетение четырех источников социальной власти, включая и военную власть. Однако не следует преувеличивать эту толику правоты американского ученого.

Совершенное насилие и концепция легитимного господства Макса Вебера

Возникновение совершенного насилия произошло после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса, и оно не было осмыслено ими, что и стало важнейшей причиной ограниченности марксистской концепции государства, проявившейся в тенденции экономического и классового редукционистского детерминизма. В отличие от них М. Веберу довелось стать свидетелем возникновения совершенного насилия. Он начал писать «Хозяйство и общество» в 1909 г. и трудился над ним с перерывами до 1920 г. Для Вебера работа над его главным трудом переплелась с опытом очевидца Первой мировой войны и осознанием ее характерных особенностей и ее значения для человечества.

Концепция легитимного господства М. Вебера неявно основывается на феномене совершенного насилии, и это следует уже из того, как ученый определяет свои ключевые понятия: «Власть означает всякий шанс реализовать свою волю внутри социального отношения даже и в случае сопротивления, независимо от того, на чем основывается такой шанс. Господством должен называться шанс найти повиновение для приказов определенного содержания у данных персон» [6. S. 210]. Очевидно, что шанс, о котором говорит Вебер, является тем более весомым, чем более совершенным является насилие. Связь между совершенным насилием и концепцией легитимного господства становится еще более очевидной, если мы вспомним знаменитое веберовское определение государства, данное в произведении «Политика как призвание и профессия» (1919), примыкающем к «Хозяйству и обществу»: «Именно сегодня отношение государства к насилию является особенно интимным. В прошлом самые разные союзы – начиная с родов – знали насилие как нормальное средство. Напротив, сегодня мы должны будем сказать: государство – это такая человеческая общность (Gemeinschaft), которая внутри определенной области – „область“ относится к числу признаков – претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*» [7. S. 158–159]. Это определение Вебера обычно воспринимают некритически и догматически, тогда как оно нуждается в пояснении и серьезной корректировке. Дело в том, что веберовское определение относится не к любому государству, а к государству, опирающемуся на совершенное насилие, т.е. к государству, которое возникло в Великобритании в начале XX в., а в других западных странах – после Первой мировой войны.

Во-первых, до начала XX в., до возникновения зрелого оружия и совершенного насилия, т.е. в докапиталистических обществах и отчасти в условиях доиндустриального капитализма, как это было обосновано выше, государство не обладает безусловной монополией на насилие. Ч. Тилли был прав, когда охарактеризовал дефиницию государства Вебера как «исторически спорную» [1. P. 70], указав, что оно стало соответствовать социальной действительности лишь после концентрации вооружений в руках государства и одновременного разоружения граждан в Западной Европе эпохи начала Но-

вого времени, что привело к падению притязаний соперников государства на государственную власть. Тилли правильно отметил тенденцию концентрации государственного насилия в руках государства, но недостаточно глубоко показал ее причину. Дело не только в том, что абсолютные монархии в Западной Европе в Новое время проводили политику демилитаризации негосударственных субъектов, уничтожая или распуская армии феодалов, снося их замки и т.п., но и в возникновении в начале XX в. зрелого оружия и передовых средств коммуникации.

Во-вторых, в докапиталистических обществах не только насилие, но и легитимность является полицентрической. Это обусловлено тем, что традиционные общественные отношения были комплексными и опирались на представления о взаимных традиционных обязательствах, и в связи с этим не только монархи, но знать, дворяне, города и социальные низы, а также народ в целом рассматривали себя как источник легитимности. Это означало, что в том случае, когда субъекты более высокого ранга нарушали свои традиционные обязательства, например узурпировали какие-либо ресурсы или произвольно увеличивали повинности субъектов более низкого ранга, последние считали себя получившими право на вооруженное выступление, направленное на восстановление попранных традиционных отношений. В этом случае восставшие вполне искренне считали себя защитниками традиционных порядков и традиционной справедливости, а свои действия – абсолютно легитимными. Доиндустриальное капиталистическое общество сохраняло полуфеодальные, сословные черты, и в силу этого и в нем легитимность в полной мере еще не стала моноцентричной. Только индустриальное капиталистическое общество полностью растворяет сословные отношения и, следовательно, снимает полицентричность легитимности, превращая государство как выразителя воли нации в единственный источник неделимой легитимности. Таким образом, Вебер, полагая, что дает определение любому государству, фактически охарактеризовал государство, которое возникло на основе индустриального капитализма и возникновения совершенного насилия, т.е. государство, появившееся лишь в наиболее развитых странах мира, причем только в начале XX в.[1].

Концепция легитимного господства Вебера предполагает противопоставление трех чистых типов господства – легального (рационального), традиционного и харизматического. Легально-рациональное господство, основанное на законах (правилах, нормах) и предполагающее бюрократию в качестве штаба управления, – это государство, возникшее на основе индустриального капитализма. В индустриально-капиталистическом обществе роль права как регулятора общественных отношений намного более важна, чем в любом другом обществе, и именно к нему относится мысль Вебера о том, что «право, в соответствии со своей сущностью, есть космос абстрактных, обычно сознательно установленных правил» [6. S. 456]. Индустриальный капитализм создает троякую предпосылку легального господства. Во-первых, в таком обществе исчезают все естественно возникшие, все докапиталистические общности (семейные и земляческие кланы, общины, сословия,

[1] М. Вебер допускает здесь такую же логическую оплошность, что и К. Маркс, который в 5-й главе первого тома «Капитала» дает определение труда вообще, но фактически характеризует лишь зрелую форму труда – труд в индустриальном капиталистическом обществе.

субсословия и т.п.), и общество становится обществом атомизированных индивидуумов с различными и противоположными интересами, которые постоянно сталкиваются другом с другом, в силу чего становятся необходимыми законы как регулятор перманентно воспроизводящихся конфликтов. Во-вторых, индустриальный капитализм порождает массового рационального, образованного работника, чему служат введение всеобщего бесплатного образования и распространение научных знаний. Благодаря развитию массовой интеллектуальной культуры рационализация в таком обществе достигает немыслимых доселе высот, а функционирование права невозможно без перманентной рефлексии по поводу общественных отношений и осознанного применения законов и правил. В-третьих, право как «космос правил» может быть абсолютным, т.е. безусловным, всеобъемлющим и непререкаемым, регулятором общественных отношений только тогда, когда оно опирается на насилие, которому невозможно сопротивляться, т.е. на совершенное насилие. Легальное господство предполагает, что существует только единственный источник легитимности – государство, которое опирается на совершенное насилие. Следовательно, за спиной у знаменитой веберовской рациональной бюрократии маячили войска, вооруженные винтовками Маузера, пулеметами Максима и пушками Круппа и готовые с помощью железных дорог и телеграфа устремиться в нужном направлении для того, чтобы подавить любое возможное сопротивление.

В отличие от этого, традиционное господство предполагает докапиталистические и доиндустриальные капиталистические общества, в которых производство основано на использовании мускульной энергии людей и животных, и, следовательно, методы производства и общественные отношения остаются неизменными в течение длительного времени, что, собственно, и делает эти общества традиционными. В таких обществах глубина преобразования природы незначительна, существенные закономерности окружающего мира не отражаются сознанием людей, т.е. уровень развития рационального мышления относительно невысок. Человек включен во множество естественно сложившихся общностей, отношения которых регулируются неписаными и идущими испокон веков традициями. Существование этих общностей делает конфликты менее значительными по масштабу, поскольку внутри себя общности связаны единством интересов и сознания. Эти общности также являются носителями легитимности, и в этом они могут конкурировать с государством. Оружие в таких обществах – это холодное и метательное оружие, приводимое в действие мускульной энергией людей и животных, а также (с XIV по XIX в.) несовершенное огнестрельное оружие. Для этих обществ характерен низкий уровень коммуникативной связности. Все это делает государственное насилие при традиционном господстве несовершенным, государство не обладает монополией на насилие, и в обществе существует по крайней мере несколько центров насилия.

Харизматический тип господства в концепции Вебера является дополнительным к легальному и традиционному типам. Его введение было обусловлено тем, что два основных типа оказались слишком статичными, и необъясненным оставалось то, как они возникают, как происходит переход от одного типа господства к другому, от одной модификации к другой в рамках одного и того же типа господства. Вебер как прекрасный знаток всемирной истории

со всем ее динамизмом для того, чтобы вбросить в свою концепцию щепотку диалектики, был вынужден интегрировать в нее харизматический тип господства. Этот тип, будучи недолговечным и приходя к оповседневниванию (рутинизации) харизмы, закономерно трансформируется в традиционный или легальный тип господства. Следовательно, харизматический тип господства предполагает либо доиндустриальное общество с несовершенным насилием, либо индустриальное общество с совершенным насилием, либо смешение этих оснований.

М. Вебер рассматривал легальный тип господства как вершину эволюции господства, а два других фигурировали как его исторические предпосылки, как фон для понимания его необходимости и превосходства. При этом сам Вебер едва ли осознавал, что легальный тип господства был порожден сочетанием индустриального капитализма и совершенного насилия.

Заключение

Концепция легитимного господства Макса Вебера была отражением победного шествия индустриального капитализма, который с необходимостью породил совершенное насилие. Однако в полной мере это не было осознано выдающимся немецким социальным теоретиком. М. Вебер, стремясь разработать теоретическую альтернативу марксизму в исследовании политики и государства, добился немалых концептуальных успехов и вместе с тем встал на путь упрощений, противоположных тому, что было характерно для марксизма. Вебер абсолютизировал автономию государства и недооценил обусловленность государства способом производства и классовыми отношениями. В концепции Вебера государство и политика выступают как совершенно самостоятельная сфера общественной жизни. Если Маркс абсолютизировал обусловленность государства способом производства и классовой структурой, то Вебер абсолютизировал автономию государства от них. Если Маркс был похож на повара, который постоянно пересаливает блюда, то Вебер – на повара, который их постоянно недосаливает. Дело в том, что Вебер, как и Маркс до него, столкнулся с объективной трудностью познания, и соответствующую закономерность можно сформулировать как антиномию: государство и детерминировано, и не детерминировано способом производства и классовой структурой. Во многом мировая социальная наука до сих пор не справилась с этой трудностью, и эта антиномия все еще не снята. Единственный возможный способ преодоления этой трудности и снятия указанной антиномии может быть связан только с масштабным исследованием роли вооружений и средств коммуникации, с изучением совершенного насилия и его эволюции в XX и начале XXI в. Такое исследование будет незаменимым подспорьем в установлении правоты и неправоты обоих великих мыслителей. Рассмотрение роли совершенного насилия и войн создаст необходимые предпосылки для снятия ограниченности, характерной для концепций К. Маркса и М. Вебера.

Список источников

1. *Tilly C.* Coercion, capital and European states. AD: 990–1990. Cambridge : Basil Blackwell, 1990.

2. *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М. : Языки славянской культуры, 2003.

3. *История* Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911). М. : Наука : Вост. лит., 2014.

4. *Kinard J.* Artillery. An Illustrated history of its impact. Santa Barbara : ABC-KLIO, 2007.

5. *История* Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. VII: Китайская республика (1912–1949). М. : Наука : Вост. лит., 2013.

6. *Weber M.* Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 2013. Band 23.

7. *Weber M.* Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1992. Band 17.

References

1. Tilly, C. (1990) *Coercion, capital and European states. AD: 990–1990*. Cambridge: Basil Blackwell.

2. Braudel, F. (2003) *Sredizemnomor'e i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean world in the era of Philip II]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

3. Galenovich, Yu.M. (2014) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Vol. 6. Moscow: Nauka-Vostochnaya literatura.

4. Kinard, J. (2007) *Artillery. An Illustrated History of its Impact*. Santa Barbara: ABC-KLIO

5. Galenovich, Yu.M. (2013) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Vol. 7. Moscow: Nauka-Vostochnaya literatura.

6. Weber, M. (2013) *Gesamtausgabe*. Vol. 1(23). Tübingen: J.C.B. Mohr.

7. Weber, M. (1992) *Gesamtausgabe*. Vol. 1(17). Tübingen: J.C.B. Mohr.

Сведения об авторе:

Рахманов А.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Information about the author:

Rakhmanov A.B. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor at the department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2023;
одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 15.06.2023;
approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 240–252.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 240–252.

Научная статья
УДК 316.42
doi: 10.17223/1998863X/75/20

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА И РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Любовь Андреевна Торлопова[1], Алёна Викторовна Голдовская[2]

[1, 2] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
[1] *lyubovtorlopova@gmail.com*
[2] *Alyona170494@mail.ru*

Аннотация: Цель работы – выявление пересечений траектории социального активизма в контексте проблематики инвалидности и траектории развития технологического прогресса для оценки влияния на интеграцию людей с инвалидностью в общественные процессы. Выявленные пересечения становятся пространством для развития ассистивных технологий.
Ключевые слова: инвалидность, ассистивные технологии, социальный активизм, инклюзия, коммуникация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-28-01488 https://rscf.ru/project/23-28-01488/

Для цитирования: Торлопова Л.А., Голдовская А.В. Пересечения траекторий социального активизма и развития технологий как основания для интеграции людей с инвалидностью в общественные процессы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 240–252. doi: 10.17223/1998863X/75/20

Original article

INTERSECTIONS OF SOCIAL ACTIVISM TRAJECTORIES AND TECHNOLOGY DEVELOPMENT AS A BASIS FOR THE INTEGRATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES INTO SOCIAL PROCESSES

Lyubov A. Torlopova[1], Alyona V. Goldovskaya[2]

[1, 2] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*
[1] *lyubovtorlopova@gmail.com*
[2] *Alyona170494@mail.ru*

Abstract. For a long period, attitudes towards people with disabilities were based on the principles of the medical model that prevails in social policies of many countries. In the middle of the twentieth century, there was a gradual transition to a social model, largely due to the initiated movement for the rights of people with disabilities, which contributed to the inclusive culture. The article highlights trajectories of social activism in the context of disability issues, as well as trajectories of technology development in general. As a rule, the development of technology and the movement for the rights of people with disabilities took place as parallel unrelated processes, but they had some intersections. The aim of the work

© Л.А. Торлопова, А.В. Голдовская, 2023

was to identify the intersections of these trajectories in order to assess the impact on the inclusion of people with disabilities in social processes. The identified intersections become a space for the development of assistive technologies. Activism and the movement of people with disabilities for rights can be considered a manifestation of public interaction in the context of this research. The article is focused on technical devices of rehabilitation as something that creates conditions for communication and interaction, thereby contributing to inclusion in social processes. Modern technologies make it possible to form and develop the concept of a cyborg: the symbiosis of a person with a disability and the technologies available to him can begin to prevail over the physicality and capabilities of conditionally healthy people. The time and conceptual gaps between technology development and technology adaptation for people with disabilities is shrinking as rights movements proliferate. For example, at the design stage of technology, accessibility for people with disabilities is laid. Also, for example, prostheses become more functional than a conditionally healthy hand, than earlier cosmetic prostheses, which reflected the idea of normalization (invisibility of disability). Thus, technology is an integral part of modern human, who cannot be fully realized without it. This, in turn, influences the history of the perception of people with disabilities: from a "limited" person to a "normal" person and further a "superperson" or a cyborg (being a variant of human diversity).
Keywords: disability, assistive technology, social activism, inclusion, communication

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01488, https://rscf.ru/project/23-28-01488/

For citation: Torlopova, L.A. & Goldovskaya, A.V. (2023) Intersections of social activism trajectories and technology development as a basis for the integration of people with disabilities into social processes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 240–252. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/20

Введение

По данным ООН, 1,3 млрд человек имеют серьезную инвалидность, что составляет 16% населения мира [1]. В России, по данным Росстата, уровень инвалидизации на 1 января 2023 г. составляет 10 933 тыс. человек [2].

Длительный период отношение к людям с инвалидностью выстраивалось на основе принципов медицинской модели, преобладающей в социальной политике ряда стран. В середине XX в. происходит постепенный переход к социальной модели, во многом благодаря движению за права людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), инициированным ими самими, что способствовало включению людей с инвалидностью в общественные процессы.

Однако, несмотря на законодательное закрепление прав (например, «Конвенция о правах инвалидов» (2006), «О социальной защите инвалидов в РФ» (1995)), а также многочисленные инклюзивные программы, люди с ОВЗ по-прежнему могут столкнуться с изоляцией. Причины могут быть как со стороны «здоровых» людей, например страх или недоверие, так и со стороны людей с инвалидностью: непосредственно физиологические особенности человека и соответствующие проблемы, например с коммуникацией. Но именно с помощью коммуникации можно достичь взаимопонимания, согласия и, следовательно, интеграции субъектов в общество. Об этом писал Ю. Хабермас в своей работе «Теория коммуникативной деятельности» [3]. Обращение автора к теме коммуникации во многом было связано с его серьезными проблемами с речью.

По Хабермасу, публичная сфера является основой для взаимодействия, где возникает «мораль равного уважения» [4. С. 36.]. Проявлением публично-

го взаимодействия в контексте данной работы можно считать социальный активизм людей с инвалидностью. Сегодня одним из ключевых вопросов публичного дискурса в контексте проблематики инвалидности является политкорректность. Однако данное явление затрагивает вопросы не только языка, но и процесса коммуникации и взаимодействия в целом. В современности именно технологии создают условия для этого, тем самым способствуя интеграции людей с ОВЗ в социум. Так П. Лонгмор, исследователь и социальный активист, имеющий инвалидность, неоднократно высказывался о том, что именно развитие технологий дало возможность работать людям со значительными физическими ограничениями [5].

Данное исследование рассматривает комплексный гибридный объект: не просто инклюзию или одно из направлений человеческого развития (технологическое или социальное, включающее активизм), но все это вместе в конфигурации их множественных пересечений.

При этом под социальным активизмом понимается процесс публичного заявления о своих правах, направленный на достижение конкретных изменений в обществе. Для него характерны групповая, как правило, ситуативная, хаотичная самоорганизация, преобладание горизонтальных связей между участниками, а также возможность научного осмысления и перехода в организационную форму (например, НКО). Возникновение социального активизма в области инвалидности (далее – социальный активизм) связывается с движениями 1960-х гг., направленными на заявление о своих правах и требование признания равенства наряду с остальными.

Как правило, развитие технологий и «движение за права инвалидов» происходили как хронологически параллельные процессы в повседневности, но с некоторыми событийными пересечениями. Это можно сравнить с образом молекулы ДНК, т.е. закрученной спирали, состоящей из двух нитей. Нити в ДНК ритмично «слипаются» друг с другом за счет притяжения нуклеотидов. В этой метафоре одна из нитей – траектория развития технологий, а другая – социального активизма. Их пересечения, как и участки «слипающихся» нитей от притяжения нуклеотидов, могут рассматриваться как пространства создания и развития ассистивных технологий. Понятие «ассистивные технологии» (АТ) часто используется в качестве общего термина и в широком смысле включает в себя помогающие продукты и услуги. В данной работе под АТ имеются в виду вспомогательные продукты, т.е. «любые продукты (включая устройства, оборудование, приборы и программное обеспечение), специально разработанные и произведенные (для конкретного вида инвалидности. – *Л.Т., А.Г.*) или изначально доступные для всех, основной целью которых является поддержание или улучшение функционирования и независимости индивидуума, что способствует его благополучию» [6. P. 2229]. Стоит отметить, что сам термин АТ является продуктом социального активизма.

Однозначно указать причины возникновения тех или иных помогающих технологий довольно затруднительно, но проследить параллели значимых потоков событий возможно. Развитие технологий способствует адаптации человека к материальной реальности биологического мира и выступает как инструмент для улучшения физического качества жизни. Путь активизма – это развитие человека в социальном измерении, рост значимости личности,

человеческого разнообразия, которое направляет технологии, придает им бо́льший смысл и адаптирует под конкретные нужды, напоминая собой компас. В целом технологии влияют на интеграцию людей с ОВЗ в большей степени непредсказуемо, а у активизма есть выраженная направленность на конкретные изменения.

Цель исследования – выявить пересечения траекторий развития технологий и социального активизма в области проблематики инвалидности для оценки влияния на интеграцию людей с инвалидностью в общественные процессы.

Теоретические рамки данного исследования связаны с осмыслением глобального социокультурного течения – трансгуманизма. Оно возникло в конце XX в. как движение, выступающее за использование технологий для расширения человеческих возможностей и преодоления ограничений тела и разума: от вмешательства в физические границы до пересадки сознания [7].

Хронология траекторий

Технологическое развитие происходило с древних времен и продолжается по сей день. Примерами поворотных моментов, связанных с созданием новых технологий, могут быть изобретение способов добычи огня и создание первых инструментов для ремесел и земледелия. Около 3500 г. до н.э. было изобретено колесо, что изменило наше понимание о передвижении и стало отправной точкой для создания других технологий, таких как транспортные средства. Письменность и возможность передачи информации кардинально изменили представление о человеческой коммуникации. Механизация и индустриализация производства привели к первому глобальному опыту «замены» человеческого труда машинным. Электричество «расширило» световой день для человека. Во второй половине XVIII – конце XIX в. использование пара и электричества для автоматизации производства развило промышленность. Изобретение телефона А. Грэмом Беллом (1876) привело к созданию телекоммуникационной инфраструктуры, которая позволила людям связываться из любой точки мира.

Среди технических средств, предназначенных для людей с ОВЗ, можно выделить ушную трубу (1800), систему Брайля (1834), инвалидное кресло-коляску (1869). В XIX в. создавались вспомогательные продукты для людей с инвалидностью, которые можно считать первыми ассистивными технологиями.

До этого времени, начиная с Античности и особенно в эпоху Средневековья, люди с ОВЗ считались нежелательными элементами общества, которых часто изгоняли. Это можно проследить на примере безумия, о чем пишет М. Фуко: в XV в. «умалишенные отправлялись на поиски своего разума» [8. С. 19] на «кораблях дураков». Процесс институализации инвалидности происходит в XVIII и XIX в., когда во многих странах Европы начинают создаваться специальные учреждения – «дома для душевнобольных». Люди, попадающие в них, считались непригодными для жизни в обществе и лишались своих прав. В отношении тех, кто не помещался в специализированные учреждения, применялись различные технологии, направленные на «исцеление» инвалидности. Так, в XIX в. посредством электротерапии лечились различные заболевания, в том числе и в домашних условиях [9]. В целом на протяжении данного промежутка времени формируется медицинская модель,

предполагающая излечение инвалидности, а в случае неуспешности мер – исключение человека из общества.

XX век

XX век следует традициям институализации инвалидности и поиска мер ее преодоления. Один из прагматичных способов такого преодоления – применение возможностей людей с ОВЗ. В частности, в 1903 г. в книге «Система общего попечительства над бедными» Фр.И.Р. фон Буса появляется понятие «реабилитации» как предоставления больным и инвалидам возможности трудиться. Прагматизм проявляется как избавление от «обузы» для общества и требование пользы от людей с инвалидностью, во многом посредством их включения в экономику в качестве работников низкоквалифицированного труда.

Для российского общества XX век является переломным, поскольку происходят смена политической парадигмы и, как следствие, реформирование в социальной сфере в виде перехода от «благотворительности» к «социальной помощи». Особое внимание уделяется ветеранам Первой мировой и Гражданской войн, а люди, имеющие серьезные формы инвалидности с рождения, могли быть подвержены изоляции. Происходит формирование узконаправленной социальной политики, на первое место выходят такие ценности, как справедливость и равенство, появляются понятия «пенсионное обеспечение» и «инвалиды труда». Также создаются общественные организации, например в 1917 г. – Всероссийское общество помощи инвалидам войны и труда. Технологии же для людей с инвалидностью соотносились с медицинской моделью. Так, в 1937–1938 гг. в СССР создается протезная промышленность.

В этот же период постепенно развиваются и становятся популярными идеи евгеники, направленные на улучшение человека. Одной из задач евгеники являлась стерилизация людей с инвалидностью, которая на долгие годы закрепилась в законодательстве различных стран. Только в 2014 г. Всемирной организацией здравоохранения было представлено заявление о ликвидация принудительной и иной недобровольной стерилизации [10].

Зарождение движения за права людей с ОВЗ относят к 40–50-м гг. XX в. В США это «период Пробуждения», который можно охарактеризовать как начало зарождения социального активизма, когда родители детей с интеллектуальными особенностями объединялись в небольшие группы и отстаивали права на благополучие своих детей и получение для них различных услуг.

В СССР в этот в период организована врачебно-трудовая экспертиза и сделан акцент на профессионально-трудовое обучение людей с инвалидностью.

С 60-х гг. XX в. в западном мире возникает «движение за гражданские права инвалидов», приведшее к постепенной смене медицинской модели инвалидности на социальную на фоне критики первой. В 70-х гг. активисты и исследователи в области инвалидности выступили с критикой используемой терминологии за ее нечеткость, односторонность и медицинский контекст [11; 12. P. 5].

Особый вклад в движение инвалидов внесла концепция нормализации, которая возникла в скандинавских странах и связана с именем Б. Нирье. Согласно

ее принципам, условия жизни людей с ОВЗ должны быть максимально приближены к условиям жизни «здоровых» людей. В США появляется движение «Независимая жизнь», которое развивается и как форма активизма, и как философия. Считается, что развитие движения началось в начале 1970-х гг., когда Э. Робертс и другие студенты с инвалидностью, которые учились в Калифорнийском университете и сталкивались с дискриминацией, основали Центр независимой жизни. Создание Центра положило начало национальному движению и иному подходу к восприятию инвалидности [13].

Таким образом, ключевым агентом изменений данного периода являются общественные движения. Для СССР в это время ввиду специфики политического строя характерно развитие государственной системы помощи, включающей поддержку в создании общественных организаций в 1980-е гг.: ВОИ, ВОС, ВОГ.

Что касается технологического развития, в 40-е гг. XX в. на разных континентах создаются первые компьютеры (Германия, США; с 1941 по 1945). В 1956 г. Дж. Маккарти вводит понятие «искусственный интеллект». Разработка первого транзистора в Белл-Лаборатории (1947) стало отправной точкой для создания микропроцессоров, которые используются в большинстве современных компьютеров. Их активное внедрение в ассистивные технологии, такие как электронные слуховые аппараты, произошло в 1950–1960-е гг., что позволило улучшить качество звука, а также сделало возможным его регулирование в соответствии с потребностями пользователя. В те же годы изобретена пишущая машинка Perkins Brailler для печати шрифтом Брайля. Инвалидное кресло с электромотором создается почти параллельно – канадским (Д. Клайн) и американским (Р. Браун) изобретателями в 1950–1960-е гг. [14]. Несмотря на то, что активизм в те же годы во многом связан с ментальной инвалидностью, технические средства позволяют решать проблемы людей с нарушениями физического характера.

Следующий поворотный момент в истории технологий, связавший людей со всего мира и обеспечивший доступ к огромному количеству информации, – появление Интернета. Информационные технологии разрабатывались в 1960-х гг. в США (через военную промышленность, во времена холодной войны). Л. Клейнрок опубликовал статью о теории коммутации пакетов, которая легла в основу создания Интернета; в 1969 г. произошла первая передача данных между компьютерами в рамках проекта ARPANET, а в 1983 – создание доменной системы.

В 1960–1970-е гг. продолжает развиваться тенденция на независимую жизнь людей с инвалидностью и нормализацию условий жизни: например, изобретение текстового телефона – телетайпа (1964), созданного глухим Р. Вайтбрехтом, лазерной трости Lasercane (1966), кохлеарного импланта (встраиваемого во внутреннее ухо нейропротеза, который обеспечивает восприятие звука) (1967) и т.д. Благодаря микрочипам стоимость и размер электронных устройств, таких как слуховые аппараты, протезы, переносные компьютеры, снизились. В СССР были разработаны программы «Реабилитация» и «Инвалидная коляска» для обеспечения людей с инвалидностью техническими средствами.

Таким образом, в мировой практике создание помогающих технологий данного периода во многом инициировано самими людьми с инвалидностью.

В 1980 г. ВОЗ приняла международную классификацию дефектов, инвалидности и нетрудоспособности [15]. Для развитых стран в конце XX в. важной задачей являлось привлечение внимания общества к проблеме инвалидности. В связи с этим 1981 год был провозглашен Международным годом инвалидов, а период с 1983 по 1992 г. – Десятилетием инвалидов. Также этому периоду свойственно начало перехода от институциональной модели ухода за людьми с ОВЗ к модели, основанной на интеграции и деинституционализации.

Данный этап характеризуется как период возможностей: человек может быть включен, но для этого ему нужно действовать, однако далеко не каждый человек готов к подобной активности.

Одним из результатов влияния активизма на публичную сферу можно считать использование скрытых субтитров при телевещании. Так, в 1971 г. WGBH, общественная телевизионная станция в Бостоне, начинает предоставлять программы для глухих зрителей. Однако многие зрители без нарушений были против субтитров на экране. В связи с этим в 1974 г., с созданием первых декодеров, стали распространяться скрытые субтитры [16].

Начиная с 1970-х гг. развиваются технологии информационной эры. Создаются такие технические средства, как микропроцессор (1971), компьютерная мышь (1964), лазерный принтер (1969), CD-ROM (1985); постепенно развивается Интернет: ARPANET (1969, Министерство обороны США), World Wide web (1991, Tim Berners-Lee) и т.д., появляются такие программные продукты, как электронная почта (1971, R. Tomlinson), проекты Google (1998, L. Page, S. Brin) и др. В 1982 г. Р. Фейнман предложил концепцию квантовых компьютеров, а в 2016 г. Google объявил о создании такового.

Также этот период богат на технические разработки, направленные на интеграцию. Так, в 1975 г. компания IBM разработала первый компьютер для незрячих, в этом же году была изобретена читающая машина для слепых, создаются протезы и ортезы с использованием электроники и микрочипов (1977, США) и системы распознавания речи, например Dragon Systems (1982). В целом появляются технологии, позволяющие выстраивать коммуникацию, в том числе устройства, дающие возможность общаться с помощью глаз.

В 1990-е гг. в социальном активизме становится популярным лозунг «ничего о нас без нас», который декларирует важность участия людей с ОВЗ в решении вопросов, касающихся их самих. Период возможностей, когда человеку с инвалидностью необходимо было отстаивать свои права через активизм, перерастает в институциональную форму в виде закрепления прав на законодательном уровне. Отражением данного этапа является известный Закон об американцах-инвалидах (ADA, 1990, США). Согласно нему, дискриминация в отношении людей с инвалидностью была запрещена в ключевых сферах общественной жизни: в школах, на работе, в транспорте и др. Данный закон стал толчком для создания безбарьерной среды. Изменения произошли как результат многочисленных движений и протестов [17]. На международном уровне принимаются законы, которые учитывают интересы людей с инвалидностью и подтверждают их право на всестороннее участие в жизни общества. Например, Конвенция о правах ребенка (1989). В России в этот период был принят закон об инвалидах (1995), определивший права и гарантии для людей с ОВЗ и предоставивший финансирование для создания специализированных учреждений и программ реабилитации.

Законодательное закрепление получают и ассистивные технологии: закон об АТ был впервые принят в 1998 г. в США и направлен на повышение осведомленности людей о вспомогательных устройствах, услугах и доступе к ним. Также в этот период принимаются законы, которые включают статьи о необходимой доступности, в том числе относительно технических средств. В 1996 г. принят закон, требующий доступности телекоммуникаций для людей с ОВЗ, а в 1998 г. в Закон о реабилитации добавлен раздел, требующий, чтобы государственные учреждения сделали свои веб-сайты более адаптивными.

К 1991 г. Интернет коммерциализируется и становится общедоступным. Это позволило, в том числе и людям с ОВЗ, получить доступ к огромному объему информации, ресурсам и возможностям общения, дистанционному образованию и работе (США). В 1993 г. появился первый коммуникатор IBM Simon, а в 1994 г. выпущен их первый смартфон, который смог отправлять и принимать факсы, электронные письма и сообщения. Впоследствии создание современного смартфона (2007) привело к появлению новых возможностей в коммуникации, которые существенно изменили образ жизни современного человека.

Первый искусственный интеллект (ИИ) представлен миру в 1997 г. IBM создала компьютерную программу Deep Blue, которая смогла победить чемпиона мира по шахматам Г. Каспарова.

Период 1990-х гг. можно охарактеризовать как бурный рост в области технологий, а именно создание множества новых устройств и программных продуктов. Параллельно происходило расширение прав людей с ОВЗ в различных сферах, в том числе доступность цифровой среды. В эти годы были созданы переводчики на жестовый язык, диктофоны и сканеры для незрячих, программное обеспечение для людей с нарушениями слуха. Все это позволило представителям этих групп активнее участвовать в общественной жизни, образовании и трудоустройстве. Помимо этого, стали доступны для широкого использования системы распознавания речи. Так, компьютерные операционные системы стали включать синтезаторы речи. В Великобритании применяется блокировка цвета на телевизорах для людей с эпилепсией, а в Китае – системы чтения по губам.

На постсоветском пространстве адаптация созданных в мире технологий для людей с ОВЗ началась именно в 1990-х гг., когда произошел распад СССР. В этот период на многие республики обрушились экономические и социальные трудности, в том числе в области здравоохранения и поддержки уязвимых групп.

В России в 1991 г. была принята «Концепция развития медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения населения», определяющая необходимость создания технологий и оборудования для реабилитации и адаптации людей с ОВЗ. Кроме того, были созданы специальные научно-исследовательские институты и центры по реабилитации, где проводились исследования и разработки таких технологий.

Начиная с 2000-х гг. можно говорить о политике позитивных действий в отношении людей с инвалидностью, таких как политика занятости [18], и в целом о расширении их возможностей в различных областях. Политика позитивной дискриминации развивается наряду с концепцией открытости / гордо-

сти за инвалидность, суть которой в повышении осведомленности, а также изменении отношения общества к инвалидности посредством привлечения внимания к данной проблематике. Сама концепция возникла из движения за гражданские права, а ее заявление о себе относят к 1990 г. и закону ADA. Однако особое практическое развитие она получила в 2000-х гг. в связи с «парадами гордости» в Чикаго.

В России начало 2000-х гг. связано с трансформацией врачебно-трудовой комиссии в медико-социальную экспертизу, этот момент становится ключевым в переходе от медицинской к биопсихосоциальной модели.

В мире в целом люди с инвалидностью получают возможность быть «видимыми» обществу: разработаны новые модели протезов и механических конечностей, управляемых глазными движениями или мускульными сокращениями. Происходит развитие технологии компьютерного видения (Computer Vision), что помогает при нарушении зрения получать доступ к информации без помощи других людей. Созданы и распространены мобильные технологии (смартфоны, планшеты и др.), что существенно улучшило доступность информации и качество коммуникации для людей с ОВЗ. В России для данной группы стали происходить обновление материальной базы и расширение возможностей в сфере оказания услуг, в том числе за счет использования современных технологий и методик реабилитации.

Начиная с 2000-х гг. различные компании, ориентированные на создание продукции для «здоровых» людей, начинают адаптировать ее и под нужды людей с ОВЗ. Так, в данном направлении работает компания Apple. Также в 2000-е гг. возникает и постепенно развивается концепция универсального дизайна, предполагающая создание среды и продуктов, доступных для всех. В России это делает, например, Сбербанк.

В настоящее время получили развитие разработки, связанные с биотехнологией, такие как редактирование генома CRISPR, нанотехнологии и ИИ, выращивание искусственных органов и др.

Ассистивные технологии развиваются в разных направлениях.

1. Технологии, позволяющие получить / восстановить возможности: видеть (бионические глаза и нейропротезы); слышать (кохлеарные импланты, слуховые аппараты, телефоны с функцией текстового ввода); передвигаться (экзоскелеты, электрические кресла-коляски, печать костей, тканей и органов); манипулировать предметами (тяговые и бионические протезы, технология миоэлектрических протезов, позволяющая использовать электронный привод, чтобы управлять механической рукой); говорить (синтезаторы речи, звукообразующие средства) и т.д.

2. Технологии, позволяющие контролировать жизнь (кардиостимулятор, инсулиновая помпа, аппараты для дыхания, генная терапия) и получать необходимую помощь (виртуальные помощники, элементы умного дома).

3. Технологии, позволяющие окружающей среде быть доступной: автоматически открывающиеся двери, самоуправляемые автомобили, множество технологических решений, которые позволяют людям с ОВЗ использовать общественные пространства, здания и транспорт самостоятельно.

Такой подход к технологиям соотносится с перспективной сегодня концепцией, рассматривающей инвалидность в качестве одного из вариантов человеческого разнообразия, наряду с другими характеристиками, такими как

пол, раса, возраст и т.д. В контексте проблематики инвалидности она сформулирована Р.К. Скотчем и К. Шринер в конце XX в. [19. P. 155].

Прогнозы будущего

Согласно Р. Курцвейлу, футурологу и изобретателю, человечество столкнется в будущем с революцией в областях генетики, нанотехнологий и робототехники (ИИ). Он утверждает, что каждый поворот в развитии технологий приводил к ускорению технологических изменений. Следующий поворот наступит с приближением «сингулярности» в 2045 г., когда произойдет необратимая трансформация человеческой жизни, а к 2099 г. человечество в нынешней форме прекратит свое существование, уступив место новому виду – симбиозу человека и машины. Полное слияние ИИ с человеком приведет к созданию суперкомпьютера.

Прогнозы Курцвейла на 2020–2040-е гг. включают изменение качества технологий через сокращение дистанции между человеком и компьютером в их «коммуникации» [20].

Некоторые прогнозы футурологов обрели свое воплощение, в том числе развитие ИИ, применение солнечных батарей, распространение электромобилей, возможности «общения» с компьютером без клавиатуры и др.

Что касается ассистивных технологий, то анализ их рынка свидетельствует в том числе о следующем [21]: 1) рынок АТ постоянно растет, и к 2028 г. ожидается его достижение $31,9 млрд; 2) рост числа людей с ОВЗ, включая население старшего возраста, способствует росту спроса на АТ; 3) наиболее востребованы устройства для передвижения, включая роботизированные экзоскелеты, сенсорные протезы и электромеханические кресла-коляски; 4) популярность обретают технологии бесконтактного управления: голосовые ассистенты, жесты и мозговые компьютерные интерфейсы; 5) трендовым является переход к персонализированным решениям, использованию ИИ и Интернета вещей для улучшения функциональности АТ; 6) к ключевым вызовам относятся: высокая стоимость, ограниченная доступность в развивающихся странах и сложности в привлечении специалистов для обучения пользователей и поддержки технологий.

Заключение: пересечения траекторий

Общее технологическое развитие выражается в нескольких направлениях: вычислительная техника, Интернет, мобильные устройства, ИИ, биотехнологии, генная инженерия и др. Все они ведут к увеличению комфорта, безопасности жизнедеятельности или расширению возможностей эволюции человеческого вида. Социокультурное развитие выражается в смене парадигмы: от медицинской к социальной и т.п. Ассистивные технологии меняются под взаимным влиянием этих двух групп факторов, развивающихся хронологически параллельно.

Первые значимые пересечения траекторий развития технологий и социальной политики, относящиеся к концу XIX – началу XX в., происходят с целью избавления от инвалидности (от евгеники до электротерапии) или компенсации (инвалидная коляска, электронные слуховые аппараты), хотя развитие технологий того времени шагнуло далеко вперед, находясь на пороге создания компьютеров и ИИ. Противоречие объясняется прагматичными

целями и объектным отношением к человеку с ОВЗ, диктующими необходимость пользы обществу либо исключение.

С «периода Пробуждения» и начала «движения за права инвалидов» современные технологии начинают проявляться в технологической поддержке людей с ОВЗ. Однако это носит опосредованный характер, как, например, субтитры. Многие технические средства, позволяющие быть включенными в социум, инициированы самими людьми с инвалидностью, что опосредованно призывает всех людей с инвалидностью в дальнейшем проявляться через активизм и инициировать создание АТ.

Еще одно важное пересечение происходит в 1990-х гг. в форме законодательного закрепления некоторых вопросов, поднимаемых активистами, в том числе тогда же появляется понятие и закон об АТ. С развитием технологий, примерно после 2000-х гг., пропасть между условно здоровыми и людьми с инвалидностью начинает сокращаться в результате того, что технологии позволяют людям с ОВЗ слышать, видеть, ходить, говорить и т.д.

Технологии последних лет дают возможность формировать и развивать концепцию киборга. Симбиоз человека с ОВЗ и доступных для него технологий может начать преобладать над телесностью и возможностями «здоровых» людей. Временной и концептуальный разрыв между развитием технологий в целом и их адаптацией для людей с ОВЗ сокращается с распространением движений за права. Например, на стадии проектирования технологий закладывается доступность для людей с разными потребностями, а протезы становятся более функциональными и непохожими на «здоровую» конечность, в отличие от более ранних – косметических протезов, которые отражали идею нормализации (незаметности инвалидности).

Таким образом, техника как неотъемлемая часть жизни человека меняет историю восприятия людей с ОВЗ: от «человек ограниченный» к «человек-норма» и далее – «сверхчеловек», или киборг. Технологии, влияя на интеграцию, расширяют возможности и позволяют воплощать концепцию человеческого разнообразия на практике. В результате их использования люди с разными возможностями могут без проблем взаимодействовать друг с другом. Это, в свою очередь, дает почву для дальнейшего развития социального активизма.

Список источников

1. *Инвалидность* // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health (дата обращения: 25.04.2023).

2. *Положение* инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 25.04.2023).

3. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М. : Весь мир, 2022. 878 с.

4. *Вербилович О.* Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М. : Центр социальной политики и гендерных исследований, 2013. С. 35–52.

5. *Paul Longmore:* Disability Scholar and Activist, Historian of Early America // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/cabeuroh_000285/cabeuroh_000285_t01_access.HD.mov (accessed: 25.04.2023).

6. *Khasnabis C., Mirza Z., MacLachlan M.* Opening the GATE to inclusion for people with disabilities // Lancet. 2015. № 386. P. 2229–2230.

7. *Часто* задаваемые вопросы по трансгуманизму // Российское Трансгуманистическое Движение. URL: http://transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman (дата обращения: 23.04.2023).

8. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. 698 с.

9. *Wexler A.* The Medical Battery in The United States (1870–1920): Electrotherapy at Home and in the Clinic // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 2017. Vol. 72, № 2. P. 166–192.

10. *Eliminating* forced, coercive and otherwise involuntary sterilization // World Health Organization. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241507325 (accessed: 25.04.2023).

11. *Oliver M.* Understanding disability: From theory to practice. Basingstoke : Macmillan, 1996. 192 p.

12. *Whyte S.R., Ingstad B.* Introduction // Disability in Local and Global Worlds / ed. by B. Ingstad et al. Oakland : University of California Press, 2007. P. 1–32.

13. *The History* of the Independent Living Movement // Northeast Independent Living Program. URL: https://www.nilp.org/history-of-independent-living-movement/ (accessed: 25.04.2023).

14. *Our* History // BraunAbility. URL: https://www.braunability.com/us/en/about-us/our-history.html (accessed: 25.04.2023).

15. *International* classification of impairments, disabilities, and handicaps // World Health Organization. URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/41003 (accessed: 24.04.2023).

16. *The History* of Closed Captioning // Acutrans. URL: https://acutrans.com/the-history-of-closed-captioning/ (accessed: 25.04.2023).

17. *Americans* with Disabilities Act (1990) // The Embryo Project Encyclopedia. URL: https://embryo.asu.edu/pages/americans-disabilities-act-1990 (accessed: 25.04.2023).

18. *Disability* & Employment: A Timeline // Office of Disability Employment Policy. URL: https://www.dol.gov/agencies/odep/ada30/timeline (accessed: 25.04.2023).

19. *Scotch R.K., Schriner K.* Disability as human variation: Implications for policy // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1997. Vol. 549. P. 148–159.

20. *Kurzweil R.* The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. New York : Viking, 2005. xvii, 652 p.

21. *Assistive* Devices Market based on Product Type // Kenresearch. URL: https://www.kenresearch.com/healthcare/medical-devices/assistive-devices-market/476819-91.html (accessed: 25.04.2023).

References

1. WHO. (n.d.) *Disability*. [Online] Available from: https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health (Accessed: 25th April 2023).

2. Federal Government Statistics of the Russian Federation. (n.d.) *Polozhenie invalidov* [The status of disabled people]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (Accessed: 25th April 2023).

3. Habermas, Ju. (2022) *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [Theory of Communication]. Translated from German by A.K. Sudakov. Moscow: Ves' mir.

4. Verbilovich, O. (2013) Teoriya kommunikativnogo deystviya: klyuchevye kategorii i poznavatel'nyy potentsial [Theory of communicative action: key categories and cognitive potential]. In: Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (eds) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys-stadi* [Public sphere: Theory, methodology, case study]. Moscow: Center for Social Policy and Gender Research. pp. 35–52.

5. Regional Oral History Office. (2006) *Paul Longmore: Disability Scholar and Activist, Historian of Early America*. [Online] Available from: https://archive.org/details/cabeuroh_000285/cabeuroh_000285_t01_access.HD.mov (Accessed: 25th April 2023).

6. Khasnabis, C., Mirza, Z. & MacLachlan, M. (2015) Opening the GATE to inclusion for people with disabilities. *Lancet*. 386. pp. 2229–2230. DOI: 10.1016/S0140-6736(15)01093-4

7. Russian Transhumanist Movement. (n.d.) *Chasto zadavaemye voprosy po transgumanizmu* [Frequently asked questions on transhumanism]. [Online] Available from: http://transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman (Accessed: 23rd April 2023).

8. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of Madness in the Classical Era]. Translated from French by I.K. Staf. Moscow: AST; AST MOSKVA.

9. Wexler, A. (2017) The Medical Battery in The United States (1870–1920): Electrotherapy at Home and in the Clinic. *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 72(2). pp. 166–192. DOI: 10.1093/jhmas/jrx001

10. WHO. (n.d.) *Eliminating forced, coercive and otherwise involuntary sterilization*. [Online] Available from: https://www.who.int/publications/i/item/9789241507325 (Accessed: 25th April 2023).

11. Oliver, M. (1996) *Understanding disability: From theory to practice*. Basingstoke: Macmillan.

12. Whyte, S.R. & Ingstad, B. Introduction. In: Ingstad, B. et al. (eds) *Disability in Local and Global Worlds*. Oakland: University of California Press.

13. Northeast Independent Living Program. (n.d.) *The History of the Independent Living Movement*. [Online] Available from: https://www.nilp.org/history-of-independent-living-movement/ (Accessed: 25th April 2023).

14. BraunAbility. (n.d.) *Our History*. [Online] Available from: https://www.braunability.com/us/en/about-us/our-history.html (Accessed: 25th April 2023).

15. WHO. (n.d.) *International classification of impairments, disabilities, and handicaps*. [Online] Available from: https://apps.who.int/iris/handle/10665/41003 (Accessed: 24th April 2023).

16. Acutrans. (n.d.) *The History of Closed Captioning*. [Online] Available from: https://acutrans.com/the-history-of-closed-captioning/ (Accessed: 25th April 2023).

17. USA. (1990) *Americans with Disabilities Act (1990)*. [Online] Available from: https://embryo.asu.edu/pages/americans-disabilities-act-1990 (Accessed: 25th April 2023).

18. Office of Disability Employment Policy. (n.d.) *Disability & Employment: A Timeline*. [Online] Available from: https://www.dol.gov/agencies/odep/ada30/timeline (Accessed: 25th April 2023).

19. Scotch, R.K. & Schriner, K. (1997) Disability as human variation: Implications for policy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 549. pp. 148–159. DOI: 10.1177/0002716297549001011

20. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. Penguin Books.

21. Kenresearch. (n.d.) *Assistive Devices Market based on Product Type*. [Online] Available from: https://www.kenresearch.com/healthcare/medical-devices/assistive-devices-market/476819-91.html (Accessed: 25th April 2023).

Сведения об авторах:

Торлопова Л.А. – младший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lyubovtorlopova@gmail.com

Голдовская А.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Alyona170494@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Torlopova L.A. – junior research fellow, Laboratory for Transdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia Russian Federation). E-mail: lyubovtorlopova@gmail.com

Goldovskaya A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Social Work, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Alyona170494@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 253–266.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 253–266.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 329.8
doi: 10.17223/1998863X/75/21

ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЛАСТИ ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Денис Алексеевич Борисов

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, denisborisov@mail.ru

Аннотация. На основе макросоциологического подхода проводится анализ институциональных форм международной власти в идеологической сфере в межгосударственных отношениях между Японией и странами Центральной Азии. Японской стороне удается реализовывать новаторские подходы, налаживая разнообразные форматы взаимодействия с государствами региона с помощью аксиологических форм идеологической власти. Деятельность Японии по реализации власти истории и миссии формирует ценностную систему, которая проникает в экономические и политические взаимоотношения со странами региона, укрепляя присутствие Токио в регионе. Идеологическая власть Токио обеспечивает устойчивость и конкурентоспособность замкнутых на японскую сторону межгосударственных отношений в Центральной Азии.
Ключевые слова: внешняя политика Японии, международная власть, Центральная Азия, идеологическая власть, власть истории, власть миссии, интерстициальность

Для цитирования: Борисов Д.А. Осмысление роли идеологии в современных международных отношениях: аксиологический аспект международной власти Японии в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 253–266. doi: 10.17223/1998863X/75/21

POLITICAL SCIENCE

Original article

UNDERSTANDING THE ROLE OF IDEOLOGY IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS: AN AXIOLOGICAL ASPECT OF FOREIGN POWER OF JAPAN IN CENTRAL ASIA

Denis A. Borisov

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, denisborisov69@gmail.com

Abstract. The work, through the lens of a macrosociological approach, analyzes the organizational forms of foreign power in the ideological sphere of interstate relations

© Д.А. Борисов, 2023

between Japan and the countries of Central Asia. The author identifies and focuses on two most capacious organizational forms of ideological power in interstate relations, which were called “the power of history” and “the power of mission”. These two powers are distinguished into a special type – the axiological forms of ideological power. The Japanese side manages to harmoniously use the axiological forms of ideological power to provide economic and political relations with value-based support, which forms an inclusive Japan-centric logic of interstate interaction in the region. A characteristic feature of the axiological forms of ideological power is communal influence on relations between Japan and the countries of Central Asia to create cohesion and community through development of social relations regarding security discourse and issues of internal and external identification, which makes these relations an end in themselves. The diffuse influence of the axiological forms of ideological power is built on the basis of the development of a joint cognitive-emotional system of values about the past and future. The power of history promotes continuity and connection of generations between Japan and the countries of the region through working with image of the Great Silk Road and rethinking the militaristic role of Japanese soldiers during WW2. The power of mission, based on the values of the concept “human security” and development of human capital, creates feelings of solidarity and support for Japanese activities in the region, where Japan is positioned as a global economic and technological leader that offers geopolitically neutral assistance in the socio-economic development of individual countries and intraregional cooperation processes. The implementation of the axiological forms of ideological power is accompanied by a developed institutional practice, which operates at mass, group and individual levels of social interaction, which ensures a higher-quality extensive influence of the power of history and an intensive influence of the power of mission. The power of history and mission as the organizational forms of foreign power of Japan in the ideological sphere percolate economic and political interactions. This process reveals the presence of an interstitiality effect. The linking and intersection of social interactions in ideological, economic and political spheres create an interconnected system of influential relations with a high potential for emergence. This synergy between organizational forms provides Tokyo with stability and efficiency in the implementation of its foreign power and presence in the region, which is clearly reflected in regular sociological surveys.

Keywords: foreign policy of Japan, Central Asia, foreign power, ideological power, power of history, power of mission, interstitiality effect

For citation: Borisov, D.A. (2023) Understanding the role of ideology in contemporary international relations: an axiological aspect of foreign power of Japan in Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 253–266. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/21

Введение

Динамика международных отношений последних лет отчетливо фиксирует тенденцию к сокращению потенциала экономической власти, некогда мощные процессы межгосударственной взаимозависимости в сфере обмена товаров, капиталов, услуг и технологий перестали восприниматься как безусловный приоритет в международных отношениях. На фоне кризиса прежней модели глобализации начало усиливаться значение политического, военного и идеологического влияния в отношениях между государствами [1, 2]. Следствием этих изменений становится новый виток конкуренции между крупными и средними державами, что приводит к ревизии сложившихся и поиску новых международных институциональных форм и практик во всех сферах жизнедеятельности человека.

Современный характер межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) является показательным примером обострения противоречий в международных отношениях. Уникальное географическое

положение ЦАР обусловило формирование очень конкурентной международной среды, где единовременно действуют наиболее активные акторы современной мировой системы. В отечественной исследовательской литературе анализ внешней политики Японии в ЦАР является не самым популярным сюжетом, а основные акценты концентрируются вокруг изучения экономических и политических взаимоотношений Токио со странами региона либо сквозь призму геополитических и реалистских нарративов [3, 4], либо в контексте институциональных подходов [5–7]. Однако необходимо отметить, что идеологические вопросы межгосударственного сотрудничества и их роль в межгосударственных отношениях в Центральной Азии остаются на периферии научного дискурса. Это определило наш интерес к более подробному рассмотрению идеологических составляющих в межгосударственных отношениях между Японией и странами ЦАР[1].

Целью исследования является оценка роли идеологического фактора в межгосударственных отношениях между Японией и странами Центральной Азии (ЦА). Предполагаем, что целенаправленная и системная работа в идеологической сфере позволяет Японии обеспечивать устойчивость и конкурентоспособность своей внешней политики. Наша гипотеза частично подтверждается результатами социологических опросов 2015, 2018, 2021 гг., где на вопрос «Какие из следующих государств в *настоящее время* являются важными партнерами вашей страны?» респонденты ответили: Россия (75/64/74%), Китай (35/20/42%), Япония (*23*/7/17%), Турция (23/9/26%)», в то же время на вопрос «Какие из следующих государств в *будущем* будут важными партнерами вашей страны?» ответы распределились: Россия (72/51/59%), Китай (33/17/32%), Япония (*24*/9/18%), Турция (18/9/20%) [8]. Видно, что только Токио сохраняет у населения региона благоприятный настрой на развитие межгосударственных отношений в будущем, что свидетельствует о том, что деятельность Японии в ЦА не воспринимается как вызов или угроза.

В работе мы адаптируем макросоциологический поход для рассмотрения идеологических аспектов межгосударственных отношений между Японией и странами ЦАР [9. P. 20–46]. Под макросоциологией мы понимает широкомасштабный подход к изучению социальных отношений на основе структурного анализа с высокой степенью теоретической абстракции социальных систем и тенденций, которые впоследствии могут быть применены к более мелким элементам социального взаимодействия, и наоборот. В рамках нашей адаптации мы сформулировали следующие принципы. Первый, международная власть – это генерализированное средство для удовлетворения потребностей государства через социальное взаимодействие с другими субъектами и акторами мировой системы. Второе, социальные взаимодействия в межгосударственных отношениях реализуются через институциональные формы международной власти в экономической, политической, идеологической и военной сферах. Третье, под институциональными формами международной власти понимается минимально устойчивый, повторяющийся во времени це-

[1] Под идеологией мы понимаем систему коллективных значений, превосходящую личный опыт, которая признается обеими сторонами и обеспечивает управляемость межгосударственных отношений через объективизацию разумного, морального и эмоционального во внешней политике государства.

ленаправленный социальный контакт между представителями различных государств на личном, групповом и массовом уровнях, который зафиксирован в публичном информационном пространстве.

На основе выделенных принципов в исследовании определены три задачи для изучения межгосударственных отношений Японии со странами региона. Во-первых, поиск и описание ключевых институциональных форм международной власти между странами в идеологической сфере – все то, что формирует общие ценности, эстетику и практику. Во-вторых, качественный и количественный анализ институциональных форм международной власти в идеологической сфере на индивидуальном, групповом и массовом уровнях в отношениях между Токио и странами ЦАР – все то, что легитимирует присутствие и действия японской стороны в регионе. В-третьих, выявление того, что М. Манн назвал «интерстициальностью социальных отношений» [9. P. 68–72]. В нашем случае это выявление в межгосударственных отношениях между Японией и странами региона пересечения и наложения институциональных форм международной власти в идеологической сфере с экономической и политической сферами. С этой точки зрения мы рассматриваем интерстициальность как одно из базовых свойств эмерджентности в системе международных отношений, когда сумма свойств взаимодействующих элементов международной власти создает качественно новые явления и свойства в отношениях между государствами, которые обеспечивают нетипичное развитие межгосударственных связей.

Типология идеологической власти в международных отношениях

В рамках нашего исследования мы определяем специфику властных отношений в идеологической сфере с помощью типологии институциональных форм на основе трех дихотомий. Первые две дихотомии широко используются в макросоциологическом подходе. «Экстенсивная–интенсивная» дихотомия, где влияние социальных взаимодействий ранжируются по охвату: экстенсивное – минимально стабильная кооперация, действующая на больших пространствах и вовлекающая большое количество людей; интенсивное – прямой контроль социальных отношений на основе жестких приказов, высокого уровня мобилизации и лояльности среди ограниченного числа участников на ограниченном пространстве. «Диффузная–авторитетная» дихотомия, где влияние социальных контактов делится на диффузное – распределенное подчинение на основе общих интересов и ценностей, и авторитетное – централизованное подчинение на основе деятельности управленческих групп и институтов [9, 10]. Третья, «коммунальная–деловая» дихотомия социальных отношений разработана отечественным социологом А. Зиновьевым; она позволяет дополнительно качественно ранжировать институциональные формы международной власти, определяя базовую цель социальных взаимодействий: коммунальная – социальные отношения ради самих отношений, где ценностью являются сами по себе отношения между людьми, то, что в международных отношениях проявляется как отношения по поводу безопасности; деловая – социальные отношения инициируются для решения конкретной задачи или достижения результата, то, что в международных отношениях проявляется как отношения по поводу развития [11. С. 59–69]. Важно под-

черкнуть, что эти дихотомии носят идеальный характер, в чистом виде их сложно выделить в отношениях между государствами, но они вполне конкретно отражают специфику отдельных институциональных форм международной власти, которые влияют на характер и динамику межгосударственных отношений.

Таким образом, институциональные формы международной власти в идеологической сфере в современных международных отношениях можно разделить на два типа. Первый условно можно назвать «аксиологические формы» идеологической власти, которые по своей природе тяготеют к коммунально-диффузному характеру с вариативностью по оси «интенсивный–экстенсивный». Аксиологические формы действуют в социальной среде как ценностные системы, которые обеспечивают когнитивно-эмоциональную идентификацию в системе «свой–чужой» через контроль дискурса «мы–они». В межгосударственных отношениях подобные ценностные системы концентрируются вокруг двух масштабных социальных взаимодействий: либо по поводу исторического нарратива, или *власть истории*, либо по поводу идеологий на базе этнических, религиозных, государственных, общественных и индивидуальных ценностей, или *власть миссии*. Аксиологические формы международной власти в идеологической сфере являются самоцелью в отношениях между государствами. Основная функция – это обеспечение безопасности через преодоление барьеров внутренней и внешней идентификации в межгосударственной коммуникации [12, 13]. Власть истории и власть миссии контролируют когнитивно-эмоциональный дискурс, который оказывает влияние на мотивацию участников, обеспечивает легитимность и значимость этих социальных отношений, только в случае с историей это происходит через формирование чувства общности и родства, а в случае с миссией – через чувство солидарности и сопричастности. Также власть истории и власть миссии отличаются масштабом социального влияния: история тяготеет к экстенсивному воздействию (в большей степени на массовом и групповом), а миссия влияет преимущественно интенсивно (в большей степени на групповом и индивидуальном уровнях социального взаимодействия).

Второй тип институциональных форм международной власти в идеологической сфере можно определить как «практические формы» идеологической власти, которые тяготеют преимущественно к авторитетно-деловому влиянию с вариативностью по оси «интенсивный–экстенсивный» и тесно связаны с такими крупными системами социальных отношений, как культура, образование, гражданский активизм. В данном исследовании мы фокусируем внимание только на аксиологических формах идеологической власти, оставляя анализ практических форм как задел на будущее. В таблице мы приводим типологию институциональных форм международной власти в идеологической сфере, сквозь призму которой исследуются японо-центрально-азиатские межгосударственные отношения.

Типология институциональных форм власти в отношениях между Японией и странами Центральной Азии в идеологической сфере»

Власть	Авторитетная	Диффузная
Интенсивная	*Власть НКО*	**Власть миссии**
Экстенсивная	*Власть культуры и образования*	**Власть истории**

Примечание: Курсивом отмечена – деловая; **жирным шрифтом** – коммунальная.

Власть истории в отношениях между Японией и странами региона

Власть истории широко используется во внешней политике Японии. Исторический нарратив активно присутствует в межгосударственных отношениях между Токио и странами региона. Главной исторической темой, которую взяли японские дипломаты при выстраивании отношений со странами ЦА, стал образ Великого шелкового пути в контексте распространения буддизма. «Задолго до того, как это стало мейнстримом», японцы на официальном уровне начали использовать концепт «Новый шелковый путь» во внешней политике: в 1997 г. премьер-министр Х. Рютаро официально презентовал новую стратегию – «Евразийскую дипломатию», в которой Центральная Азия и Закавказье рассматривались как отдельные направления для внешней политики Токио в контексте «Дипломатии Шелкового пути» (ДШП) [14]. В 2002 г. Д. Коидзуми предложил концептуальное уточнение ДШП, направив Энергетическую миссию Шелкового пути для содействия более тесному энергетическому сотрудничеству со странами ЦА [15. С. 4]. Власть истории вплетается в японскую политическую практику в регионе, оказывая диффузное влияние через апелляцию к общим ценностям, подчеркивая ментальное, языковое, культурное и историческое родство японцев и тюркских народов. Политические инициативы опираются на историческую аксиологию, которая обосновывает расширение политического и экономического сотрудничества со странами региона как продолжение естественной взаимосвязанности между народами.

Исторические ценности сопровождаются конкретными практиками. С целью поддержки нарратива об историческом родстве со странами региона Япония активно финансирует археологические и образовательные проекты, что особенно заметно в отношениях между Ташкентом и Токио [16. P. 30]. В 2010 г. прошла серия международных симпозиумов «Древние цивилизации и религии Узбекистана – в поисках истоков культуры Японии», которые собрали 1 200 представителей академических и общественных кругов двух стран. Кульминацией культурных проектов стало подтверждение научной теории академика Э. Ртveладзе и профессора Като Кюдзо о тесном взаимовлиянии и синтезе древних религий Узбекистана и Японии [17]. Более того, вокруг проблематики общего исторического наследия формируется сеть некоммерческих общественных организаций и межличностных контактов в японо-узбекских отношениях: создано совместное научное общество «Оксус» (Амударья), действует Ассоциация дружбы между городами Нара (древняя буддийская столица) и Термез (центр буддизма эпохи Кушанского царства), формируются горизонтальные академические связи между ведущими вузами двух стран («Тойо» и «Нара» с ТашГИВ и УМЭД) [18]. Есть примеры взаимодействия на индивидуальном уровне. Примечательна личность Икуо Хираямы, художника и общественного активиста, которого можно назвать одним из главным популяризаторов Великого шелкового пути в отношениях между Японией и странами ЦАР. Японское государство активно поддерживала инициативы художника: И. Хираяма в 1990 г. основал в Камакуре «Институт изучения Шелкового пути», в 2004 г. открыл в г. Яманаси Музей Шелкового пути, также еще в 2002 г. в Ташкенте был открыт Международный Караван-Сарай культуры им. И. Хираямы.

Отдельно японская сторона работает с историческими смыслами XX столетия, где для Страны восходящего солнца присутствует главный сдерживающий фактор для международного имиджа страны – статус агрессора во Второй мировой войне [19. P. 170]. Применительно к региону Токио акцентирует внимание на позитивной роли японских военнопленных в восстановлении советского хозяйства на территории Центральной Азии. Тема японских военнопленных периодически появляется в повестке дня разного уровня между представителями Японии и стран Центральной Азии. Так, в лекции С. Абэ в Назарбаев Университете был отмечен вклад военнопленных в восстановление городов ЦАР. А накануне визита японского премьер-министра в Узбекистан на мемориальной табличке Государственного академического театра оперы и балета им. Алишера Навои в Ташкенте, который был построен с участием японских военнопленных, выражение «японские военнопленные» было заменено на «сыновья японского народа» (Токио выделил грант в 330 тыс. долл. на модернизацию оборудования театра) [20]. В этом плане можно говорить о том, что власть истории как институциональная форма международной власти Японии пытается работать на всех уровнях социального взаимодействия, обеспечивая максимальное социальное вовлечение, существенно углубляя экстенсивное влияние интенсивным.

Соответственно, проблематика миролюбия регулярно отслеживается в социологических опросах от МИДа, которые показывают, что Япония в целом нивелировала негативный образ квантунского милитаризма в региональном общественном восприятии. В опросе 2018 г. вопрос № 11 напрямую спрашивал: «Как вы оцениваете путь Японию как миролюбивой нации за последние 70 лет после окончания Второй мировой войны», – 69% респондентов выше среднего оценили японские мирные устремления послевоенного времени. Социология за 2021 г. повторяет стилистику вопросов предыдущего замера общественного мнения, но с более высоким результатом – 78% [8].

Власть миссии в отношениях между Японией и странами региона

Следующей институциональной формой международной власти Японии в идеологической сфере является власть миссии. Японская сторона делает ставку на разработку идеологической системы на основе универсальных ценностей человеческого развития в особом концептуальном исполнении, которое получило название human security. Токио является одним из главных последователей и идеологов этой концепции на международном уровне, она стала неотъемлемой частью японской внешнеполитической доктрины и активно продвигается в рамках Программы развития ООН и ЮНЕСКО [21. P. 196–197]. С помощью human security обеспечивается диффузное влияние власти миссии Японии, обосновывая предоставляемую помощь странам региона. Акцентируется внимание на развитии экономики, но без привязки к примату основных прав и свобод человека и без вмешательства во внутренние политические процессы. В ЦА данный подход был представлен в известной речи министра иностранных дел Японии Таро Асо «К миру и счастью путем экономического процветания и демократии». В 2006 г. предложения Таро Асо кардинально отличались от морализаторского западного подхода по поводу соблюдения прав человека. Эта формула сохраняет свою актуаль-

ность и по сей день, выступая основой для японского дипломатического корпуса в регионе: «…я спокойно исполнял японскую официальную линию: активно способствовать экономическому развитию этой страны с целью установления самостоятельного государства (это послужит политическому интересу Японии) и содействовать становлению демократии путем постепенного экономического развития (это на благо узбекского народа)» [22].

В то же время японской стороне удается не только вклинивать власть миссии в политические связи, но и дополнять конкретными действиями в экономической сфере, усиливая социальный охват. Абстрактные паттерны human security японская сторона увязывает с деятельностью в рамках Официальной помощи развитию (ОПР): грантовые программы ОПР Японии работают на локальном уровне в интересах местного населения. Как правило, средства идут на материально-техническое обновление объектов социальной инфраструктуры (детские сады, школы, больницы), что закрепляет идеологические лозунги конкретными материальными результатами. В Кыргызстане с 1996 по 2021 г. японский МИД реализует грантовую программу «Корни травы» (Кусанонэ): выделено безвозмездной помощи на сумму более $121 млн на 179 проектов [23]. В Узбекистане с 1995 по 2016 г. под эгидой ОПР реализуется программа «Безвозмездная помощь социальным проектам малого масштаба по обеспечению человеческой безопасности», которая насчитывает 363 проекта [24]. В Таджикистане за 1996–2021 гг. в рамках аналогичной программы был реализован 441 проект и выделено грантов на сумму $35,9 млн [25]. В Казахстане «Корни травы» осуществлялись с 1997 по 2021 г., было реализовано 113 проектов на сумму $7,5 млн [26]. За последние 20 лет в рамках ОПР было поддержано около 162 национальных проектов на территории региона, выдано безвозмездных грантов на общую сумму более $720 млн: 46,04% от этой помощи получил Таджикистан, Кыргызстан – 32,67%, Узбекистан – 18,27%, Казахстан – 2,57%, Туркменистан – 0,45%. Наряду с грантами ОПР предоставляет для развивающихся стран кредитные возможности. Главным заемщиком среди стран ЦАР является Узбекистан, который за период с 2002 по 2020 г. получил займов на сумму $3,9 млрд, или 91% от всех выданных кредитов по линии ОПР [27].

Власть миссии Японии на основе human security тесно связывается с идеей о развитии человеческого капитала и инвестициях в человеческое развитие. Под эти ценности японская сторона реализует отдельную институциональную практику через проект Японского агентства международного сотрудничества (JICA) «Техническая кооперация» (ТК). ТК – это многоуровневая система помощи в развитии человеческого капитала стран региона, которая позволяет наладить межличностные отношения между японскими и центральноазиатскими квалифицированными специалистами через содействие в освоении конкретных японских технологий, организационное и управленческое содействие. Социальные контакты осуществляются по трем направлениям. Во-первых, отправка японских специалистов или команд японских специалистов для предоставления необходимых технологий и знаний: Казахстан посетили 339, Кыргызстан – 1 167, Таджикистан – 392, Туркменистан – 56, Узбекистан – 1 113 специалистов; всего в ЦАР было отправлено 4 079 исследовательских команд. Во-вторых, Япония организовывает обучение для ведущих специалистов и государственных служащих, отвечаю-

щих за ключевые направления развития страны. За время действия программы обучение прошли 1 710 казахских, 2 390 кыргызских, 2 380 таджикских, 562 туркменских, 2 547 узбекских специалистов. В-третьих, техническая помощь осуществляется через предоставление оборудования. По этой статье японская сторона предоставила помощь на сумму более $32 млн, а в целом суммарные расходы японского бюджета на программу технической помощи в ЦАР составили свыше $562 млн (все данные по 2020 г. включительно) [27].

Японской стороне удается через власть миссии транслировать в региональное информационное пространство привлекательный образ экономического и технологического гиганта, мирового лидера, оказывающего содействие общественному прогрессу, развивающимся странам. Такой образ не только воспроизводится через современный культурный и новостной контент, но также продвигается с помощью специализированных институциональных решений [28]. Например, в 2004 г. при содействии JICA в Кыргызстане был открыт первый в регионе Национальный центр информационных технологий, который специализированно обучает граждан современным информационным технологиям по таким направлениям, как системный анализ, управление проектами, базы данных, разработка программного обеспечения, сетевые технологии.

Социологические опросы также фиксируют значимость образа технологического лидера в общественном восприятии региона. Центральноазиатская аудитория в социологических опросах среди главных ассоциаций с Японией указывают позиции «Экономически развитая страна с высоким уровнем технологического развития», «Сильная экономика», «Высокие технологии» [8]. Дополнительно ценностному подходу Японии солидаризируется высшее руководство государств, а «японская модель» является образцом развития успешной восточной демократии через экономическое развитие. Можно привести некоторые упоминания на высшем уровне. Ш. Мирзиёев: «Благодаря сформировавшейся полвека назад, глубоко продуманной и базирующейся на достижениях научного прогресса „японской модели“ сегодня ваша страна стала одним из ведущих государств практически во всех сферах» [29]; Н. Назарбаев: «Японская философия „кайдзен“ позволила не только добиться управленческих и технологических высот, но и прочно вошла в копилку общечеловеческих ценностей. Могу отметить, что образ мыслей японского народа близок и созвучен мировоззрению казахов» [30].

Отдельно стоит отметить, что власть миссии Японии отдельно работает с нарративом о поддержке внутрирегиональной кооперации между пятью странами региона. Именно японская сторона в 2004 г. в ходе визита министра иностранных дел Японии Ёрико Кавагути инициировала регулярный многосторонний дипломатический диалог высокого уровня «Центральная Азия плюс Япония» – это стало новеллой в дипломатической практике региона. С 2013 г. японская сторона через ОПР начала выделять финансирование на внутрирегиональные проекты. За последние 7 лет было выделено около $53 млн на 10 трансграничных и приграничных проектов в области безопасности по широкому спектру актуальных проблем региона [27]. В этом контексте Токио придает своей власти миссии ценностную компоненту, которая позиционирует японскую сторону в качестве регионального интегратора, участвующего в гармонизации отношений между всеми странами региона.

Очевидно, что такие аксиологические акценты качественно выделяют японскую сторону среди других внерегиональных игроков, которые нередко обвиняются в следовании логики «разделяй и властвуй». Страны региона не раз характеризовали тихоокеанскую державу как свободный от геополитического давления, альтернативный источник финансовой и технологической поддержки [31].

Заключение

Япония активно использует институциональные формы международной власти в идеологической сфере в отношениях со странами Центральной Азии. Токио удается гармонично использовать аксиологические формы идеологической власти для ценностного обеспечения экономических и политических взаимоотношений со странами ЦАР, что формирует замкнутую на японской стороне инклюзивную логику межгосударственного взаимодействия в регионе.

Аксиологические формы идеологической власти мы редуцировали до двух наиболее крупных социальных взаимодействий в международных отношениях – власти истории и власти миссии. Эти институциональные формы характеризуются коммунальной природой социальных отношений, которые целенаправленно обеспечивают безопасность в японо-центральноазиатских межгосударственных отношениях через развитие общего когнитивно-эмоционального дискурса о прошлом и о будущем, снижая барьеры внешней и внутренней идентификации и увеличивая ощущение общности в социальном взаимодействии между Японией и Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном.

Диффузное влияние власти истории проявляется через обращение к совместному наследию «Великого шелкового пути» и смещение акцентов общественного восприятия роли солдат квантунской армии, что создает совместный исторический нарратив и систему ценностей по поводу преемственности и связи поколений в отношениях между Японией и странами ЦА. Сила общих интересов во власти миссии проявляется с помощью развития чувства солидарности и сопричастности японской модели социально-экономического развития, которая базируется на ценностях human security и развитии человеческого капитала. Японская сторона, транслируя свою миссию в регионе, не только опускает либеральные ценности в виде «основных прав и свобод человека», но и публично предлагает экономическую помощь без геополитических присяг. Центрально-азиатские страны признают «японскую модель» как образец для использования в своей социально-экономической практике. Дополнительно диффузное влияние власти миссии Японии проявляется в поддержке дискурса об интенсификации внутрирегиональной кооперации между всеми странами региона, что позитивно воспринимается элитам стран ЦАР. Японская сторона позиционирует себя как мировой экономический и технологический лидер, который предлагает геополитически нейтральный вектор развития в ЦАР.

Реализация аксиологических форм идеологической власти сопровождается развитой институциональной практикой, которая действует на массовом, групповом и индивидуальном уровнях социального взаимодействия. Проекты Японского агентства по международному сотрудничеству (Техническая ко-

операция, Официальная помощь развитию), строительство центров технической кооперации, поддержка общественной активности на групповом и индивидуальном уровнях – все это позволяет Токио обеспечить широту и глубину социального охвата для идеологической власти. Такая разноуровневая работа дает возможность интенсифицировать (углубить) типичное экстенсивное влияние власти истории и экстенсифицировать (расширить) типичное интенсивное влияние власти миссии, обеспечивая более качественное закрепление в общественном сознании продвигаемых ценностей.

Прослеживается управленческая последовательность в применении аксиологических форм идеологической власти, которые гармонично встраиваются в поры политических и экономических отношений. Абстрактность диффузного влияния идеологической власти конкретизируется деятельностью в экономической и политической сферах и наоборот. Власть истории и власть миссии как институциональные формы международной власти Японии в идеологической сфере проникают в экономические и политические взаимодействия, что является проявлением интерстициальности в японо-центральноазиатских отношениях. Другими словами, переплетение и пересечение социальных взаимодействий в идеологической, экономической и политической сферах приводит к формированию взаимосвязанной системы властных отношений с высокой вероятностью проявления эмерджинальности. Такая синергия между институциональными формами обеспечивает Токио устойчивость и эффективность в реализации своей международной власти и присутствия в регионе, что наглядно отражается в регулярных социологических опросах.

Список источников

1. *Быстро* текущий момент. Природа миропорядка и кризиса глазами ведущих мировых ученых-международников // Россия в глобальной политике. 2018. № 4. С. 18–44.

2. *Ефремова К.А.* Формирование «Нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 5–13.

3. *Притчин С.* «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 6. С. 112–123.

4. *Панов А.Н., Нелидов В.В.* Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. С. 78–91.

5. *Добринская О.А.* Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение. М. : Ин-т востоковедения РАН. 2020. 416 с.

6. *Задворная Е.С.* Институционализация образа Японии в государственном внешнеполитическом дискурсе // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 114–121.

7. *Murashkin N.* Japan and Central Asia: Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand. Etudes de l'Ifri, 2019. 43 p.

8. Opinion Poll on Japan Central Asia Region (Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic and Tajikistan) 2014, 2018, 2021 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html (accessed: 05.01.2023).

9. *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. I: A History from the Beginning to 1760 AD. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 549 p.

10. *Hall J., Schroeder R.* An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann. Cambridge : Cambridge University Press, 409 p.

11. *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М. : Социум. 2002. 260 с.

12. *Pyle K.B.* Reading the New Era in Asia: The Use of History and Culture in the Making of Foreign Policy // Asia Policy. 2007. № 3. P. 1–11.

13. *Aronczyk M.* Branding the Nation: The Global Business of National Identity. New York : Oxford University Press, 2013. 256 p.

14. *Address* by Prime Minister Ryutaro Hashimoto // Prime Minister of Japan. 1997 24 July. URL: https://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html (accessed: 05.05.2023).

15. *Dadabaev T.* Central Asia: Japan's New "Old" Frontier // Asia Pacific Issues. 2019. № 136. P. 1–12.

16. *Whitfield S.* The Expanding Silk Road: UNESCO and BRI // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 2021. Vol. 81. P. 23–42.

17. *История* и музыка древних памятников // ИА UzReport. 2010. 30 нояб. URL: https://uzreport.news/culture/istoriya-i-muzyika-drevnih-pamyatnikov (дата обращения: 05.05.2023).

18. *Археологи* Узбекистана и Японии создадут совместное научное общество // ИА Regnum. 2010. 23 февр. URL: https://regnum.ru/news/society/1256506.html (дата обращения: 05.05.2023).

19. *Shaikh K.-R.* Foreign policy of Japan // Asia Pacific. 2020. Vol. 38. P. 167–181.

20. Узбекистан исправил «военнопленных» на «сыновей японского народа» // ИА Regnum. 2015. 26 окт. URL: https://regnum.ru/news/polit/1998395.html (дата обращения: 05.05.2023).

21. *Adachi K.* Why Did Japan Engage in Human Security Diplomacy? // Japan's Security Policy / ed. Keiji Nakatsuji. London : Routledge, 2022. https://doi.org/10.4324/9781003231653-12

22. *Мой* друг Ислам Каримов // Коммерсантъ. 2016. 12 сент. URL: https://www.kommersant.ru/ doc/3081680 (дата обращения: 05.05.2023).

23. *Грантовая* программа «Корни травы и человеческая безопасность» // Посольство Японии в Кыргызской Республике. 14.05.2019. URL: https://www.kg.emb-japan.go.jp/itpr_ru/ru_kusanone.html (дата обращения: 05.05.2023).

24. *Безвозмездная* помощь социальным проектам // Посольство Японии в Узбекистане. 2016. 18 окт. URL: https://www.uz.emb-japan.go.jp/itpr_ru/small_grants.html (дата обращения: 05.05.2023).

25. *Завершение* 3 проектов в области образования // Посольство Японии в Республике Таджикистан. 2022. 6 июля. URL: https://www.tj.emb-japan.go.jp/files/100371584.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

26. *Грантовая* программа KUSANONE // Посольство Японии в Казахстане. 2022. 11 марта. URL: https://www.kz.emb-japan.go.jp/itpr_ru/cooperation.html (дата обращения: 05.05.2023).

27. *Annual* Reports 2008–2021 // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/index.html (accessed 01.11 2022).

28. *Kawashima N., Lee H.-K.* Asian Cultural Flows (Cultural Policies, Creative Industries, and Media Consumers). Singapore : Springer, 2018. 237 p.

29. *Выступление* Президента Республики Узбекистан // Президент Республики Узбекистан. 2019. 18 дек. URL: https://president.uz/ru/lists/view/3158 (дата обращения: 05.05.2023).

30. *Выступление* Президента Республики Казахстан // Президент Казахстана. 2016. 18 нояб. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/ vystuplenie-v-parlamente-yaponii (дата обращения: 05.05.2023).

31. *Joint* Statement "Central Asia + Japan" "Relations between Japan and Central Asia as They Enter a New Era", Astana, on 28 August 2004 // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/joint0408.pdf (accessed: 01.11 2022).

References

1. Tsygankov, P. et al. (2018) Bystro tekushchiy moment. Priroda miroporyadka i krizisa glazami vedushchikh mirovykh uchenykh-mezhdunarodnikov [A rapidly changing reality. The nature of the world order and crisis through the eyes of leading experts in international relations]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 4. DOI: 10.31278/1810-6374-2018-16-3-8-44

2. Efremova, K.A. (2016) Formirovanie "Novogo mirovogo poryadka": teoreticheskie interpretatsii i prakticheskaya realizatsiya [Towards the New World Order: Theoretical Interpretations and Practical Implementations)]. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics*. 2(23). pp. 5–13.

3. Pritchin, S. (2022) "Bol'shaya igra 2.0" v Tsentral'noy Azii na sovremennom etape [The Great Game 2.0 in Central Asia at the Present Stage]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 66(6). DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123

4. Panov, A.N. & Nelidov, V.V. (2018) Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia. *Yaponskie issledovaniya – Japanese Studies in Russia.* 4. pp. 78–91. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

5. Dobrinskaya, O.A. (2020) *Strategiya Yaponii v Tsentral'noy Azii: politicheskoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe izmerenie* [Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions"]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.

6. Zadvornaya, E.S. (2016) Institutsionalizatsiya obraza Yaponii v gosudarstvennom vneshnepoliticheskom diskurse [Institutionalisation of Japan identity construction policy]. *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 21(3). pp. 114–121. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.3.14

7. Murashkin, N. (2019) Japan and Central Asia: Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand. *Etudes de l'Ifri*. April.

8. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2014, 2018, 2021) *Opinion Poll on Japan Central Asia Region (Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic and Tajikistan)*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html (Accessed: 5th May 2023).

9. Mann, M. (1986) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge: [s.n.]. DOI: 10.1017/CBO9780511570896.

10. Hall, J. & Schroeder, R. (2006) *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511488993

11. Zinoviev, A.A. (2002) *Logicheskaya sotsiologiya* [Logical sociology]. Moscow: Sotsium.

12. Pyle, K.B. (2007) Reading the New Era in Asia: The Use of History and Culture in the Making of Foreign Policy. *Asia Policy*. 3. pp. 1–11. DOI: 10.1353/asp.2007.0035

13. Aronczyk, M. (2013) *Branding the Nation: The Global Business of National Identity*. New York: Oxford University Press.

14. Japan. (1997) *Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate executives*. [Online] Available from: https://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html (Accessed: 5th May 2023).

15. Dadabaev, T. (2019) Central Asia: Japan's New "Old" Frontier. *Asia Pacific Issues*. 136. pp. 1–12.

16. Whitfield, S. (2020) The Expanding Silk Road: UNESCO and BRI. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 81. pp. 23–42.

17. *IA UzReport*. (2010) Istoriya i muzyka drevnikh pamyatnikov [History and music of ancient monuments]. 30th November. [Online] Available from: https://uzreport.news/culture/istoriya-i-muzyika-drevnih-pamyatnikov (Accessed: 5th May 2023).

18. *IA Regnum*. (2010) Arkheologi Uzbekistana i Yaponii sozdadut sovmestnoe nauchnoe obshchestvo [Archaeologists of Uzbekistan and Japan will establish a common scientific society]. 23rd February. [Online] Available from: https://regnum.ru/news/society/1256506.html (Accessed: 5th May 2023).

19. Shaikh, K.-R. (2020) Foreign policy of Japan. *Asia Pacific*. 38. pp. 167–181. DOI: 10.47781/asia-pacific.vol38.Iss0.2333.

20. *IA Regnum*. (2015) Uzbekistan ispravil "voennoplennykh" na "synovey yaponskogo Naroda" [Uzbekistan changed "prisoners of war" to "sons of the Japanese people."]. 26th October. [Online] Available from: https://regnum.ru/news/polit/1998395.html (Accessed: 5th May 2023).

21. Adachi, K. (2022) Why Did Japan Engage in Human Security Diplomacy? In: Nakatsuji, K. (ed.) *Japan's Security Policy*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003231653-12

22. Kavato, A. (2016) My friend Islam Karimov [My friend Islam Karimov]. *Kommersant"*. 12th September. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3081680 (Accessed: 5th May 2023).

23. Ambassy of Japan in Kyrgyz Republic. (2019) *Grantovaya programma "Korni travy i chelovecheskaya bezopasnost'"* ["Roots of Grass" and Human Security Grant Program]. [Online] Available from: https://www.kg.emb-japan.go.jp/itpr_ru/ru_kusanone.html (Accessed: 5th May 2023).

24. Ambassy of Japan in Uzbekistan. (2016) *Bezvozmezdnaya pomoshch' sotsial'nym proektam* [Free assistance to social projects]. [Online] Available from: https://www.uz.emb-japan.go.jp/itpr_ru/small_grants.html (Accessed: 5th May 2023).

25. Ambassy of Japan in Tajikistan. (2022) *Zavershenie 3 proektov v oblasti obrazovaniya* [Completion of 3 projects in the field of education]. [Online] Available from: https://www.tj.emb-japan.go.jp/files/100371584.pdf (Accessed: 5th May 2023).

26. Ambassy of Japan in Kazakhstan. (2022) *Grantovaya programma "KUSANONE"* [Grant program "KUSANONE."] [Online] Available from: https://www.kz.emb-japan.go.jp/itpr_ru/cooperation.html (Accessed: 5th May 2023).

27. JICA. (2023) *Annual reports*. [Online] Available from: https://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/index.html (Accessed: 5th May 2023).

28. Kawashima, N. & Lee, H.-K. (2018) *Asian Cultural Flows (Cultural Policies, Creative Industries, and Media Consumers)*. Springer Singapore. DOI: 10.1007/978-981-10-0147-5

29. President of Uzbekistan. (2019) *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan* [Speech by the President of the Republic of Uzbekistan]. [Online] Available from: https://president.uz/ru/lists/view/3158 (Accessed: 5th May 2023).

30. President of Kazakhstan. (2016) *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Speech by the President of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/vystuplenie-v-parlamente-yaponii (Accessed: 5th May 2023).

31. MOFA. (2004) *Joint Statement "Central Asia + Japan" "Relations between Japan and Central Asia as They Enter a New Era."* [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue /joint0408.pdf (Accessed: 1st November 2022).

Сведения об авторе:
Борисов Д.А. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия).
E-mail: denisborisov69@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Borisov D.A. – Cand. Sci. (History), docent, head of the Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denisborisov69@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 16.07.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 267–278.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 267–278.

Научная статья
УДК 323.37; 323.2
doi: 10.17223/1998863X/75/22

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ЛИДЕРЫ В УСЛОВИЯХ ВАРИАТИВНОСТИ СЦЕНАРИЕВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Иван Сергеевич Палитай[1], Василий Анатольевич Зорин[2]

[1] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
[2] *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*
[1] *8321532@gmail.com*
[2] *vaszorin@mail.ru*

Аннотация. Описаны модель и результаты исследования российской политической элиты в среднесрочной перспективе. Разработана система сценариев развития политической системы в России. Для наиболее вероятного сценария предложен «оптимальный» набор личностных качеств лидеров и предпринята попытка дать оценку текущему состоянию элиты.
Ключевые слова: политическая элита, сценарий, политическое развитие, личность политика, политическое лидерство, политико-психологический анализ

Для цитирования: Палитай И.С., Зорин В.А. Российская политическая элита и лидеры в условиях вариативности сценариев политического развития: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 267–278. doi: 10.17223/1998863X/75/22

Original article

RUSSIAN POLITICAL ELITE AND LEADERS IN CONDITIONS OF VARIABILITY OF POLITICAL DEVELOPMENT: POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Ivan S. Palitay[1], Vasily A. Zorin[2]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*
[2] *Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation*
[1] *8321532@gmail.com*
[2] *vaszorin@mail.ru*

Abstract. The article presents a political and psychological analysis of contemporary Russian political elite in the context of the probable institutional transformation of the political system and scenarios of Russia's political development in a middle-range time perspective. We develop a theoretical framework based on four probable scenarios that presume the dominance of centrifugal or centripetal tendencies over two basic options of the political system: its "input" (society and mass consciousness) and "output" (elites and leaders). Expert assessments allow assuming that the scenario the most possible and preferable for the elite is the one that we describe as "rescue operation" (centripetal output and centrifugal input). The study involved the compilation of political and psychological profiles of 42 modern Russian politicians representing the following institutional categories of the elite: governors, deputies of the federal parliament, ministers of the federal government, chairmen of regional legislatures. Each of the politicians included in the sample was assessed using

© И.С. Палитай, В.А. Зорин, 2023

cognitive (self-concept), affective (motivation) and behavioral (political decision-making styles and interpersonal relationships) variables. The “rescue operation” scenario, according to experts, is most favorable for leaders whose political and psychological profile contains the following parameters: a developed power motive combined with a fairly high level of affiliation motive, a complex “I-concept”, extraversion combined with a low level of orientation on social dominance and belonging to the “administrator” type (according to Harold Lasswell). Among the politicians included in the sample, those who largely correspond to the model described above and those who do not have the psychological characteristics provided for in it were identified. According to our logic, the correspondence of the identified political-psychological profile to this pattern can be considered as a factor in the leader’s subjective readiness to successfully adapt to changes in the political system within the most likely scenario of its development.
Keywords: political elite, scenario, political development, political personality, political and psychological analysis

For citation: Palitay, I.S. & Zorin, V.A. (2023) Russian political elite and leaders in conditions of variability of political development: political and psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 267–278. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/22

Постановка проблемы

Последние десять лет в нашей стране происходили события, которые основательно повлияли на состояние российского общества. Наиболее значимые из них: (1) присоединение Крыма к России в 2014 г.; (2) два года пандемии; (3) начало СВО. Именно эти изменения социально-политической реальности и формата взаимоотношений власти и граждан явились фоном и причиной разнонаправленных трансформаций политической элиты. С 2020 г. мы наблюдаем омоложение и обновление элиты (появление «новых» лиц при все еще доминирующем количестве «старожилов»), а также смену политических ролей многими ее представителями.

Все это требует от исследователей оценки состояния политической элиты для ответа на вопрос, каким образом страна среагирует на вызовы и угрозы и как она выйдет из состояния неопределенности, обусловленного приближением выборов 2024 г. Здесь, однако, стоит отметить, что превалирующие в российской политической науке институциональный и структурно-функциональный подходы не всегда позволяют оценить качественное состояние и управленческий потенциал как элиты в целом, так и отдельных ее представителей, поскольку не учитывают личностный аспект. Между тем эффективность деятельности элиты во многом зависит не только от опыта и знаний конкретных людей, но и от соответствия их личностно-профессиональных качеств политическим ролям, настроениям общества, а также тем политическим изменениям, которые происходят и будут происходить в будущем [1]. Помимо этого, поскольку сегодня мы живем в эпоху серьезных перемен, речь необходимо вести о длительных процессах, а значит, рассматривать текущую ситуацию в контексте развития, логика и направление которого могут быть описаны с помощью категории «сценарий».

Теоретико-методологические основания и модель исследования

Модель проведенного нами исследования подразумевала рассмотрение личностных характеристик представителей политической элиты в условиях различных сценариев развития политической системы. Перед тем как пере-

ходить к их описанию, остановимся на использованных нами категориях, принципах и подходах.

Политическая элита

Несмотря на то, что политическая элита фактически включает в себя, прежде всего, чиновников, которые ответственны за разработку ключевых решений, мы рассматривали данную категорию в лидерско-элитной проекции. Связано это с тем, что вопросы развития элитных сообществ, процесса ротации, рекрутирования и обновления элиты в последнее время становятся все более актуальными [2–4], однако исследования в данном направлении редко учитывают личностный фактор, из-за чего становится практически невозможно объяснить происходящие перемены и отследить их источники в условиях быстро протекающих изменений [5, 6]. Между тем, когда необходим прогноз развития ситуации по различным сценариям в кратко- и среднесрочной перспективе, на первый план зачастую выходит именно личность политика [7–9].

При всем этом понятие «лидер» не только апеллирует к важным для нас личностным качествам, но и указывает на межличностные отношения, ситуацию соперничества в борьбе за власть, взаимоотношения лидера с последователями [10]. Именно поэтому под элитой мы понимали совокупность лидеров, которые благодаря силе своего интеллекта и духа могут мобилизовать общество на выполнение стратегических и тактических замыслов [11].

Сценарирование

Понятие «сценарий» в политической науке используется с учетом двух важных обстоятельств. Во-первых, сценарирование чаще всего рассматривается как один из инструментов такой технологии современного менеджмента, как «форсайт», под которым в самом общем виде понимается методика долгосрочного прогнозирования различных процессов на основе экспертных опросов [12]. Во-вторых, принято различать такие исследовательские стратегии изучения будущего, как «сценарирование» и «прогнозирование». Последняя основана на экстраполяции существующих тенденций на будущее и предполагает построение прогноза на основе доминирующего фактора. В свою очередь, сценарирование опирается на идею поливариативности развития и предполагает, что в будущем реализуется некое предположение (собственно «сценарий»), разработанное ключевыми политическим акторами и обретающее актуальность в контексте политической конкуренции.

В российской политологии сценарии развития стали объектом интереса исследователей в начале 2000-х гг. Важную роль в интеграции этого понятия в политологический дискурс сыграл исследовательский проект «Будущее России: взгляд из центра и регионов», реализованный в 2005–2007 гг., результаты которого нашли отражение в ряде научных публикаций [13, 14].

Политический кризис 2011–2012 гг. вызвал новую волну интереса исследователей к проблеме сценариев развития российской политической системы. При этом в качестве основных факторов в исследованиях использовались такие, как инвестиционная активность, демография, энергетическая политика [15], макроэкономические аспекты [16], партийная система, федерализм, гражданское общество, идеология [17]. Однако все эти работы не учитывали личностные аспекты тех, кто принимает ключевые решения.

В настоящий момент сценарирование как метод изучения тенденций развития политической системы России становится актуальным по причине роста значимости фактора неопределенности.

Сценарии развития политической системы

В основе нашей модели сценарирования лежит принцип системного анализа Д. Истона («вход» и «выход» как ключевые параметры), который мы дополнили противопоставлением центробежного и центростремительного векторов как базовых тенденций, характеризующих динамику развития каждого из указанных уровней системы. Центробежные тенденции на «входе» предполагают антиэлитные настроения, запрос на обновление власти, актуализацию «новых» каналов и технологий политической мобилизации. На «выходе» этот тренд может привести к децентрализации элиты на федеральном уровне, вариативности стратегий ее поведения и к перераспределению властного ресурса. Центростремительные процессы среди субъектов «входа» могут обеспечить относительно высокий уровень массовой поддержки, ее зависимость от медиаманипуляций и деполитизацию повестки. На «выходе» в данном случае предполагаются сохранение властной корпорации, ориентация на общенациональное лидерство и сохранение статус-кво на всех институциональных уровнях. Каждая из этих тенденций предполагает актуализацию запроса на те или иные личностные особенности лидеров и каналы рекрутинга в состав политической элиты.

Структура личности политического лидера

В научной литературе описана масса подходов к изучению личности политического лидера [18, 19], однако в проведенном нами исследовании мы придерживались методологии, разработанной на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, которая была неоднократно апробирована [20–23] и в основе которой лежат принципы оценки личности Дж. Макгрегора Бернса [24]. Данный подход отличается тем, что учитывает когнитивный, аффективный и поведенческий уровни деятельности политика и строится на анализе следующих параметров:

1) мотивы поведения как причины активности человека в политической сфере: мотивы власти (нацеленность на влияние и престиж), достижения (нацеленность на превосходство), аффилиации (нацеленность на тесные отношения с другими);

2) Я-концепция – динамическая система представлений человека о самом себе, которую можно охарактеризовать степенью сложности (простая или сложная) и типом самооценки; в таком «измерении» Я-концепция позволяет исследователю получить представление об особенностях процесса принятия решения политиком и его реакции на социальные стимулы;

3) стиль межличностных отношений, характеризующийся степенью экстравертности с точки зрения личной включенности в политику и уровнем доминирования в различных процессах;

4) стиль политического поведения как способ взаимодействия с коллегами и обществом, в котором Г. Лассвелл выделил такие типы, как «агитатор» (пристрастие к публичным выступлениям и эпистолярной деятельности), «администратор» (управленческие качества), «теоретик» («интеллектуализация» деятельности, приверженность к обобщению и рассуждениям) [25].

Модель исследования

Модель нашего исследования предполагала последовательное решение ряда задач. Первой из них было построение сценариев политического развития нашей страны. Вторая и третья задачи были направлены на определение наиболее вероятного сценария и формулировку релевантных для него нормативных личностных профилей. Решались эти задачи с использованием метода экспертных интервью, где респондентами выступили 18 специалистов, в число которых вошли политологи, социологи, политические психологи, политические технологи и эксперты в вопросах психологической диагностики.

Наконец, последняя задача сводилась к попытке оценки соответствия текущего состояния элиты наиболее вероятным сценариям. Для ее решения нами было построено 42 политико-психологических профиля политиков[1] с использованием следующих методов: структурно-биографического анализа, наблюдения, контент-анализа и экстраполяции.

Формируя выборку, мы не ставили цель сделать ее репрезентативной для всей политической элиты страны. Скорее, мы стремились зафиксировать определенные тенденции, что позволило бы экстраполировать полученные результаты на различные сценарии развития системы и высказать некоторые гипотезы. По этой причине при отборе политиков учитывались их возраст, профессиональный опыт в текущей политической роли (в выборку вошли как представители элиты, которые занимают свой пост впервые, так и те, кто исполнял свою политическую роль два и более электоральных циклов).

Результаты

Согласно описанным принципам мы разработали четыре сценария развития политической системы в 2020-х гг., которые условно назвали:

• «инерция» (консервативный сценарий, воспроизводство текущей ситуации);

• «спасательная операция» (развитие проекта «новой искренности», изменение стиля, «перевоплощение власти»);

• «консолидация демократии» (прорыв к плюралистической демократии, прогресс институтов, обеспечивающих конкурентность политического процесса);

• «война всех против всех» (силовой передел сфер политического влияния).

Первый (консервативный) сценарий не требует создания инновационных механизмов рекрутинга представителей элиты и связан с инкорпорированием в структуру политического класса выходцев из молодежных отделений поли-

[1] Были построены политико-психологические профили следующих политиков:

– высшие должностные лица субъектов РФ: А.А.Алиханов , Д.А.Артюхов , А.Д. Беглов, А.И. Бочаров, В.А. Васильев, А.Ю. Воробьев, Р.Э. Гольдштейн, М.В. Дягтерев, Р.А. Кадыров, А.Е. Клычков, В.О. Коновалов, Е.В. Куйвашев, Д.Н. Махонин, Е.С. Савченко, Б.С. Хасиков, А.В. Цыбульский);

– депутаты ГД РФ: А.И. Аршинова, Н.С. Валуев, В.Г. Газзаев, А.А. Карелин, А.Д. Козенко, А.К. Луговой, М.А. Мукабенова, Д.Ю. Пирог, Н.В. Поклонская, О.В. Пушкина, П.О. Толстой, А.Е. Хинштейн, В.А. Шаманов, С.А. Шаргунов, А.В.Якубовский, И.А. Яровая;

– министры федерального правительства: Д.Н. Кобылкин, О.Б. Любимова, А.В. Новак, М.Г. Решетников, А.Г. Силуанов, С.К. Шойгу;

– председатели законодательных собраний регионов РФ: М.Х. Даудов, С.Е. Корепанов, В.С. Макаров, Д.В. Фролов.

тических партий, являющихся носителями традиционных политических ценностей и лоялистских установок в сфере политического участия.

Второй (консервативно-реформистский) сценарий требует концептуального переоформления системы подготовки политических кадров, создания системы управляемой, но вполне реальной конкуренции как минимум в ограниченном политическом пространстве (например, на муниципальном уровне или в организационно-кадровых структурах партии власти и конвенциональных общественных организаций).

Третий (либерально-демократический) сценарий предполагает отказ от централизованного управления рекрутингом в политический класс. Вероятнее всего, это может произойти при условии демонополизации политического процесса на региональном и муниципальном уровнях и потребует реального плюрализма на электоральном уровне (что повысит для лидеров значимость риторических и коммуникативных навыков), а также владения манипулятивными технологиями организации политических кампаний.

Наконец, четвертый (негативно-конкурентный) сценарий актуализирует принадлежность к неформальным структурам политического влияния, приведет в политическую элиту представителей теневых структур, для которых важное значение, скорее всего, будет иметь силовая составляющая в сочетании с авторитарным ценностным профилем.

Оценка вероятности того или иного сценария предполагает учет как минимум двух обстоятельств: 1) устойчивости и направленности сложившихся на данный момент тенденций политического развития России; 2) представлений существующей политической элиты о «желательном» пути развития российской политической системы.

Опираясь на мнения ряда исследователей [26] и наших экспертов, мы пришли к предположению, что российский политический процесс в среднесрочной перспективе будет, скорее всего, разворачиваться в логике «спасательной операции» (консервативно-реформистский сценарий): центростремительные тенденции на «выходе» и центробежные на «входе». Отметим, что данный вывод не противоречит результатам, полученным другими исследователями [27]. Мы ожидаем увидеть в поведении элиты стремление к сохранению существующей корпорации, ориентацию на командные ценности и деполитизацию крупного бизнеса. Безусловно, важнейшим элементом этого сценария является сохранение статуса В. Путина как национального лидера, символизирующего устойчивость социально-экономического и политического развития. «Желательность» такого сценария для элиты связана с ее ориентацией на сохранение статус-кво и «*недопущение перераспределения политического капитала*»[1]. При этом ситуация на «входе» будет выступать мощным фактором стресса (или же, согласно формулировкам части экспертов, «*дестабилизации*») для самой элиты, которая неизбежно придет к осознанию того, что запрос на перемены становится актуальным настолько, что дальнейшее его отрицание (или противодействие ему) требует сверхусилий на уровне административного электорального манипулирования, что, в свою очередь, как отмечали наши респонденты, также потребует от элиты «*вливания новой крови*» на различных уровня государственного управления.

[1] Здесь и далее курсивом выделена прямая речь респондентов (экспертов).

Антиэлитные настроения, наличие которых в массовом сознании признается большинством, вероятнее всего, будут удовлетворяться путем смягчения риторики власти и, вероятно, снижения политического влияния «Единой России» как партии власти (в том числе «*путем передачи определенной части ее институциональных ресурсов новым непарламентским партиям*»).

В целом логика «спасательной операции» предполагает изменение стиля и риторики власти, которая неизбежно усилит работу в социальных медиа. Многие эксперты, участвовавшие в нашем исследовании, обратили внимание, что в понятийном аппарате провластных публицистов активно применяется категория «*новая искренность*», под которой понимается необходимость применения определенной коммуникативной стратегии («*быть жестким с чиновниками и мягким с простыми людьми*»).

Таким образом, в среднесрочной перспективе окно возможностей открывается перед теми субъектами российского политического класса, которые будут готовы «*совершить усилия над собой, изменить стиль и форматы работы, допустить реальную конкуренцию*». Институциональными площадками, на которых, вероятнее всего, будут возникать вызовы для элиты, скорее всего, станут организационные структуры партии власти, провластных общественных организаций, волонтерских проектов, а также органы местного самоуправления.

Сценарий «инерции» мы не рассматриваем как основной по причине его явного противоречия тенденциям, доминирующим в массовом сознании, а также событиям последних лет. «Консолидация демократии» как сценарий, предполагающий активную роль элиты в прогрессе гражданского общества, противоречит рациональной стратегии поведения, так как предписывает ей, в сущности, чрезмерные усилия, не вытекающие напрямую из актуальной повестки. «Война всех против» всех возможна только при реальном уходе из политики В. Путина, что, в свою очередь, контрастирует с содержанием и духом принятых в июле 2020 г. поправок в Конституцию.

По результатам экспертного опроса, консервативно-реформистский сценарий («спасательная операция») благоприятен для тех представителей современного российского политического класса, психологический профиль которых содержит следующие характеристики: развитый мотив власти с достаточно высоким уровнем мотива аффилиации, сложная Я-концепция (тип «прагматик», по Р. Зиллеру[1]), экстраверсия в сочетании с низким уровнем ориентации на социальное доминирование[2], принадлежность к типу политического поведения, по Г. Лассуэллу, «администратор» (возможно, с отдельными признаками «агитатора»).

В ходе построения политико-психологических профилей отобранных политиков нами были проанализированы тексты их спонтанных выступлений

[1] Данному типу свойственны: (1) чувствительность к социальным стимулам и мнению окружающих; (2) модификация самооценки и политического поведения на основе обратной связи (в зависимости от одобрения или неодобрения других); (3) уважительное отношение к другим лидерам; (4) зависимость от других людей; (5) готовность к восприятию информации от других; (6) недовольство собой как движущая сила для взятия новых барьеров.

[2] Политикам такого типа свойственны: (1) отсутствие выраженного стремления к власти в политических отношениях при склонности к последовательной политике любого рода; (2) предпочтение политики сотрудничества; (3) умение устанавливать новые связи и отношения при сохранении имеющихся; (4) желание быть в гуще событий; (5) сохранение статус-кво.

(не менее 4 000 слов каждый) в целях выявления их мотивационного профиля по методике Д. Уинтера [28], изучены их биографии и отсмотрены видеоматериалы, где предметом наблюдения являлись поведенческие акты в целом и психологические проявления личности в них в частности (речь, жесты, мимика, пантомимика и т.д.).

Полученные результаты были интерпретированы по степени близости личностного профиля политика к нормативным (идеальным, желаемым) характеристикам, связанным со сценарием «спасательная операция». В таблице перечислены политики, чьи психологические характеристики имеют наиболее полное соответствие с ними.

Личностные особенности представителей российской политической элиты

ФИО и должность политика	Описание политико-психологического профиля политика
Е.С. Савченко, Белгородская область, губернатор	Мотив власти, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт с низким социальным доминированием, администратор
Б.С. Хасиков, Республика Калмыкия, глава	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт с низким социальным доминированием, Администратор
В.О. Коновалов, Республика Хакасия, глава	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, **высокая самооценка**, экстраверт с низким социальным доминированием, администратор
А.Ю. Воробьев, Московская область, губернатор	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт с низким социальным доминированием, администратор
Д.Н. Махонин, Пермский край, губернатор	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт с низким социальным доминированием, администратор
А.Д. Беглов, г. Санкт-Петербург, губернатор	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт со **средним** социальным доминированием, администратор
Н.В. Поклонская, депутат ГД ФС РФ VII созыва	Мотив власти, сложная Я-концепция, низкая самооценка, **интроверт** с низким социальным доминированием, администратор
М.Г. Решетников, правительство РФ, министр экономики	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт с низким социальным доминированием, администратор
Д.В. Фролов, Курганская областная Дума, председатель	**Мотив достижения**, сложная Я-концепция, низкая самооценка, экстраверт с низким социальным доминированием, администратор
М.Х. Даудов, Парламент Чеченской Республики, председатель	Мотив власти, сложная Я-концепция, **высокая самооценка**, экстраверт с низким социальным доминированием, **агитатор**

Примечание. Жирным шрифтом в правом столбце выделены параметры, отличающие реальный профиль политика от нормативного.

При этом в нашей выборке присутствуют сразу четыре политика, чьи психологические профили не соответствуют описанной выше модели по всем

параметрам. Примечательно, что все они являются депутатами Государственной Думы (П. Толстой, В. Газзаев, А. Козенко и А. Якубовский) и всем им свойственны простая Я-концепция и высокая самооценка, что говорит о низкой реактивности на социальные стимулы и неумении прислушиваться к мнениям окружающих.

Выводы

Таким образом, губернаторский корпус, подвергшийся концептуальному переформатированию с помощью «технократической» лидерской модели, представляется нам той группой современной российской элиты, которая в наибольшей степени готова к успешной адаптации в рамках наиболее вероятного сценария. В то же время федеральный депутатский корпус в меньшей степени релевантен актуальным трендам ближайшего будущего: в нашей выборке именно эта категория политиков в наибольшей степени представлена «идеологами» (простая Я-концепция и высокая самооценка), что идет вразрез с теми принципами и запросами общества, которые вероятны в случае развития «спасательной операции».

Категория федеральных министров также пока не соответствует нашему представлению о психологическом профиле перспективного политического лидера. Единственный пример такой личностной конгруэнтности – М. Решетников, министр, прошедший школу руководства регионом в качестве «технократа». Таким образом, нам представляется перспективным расширение практики привлечения на руководящие посты в федеральных органах исполнительной власти наиболее успешных губернаторов, доказавших свою эффективность в современных условиях. В некотором смысле можно говорить о том, что «спасательная операция» на уровне региона – это адекватная метафора для уже реализованных политических проектов, связанных с появлением в должности руководителя «варяга-технократа», ориентирующегося на современные коммуникативные стандарты взаимодействия власти и гражданского общества.

Сделать выводы по категории председателей региональных легислатур достаточно сложно вследствие малого количества политиков, представлявших ее в нашем исследовании. Однако мы заметили, что наиболее перспективными здесь кажутся «молодые» (в возрасте около 40 лет) политики (например, Д. Фролов и М. Даудов), чьи психологические профили в значительной степени отличаются от рассмотренных нами «ветеранских» образцов (С. Корепанов и В. Макаров).

Политико-психологический принцип анализа текущего состояния элиты достаточно трудоемок, поскольку требует рассмотрения отдельных кейсов, результатом чего в большинстве случаев является политико-психологический профиль конкретного политика. Однако, когда речь идет о среднесрочных перспективах, реализованный нами подход может не только использоваться самостоятельно, но и стать хорошим дополнением при сценарировании, основанном на оценке социальных, экономических и политических факторов.

Список источников

1. *Martynova M.Yu., Feoktistova D.M.* The Russian Political Elite in the Context of Modern Political Development // Contemporary Problems of Social Work. 2020. Vol. 6, № 3 (23). P. 85–91.

2. *Бурда М.А.* Политическая элита современной России: кризис формирования // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (4). С. 373–379.

3. *Кочетков А.П.* Особенности формирования и развития политического класса современной России // Власть. 2017. Т. 25, № 1. С. 12–18.

4. *Покатов Д.В.* Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 71–97.

5. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.

6. *Gaman-Golutvina O.* Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6, № 1-2. P. 136–157.

7. *Ketelaars P.* Position, Preference and Personality: A Microlevel Explanation of Negativity in Day-To-Day Politics // Political Psychology. 2019. Vol. 40, № 5. P. 1019–1039.

8. *Keys B., Yorke C.* Personal and Political Emotions in the Mind of the Diplomat // Political Psychology. 2019. Vol. 40, № 6. P. 1235–1251.

9. *Yarhi-Milo K.* Who fights for reputation: The psychology of leaders in international conflict. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2018. 376 p.

10. *Меркулов А.В.* Политическая элита в системе властных отношений: теоретический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 6. С. 119–123.

11. *Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А.* О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешениях // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 524–541.

12. *Schwartz P.* The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World. NY : Bantam Doubleday Dell Publishing group, 1996. 272 p.

13. *Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н.* Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // Полис. 2008. № 4. С. 66–85.

14. *Томский* регион в начале XXI века: опыт социально-политического сценарирования / под ред. А.Е. Чириковой, Е.Б. Шестопал. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2008. 301 с.

15. *Сценарий* и перспектива развития России / под ред. В.А. Садовничего, А.А. Акаева, Г.Г. Малинецкого. М. : УРСС, 2011. 317 с.

16. *Ясин Е.Г.* Сценарии для России на долгосрочную перспективу. Новый импульс через два десятилетия : доклад. М. : НИУ ВШЭ, 2012. 82 с.

17. *Россия* – 2020: сценарии развития / под ред. М. Липман, Н. Петрова. М. : РОССПЭН, 2012. 588 с.

18. *Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И.* Психологический портрет политика по индикаторам качеств человеческого капитала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2. С. 156–164.

19. *Dyson S., Parent M.* The operational code approach to profiling political leaders: understanding Vladimir Putin // Intelligence and National Security. 2017. № 33 (1). P. 1–17.

20. *Палитай И.С.* Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 90–100.

21. *Палитай И.С., Данилова А.С.* Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252–262. doi: 10.17223/1998863X/54/23

22. *Современная* элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал. и А.В. Селезневой. М. : АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 448 с.

23. *Палитай И.С.* Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148–160. doi: 10.17976/2022.04.12

24. *Burns J.M.* Running Alone: Presidential Leadership from JFK to Bush II: Why It Has Failed and How We Can Fix It. New York : Basic Books, 2006. 278 p.

25. *Лассвелл Г.Д.* Психопатология и политика / пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. М. : Изд-во РАГС, 2005. 352 с.

26. *Ильин В.А., Морев М.В.* Гражданское общество и транзит власти 2014 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 9–26.

27. *Покатов Д.В.* Мобильность российской политической элиты: особенности, формы и этапы // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 5–18. doi: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18

28. *Winter D.* Manual for scoring motive imagery in running text (and related materials). Ann Arbor: Michigan University Press, 2016. 266 p.

References

1. Martynova, M.Yu. & Feoktistova, D.M. (2020) The Russian Political Elite in the Context of Modern Political Development. *Contemporary Problems of Social Work*. 6(3). pp. 85–91.

2. Burda, M.A. (2017) Political elite of modern Russia: the crisis of formation. *Problemy postsovetskogo prostranstva – Problems of the Post-Soviet Space*. 4(4). pp. 373–379. (In Russian).

3. Kochetkov, A.P. (2017) Features of the formation and development of the political class of modern *Russia. Vlast' – Power*. 25(1). pp. 12–18. (In Russian).

4. Pokatov, D.V. (2019) Recruiting the modern Russian political elite as a rotation of political and administrative-corporate elite groups. *Vlast' i elity – Power and Elites*. 6(1). pp. 71–97. (In Russian). DOI: 10.31119/pe.2019.6.1.5

5. Gaman-Golutvina, O.V. (2016) Political elites as an object of research in national political science. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 38–73. (In Russian).

6. Gaman-Golutvina, O. (2007) Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies. *Comparative Sociology*. 6(1-2). pp. 136–157. DOI: 10.1163/156913307X208140

7. Ketelaars, P. (2019) Position, Preference and Personality: A Microlevel Explanation of Negativity in Day-To-Day Politics. *Political Psychology*. 40(5). pp. 1019–1039. DOI: 10.1111/pops.12566

8. Keys, B. & Yorke, C. (2019) Personal and Political Emotions in the Mind of the Diplomat. *Political Psychology*. 40(6). pp. 1235–1251. DOI: 10.1111/pops.12628

9. Yarhi-Milo, K. (2018) *Who fights for reputation: The psychology of leaders in international conflict*. Princeton, NJ.

10. Merkulov, A.V. (2017) The political elite in the system of power relations: a theoretical approach. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Institute of Management*. 17(6). pp. 119–123. (In Russian).

11. Sharkov, F.I., Ponedelkov, A.V. & Vorontsov, S.A. (2017) On the problems of the modern Russian political elite and possible directions for their solutions. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – Vestnik RUDN. Series: Sociology*. 17(4). pp. 524–541. (In Russian).

12. Schwartz, P. (1996) *The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World*. NY: Bantam Doubleday Dell Publishing group.

13. Mel'vil', A.Yu. & Timofeev, I.N. (2008) Russia 2020: alternative scenarios and social preferences. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies.* 4. pp. 66–85. (In Russian).

14. Chirikova, A.E. & Shestopal, E.B. (eds) (2008) *Tomskiy region v nachale XXI veka: opyt sotsial'no-politicheskogo stsenarirovaniya* [Tomsk region in the early 21st century: An attempt of socio-political scenario]. Tomsk: Tomsk State University.

15. Sadovnichy, V.A., Akaev, A.A. & & Malinetsky, G.G. (eds) (2011) *Stsenariy i perspektiva razvitiya Rossii* [Scenario and development prospects of Russia]. Moscow: URSS.

16. Yasin, E.G. (2012) *Stsenarii dlya Rossii na dolgosrochnuyu perspektivu. Novyy impul's cherez dva desyatiletiya. Doklad* [Long-term scenarios for Russia. New impetus in two decades. Report.]. Moscow: HSE.

17. Lipman, M. & Petrov, N. (eds) (2012) *Rossiya – 2020: Stsenarii razvitiya* [Russia – 2020: Development Scenarios]. Moscow: ROSSPEN.

18. Burikova, I.S., Konovalova, M.A., Pushkina, M.A. & Yuriev, A.I. (2009) Psikhologicheskiy portret politika po indikatoram kachestv chelovecheskogo kapitala [Psychological portrait of a politician by indicators of the qualities of human capital]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika.* 3-2. pp. 156–164.

19. Dyson, S. & Parent, M. (2017) The operational code approach to profiling political leaders: understanding Vladimir Putin. *Intelligence and National Security*. 33(1). pp. 1–17.

20. Palitay, I.S. (2020) The young generation of the Russian political elite: status-role and personal characteristics. *Polis. Politicheskie issledovaniya– Polis. Political Studies.* 5. pp. 90–100. (In Russian).

21. Palitay, I.S. & Danilova, A.S. (2020) Regional leaders of the new generation: the results of political and psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 54. pp. 252–262. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/54/23

22. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2015) *Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskiy analiz* [The modern elite of Russia: political and psychological analysis]. Moscow: AGRAMAK-MEDIA.

23. Palitay I.S. (2022) Russian political elite: current state and dynamics of key indicators (based on research materials 2011–2021). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies.* 4. pp. 148–160. (In Russian). DOI: 10.17976/2022.04.12

24. Burns, J.M. (2006) *Running Alone: Presidential Leadership from JFK to Bush II: Why It Has Failed and How We Can Fix It.* New York: Basic Books.

25. Lasswell, G.D. (2005) *Psikhopatologiya i politika* [Psychopathology and Politics]. Translated from English. Moscow: RAGS.

26. Ilin, V.A. & Morev, M.V. (2019) Civil society and the transit of power in 2014. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 12(6). pp. 9–26. (In Russian).

27. Pokatov, D.V. (2022) Mobility of the Russian political elite: specifics, forms and stages. *Voprosy upravleniya.* 5. pp. 5–18. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18

28. Winter, D. (2016) *Manual for scoring motive imagery in running text (and related materials).* Ann Arbor: Michigan University Press.

Сведения об авторах:

Палитай И.С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: 8321532@gmail.com

Зорин В.А. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: vaszorin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Palitay I.S. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: 8321532@gmail.com

Zorin V.A. – Cand. Sci. (Political Science), docent, head of the Department of Political Science and International Relations, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vaszorin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2021;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 20.08.2021;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 279–288.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 279–288.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/1998863X/75/23

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЗАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ВОПРОСОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

Марина Васильевна Пилкина

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mpilkina@hse.ru

Аннотация. Анализ гендера и гендерного равенства в исследованиях образования часто сопряжен с проблемами категоризации за счет многообразия определений и подходов. В данной статье предпринята попытка восполнить пробелы в литературе путем обзора и анализа исследований, чтобы предоставить конкретные интерпретации гендера и гендерного равенства, с которыми можно работать гендерным исследователям в области образования.
Ключевые слова: гендер, гендерное равенство, образовательная среда, гендерные исследования

Для цитирования: Пилкина М.В. Проблема категоризации гендерных вопросов в исследованиях образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 279–288. doi: 10.17223/1998863X/75/23

Original article

THE PROBLEM OF GENDER CATEGORIZATION IN EDUCATION RESEARCH

Marina V. Pilkina

HSE University, Moscow, Russian Federation, mpilkina@hse.ru

Abstract. The terms “gender” and “gender equality” are often used in both academic and public discussions of the dynamics of social institutions, including academic environment. However, scholars rarely say what they exactly mean by gender and its derivatives. Currently, the term “gender” is often used when considering the differences between the educational experiences of various actors involved, while such a distinction might be made on the traditional understanding of the term “sex”. This article explores the wide range of “gender” definitions and the diversity of approaches to “gender equality”. The research aims to describe the main theoretical approaches to interpreting gender in academia and to present contemporary views on gender equality. It argues that gender and sex should be more clearly distinguished in educational research, as the undifferentiated and even synonymous use of these terms has slowed progress in understanding how gender affects the academic environment. The approach to defining gender equality in the context of the academic environment should be seen primarily through the knowledge that actors involved have about the realisation of gender (in)equality.
Keywords: gender, gender equality, academia, gender research

For citation: Pilkina, M.V. (2023) The problem of gender categorization in education research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 279–288. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/23

© М.В. Пилкина, 2023

Введение

За последние несколько десятилетий гендерные исследования стали популярным научным направлением во всем мире, изменив дискурс, применяемый в исследованиях [1, 2]. Будучи междисциплинарной областью, возникшей на основе первичных научных дисциплин, гендерные исследования распространились на новые области, включая различные аспекты образовательных исследований (см., напр.: [3–5]). Однако, несмотря на рост гендерных исследований в различных социальных сферах, работ, посвященных гендеру в контексте образования, по-прежнему немного [6]. Как правило, исследование гендера и любой образовательной среды охватывает гендерные различия в результатах образования, но не фокусируется на самом гендере как таковом. Другим ограничением гендерных исследований в образовании является то, что они фокусируются на опыте учащихся, зачастую исключая из повестки самих ученых.

Аналогичная ситуация сложилась и в российских исследованиях. На сегодняшний день для гендерного направления в отечественной науке характерно отсутствие прорыва в концептуальной проработке гендера и его производных, невзирая на востребованность гендерной проблематики в российском обществе [2, 7]. Специалисты в области образования, говоря о необходимости исследования гендерных вопросов, признают и ассоциированные с этим сложности [8]. Актуализация гендерной повестки сопряжена и существенно ограничена гендерной асимметрией в российском обществе и образовании, «которая подразумевает неравную представленность и распределение социальных ролей между женщинами и мужчинами в различных сферах жизни» [5; 8. С. 156]. По этим причинам в образовательной среде существует объективная необходимость описания современных подходов к гендерным вопросам и определения механизмов дальнейшей интеграции повестки гендерного равенства в образовательные исследования.

Различная интерпретация понятий обусловлена не только развитием гендерной теории в контексте образования, но и представлениями об акторах институциональной образовательной среды, социальных идентичностях и их взаимоотношениях [9]. Такой плюрализм приводит к определенным теоретическим и методологическим сложностям ввиду принципиально спорных исследовательских подходов. Гендер представляет собой социокультурный феномен, по-разному воспринимаемый в зависимости от контекста и периода времени [10]. Аналогичная ситуация характерна и для понятия гендерного равенства: оно сопровождается широким спектром различных смыслов и определений, зависящих от эпистемологических и онтологических позиций.

Таким образом, учитывая актуальный запрос среди отечественных исследователей на «изучение и интеграцию гендерных вопросов в образовательную систему» [8. С. 156], становится крайне важным понимание того, что именно вкладывается в понятия «гендер» и «гендерное равенство» в образовании, для разработки и реализации мер, направленных на решение существующих гендерных проблем. В данном исследовании предпринята попытка восполнить пробелы в литературе путем обзора и анализа публикаций, чтобы предоставить конкретные интерпретации гендера и гендерного равенства, с которыми можно работать гендерным исследователям в области образова-

ния. Данная статья, аналогично исследованиям в области гендерного равенства, не только описывает сложные и противоречивые вопросы гендера, но и участвует в дискуссиях о том, как интерпретируется этот термин, и тем самым участвует в (ре)конституировании гендерных отношений в повседневной рабочей среде.

Гендер в контексте образовательной среды: обзор теоретических подходов

На сегодняшний день в социальных исследованиях все чаще можно услышать утверждения о том, что те или иные вещи являются «социально сконструированными». Гендер не является исключением. С момента первых научных упоминаний в 1970-х гг. интерпретация гендера как такового стала предметом многочисленных споров [11]. Основная причина заключается в попытке дифференцировать гендер от физиологических и анатомических особенностей биологического пола, что вызывает научные споры по сей день.

В самом общем виде под гендером понимаются «атрибуты и возможности, связанные с принадлежностью к женскому и мужскому полу… атрибуты, возможности и отношения являются социально обусловленными и усваиваются в процессе социализации» [12]. Идея гендера как социального конструкта рассматривает общество, а не биологические половые различия в качестве основы гендерной идентичности. Это означает, что гендер «зависит от определенных социальных факторов в отношении своего существования… вещь, какой является гендер, не существовала бы и не была бы такой, какая она есть, если бы не эти факторы» [13. P. 394]. То есть гендер никогда не является стабильным описанием индивида, а сам человек конструирует гендер как таковой, действуя в рамках или за рамками социально принятых гендерных стереотипов.

В контексте гендера может существовать целый ряд процессов, посредством которых ожидания, связанные с мужским и женскими полом, передаются через общественные нормы. Самый распространенный пример – раннее детство, когда ребенок сталкивается с «голубой» и «розовой» гендерной реальностью. Такое очевидное гендерное разделение характерно и для образовательной среды. Так, в научных областях сложилась тенденция разделения некоторых научных областей на женские и мужские группы [14, 15]. Например, распространен стереотип о том, что физика, математика предназначены преимущественно для мужчин, и это оказывает влияние на профессиональное развитие мужчин и женщин [16]. Это все справедливо говорит о том, что фокус в гендерных исследованиях в области образования должен быть в равной степени как на учащихся, так и на ученых-исследователях.

В исследованиях образования также встречаются подходы к пониманию гендера именно с точки зрения социального конструкта. В рамках такой интерпретации гендер – это сочетание характеристик, «свойственных мужскому и женскому полу, которые связаны с их половозрастным статусом, этико-конфессиональной и социально-культурной принадлежностью» [17; 18. С. 176]. Это значит, что под гендером понимается совокупность особенностей пола, сочетающая в себе биологические и культурные черты.

Интерпретация гендера в образовании, как в любой институциональной среде, может также основываться на обозначении отношений власти и иерар-

хии. Гендер действует не только на уровне персонального восприятия индивида, но и является характеристикой институтов и социальных структур. Такой подход называется феминистским институционализмом [19]. Он фокусируется на взаимоотношениях между институтами и субъектами и устранении гендерного неравенства.

В контексте феминистского институционализма, теоретического подхода которого придерживается автор данной статьи, гендер рассматривается как конституирующий элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых социально и культурно изменяемых различиях между женщинами и мужчинами. Это означает, что гендер формируется культурой и обществом в целом, может существовать во многих вариантах, изменяться и подстраиваться под время. Следовательно, такой социальный конструкт формирует восприятие гендерных характеристик в зависимости от институциональной сферы, в основном неформальных институтов.

В контексте данного подхода любой институт может быть и стать гендерным, в котором гендерные установки (например, о мужественности и женственности, о мужских / женских научных областях) встроены в организацию любых институтов. Это значит, что гендерные стереотипы, существующие в обществе или закрепленные в индивидах, переносятся в институт. Гендерные отношения рассматриваются не только как институциональные, но и институционализированные, так как непосредственно встроены в общественные институты и могут ограничивать и вместе с тем формировать социальное взаимодействие.

В недавнее время феминистский институционализм стал популярным и при изучении образовательных институтов. Так, Вердж и соавт. определяют типы непринятия интеграции гендера в образовательные программы в одном из испанских университетов и показывают, как неформальные нормы, лежащие в основе актуализации гендерной проблематики, влияли на внедрение новых гендерно-ориентированных учебных программ [20]. Клаверо и Галлиган исследуют взаимодействие гендерных и институциональных изменений в университетах для оценки факторов, препятствующих реализации планов по обеспечению гендерного равенства [21]. Действительно, феминистский институционализм может объективно стать ключевым теоретическим подходом в области гендерных исследований в образовании, так как дает более глубокое понимание роли формальных и неформальных институтов в гендерных вопросах.

Таким образом, гендер – это социально обусловленные роли и отношения, черты личности, установки, ценности, которые общество приписывает полам. Социально конструируемые женские и мужские характеристики, которые лежат в основе гендера, могут объяснять существующие гендерные проблемы. С теоретической точки зрения это значит, что гендер в контексте образовательной среды стоит рассматривать не только с позиции персонального восприятия вовлеченных акторов, но и как характеристику образовательных институтов.

Подходы к определению гендерного равенства в образовательной среде

Плюрализм интерпретаций характерен и для понятия гендерного равенства. Среди гендерных исследователей встречается мнение, что не существу-

ет стандартного определения гендерного равенства в образовательной среде [22]. Отсутствие универсальной интерпретации существенно влияет как на практические измерения, так и на возможность обобщения литературных данных. Обзор существующих подходов поможет выявить особенности функционирования гендерного равенства в образовательной среде с теоретической точки зрения.

По мнению социолога Сильвии Уолби, в литературе обычно выделяют три различных видения гендерного равенства в обществе или институциональной среде [23]. Первый подход основан на концепции ‘одинаковости’, которая представляет гендерное равенство как вопрос достижения равных прав и возможностей. Такой подход также называют «моделью инклюзии», так как люди как автономные акторы непосредственно вовлечены в политику равенства [24]. Однако с такой концепцией можно не согласиться из-за чрезмерно индивидуалистского подхода и стремления ассимилировать женщин в соответствии с заранее заданным набором норм и стандартов.

Во втором подходе к гендерному равенству, напротив, делается акцент на возможных различиях. Этот, так называемый «реверсивный», подход к равенству стремится к практике профессионального признания, оценивающей и подчеркивающей отличие женщин от доминирующей мужской нормы. Так, например, определение гендерного неравенства подразумевает «дифференцированную оценку мужчин и женщин, а также областей женской и мужской занятости в образовательных заведениях» [25. P. 208]. Такой подход также критикуется и, как следствие, не является универсальным, так как продвигает фиксированный взгляд на равенство, который недооценивает множество различных гендерных особенностей [23].

Для преодоления недостатков описанных концепций была предложена альтернативная модель трансформационных изменений. В ее основе лежит партиципаторная стратегия, направленная на оспаривание и пересмотр существующих норм и стандартов, определяющих гендерную ориентацию социальной жизни, путем деконструкции структурных и культурных условий и постановки под сомнение самого гендерированного порядка мира [26]. Согласно современным представлениям о модели трансформационных изменений, устойчивое гендерное равенство может быть достигнуто только путем «интервенции в гендерное устройство»: институты должны структурно изменить методы работы для повышения гендерного равенства [27].

Однако на практике пока нет четкого понимания, каким образом должны и могут быть достигнуты эти трансформационные изменения. Реализация гендерного равенства в сфере образования идет медленно и трудно, а результаты не являются однозначными (см., напр.: [28, 29]). Иными словами, на сегодняшний день не существует универсального пути к гендерному равенству, что, безусловно, ограничивает расширение гендерной повестки.

Современный теоретический подход к гендерному равенству в контексте образовательной среды основан на знаниях, которыми обладают акторы о реализации гендерного (не-)равенства. Хотя знание как таковое не является достаточным условием для изменений, исследователи справедливо подчеркивают важность осведомленности всех сторон о гендерных процессах, так как только члены образовательных институтов обладают ре-

альными знаниями о гендерных практиках. На практике это значит, что достижение гендерного равенства должно включать в себя повышение осведомленности акторов о существующих гендерных проблемах в образовательной среде.

В последние несколько лет в гендерных исследованиях в области образования распространение получила система оценивания (см., напр.: [26, 30]). Такой подход к гендерному равенству предоставляет теорию и инструменты для анализа того, как институциональная деятельность способствуют достижению поставленных целей в области гендерного равенства и как эти достижения влияют на желаемые результаты исследований. Политика гендерного равенства, будучи комплексным явлением, встраивается в многоуровневые системы, в которых она сама функционирует и тем самым становится их неотъемлемой частью. Для этого система оценивания предполагает интеграцию ряда факторов, включая особенности коллектива, организации и проводимой политики для достижения реальных позитивных гендерных изменений. Это тесно связано с феминистским институционализмом, который также подразумевает интеграцию политики гендерного равенства в институциональные установки. Однако систему оценивания следует адаптировать к каждому конкретному вмешательству с учетом институциональных установок, гендерных и контекстных особенностей организации.

Согласно системе оценивания, мероприятия по обеспечению гендерного равенства вписываются в сложный контекст, в котором большое количество переменных взаимодействует друг с другом и, таким образом, в итоге определяет эффективность и воздействие программы [26]. Как следствие, фактические результаты политики гендерного равенства зависят как от эффективности проводимой политики, так и от других контекстуальных переменных, таких как организационные установки, официальные мероприятия. Применение гендерно-чувствительных и теоретически обоснованных подходов к системе оценивания позволяет систематически учитывать различные уровни влияния на эффективность проводимой политики, а именно на конкретные механизмы и институциональный контекст.

Таким образом, на сегодняшний день универсальным подходом для достижения гендерного равенства в образовательной среде с теоретической точки зрения являются: (1) повышение осведомленности о существующих гендерных проблемах; (2) интеграция политики гендерного равенства в институциональные установки. Это значит, что отправной точкой гендерной политики должно стать признание того, что институты в значительной степени гендерно обусловлены и внутри них возможны гендерные изменения. Такой подход подчеркивает важность усилий по разработке объективных исследований, которые не обоснованы в явном виде текущим субъективным опытом людей в их повседневной жизни, т.е. стереотипами.

Заключение

Гендер относится не просто к женщинам или мужчинам, а к отношениям между ними, и для исследования гендера в образовании необходимы усилия для эксплицитного определения понятия гендера и его дифференциации от пола. Несмотря на сложности, связанные с концептуализацией и определением гендера, этот термин открывает перспективы для изучения норм и ожида-

ний, влияющих на поведение людей в социальных контекстах, что также требует целенаправленных усилий по уточнению его значения в образовательных институтах.

Операционализация феминистского институционализма как теоретического подхода к изучению гендера в образовательной среде и объединение его с политологическими источниками как основой области применения феминистского институционализма позволяет сформулировать необходимый категориальный и методологический аппарат для исследований в области образования. Через призму феминисткого институционализма можно предположить, что различие между профессиональной деятельностью и карьерным ростом мужчин и женщин в сфере образования в идеале должно быть устранено, и равенство должно стать институциональной нормой. Это, соответственно, подчеркивает важность реформирования образовательных институтов с учетом повестки гендерного равенства.

Сочетание гендерной перспективы с подходом, основанным на системе оценивания и трансформационных изменениях, позволяет позиционировать позитивные гендерные изменения в конкретном контексте и предложить осмысление возможных шагов по решению гендерных проблем. Такой подход может эффективно решить некоторые сложности, с которыми сталкиваются образовательные институты в области гендерного неравенства. Он может помочь институтам фокусироваться на гендерных проблемах как таковых, повышая осведомленность и интегрируя политику гендерного равенства в институциональные установки, тем самым применяя системный подход к проблеме.

Список источников

1. *Crocco M.S.* Gender and sexuality in the social studies // Handbook of Research in Social Studies Education. New York : Routledge, 2008. Ch. 11 p.

2. *Реснянский С.И., Амиантова И.С.* Гендер в российской истории: обзор новейших исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2019. Т. 18, №. 2. С. 278–301.

3. *Воронова А. В.* Гендер как предмет междисциплинарного анализа // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2, № 2. С. 196–201.

4. *Critical* approaches to women and gender in higher education / P.L. Eddy, K. Ward, T. Khwaja ed. Springer, 2017.

5. *Штылёва Л.В.* Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М. : Per Se, 2008. 315 с.

6. *Monroe K. et al.* Gender equality in academia: Bad news from the trenches, and some possible solutions // Perspectives on politics. 2008. Vol. 6, № 2. P. 215–233.

7. *Пушкарева Н.Л.* Что такое гендер? Характеристика основных концепций // Гендерная теория и историческое знание. Сыктывкар : СГУ, 2005. С. 8–20.

8. *Сухорукова Н.А.* Реализация гендерного подхода в образовательной практике технического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2. С. 155–158.

9. *Francis B., Paechter C.* The problem of gender categorisation: Addressing dilemmas past and present in gender and education research // Gender and Education. 2015. Vol. 27, № 7. P. 776–790.

10. *Alvesson M., Billing Y.D.* Understanding gender and organizations. Sage, 2009.

11. *Schiebinger L.* Has feminism changed science? // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 2000. Vol. 25, № 4. P. 1171–1175.

12. Gender Equality in Academia and Research – GEAR tool // European Institute for Gender Equality. 2022. URL: https://eige.europa.eu/gender-mainstreaming/toolkits/gear/terms-and-definitions. (accessed: 10.05.2023).

13. *Griffith A. M.* Social construction and grounding // Philosophy and Phenomenological Research. 2018. Vol. 97, № 2. P. 393–409.

14. *Захарова Е.К., Мхитарян Т.А., Савинская О.Б.* Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе. М.: Вариант, 2017.

15. *Pilkina M., Lovakov A.* Gender disparities in Russian academia: a bibliometric analysis // Scientometrics. 2022. Vol. 127, № 6. P. 3577–3591.

16. *Law F. et al.* Children's gender stereotypes in STEM following a one-shot growth mindset intervention in a science museum // Frontiers in psychology. 2021. Vol. 12. P. 641–695.

17. *Баурова Ю.В.* Гендерный подход в образовании: взгляд на проблему // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. Vol. 3, № 3. P. 93–97.

18. *Мудрик А.* О полоролевом (гендерном) подходе в социальном воспитании // Народное образование. 2007. № 5. С. 175–181.

19. *Mackay F., Kenny M., Chappell L.* New institutionalism through a gender lens: Towards a feminist institutionalism? // International Political Science Review. 2010. Vol. 31, № 5. P. 573–588.

20. *Verge T., Ferrer-Fons M., González M.J.* Resistance to mainstreaming gender into the higher education curriculum // European Journal of Women's Studies. 2018. Vol. 25, № 1. P. 86–101.

21. *Clavero S., Galligan Y.* Analysing gender and institutional change in academia: evaluating the utility of feminist institutionalist approaches // Journal of Higher Education Policy and Management. 2020. Vol. 42, № 6. P. 650–666.

22. *Moss-Racusin C.* A. et al. Scientific diversity interventions // Science. 2014. Vol. 343, № 6171. P. 615–616.

23. *Walby S.* Gender mainstreaming: Productive tensions in theory and practice // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2005. Vol. 12, № 3. P. 321–343.

24. *Squires J.* The constitutive representation of gender: extra-parliamentary re-presentations of gender relations // Representation. 2008. Vol. 44, № 2. С. 187–204.

25. *O'Connor P., Irvine G.* Multi-level state interventions and gender equality in higher education institutions: The Irish case // Administrative Sciences. 2020. Vol. 10, № 4. P. 98–118.

26. *Schmidt E.K., Graversen E.K.* Developing a conceptual evaluation framework for gender equality interventions in research and innovation // Evaluation and Program Planning. 2020. Vol. 79. P. 101–750.

27. *Lansu M., Bleijenbergh I., Benschop Y.* Seeing the system: Systemic gender knowledge to support transformational change towards gender equality in science // Gender, Work & Organization. 2019. Vol. 26. № 11. P. 1589–1605.

28. *Волкова Т.А., Волков Н.А.* Реализация принципа гендерного равенства в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-2. С. 241–250.

29. *Moss-Racusin C.A. et al.* Scientific diversity interventions // Science. 2014. Vol. 343, № 6171. P. 615–616.

30. *Beidas R.S. et al.* Advancing gender equity in the academy // Science Advances. 2022. Vol. 8, № 13. Art. eabq0430.

References

1. Crocco, M.S. (2008) Gender and sexuality in the social studies. In: Levstik, L.S. & Tyson, C.A. (eds) *Handbook of Research in Social Studies Education*. Routledge. p. 172.

2. Resnyanskiy, S.I. & Amiantova, I.S. (2019) Gender v rossiyskoy istorii: obzor noveyshikh is-sledovaniy [Gender in Russian history: A review of the latest research]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 18(2). pp. 278–301.

3. Voronova, A.V. (2015) Gender kak predmet mezhdistsiplinarnogo analiza [Gender as a subject of interdisciplinary analysis]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2(2). pp. 196–201.

4. Eddy, P.L., Ward, K. & Khwaja, T. (ed.) (2017) *Critical approaches to women and gender in higher education*. Springer.

5. Shtyleva, L.V. (2008) *Faktor pola v obrazovanii*. *Gendernyy podkhod i analiz* [Gender factor in education. Gender approach and analysis]. Moscow: Per Se.

6. Monroe, K. et al. (2008) Gender equality in academia: Bad news from the trenches, and some possible solutions. *Perspectives on Politics*. 6(2). pp. 215–233. DOI: 10.1017/S1537592708080572

7. Pushkareva, N.L. (2005) *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 8–20.

8. Sukhorukova, N.A. (2012) Realizatsiya gendernogo podkhoda v obrazovatel'noy praktike tekhnicheskogo vuza [Implementation of a gender approach in the educational practice of a technical university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2. pp. 155–158.

9. Francis, B. & Paechter, C. (2015) The problem of gender categorisation: Addressing dilemmas past and present in gender and education research. *Gender and Education*. 27(7). pp. 776–790.

10. Alvesson, M. & Billing, Y.D. (2009) *Understanding Gender and Organizations*. Sage.

11. Schiebinger, L. (2000) Has feminism changed science? *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 25(4). pp. 1171–1175.

12. European Institute for Gender Equality. (2022) *Gender Equality in Academia and Research – GEAR tool*. [Online] Available from: https://eige.europa.eu/gender-mainstreaming/toolkits/gear/terms-and-definitions. (Accessed: 10th May 2023).

13. Griffith, A.M. (2018) Social construction and grounding. *Philosophy and Phenomenological Research*. 97(2). pp. 393–409.

14. Zakharova, E.K., Mkhitaryan, T. A. & Savinskaya, O.B. (2017) *Zhenshchiny i STEM v tsifrovuyu epokhu: politika zanyatosti v megapolise* [Women and STEM in the digital era: Employment policy in the metropolis]. Moscow: Variant.

15. Pilkina, M. & Lovakov, A. (2022) Gender disparities in Russian academia: a bibliometric analysis. *Scientometrics*. 127(6). pp. 3577–3591.

16. Law, F. et al. (2021) Children's gender stereotypes in STEM following a one-shot growth mindset intervention in a science museum. *Frontiers in psychology*. 12. pp. 641–695. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.641695

17. Baurova, Yu.V. (2010) Gendernyy podkhod v obrazovanii: vzglyad na problemu [Gender approach in education: A look at the problem]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 3(3). pp. 93–97.

18. Mudrik, A. (2007) O pololorolevom (gendernom) podkhode v sotsial'nom vospitanii [About the sex-role (gender) approach in social education]. *Narodnoe obrazovanie*. 5. pp. 175–181.

19. Mackay, F., Kenny, M. & Chappell, L. (2010) New institutionalism through a gender lens: Towards a feminist institutionalism? *International Political Science Review*. 31(5). pp. 573–588.

20. Verge, T., Ferrer-Fons, M. & González, M.J. (2018) Resistance to mainstreaming gender into the higher education curriculum. *European Journal of Women's Studies*. 25(1). pp. 86–101. DOI: 10.1177/1350506816688237

21. Clavero, S. & Galligan, Y. (2020) Analysing gender and institutional change in academia: evaluating the utility of feminist institutionalist approaches. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 42(6). pp. 650–666. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1733736

22. Moss-Racusin, C.A. et al. (2014) Scientific diversity interventions. *Science*. 343(6171). pp. 615–616.

23. Walby, S. (2005) Gender mainstreaming: Productive tensions in theory and practice. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 12(3). pp. 321–343. DOI: 10.1093/sp/jxi018

24. Squires, J. (2008) The constitutive representation of gender: extra-parliamentary representations of gender relations. *Representation*. 44(2). pp. 187–204. DOI: 10.1080/00344890802080464

25. O'Connor, P. & Irvine, G. (2020) Multi-level state interventions and gender equality in higher educa-tion institutions: The Irish case. *Administrative Sciences*. 10(4). pp. 98.

26. Schmidt, E.K. & Graversen, E.K. (2020) Developing a conceptual evaluation framework for gender equality interventions in research and innovation. *Evaluation and Program Planning*. 79. pp. 101–750. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2019.101750

27. Lansu, M., Bleijenbergh, I. & Benschop, Y. (2019) Seeing the system: Systemic gender knowledge to support transformational change towards gender equality in science. *Gender, Work & Organization*. 26(11). pp. 1589–1605. DOI: 10.1111/gwao.12384

28. Volkova, T.A. & Volkov, N.A. (2012) Realizatsiya printsipa gendernogo ravenstva v sovremennoy Rossii [Implementation of the principle of gender equality in modern Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 19–2. pp. 241–250.

29. Moss-Racusin, C.A. et al. (2014) Scientific diversity interventions. *Science*. 343(6171). pp. 615–616.

30. Beidas, R.S. et al. (2022) Advancing gender equity in the academy. *Science Advances*. 8(13). p. eabq0430.

Сведения об авторе:

Пилкина М.В. – приглашенный преподаватель Департамента политики и управления, аспирант Института образования НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mpilkina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Pilkina M.V. – visiting scholar, postgraduate student, Doctoral School of Education, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pilkina96@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 04.09.2023;
approved after reviewing15.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 289–299.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 289–299.

Научная статья
УДК 322
doi: 10.17223/1998863X/75/24

ТРАДИЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ОСНОВ

Нина Гаррьевна Щербинина[1], Елена Григорьевна Аванесова[2]

[1, 2] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
[1] *sapfir.19@mail.ru*
[2] *avanesovafsf@yandex.ru*

Аннотация. На основе «понимающей» парадигмы даются определения политической культуры как смыслового мира и политической традиции в качестве носителя базовых смыслов. Подчеркивается, что политическая культура России хранит преимущественно «традиции сознания», актуализируя значимую «сакральную реальность» по мере репрезентации власти. Показано, что православие как система ценностей и образцов политического поведения оказало существенное влияние на формирование политической культуры России.
***Ключевые слова*:** политическая культура, политическая традиция, православные основы, христианские ценности, догматическое мышление

Для цитирования: Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Традиционный элемент политической культуры России: конституирование православных основ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 289–299. doi: 10.17223/1998863X/75/24

Original article

THE TRADITIONAL ELEMENT OF THE POLITICAL CULTURE OF RUSSIA: CONSTITUTION OF ORTHODOX FOUNDATIONS

Nina G. Shcherbinina[1], Elena G. Avanesova[2]

[1, 2] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*
[1] *sapfir.19@mail.ru*
[2] *avanesovafsf@yandex.ru*

Abstract. The political world manifests its essence in political culture as a semantic representation. In its context, through “layering”, a “reserve of knowledge” is formed, which includes a traditional element that is transmitted historically due to its significance. These basic mental constructs form a system of collective meanings, and the interpretation of contemporary events depends on them. Political tradition in general is a phenomenon in time of mental constructs of an evaluative nature or significant stereotypical images. “External traditions” are associated with the renewed significance of political institutions, but in Russia “traditions of consciousness” predominate. We are talking about the political construction of sacred reality: before us is not a dead past with its lessons. The “internal tradition” has nothing to do with the historical process, its phases and chronology; it resembles mythical stories about the beginning of all beginnings. These stories in Russia have a personal political hero (Vladimir the Saint) or a collective hero-victor in a renewed ritual of Victory. The hero or heroes perform feats, open new eras, actualize historical memory, establish a legitimately significant order, and serve as model examples. The political culture of Russia was formed under the influence of many factors, and confessional is one of the most

© Н.Г. Щербинина, Е.Г. Аванесова, 2023

significant. For many centuries, Orthodoxy performed a meaning-forming function in Russian society. It became the sphere of constituting values and patterns of political behavior, which formed the basis of the political culture of the state and today constitute its traditional element. Based on the biblical understanding of the nature of power, Orthodox theology has defined as proper love for the Fatherland and the need to protect it, effective patriotism, sacrificial service, and obedience to the law. Thus, Orthodoxy formed the basic attitudes of the thinking of Russian people, which Nikolai Rakityansky calls dogmatic. This type of thinking still manifests itself today, revealing itself in people's perception of events significant for Russia.

Keywords: political culture, political tradition, Orthodox foundations, Christian values, dogmatic thinking

For citation: Shcherbinina, N.G. & Avanesova E.G. (2023) The traditional element of the political culture of Russia: constitution of orthodox foundations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 289–299. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/24

Политическая культура включает в себя постоянные и изменчивые элементы. При этом именно традиционная составляющая политической культуры отвечает за сохранение ее квинтэссенции и структуры. Процесс конституирования таких основ представляет собой коллективное творчество по производству положительно означенных политических феноменов. Потому цель данной статьи состоит в рассмотрении политических традиций России как опорных элементов ее современной политической культуры вообще и выявлении конститутивной роли православных основ ее смыслового мира в частности. Поставленная цель реализуется на теоретическом материале и предполагает как определение основных понятий, так и демонстрацию репрезентативности православной традиции, понимаемой как ценностная конструкция догматической природы.

Данное исследование опирается на «понимающую», или «интепретативную» субъективистскую парадигму, принятую в социальных науках. Теоретической основой для релевантного определения понятия «политическая культура» нам послужила интерпретативная концепция культуры К. Гирца. Сам Гирц называл ее «семиотической», имея в виду, что культура представляет собой сеть, сотканную из смыслов, а «интерпретативная наука» должна заниматься выявлением значений [1. С. 173]. Аналогично политическая культура – это общий знаковый и смысловой контекст на уровне политического сегмента социума, образующего собственный символический мир. «Итак, политическая культура для нас – это исторически передаваемая система политических значений, воплощенных в символах; система унаследованных политических представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают свое политическое знание и отношение к политике» [2. С. 81]. Чтобы подчеркнуть важность такого опыта, сошлемся на суждение Ю.М. Лотмана, что «культура есть память, или, иначе говоря, запись в памяти уже пережитого коллективом, она неизбежно связана с прошлым историческим опытом» [3. С. 488]. Потому, если речь заходит об особой политико-культурной знаковой реальности (политический мир является одновременно и политико-культурным), то ее принципиальное отличие состоит в формировании внутренней смысловой структуры данного мира. Другими словами, политический мир проявляет свою сущность в политической культуре как смысловой репрезентации.

«Смысловые отношения формируют более глубокое ядро истины социальной действительности», а «истинность социальной действительности заключается в ее обремененности смыслом» [4. С. 108–109].

Конструирование политических традиций в виде базовых миров смыслов

Как же конституируются и структурируются миры базовых смыслов? Такого рода миры создаются креативными актами политического сознания, конструирующими саму субъективную реальность. Речь идет о ментальных конструктах, имеются в виду «синтез, обобщения, формализации, идеализации, характерные для определенного уровня организации мышления» [5. С. 60]. То есть ментальные политические конструкты, если применить к ним одну из основных идей Э. Гуссерля, порождены самим сознанием посредством его «интенционального переживания» и конституирования политических предметов. Теперь любой представленный предмет (и политический тоже) обретает свое ментальное бытие, не важно, существует ли он или является воображаемым [6. С. 349–350]. Это значит, что сам политико-культурный мир уже осмыслен коллективным сознанием как интенциональный предмет и представлен в символических формах. Ментальные конструкты включаются в любое знание о политическом мире и в ходе накопления чувственного опыта образуют связные структуры. Структурирование происходит по мере отложения опыта, протекающего в виде возобновляемого потока переживаний. Субъективное содержание политического сознания образуют феномены, и в значительной степени они являются продуктами воображения. При этом знание об объекте, на который направлено внимание, существует как определенный «осадок». Тем самым феноменологически понимаемое сознание конституируется исторически, когда один его «пласт» накладывается на другой [7. С. 173]. В результате образуется общий «запас знания» в контексте политической культуры, от состава и конфигурации которого зависят интерпретации человека. В этот запас всегда входит традиционный элемент политической культуры, которая образует систему коллективных значений. Набор базовых ментальных конструктов, по сути, призван организовать и духовный опыт, чтобы с его помощью интерпретировать политический мир как «правильный».

Итак, политическая реальность, или политико-культурный мир, в субъективном понимании, состоит из конструктов – «фактов», сотворенных сознанием и являющихся смысловыми феноменами, имеющими особую значимость в политической культуре. Согласно А. Шюцу, разделяются «субъективный смысл», связанный с ситуацией или действием, имеющими значение для самого действующего, и «объективный смысл», относящийся к интерпретации ситуации и действия другим [8. С. 617]. То есть «субъективный смысл» выражает особый взгляд индивида на собственное переживание, однако в обществе устанавливается и «объективный смысл», тот же взгляд, но бытующий в качестве интерсубъективного феномена. Базовые ментальные политические конструкты, исторически структурированные как православные основы, репрезентируют конституированный и в современной политической культуре «объективный смысл». Так политическое коллективное сознание самопроизвольно и активно творит ментальные миры, выстраивая структуры смыслов.

И задача политолога состоит лишь в том, чтобы понять и проинтерпретировать уже существующие, наличные смысловые связи. К таким связям относится и традиционный элемент политической культуры России.

Прежде чем раскрывать наше представление о «политической традиции», надо дать определение «традиции» вообще, и базовой категорией здесь послужит понятие «обычая». Как полагал культуролог Э. Сепир, обычай – это коллективная схема поведения, некое символическое утверждение солидарности группы, но носящее менее рациональный и формализованный характер, чем институт. При этом данный способ поведения не имеет, как подчеркивал Сепир, особой значимости (более значимы либо индивидуальная привычка, либо социальный институт). Обычай как форма стереотипного поведения опирается на традицию, при этом сам термин «традиция» указывает на исторический аспект обычая [9. С. 574–575]. А политические обычаи представляют собой политико-культурные паттерны или схемы-образы, и само их наличие свидетельствует о рутинизации политического поведения. В данной связи политическая традиция есть явленный политико-культурный стереотип, продолжающийся во времени. Это значит, что формируется некий упрощенный образ или ментальный конструкт оценочного характера, на основе которого может осуществляться политическое действие. Понятие традиционного действия интересовало и М. Вебера. Для него базовой категорией выступало социальное действие, в данном случае ориентированное на прошлое. То есть само действие может быть традиционно-типическим, повторяющимся в силу привычки или ценностно-рациональной мотивации. Традиционное политическое действие связано, согласно Веберу, с представлением о легитимном порядке, и дает, в свою очередь, смысл социально-политическому отношению. Другими словами, понятие «порядок» выражает особую значимость и является политическим образцом. Действующие в социальном мире ориентируются на порядок как раз в силу обычая, а «легитимная значимость» может быть придана порядку, в том числе и в силу традиции, «это значимость того, что было всегда». Тем самым легитимная значимость служит опорой традиционного типа господства. Онтологическая мотивация подчинения здесь основана на вере «в святость пришедших из прошлых времен… порядков» [10. С. 90, 95, 264]. Конечно, традиционный тип господства как таковой принадлежит далекому прошлому, однако традиционный элемент политической культуры сохраняется и переосмысливается в контексте легитимации политической власти и в нашей современности.

Если теперь перейти к общей характеристике российских политических традиций, то стоит подчеркнуть их разделение на «внешние традиции» и «внутренние традиции». «Внешние традиции» связаны с возобновляющимся означиванием политических институтов, но в России, по нашему мнению, преобладают «традиции сознания». И потому политическая культура до сих пор опирается на сакральное (даже в архаическом смысле) основание, что делает ее неподатливой на сущностные перемены. «Итак, наша политическая культура… имеет сакральный базис. Подобной основой обладают политические институты (государство, лидерство), политические структуры (иерархия), формы (система, режимы). И все это стало возможным потому, что сакральный элемент стал смыслообразующим в общественном сознании» [11. С. 39]. В подтверждение высказанных еще в 1990-е гг. идей можно напом-

нить, что корни наших политических традиций лежат в средневековой российской ментальности, когда осмысливалось образование государства как подлинно христианского, а государя Московского уже позиционировали в образе истинного и праведного православного правителя. Показательно, что сравнительно недавние символические репрезентации российской власти продемонстрировали, что политический микрокосм России обладает своим собственным смысловым наполнением, а современное политическое общество символизирует трансцендентную реальность, имеющую традиционно-сакраментальную основу. Мифологическая, по сути, конструкция репрезентировала официальное представление о современном легитимном порядке, имеющее значимость в контексте смысловой связи политической власти сегодняшней России с ее сакральными истоками [12. С. 194]. В качестве репрезентанта был сконструирован политический образ Святого равноапостольного князя Владимира Великого в виде триединства его сущностных характеристик: креститель Земли Русской, созидатель единого и централизованного государства, духовный «основатель» русской истории. Все эти значащие ментальные конструкты свидетельствуют, что православные основы как традиционный элемент политической культуры России относятся к политически актуализируемым «традициям сознания» и фундаментальному сакральному базису ее современной семантической версии.

Православная традиция как основа ментальных политических конструктов России

Понимание культуры народа в целом и его политической культуры в частности невозможно вне связи с традиционной религией, поскольку она является сферой конституирования абсолютных ценностей, влияющих на ментальные установки и поведение человека. Одной из таких религий, оказавших влияние на историю России, ее традиции и культуру, является христианство. Принятие Русью его восточной ветви и распространение православного учения задавало обществу ту систему смыслов, которая оказала воздействие на все сферы его жизнедеятельности, не исключая и сферу политическую.

Крещение Руси князем Владимиром – знаковое событие, поскольку принятие христианства не просто означало смену одного верования на другое, но имело глобальные последствия и «было равноценно вступлению страны в цивилизованный мир» [13. С. 55]. Оно дало толчок формированию русской государственности и русской нации и, что особенно важно, определило «базовые установки мышления людей» [14. С. 103]. Нельзя не согласиться с Н.М. Ракитянским, который утверждает, что именно религия, детерминирующая все сферы жизнедеятельности общества посредством своих догматов, определяет судьбу цивилизаций и государств. Это утверждение в полной мере относится к России. Принимая восточное христианство, Россия вступала в зону влияния Вселенской Православной церкви, которая имеет специфическую модель устройства: она децентрализована и состоит из поместных автокефальных церквей, объединенных общей догматикой и литургической практикой, но при этом не лишенных национальной специфики, хотя и предполагается, что формулировка «поместная» указывает на территориальную юрисдикцию церкви. Данная модель устройства Вселенской Православной

церкви способствовала тому, что автокефальные церкви становились определенного рода творцами национальных традиций. Более того, по мнению И. Мейендорфа, «православный Восток всегда стремился к воцерковлению тех элементов национальной традиции, которые могли способствовать развитию христианства в данном народе» [15]. Русская православная церковь получила самостоятельность в XV в. и, будучи хранительницей общехристианских догматов, формулировала на их основе идеи, которые касались исключительно русской действительности и оказали огромное влияние на политическую историю России. Безусловно, современная политическая культура России – это «сложный продукт человеческой деятельности и истории» [16], на формирование которого оказали влияние многие факторы, но следует признать, что православие как религия, ставшая традиционной, – один из значимых из них, что позволяет вести речь о ее православных основах, под которыми мы будем понимать систему ценностей, сформированную на базе православного мировоззрения и задаваемую христианским учением, затрагивающим не только сферу трансцендентного, но и мирского. В данном случае понятие «христианское учение» шире понятия «христианские догматы», так как подразумевает не только сами догматы, но и неразрывно связанное с ними и формируемое на их основе православное богословие.

Как писал А.С. Панарин, «православная онтология в высшем смысле ортодоксальна» [17. С. 168], она устанавливает особого рода границы должного отношения человека к Богу, миру и ближнему, способствует особому мировосприятию и мироощущению верующего. И это мировосприятие не связано с его отвержением, как можно предположить, исходя из библейского – царство Христово «не от мира сего» (Иоан. 18:36). Напротив, «православие было искони мироприемлюще» [18. С. 314], поскольку определяло мир как творение Божие и видело свою задачу в творческом его преображении в соответствии с религиозными ценностями, постоянство, стабильность и даже в некотором роде «консервация» [19. С. 8] которых приводили к формированию устойчивых национальных традиций.

Для христианства в целом характерно весьма положительное отношение к власти и государству, поскольку и то, и другое, по мнению верующих, есть, с одной стороны, следствие грехопадения человека, но с другой – дар Божий утратившему святость человечеству. Знаменитые слова апостола Павла, написанные им в Послании к Римлянам, «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1), указывают на власть как некую бытийную основу человеческого существования, принцип устройства человеческого общежития, исходящий от Бога. Между тем воплощение этого принципа – дело рук человека, поэтому христианство всегда подчеркивало необходимость уважительного отношения к власти, но отвергало возможность поклонения ей, поскольку государственная власть, имея «божественный онтологический источник» [20. С. 541], в реальном своем воплощении может злоупотреблять силой, пуская ее не на борьбу со злом, но, напротив, на преумножение зла.

Библейские высказывания, касающиеся природы власти, нашли свое развитие в русском богословии. Именно в православной традиции появилось представление об особой роли Руси в мире, так как она является восприемницей византийской культуры и государственности и после падения Рима и

Константинополя становится единственным христианским царством и «другим не сменится» [21]. Знаменитая формула «Москва – третий Рим» содержит ряд идей, и наиболее значимые из них – величие России как христианского государства и величие царя, который «единый есть христианам царь» [21], наделенный высочайшим статусом помазанника Божия, и который получает в таинстве миропомазания особые благодатные дары [22]. Данный статус наделяет власть самодержца сакральными смыслами, что влечет за собой и определенное отношение к ней: вера в особую харизму благочестивого царя, выполняющего свое предназначение, безусловное принятие власти как таковой, законопослушание. Как писал Иоан Кронштадский, «чтобы быть членами того отечества, уважай и люби (его) законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества» [23]. Само государство в православной традиции наделяется особыми нравственными смыслами, что делает его чем-то большим, чем просто политический институт, и воспринимается как «необходимое орудие промысла Божия» [24].

Принятие Русью православия стало не только основой формирования государственности, но и основой формирования русской нации. Христианство сделало то, что не могло сделать язычество с его многобожием и внутренней разделенностью. Постепенное приятие единой веры, религии единобожия, объединило славянские племена и способствовало формированию единой идентичности. Православие сказало свое слово и в определении роли русского народа: с одной стороны, русскому народу отводится мессианская роль, которая состоит в проповеди православия среди всех народов мира, а с другой – роль хранителя национальных традиций.

Нельзя не отметить, что иногда христианское учение воспринимается как космополитическое, отвергающее ценность нации и национальной культуры, и объясняется это тем, что консолидация на основе религиозного фактора «перекрывает» национальные идентичности, делая их малозначимыми или вовсе не имеющими значения. Действительно, христианство обращается в первую очередь к личности, провозглашая равенство индивидов в деле спасения. Однако христианский универсализм, выражающийся в понимании единства всех верующих во Христе, не отменяет национального начала, так как целое – сообщество верующих – состоит из частей, каковыми являются нации и народы, которые, в свою очередь, состоят из конкретных индивидов. Христианство не только не отвергает национальное как таковое, но отдает должное национальному самосознанию, поскольку оно «представляет собой форму хранения исторических традиций и культуры народа» [16] и, что особенно важно, демонстрирует способность укреплять национальную идентичность.

Русская православная церковь осознавала и чувствовала напряжение между ее вселенскими притязаниями и принадлежностью к определенной культуре и государственности [25. С. 20, 39], но в лице своих представителей декларировала возможность «совмещения» того и другого, что и закреплено в ее базовых документах, включая «Основы социальной концепции Русской православной церкви». Нельзя не упомянуть исследования, авторы которых полагают, что указанный документ, скорее, демонстрирует «тенденцию к отходу от универсализма» [25. С. 20], сосредоточиваясь на национальном. Впрочем, эта тенденция «сосредоточения на национальном» всегда была характерна для РПЦ, представители которой подчеркивали важность любви

к Отечеству, действенного патриотизма и жертвенного служения, готовности «положить душу» за него. Необходимость защиты Отечества – важная составляющая православной этики. Христианство является одним из источников теории справедливой войны, и РПЦ всегда разделяла ее пафос: «…признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости» [23]. Все эти идеи, составляющие основу православной этики, оказали заметное влияние на самосознание русского народа и, как следствие, на его политическую культуру.

Заключение

Проведя концептуализацию основных понятий политико-конструктивистского исследования на поставленную тему, мы приходим к выводу, что православная традиция, трактуемая как ментально-ценностная конструкция, показала свою сущностную природу. Православие стало одним из источников репрезентативных ценностей и образцов политического поведения, синтез которых и составляет сущность политической культуры [26. С. 184]. Оно сформировало определенный тип мышления русского человека, который Н.М. Ракитянский называет мышлением догматическим [14. С. 106–107] и полагает, что религиозный догмат «служит опорой менталитета, средоточием высших ценностей каждого человека, принимающего эти догматы» [14. С. 113]. Данный тип мышления проявляет себя и в современном российском обществе, он актуализируется и обнаруживается в том числе в восприятии людьми определенных знаковых событий. Ярким примером является праздник Победы, в котором «сходятся» история и современность и который наделяется особыми духовными смыслами. В православии существует давняя традиция «поминовения воинов», подвиг которых оценивается чрезвычайно высоко, поскольку «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Эта традиция имеет глубинные основания, которые задаются христианским пониманием смерти, в отношении к которой «раскрывается и определяется понимание жизни в конкретной культуре» [27], а также памяти как живой связи между поколениями и забвения как ее утрате. Для последнего времени характерна актуализация сакральных смыслов данного политического праздника, что позволило сравнивать и соотносить его по смыслам с христианской Пасхой, основной посыл которой состоит в утверждении победы жизни над смертью, и в конечном итоге определять праздник Победы как ментальную репрезентацию традиционного элемента политической культуры.

Список источников

1. *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 171–200.

2. *Щербинина Н.Г.* Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 287 с.

3. *Лотман Ю.М.* О семиотическом механизме культуры // Семиосфера. СПб. : Искусство – СПБ, 2001. С. 485–503.

4. *Вельцель Х.* Научно-теоретические и методические основы политологии // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 107–129.

5. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в социальных науках // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 51–68.

6. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 3 (1): Логические исследования. М. : Гнозис : Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.

7. *Шюц А.* Основные понятия феноменологии // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 161–179.

8. *Шюц А.* Равенство и смысловая структура социального мира // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 616–666.

9. *Сепир Э.* Обычай // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс : Универс, 1993. С. 574–581.

10. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1: Социология. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.

11. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политический мир России. Томск : Водолей, 1996. 256 с.

12. *Щербинина Н.Г.* Конструирование сакрального пространства как истока русской власти // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 192–196.

13. *Ахиезер А.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 3. С. 51–76.

14. *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. 463 с.

15. *Мейендорф И., протопресвитер*. Православие в современном мире. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/pravoslavie-v-sovremennom-mire/5 (дата обращения: 20.07.2023).

16. *Карелин Р., архимандрит*. Христианство и модернизм. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Rafail_Karelin/hristianstvo-i-modernizm/3 (дата обращения: 20.08.2023).

17. *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. 1248 с.

18. *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Рус. книга, 1993. Т. 1. С. 285–330.

19. *Вера*. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М. : Культурная революция, 2007. 368 с.

20. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. С. 479–730.

21. *Послания* старца Филофея. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-9/17 (дата обращения: 22.07.2023).

22. *Свят. Филарет Московский (Дроздов)*. Христианское учение о царской власти и об обязанностях народа. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/hristianskoe-uchenie-o-tsarskoj-vlasti-i-ob-objazannostjah-vernopoddannyh/1_1 (дата обращения: 22.07.2023).

23. *Основы* православной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_2_1 (дата обращения: 20.08.2023).

24. *Соловьёв В.С.* Значение государства. URL: http://odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_znachenie_/

25. *Намли Е.* Православное богословие и искушение властью // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 3 (32). С. 12–41.

26. *Шатилов А.* Постсоветские подходы к изучению политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 3. С. 183–194.

27. *Шмеман А., протопресвитер*. Литургия смерти и современная культура. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/liturgija-smerti-i-sovremennaja-kultura/

References

1. Geertz, K. (1997) “Nasyshchennoe opisanie”: v poiskakh interpretativnoy teorii kul'tury [“A rich description”: In search of an interpretative theory of culture]. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury* [Anthology of Cultural Studies]. Vol. 1. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 171–200.

2. Shcherbinina, N.G. (2011) *Mifo-geroicheskoe konstruirovanie politicheskoy real'nosti Rossii* [Mytho-heroic construction of the Russian political reality]. Moscow: ROSSPEN.

3. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB.

4. Welzel. H. (204) Nauchno-teoreticheskie i metodicheskie osnovy politologii [Scientific, theoretical and methodological foundations of political science]. In: Konegen, N. & Shubert. K. (eds) *Metodicheskie podkhody politologicheskogo issledovaniya i metateoreticheskie osnovy politicheskoy*

teorii [Methodological approaches to political science research and metatheoretical foundations of political theory]. Moscow: ROSSPEN.

5. Schutz, A. (2004a) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Translated from German by V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN. pp. 51–68.

6. Husserl, E. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis: Dom intellektual'noy knigi.

7. Schutz, A. (2004b) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Translated from German by V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN. pp. 161–179.

8. Schutz, A. (2004c) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Translated from German by V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN.pp. 616–666.

9. Sapir, E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Translated from English. Moscow: Progress, Univers. pp. 574–581.

10. Weber, M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: HSE.

11. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (1996) *Politicheskiy mir Rossii* [The political world of Russia]. Tomsk: Vodoley.

12. Shcherbinina, N.G. (2017) Construction of sacral space as the source of Russian power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 192–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/29

13. Akhiezer, A. (2002) Spetsifika rossiyskoy politicheskoy kul'tury i predmeta politologii (Istoriko-kul'turnoe issledovanie) [Specificity of Russian political culture and the subject of political science (Historical and cultural research)]. *Pro et Contra*. 7(3). pp. 51–76.

14. Rakityanskiy, N.M. (2020) *Mental'nye issledovaniya global'nykh politicheskikh mirov* [Mental explorations of global political worlds]. Moscow: Moscow State University.

15. Mejendorf, I. (n.d.) *Pravoslavie v sovremennom mire* [Orthodoxy in the modern world]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/pravoslavie-v-sovremennom-mire/5 (Accessed: 20th July 2023).

16. Karelin, R. (n.d.) *Khristianstvo i modernism* [Christianity and modernism]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otech-nik/Rafail_Karelin/hristianstvo-i-modernizm/3 (Accessed: 20th August 2023).

17. Panarin, A.S. (2014) *Pravoslavnaya tsivilizatsiya* [Orthodox civilization]. Moscow: Institute of Russian civilizations.

18. Ilin, I.A. (1993) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Rus. Kniga. pp. 285–330.

19. Mchedlov, M.P. et al. (eds) (2007) *Vera. Etnos. Natsiya. Religioznyy komponent etnicheskogo soznaniya* [Faith. Ethnos. Nation. The Religious Component of Ethnic Consciousness]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

20. Berdyaev, N.A. (1998) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio. pp. 479–730.

21. Elder Philotheus. (n.d.) *Poslaniya startsa Filofeya* [Messages of Elder Philotheus]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-9/17 (Accessed: 22nd July 2023).

22. Holy Filaret of Moscow (Drozdov). (n.d.) *Khristianskoe uchenie o tsarskoy vlasti i ob obyazannostyakh Naroda* [Christian teaching about royal power and the duties of the people]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/hristianskoe-uchenie-o-tsarskoj-vlasti-i-ob-objazannostjah-vernopoddannyh/1_1 (Accessed: 22nd July 2023).

23. Azbyka.ru. (n.d.) *Osnovy pravoslavnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Fundamentals of the Orthodox concept of the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/ otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_2_1 (Accessed: 20th August 2023).

24. Soloviev, V.S. (n.d.) *Znachenie gosudarstva* [The Meaning of the State]. [Online] Available from: http://odinblago.ru/filosofiya/solovev/so-lovyev_znachenie_/

25. Namli, E. (2014) Pravoslavnoe bogoslovie i iskushenie vlast'yu [Orthodox theology and temptation by power]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3(32). pp. 12–41.

26. Shatilov, A. (2002) Postsovetskie podkhody k izucheniyu politicheskoy kul'tury [Post-Soviet approaches to the study of political culture]. *Pro et Contra*. 7(3). pp. 183–194.

27. Shmeman, A. (n.d.) *Liturgiya smerti i sovremennaya kul'tura* [Liturgy of Death and Modern Culture]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/liturgija-smerti-i-sovremennaja-kultura/

Сведения об авторе:
Щербинина Н.Г. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Росссия). E-mail: sapfir.19@mail.ru
Аванесова Е.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
Shcherbinina N.G. – Dr. Sci. (Political Science), docent, professor of the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru
Avanesova E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023;
одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 20.08.2023;
approved after reviewing 16.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 300–306.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 300–306.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Наука между пост- и нормой

Научная статья
УДК 001.38
doi: 10.17223/1998863X/75/25

ПРАКСИС И ДЕЙКСИС НАУЧНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: В ПОИСКАХ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Софья Владимировна Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается постнормальный режим существования современной науки, проявляющийся в ее практической ориентированности и трансдисциплинарности. В цифровую эпоху благодаря социальным медиа коммуникационная связь между исследователями-гуманитариями и их социальными «заказчиками» науки становится прямой. Соответственно, первые все чаше вовлекаются в непосредственное производство объекта своего исследования и вовлекают в него как в общее благо других людей.
Ключевые слова: пост-нормальная наука, новая нормальность, общественное одобрение науки, наука и практика, праксис, дейксис

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Тихонова С.В. Праксис и дейксис научного гуманитарного исследования: в поисках новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 300–306. doi: 10.17223/1998863X/75/25

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Science between post- and normal

Original article

PRAXIS AND DEIXIS OF SCIENTIFIC HUMANITARIAN RESEARCH: IN SEARCH OF A NEW NORMALITY

Sophia V. Tikhonova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation, segedasv@yandex.ru

Abstract. The article deals with a test of the universality of the mode of combining scientific rigor and political relevance. Since the concept of political relevance is a political science one, the author suggests a methodological calibration of the term through extrapolation and

© С.В. Тихонова, 2023

generalization. As a result, she puts forward concepts reflecting the relationship between the researcher and his object, corresponding to the political action of the investigating political scientist. The content of such relations is (a) the researcher's involvement in the studied object and/or the production of such an object, and (b) the involvement of other people in such participation. Accordingly, for other areas of humanitarian knowledge, the synonymous concepts of political relevance and activism need to be concretized by replacing them with the concepts of praxis and deixis. Praxis presupposes the creation of an object by a humanitarian scientist on the basis of the theory put forward by him; deixis expands praxis by attracting mass attention to it and involving a wide range of participants. The praxis variant is considered on the case of the novel *The Name of the Rose*, in which Umberto Eco realized his semiotic theory, eventually creating a work of art studied by semiotics. The deixis variant is considered on the example of the production of historical memory by digital historians. Digital historians create digital projects, the core of which is professional historical knowledge, and seek the accession of a wide range of users to them. Cases demonstrate the possibility of the practical orientation of a wide range of humanities disciplines. Praxis and deixis are correlated with the conditions of interaction between the new normality of digital society and post-normal science, their involvement in cascading permanent crises. Digital media are becoming a source of strengthening the practical orientation of post-normal science.

Keywords: post-normal science, new normality, public approval of science, science and practice, praxis, deixis

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-20011: Digital Literacy: Interdisciplinary Research (Regional Aspect).

For citation: Tikhonova S.V. (2023) Praxis and deixis of scientific humanitarian research: in search of a new normality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 300–306. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/25

XXI век принес человечеству усложняющийся каскад кризисов. Воспринимавшийся как самый опасный из них, пандемийный, быстро уступил арену кризису геополитическому. В этих условиях усиливается интерес к постнормальной науке как новому социально-эпистемическому феномену, включающему нормальную науку в куновском смысле в контекст демократизации, развития трансдисциплинарных практик и коллабораций с гражданской наукой. Для пост-нормальной науки характерно «артикулированное стремление к общественному благу» [1. С. 28], которое выводит ее на рубеж освоения статуса политического субъекта. В этом случае в структуру постнормальной науки встраивается модус соединения научной строгости и политической актуальности. Ее пост-нормальность означает рост числа и значения политико-ориентированных исследований и распространение трансдисциплинарной экспертизы, обе тенденции настоятельно «вмешивают» прежде кабинетных ученых в актуальную повестку проблем социального управления, требующих неотложного разрешения. В данном контексте, отталкиваясь от идей С. Фунтовича и Дж. Равеца, Л.В. Шиповалова приходит к выводу о неизбежности слияния научного знания и политического действия [2]. Если мы его принимаем, то наука оказывается попыткой практического предприятия, взламывающей традиционные представления о социальной коммуникации между исследователем, заказчиком и потребителем. Насколько возможна такая новая коммуникационная ситуация в гуманитарной науке? Является ли она универсальной или относится только к предметным областям переднего края экспансии новых технологий? Для ответов на эти вопросы нам придется выяснить, как вообще возможна практика в деятельности исследователя.

Профессионализация науки изначально и предполагала отход от эталонных титанов Возрождения, способных реализовать свои исследовательские порывы самостоятельно в искусстве и инженерном деле, к модели кабинетной науки. Однако коммуникационные революции привели к тому, что связь между потребителями науки и исследователями перестала требовать опосредующих технологических решений. Гуманитарии перестают нуждаться в том, чтобы «внедрять» свои результаты через рынок по образцу контракта между естественниками и инженерами. Во многом это достижение распространения социальных медиа. С одной стороны, как справедливо показывает Л.В. Шиповалова, чувственный характер цифровых медиа приводит к тому, что воспринимающая информацию публика начинает смешивать ее с тем, что было пережито в личном опыте, обыватель начинает считать себя экспертом и претендовать на участие в политическом решении [3. С. 284]. С другой стороны, фиксируя эффекты реципиента, следует помнить, что именно коммуникатор должен запустить сообщение в источник коммуникации; если поменялась роль публики, значит исследователи стали вести себя иначе. Соответственно, исследователи сегодня все активнее вносят свой вклад в «общественное одобрение науки» [4. С. 140] не только и не столько собственно исследовательскими программами. Медиа усиливают практическую ориентацию науки. Обозначим термином «праксис» вовлечение исследователя в изучаемый объект и / или производство такого объекта, а термином «дейксис» – привлечение к такому участию других людей, и рассмотрим кейсы, свидетельствующие об укорененности праксиса и дейксиса в современной гуманитарной науке.

Начнем с праксиса на кейсе романа «Имя розы» У. Эко. Важными его положениями являются концепты компетентности читателя и «идеального читателя». Феномен компетентности связан со степенью освоенности культурного кода носителем языка, при этом «некомпетентное» использование кода неравнозначно провалу коммуникации, напротив, оно позволяет носителю языка менять смысл взаимодействия, разворачивать его, например, в ситуацию комического, юмористического взаимодействия. Поэтому усиление влияния сообщения в массовой культуре требует не изменения содержания сообщения, а изменения кода чтения. Последнее осуществимо не только автором, но и читателем, поэтому текст массовой культуры одновременно «написан» и первым, и вторым.

Роль читателя Эко калибрует вторым концептом; идеальный читатель компетентен настолько, что учитывает множественность вариантов интерпретации. Сам текст ограничивает варианты интерпретации (предполагается, что их много, но они не бесконечны), а идеальный читатель раскрывает их. Как показывают Т.В. Смирнова и И.А. Унжакова, для Эко «„идеальный читатель“ не является совершенным, а, скорее, только движется в сторону адекватной интерпретации» [5. С. 21]. Сам Эко отличался весьма широким диапазоном владения культурными кодами, как журналист он создал «постоянный поток острых, сильных и обычно развлекательных статей и эссе по конкретным темам в области радиовещания, издательского дела, рекламы и связанных с ними аспектов современной массовой культуры. В то же время в своей семиотической теории он разработал впечатляюще сложные концептуальные рамки, в рамках которых проводится остальная часть его работы» [6. P. 160].

Идеи взаимосвязи множественности знаков и компетентности носителя кода в процессе семиозиса были практически реализованы в постмодернистском полижанровом произведении «Имя розы»; в нем каждый из использованных жанров задает смысловые пласты, в которых читатель (как массовый, так и узкий специалист) может обнаружить доступные ему коннотации и аллюзии или сконструировать их самостоятельно. Этот роман обеспечивает читателю полигон для производства «возможных миров» интерпретации: «читатель, таким образом, является сыщиком, конструирующим множество возможных миров, смысл которых находится за пределами материального царства данного текста и полностью находится в метафизическом царстве возможного мира сознания читателя» [7. P. 179]. Его открытая структура – «лабиринт» – провоцирует читателя на повышение своей компетентности, обучает его, заставляет улавливать все новые коды, удерживать в поле внимания противоречия идеологических позиций, утверждает его статус свободно интерпретирующей личности через диалог. Одновременно реформируется образ Средневековья через новый способ контакта с ним: вместо скучного нагромождения энциклопедических и учебниковых текстов читатель оказывается в центре детективной истории, открывающей совершенно другой мир, способный при этом рассказывать читателю о нем самом. Этот образ во многом определил характер последовавших за ним исследований «Нового Средневековья», к характеристикам которых С. Николс относит игру, юмор, релятивизм, неопределенность, дифференцированное повторение (серия копий, отличных от оригинала), перформативный мимесис, постколониализм, гендер, сексуальность и другие концепции, связанные с постмодернистской чувствительностью [8].

Популярность романа, его коммерческий успех, многочисленные переводы, две экранизации демонстрируют его состоятельность как продукта масскульта; влияние романа на развитие литературных жанров (исторический детектив, конспирологический детектив) и культурного феномена медиевализма подтверждает его статус общезначимого культурного объекта; наличие филологических, культурологических и философских исследований, посвященных ему, демонстрирует его трансформацию в исследовательский объект семиотики.

Вариант дейксиса будет рассмотрен на примере производства исторической памяти цифровыми историками. В первом приближении отношения историка и идеологии можно оценить как конгруэнтные отношениям политолога и политического действия. Действительно, формирование исторической науки как особой исследовательской области модерна тесно связано с государственным строительством, предполагавшим прямой заказ государства историкам на поддержание национальной идентичности. Профессиональные историки требовались для того, чтобы формировать единую модель исторических оценок в рамках всеобщего школьного образования. Однако эта связь усиленно подвергается разрушению социальным противостоянием личной и семейной памяти официальному историческом нарративу. Свой вклад внесли и процессы постмодернистской деконструкции, развенчивающие макропроекты исторической методологии как продукты властных притязаний элитарных групп. Во второй половине XX в. Прошлое, конструируемое политической идеологией, вытесняется коллективной исторической памятью,

опирающейся на конвенционально утверждаемые большинством типовые воспоминания – опыт травм и противостояния репрессивной политике государства. Профессиональному историку модерна противостояли фальсификаторы истории, искажавшие исторические факты в угоду идеологии, но пользовавшиеся рациональной авторской аргументацией, мимикрируюшей под профессиональный исторический дискурс. Конечный потребитель исторического знания – обыватель – нуждался в «переводе» профессиональной истории, который обеспечивался журналистикой и литературой, прямое взаимодействие между исторической наукой и массами в этот период было минимальным.

В цифровую эпоху аберрации коллективной памяти опираются на во многом иррациональное и массовое творчество, переставшее быть анонимным, но распределяющееся в социальных сетях между инфлюенсерами, комментаторами и трансляторами контента. В таких условиях цифровой историк выступает агентом коллективной исторической памяти, производя в медиасфере профессиональную версию Прошлого и убеждая пользователей присоединиться к ее развитию, обеспечивая тем самым формирование коллективных идентичностей. Оценки трансформации роли профессионального историка весьма неоднозначны. По мнению А.Ю. Володина, задача цифрового историка – осуществлять критику исторических источников. Дискутирующие цифровые сообщества не нуждаются в концепциях, оценивающих исторические события, поскольку производят их сами, то, что им нужно – «это корпус фактов, которые не просто легко доступны, но и прошли источниковедческую экспертизу со стороны профессиональных историков. Члены этих сообществ не обладают достаточной подготовкой, чтобы самостоятельно проводить критику источников. Но они вполне в состоянии понять, что кто-то из историков обосновал недостоверность одного свидетельства, а другое такую проверку выдержало» [9. С. 93–94].

Е.Г. Лапина-Кратасюк и М.В. Рублева, рассматривающие включенность современных историков в цифровые проекты сохранения личной памяти, напротив, показывают, что профессиональный историк может быть автором, создателем и идеологом цифрового проекта, при этом роли участника, посредника и потребителя проекта остаются для него открытыми [10. С. 158]. Такое понимание роли цифрового историка акцентирует характерные для публичной истории как области исследования взаимодействие с «неакадемическими формами знания» и ориентацию на широкую публику. В этом контексте профессиональный историк всегда остается «дирижером» цифровой полифонии о Прошлом, хотя для этого ему и приходится спускаться в цифровые гаражи гражданской науки для калибровки сервисов по работе с цифровыми архивами, распознаванию исторических фейков в интернет-контенте и переходу к ретроспективному анализу больших данных.

Праксис и дейксис в условиях новой нормальности цифрового общества, когда каскадные перманентные кризисы рутинизируют прежде атипичные практики взаимодействия исследователя и объекта, легко поддерживают логику пост-нормальной науки, не только умножая число агентов трансдисциплинарного круга участников научно обоснованных обсуждений и решений общественно значимых проблем, но и перекраивая распределение ролей, вплоть до стратегий удвоения / утроения.

Список источников

1. *Порус В.Н., Бажанов В.А.* Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33. doi: 10.17323/2587-8719-2021-4-15-33

2. *Шиповалова Л.В.* Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 61–73. doi: 10.5840/eps202259341

3. *Шиповалова Л.В.* Судьба визуализаций в публичной научной коммуникации: между действием и представлением // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 4. С. 273–292. doi: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292

4. *Писарев А.А.* СТС и возможное будущее музея науки: к новой кунсткамере // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Т. 4. С. 131–185. doi: 10.23951/2312-7899-2021-4-131-185.

5. *Смирнова Т.В., Унжакова И.А.* Семиотическое знание о массовой коммуникации Умберто Эко и проблемы познания цифровой реальности // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 1. С. 17–23. doi: 10.26425/2658-347X-2019-1-17-23

6. *Robey D.* Umberto Eco: Theory and Practice in the Analysis of the Media // Culture and Conflict in Postwar Italy / ed. by Z.G. Barański, R. Lumley. London : Palgrave Macmillan UK, 1990. С. 160–177.

7. *Trifonas P.P.* The Role of the Reader: Remembering the Possible Worlds of Umberto Eco // Edusemiotics – A Handbook / ed. by I. Semetsky. Singapore : Springer Singapore, 2017. P. 179–191.

8. *Nicols S.G.* Writing the new Middle Ages // Neohelicon. 2006. Vol. 33, № 1. P. 141–169.

9. *Володин А.Ю.* Цифровая история: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. Т. 6, № 8 (41). С. 90–98.

10. *Лапина-Кратасюк Е.Г., Рублева М.В.* Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги–Steps. 2018. Т. 4, № 3-4. С. 147–165.

References

1. Porus, V.N. & Bazhanov, V.A. (2021) Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 5(4). pp. 15–33. (In Russian). DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-15-33

2. Shipovalova, L.V. (2022) How is Post-Normal Science Possible? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 59(3). pp. 61–73. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202259341

3. Shipovalova, L.V. (2021) The destiny of visualizations in public science communication: Between action and representation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 273–292. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292

4. Pisarev, A.A. (2021) STS and the possible future of the science museum: Towards a new Kunstkammer. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 131–185. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-131-185

5. Smirnova, T.V. & Unzhakova, I.A. (2019) Semioticheskoe znanie o massovoy kommunikatsii Umberto Eko i problemy poznaniya tsifrovoy real'nosti [Semiotic knowledge about mass communication Umberto Eco and problems of cognition of digital reality]. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2(1). pp. 17–23. DOI 10.26425/2658-347X-2019-1-17-23

6. Robey, D. (1990) Umberto Eco: Theory and Practice in the Analysis of the Media. In: Barański, Z.G. & Lumley, R. (eds) *Culture and Conflict in Postwar Italy*. London: Palgrave Macmillan UK. pp. 160–177.

7. Trifonas, P.P. (2017) The Role of the Reader: Remembering the Possible Worlds of Umberto Eco. In: Semetsky, I. (ed.) *Edusemiotics – A Handbook*. Singapore: Springer Singapore. pp. 179–191.

8. Nicols, S.G. (2006) Writing the new Middle Ages. *Neohelicon*. 33(1). pp. 141–169.

9. Volodin, A.Yu. (2015) Tsifrovaya istoriya: remeslo istorika v tsifrovuyu epokhu [Digital history: A historian in the digital era]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal Istoriya*. 6-8(41). pp. 90–98.

10. Lapina-Kratasyuk, E.G. & Rubleva, M.V. (2018) Proekty sokhraneniya lichnoy pamyati: tsifrovye arkhivy i kul'tura uchastiya [Projects for the preservation of personal memory: Digital archives and the culture of participation]. *Shagi – Steps*. 4(3–4). pp. 147–165.

Сведения об авторе:
Тихонова С.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: segedasv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Tikhonova S.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: segedasv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 308–313.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 307–312.

Научная статья
УДК 001.38
doi: 10.17223/1998863X/75/26

«ПАРАДОКС АГАМБЕНА»: О ГРАНИЦАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ПОСТ-НОРМАЛЬНОЙ НАУКИ

Кира Юрьевна Аласания

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, alasaniak@yandex.ru

Аннотация. На примере обращения к биополитике проанализирована корреляция установок пост-нормальной науки и ключевых положений биополитики как области гуманитарного знания. Отдельно рассматривается вопрос о статусе ученого и о границах политического действия, которое, согласно установкам пост-нормальной науки, неотделимо от научного знания.
Ключевые слова: биополитика, пост-нормальная наука, политизация жизни, политическое действие

Для цитирования: Аласания К.Ю. «Парадокс Агамбена»: о границах политического действия в эпоху пост-нормальной науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 307–312. doi: 10.17223/1998863X/75/26

Original article

AGAMBEN'S PARADOX: ABOUT THE LIMITS OF THE POLITICAL ACTION IN THE AGE OF POST-NORMAL SCIENCE

Kira Yu. Alasania

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, alasaniak@yandex.ru

Abstract. Based on biopolitical research, the article analyzes correlations between post-normal science's settings and biopolitics as a scope of the humanities. The article shows the theory of biopolitics as an example of post-normal science as it is interdisciplinary, addresses urgent social and political issues, which allows defining the attitude of scientists working in a certain field towards the current political order. The article pays special attention to the status of scientist and limits of political actions that is inseparable from scientific knowledge according to the concept of post-normal science. The article examines this issue based on the example of the situation developed around Giorgio Agamben's biopolitical theory, as this Italian philosopher actively participates in polemics on political measures taken by the states during the pandemic. The article shows the ambivalence of this case and perspectives for further discussions on the post-normal science concept.
Keywords: biopolitics, post-normal science, politization of life, political action

For citation: Alasania, K.Yu. (2023) Agamben's paradox: about the limits of the political action in the age of post-normal science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 307–312. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/26

Специфика современной научной деятельности, рассмотренная в свете концепта пост-нормальной науки, интересна в силу своей дискуссионности. Одним из способов осмысления и оценивания реальных сложностей, связан-

© К.Ю. Аласания, 2023

ных с обсуждением оснований пост-нормальной науки, является обращение к отдельным сферам исследовательской деятельности, которые в основе своей отвечают (или должны отвечать) критериям пост-нормальной науки [1]. Одним из таких примеров может служить биополитика как область гуманитарных исследований.

В масштабах истории науки развитие биополитики началось совсем недавно. Как замечает Томас Лемке, автор работы «Биополитика: расширенное введение», «понятие биополитики несколько лет назад было известно лишь ограниченному кругу специалистов, а сегодня оно используется в дискурсе разных наук. Более того, само слово вызывает интерес и у широкой публики» [2. P. 2]. Заметим, что Лемке обращает внимание как на специальный, так и на обывательский интерес к данной области. В случае с областью биополитики этот интерес видится естественным. Посыл, согласно которому биополитика представляет собой поле, в котором происходит взаимодействие науки, власти и общества, проявляющееся в различных формах, закладывается в работах Мишеля Фуко, которого принято называть основоположником биополитической традиции в области гуманитарного знания. Фуко концентрируется на семантике самого слова «биополитика» и говорит о специфике взаимодействия жизни (βιος) и политики. Жизнь осмысливается как нечто, что обязательно находится в фокусе внимания власти, контролируется ею. В то же время, когда Фуко говорит о политике в соответствующем контексте, то ключевым для него является значение общности, изначально заложенное в слове «политика». И если политика – это общность, то политическая жизнь – это жизнь населения. Объектом биополитики становится в этом случае не человек как биологическое существо, но биологические характеристики человека как представителя популяции. Эти характеристики можно измерить, контролировать и таким образом управлять жизнью [3. С. 474]. Властные техники включают в себя стандартизацию, оптимизацию, нормирование и нормализацию *жизни*. Жизнь измеряется показателями рождаемости, смертности, здоровья. С этой точки зрения понятие биополитики соотносится (или может потенциально соотноситься) с возникновением специального политического знания и иных дисциплин, таких как статистика, демография, эпидемология. Эти дисциплины делают возможным анализировать процессы жизни на уровне популяций и «управлять» индивидами и коллективами (сообществами), используя практики коррекции, исключения, нормализации, дисциплинарные техники, терапию и оптимизацию [2. P. 2]. Биополитика в основе своей междисциплинарна, и это еще один признак, позволяющий говорить о биополитике как о поле пост-нормальной науки.

Вопрос о междисциплинарности в наиболее современных версиях биополитической теории получает специальное развитие. Во-первых, биополитика как исследовательская область немыслима без обращения к вопросам о роли биотехнологий и биомедицины в современной жизни. В последнем пределе именно биотехнологии определяют сегодня функционирование биополитики. Отсюда вытекает необходимость включения в сферу биополитических исследований биоэтики (см., например, концепцию этополитики Николаса Роуза). Во-вторых, «биотехнологичность» современной биополитики приводит исследователей к обязательному обсуждению вопроса о роли экс-

пертизы, столь актуальному в контексте пост-нормальной науки. Биополитические проблемы являются очагами, вокруг которых формируется тот или иной дискурс, который специалисты в разных областях (биоэтика, генетика, фармацевтика, биотехнологии и т.п.) транслируют обывателю. Соответственно, одной из важнейших тем современного биополитического поля становится тема коммуникации между наукой и обществом [4. С. 94; 5. С. 281]. Это своего рода неизбежность, поскольку в каждой из профессиональных областей существуют собственные ответы на вопросы о жизни [6. P. 73–76], которые востребованы обывателем. В конечном счете персональный жизненный выбор прочно связывается с экономическими, медицинскими, политическими интересами. То есть индивидуальная борьба за здоровье и оздоровление неразрывно связана с политическими, медицинскими и экономическими интересами. В этом смысле сама область биополитики представляет собой поле, где проявляются «праксис» и «дейксис» в том значении, которое придает этим понятиям С.В. Тихонова.

Несмотря на появление новых направлений и интерпретаций, в порядке биополитических исследований сохраняется концептуальная константа, заданная в исследованиях Фуко: властные техники по управлению жизнью населения делают процесс политизации жизни процессом необходимым и естественным. Именно с политизацией жизни как конституирующей составляющей биополитики связана проблема, которая видится обязательной для обсуждения в контексте соответствия биополитических исследований установкам пост-нормальной науки. Данная проблема возникает тогда, когда речь идет о концепциях, которые построены на критике и даже неприятии биополитических техник как проявления намерений власти, заведомо враждебных по отношению к населению (к жизни). В этом случае чрезвычайно актуальными оказываются вопросы о статусе ученого, о границах политического действия как продолжения научной деятельности, и в то же время именно в этом случае, как в своей статье отмечает С.В. Тихонова, «в структуру постнормальной науки встраивается модус соединения научной строгости и политической актуальности».

В этом смысле репрезентативным видится пример взгляда на биополитику, представленный в работах итальянского философа Джорджо Агамбена, который невозможно рассматривать в отрыве от его политической позиции. Итак, в интерпретации Агамбена биополитика неизменно сопряжена с ощущением экстремальных условий человеческого существования, с понятиями выживания и чрезвычайного положения. Заметим при этом, что идеи Агамбена были артикулированы задолго до того, как актуализировались в широком научном и общественном дискурсе[1]. Определяя ситуацию чрезвычайного положения, Агамбен ссылается на Карла Шмитта [7. С. 7] и рассуждает о соотношении правового и политического в чрезвычайной ситуации. Чрезвычайная ситуация не может иметь юридической формы. Биополитика у Агамбена, по сути, представляет собой действия власти, направленные на население в чрезвычайной ситуации. Но есть один важный нюанс: власть стремиться к установлению чрезвычайного положения даже тогда, когда в этом нет необходимости.

[1] Работа Агамбена «Homo sacer. Чрезвычайное положение» увидела свет в 2003 г.

В программной работе Агмбена «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» есть глава под названием «Лагерь как биополитическая парадигма современности». Здесь лагерь предстает не как исторический факт или аномалия, относящаяся к прошлому, но как скрытая матрица, номос политического пространства. Лагерь – это пространство, возникающее тогда, когда чрезвычайное положение превращается в правило [8. С. 151–229]. Так, чрезвычайное положение, бывшее, по сути, временным прекращением действия правовой системы по причине фактической ситуации опасности, отныне обретает постоянную пространственную локализацию, которая сама по себе, впрочем, неизменно остается вне обычного правопорядка [7. С. 7]. Для человека, находящегося внутри этой системы, чрезвычайность ситуации нивелируется, чрезвычайное положение становится обыденным.

Сегодня теория Агамбена больше напоминает политический манифест. Сам ученый, надо сказать, прикладывает к этому немало усилий. В момент начала пандемии Агамбен активно выступал за то, что реальная угроза COVID-19 серьезно преувеличена. Власть использует потенциал чрезвычайной ситуации в своих целях. Ограничения, жесткий контроль, отслеживание перемещений и бесконечные манипуляции статистикой заболеваемости и смертности возвращают население не просто отдельно взятого государства, но всего мира к ситуации военного положения или даже лагеря. В многочисленных выступлениях Агамбена по этому поводу отдельное внимание уделяется критике экспертного сообщества, потворствующего власти в намерении превратить планету в пандемический лагерь.

И здесь возникает вопрос, связанный со сложностью определения ситуации, когда налицо связь научного знания с политическим действием, основанным на реакции на текущую ситуацию, но это действие оппозиционно. Более того, такая оппозиционность фундирована положениями тщательно разработанной теории. С одной стороны, «случай Агамбена» показывает, что научное сообщество (исследователи, занимающиеся разработкой биополитической проблематики сегодня) не готово принять позицию ученого, оппонирующего власти (властным решениям). Здесь можно наблюдать то, о чем говорит И.Т. Касавин: авторитетный философ превращается в глазах коллег в медиафигуру, мнение которой «расхватывают на цитаты и превращают в мемы» [9. С. 220]. В самом широком смысле аргументация противников Агамбена, среди которых наиболее откровенно высказывается, например, Жан-Люк Нанси [10], строится на том, что версия биополитики итальянского философа устарела, она не отражает современного состояния общества, условий медицинского и научного прогресса. Таким образом, парадокс Агамбена заключается в том, что теория, которая изначально соответствует критериям пост-нормальной науки, оказывается (или выглядит в глазах научного сообщества) противоречащей им, а триггером служит собственно политическая позиция ученого. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что перед нами пример активного взаимодействия представителя научного сообщества, работающего в формате «быстрого реагирования» на проблемы современности, власти и публики, часть которой с готовностью принимает позицию ученого.

Очевидно, что описанный случай не предполагает однозначного решения проблемы, однако может послужить поводом к дальнейшим размышлениям над концептом пост-нормальной науки и его составляющими.

Список источников

1. *Шиповалова Л.В.* Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 61–73. doi: 10.5840/eps202259341
2. *Lemke T.* Biopolitics. An Advanced Introduction. New York ; London : New York University Press, 2011. 160 p.
3. *Фуко М.* Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб. : Наука, 2011.
4. *Гребенщикова Е.Г.* Социотехнический режим геномных технологий: влияние социальных репрезентаций на биотехнонауку // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 3. С. 83–96. doi: 10.23951/2312-7899-2021-3-83-96
5. *Шиповалова Л.В.* Судьба визуализаций в публичной научной коммуникации: между действием и представлением // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 4 (30). С. 273–292. doi: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292
6. *Rose N.* The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007.
7. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. М. : Европа, 2011. 148 с.
8. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
9. *Касавин И.Т.* Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.
10. *Nancy J.-L.* Viral Exception. URL: https://johnpaulricco.com/2020/02/29/viral-intrusions-and-other-friendships/ (accessed:15.02.2022).

References

1. Shipovalova, L.V. (2022) How is Post-Normal Science Possible? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 59(3). pp. 61–73. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202259341
2. Lemke, T. (2011) *Biopolitics. An Advanced Introduction*. New York and London: New York University Press.
3. Foucault, M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France. 1977–78]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.
4. Grebenshchikova, E.G. (2021) Sociotechnical regime of genome technologies: influence of social representations on biotechnoscience. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 83–96. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-3-83-96
5. Shipovalova, L.V. (2021) The destiny of visualizations in public science communication: Between action and representation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 273–292. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292
6. Rose, N. (2007) *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
7. Agamben, J. (2011a) *Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie* [Homo Sacer. The State of Exception]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
8. Agamben, J. (2011b) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
9. Kasavin, I.T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 217–227. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/19
10. Nancy, J.-L. (2020) *Viral Exception*. [Online] Available from: https://johnpaulricco.com/2020/02/29/viral-intrusions-and-other-friendships/ (Accessed: 7th May 2023).

Сведения об авторе:
Аласания К.Ю. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: alasaniak@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Alasania K.Yu. – Cand. Sci. (Political Science), docent, associate professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alasaniak@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 313–318.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 313–318.

Научная статья
УДК 167.7
doi: 10.17223/1998863X/75/27

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ: КАК МЫ ВСЕ ЕЩЕ МЫСЛИМ ВМЕСТЕ

Тарас Александрович Вархотов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, varkhotov@gmail.com

Аннотация. Концепции пост-нормальной науки и пост-истины рассматриваются как средства ассимиляции науки институтами либеральной демократии и, шире, как симптомы кризиса оснований общественного согласия. Отмечается, что одной из фактически действующих неконвенциональных предпосылок согласия выступает устройство воображения, наиболее ясно раскрывающееся в мысленных экспериментах. Предметом априорного согласия выступают предельные представления – предъявляемые в мысленных экспериментах и сходных с ними процедурах способы работы воображения, проводящие границу между представимым и непредставимым. В результате мысленные эксперименты оказываются средством исследования границ и предельных форм представимости, которые и служат основанием социального согласия в сфере знания.

Ключевые слова: методологи науки, мысленный эксперимент, пост-истина, пост-нормальная наука, социальное согласие

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00804, https://rscf.ru/project/23-28-00804/

Для цитирования: Вархотов Т.А. Неконвенциональное согласие: как мы все еще мыслим вместе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 313–318. doi: 10.17223/1998863X/75/27

Original article

NON-CONVENTIONAL CONSENT: HOW WE STILL KEEP THINKING TOGETHER

Taras A. Varkhotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federationa, varkhotov@gmail.com

Abstract. In the article, the concepts of post-normal science and post-truth are considered as a means of assimilation of science by the institutions of liberal democracy and, more broadly, as symptoms of a crisis in the foundations of social consensus. The author notes that the recognition of science as a construct based on political will and arbitrariness of expert consent makes inexplicable the reproduction of the integrity of scientific knowledge and its high practical efficiency, which presuppose the existence of factors acting regardless the political will and, thereby, forcing for consent. One of these non-conventional prerequisites for consent is the arrangement of imagination, which is most fully revealed in thought experiments. Since imagination is unobservable and representations generated by it go beyond the boundaries of perceptions, the surprising fact of the success of thought experiments, i.e., their clarity and evidence, testifies to the fundamental unity of the principles of imagination's work – consent in this case can only be a priori, i.e., to be a condition for recognition, not conditioned by it. The subject of a priori consent is ultimate

© Т.А. Вархотов, 2023

images – ways imagination is presented in thought experiments and similar procedures, drawing the line between the imaginable and the unimaginable. Thus, thought experiments turn out to be a means of exploring the boundaries and limiting forms of imaginability, which serve as the basis for social consensus in the field of knowledge.
Keywords: methodology of science, thought experiment, post-truth, post-normal science, social consensus

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00804, https://rscf.ru/project/23-28-00804/

For citation: Varkhotov T.A. (2023) Non-conventional consent: how we still keep thinking together. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 313–318. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/27

Начиная примерно со второй половины 1960-х гг. классическое представление о науке как о репрезентативном знании, воспроизводимом квалифицированным и стремящимся к истине сообществом, оказалось дискредитировано. П. Фейерабенд весьма убедительно показал, «в какой мере теория может проникать в наше поведение так, чтобы мы могли «видеть» мир в ее терминах», и отметил, что «до сих пор предела такому проникновению не было найдено» [1. С. 446–447]. Различные варианты конструктивизма поставили под вопрос само различение «знания» и «реальности», указав, что последняя оказывается продуктом социально-технической инфраструктуры, в связи с чем различение между «находить» (открывать, познавать) и «создавать» (творить, конструировать) оказывается крайне неустойчивым или же просто иллюзорным.

Одновременно с эпистемологическими сомнениями в способности науки обеспечить репрезентативное знание о реальности росли подозрения морально-политического толка: не является ли научное сообщество *просто* еще одной элитой, защищающей с помощью сакрализации научной деятельности и ее результатов свои политические притязания? А если нет и ученые – *просто* люди, тогда не означает ли это, что, с одной стороны, их научные знания подвержены искажающему влиянию других социальных институтов и их моральные качества всегда (как и у всех) заслуживают подозрения, а с другой стороны, что *обычные люди* тоже вполне себе *ученые* и могут требовать себе таких же прав, какими обладает научное сообщество (например, *добывать* знание и определять его *ценность*)?

Эти вопросы – справедливости ради, едва ли имеющие однозначные ответы, – создали ужасающий беспорядок в современных дискуссиях о статусе науки и научного знания. Одними из ключевых тем этого беспорядка стали претендующие на диагностику «новой» современной ситуации концепты «пост-нормальной науки» и «пост-истины».

Первый концепт подчеркивает сочетание «фундаментальной неопределенности» реальности и социальной ангажированности науки, ставящее ученых в ситуацию неотвратимости политического участия и, соответственно, моральной ответственности за создаваемые ими «определенности» [2. С. 285]. В свою очередь, С.В. Тихонова в своей статье[1] подчеркивает другой аспект «пост-нормальности» – размывание границ между профессиональной

[1] Статья С.В. Тихоновой в этом номере журнала.

наукой и массовой аудиторией, которая в условиях изменяющегося способа воспроизводства науки получает ряд существенных для этого воспроизводства функций, некоторые из которых являются новыми – например, это касается краудсорсинговых проектов в духе «гражданской науки» [3]. Одновременно предпринимаются попытки вынести за пределы науки и вполне традиционные функции научного сообщества, такие как определение ценности, релевантности и достоверности результатов научной деятельности.

Сказанное выше подводит нас к ставшему невероятно модным в последние годы концепту «пост-истины», описывающему ситуацию, в которой истина невозможна, а притязание на истину есть политический жест – узурпация права устанавливать правила игры. С. Фуллер называет это «модальной властью» и, ссылаясь на Макиавелли, рисует картину диалектического противостояния «львов» и «лисиц» от института знания, первые из которых отстаивают ту или иную версию эпистемологии, а вторые отстаивают право не следовать ей. В этой ситуации истина невозможна, потому что подлинной целью борьбы являются не *знания*, а *права* – право диктовать и право не подчиняться диктату. Это политическая, а не познавательная цель – точнее, последняя полностью замещена первой и рассматривается как не существующая независимо от нее. «Нужно довериться способности людей самостоятельно принимать решения в вопросах истины, позволив им жить с последствиями своих решений даже тогда, когда их суждения оказались ошибочными…» [4. С. 17]

Масштабный вывод науки за пределы профессионального сообщества во второй половине XX в. был связан с растущей медиатизацией и развитием экспертного сообщества. Рост медийной инфраструктуры создал условия для замены реальности медийными репрезентациями и фактически неограниченной манипуляции представлениями массовой аудитории: «…речь идет не только о влиянии медиа на восприятие предмета, но и гораздо более глубокой трансформации: форматируется и восприятие, и сам предмет… Самое важное – существование ряда предметов вне форматирования становится проблематичным: во многих случаях тот смысл, за счет которого «существует» предмет, появляется именно за счет форматирования…» [5. С. 24]. В свою очередь, экспертное сообщество захватило функцию легитимации репрезентаций: эксперты олицетворяют авторитет знания, но решают не научные, а социально-политические задачи – те, которые С. Фуллер приписывает «львам» и «лисицам», меняющимся местами в зависимости от того, находится ли конкретная экспертная группа в локальном большинстве или меньшинстве [6. С. 303–304].

Развернувшаяся с 1990-х гг. (после знаменитого «доклада Бодмера») конвергенция профессиональной науки и неспециализированных аудиторий в рамках политики «общественного участия в науке» [7. P. 41] способствовала стремительному утолщению прослойки медиатизации научного знания, содержащей различные конвенциональные *факты*, как правило, получившие удобную для восприятия *форму* – простые формулировки, количественные данные, визуализации и т.п. При этом *инфраструктура*, на которой воспроизводятся эти *факты*, – методы, инструменты, исходные данные и т.д. – отделяется и скрывается, поскольку сложна и непонятна для неспециалистов. Ее изъятие создает идеальные условия для диалектики «львов» и «лис»: с од-

ной стороны, факты *выглядят* простыми, понятными и универсальными, а с другой стороны, без необходимой им инфраструктуры они уязвимы и легко могут быть «разоблачены». Так воспроизводится миф о «неопределенности» реальности и об отсутствии альтернативы конвенционализму – факт есть то, с чем мы согласны, и мы вправе предоставить или отозвать свое согласие, поскольку фактичность создается согласием, а не наоборот. Как в этой ситуации достигается хоть какое-то согласие и сохранятся определенный уровень целостности знания?

Факты неясны и случайны, консенсус произволен, – до тех пор, пока мы не обращаем внимания на характер участия в воспроизводстве научных представлений *воображения* – «слепой» функции рассудка, работа которой обеспечивает мышлению предметность [8. С. 54–55]. Значимой в данном контексте является зависимость моделей и практики науки от некоторых специфических представлений, которые удобнее всего назвать *предельными*.

Дать явное определение *предельному представлению* затруднительно, однако можно воспользоваться примером: в наиболее доступной форме предельные представления раскрываются в мысленных экспериментах, где воображение замещает перцепцию и вместо факта как результата наблюдения появляется квази-наглядное событие – некоторое *возможное* представление [9]. Поскольку такое представление по определению является *всего лишь* возможным, оно приобретает ценность, только когда предъявляет некоторую границу воображения, разделяющую возможные (представимые) и невозможные (непредставимые) факты.

Важной особенностью мысленных экспериментов является их конвенциональность: они вскрывают необходимые условия представления тех или иных предметов [10]. Мысленный эксперимент, в отличие от лабораторного, попросту не мог бы стать предметом обсуждения, если бы не обладал ясностью и значимостью *до того*, как это обсуждение начнется – это согласие не как результат, а как предпосылка, т.е. перед нами *основание социального согласия*, которое обнаруживается в устройстве воображения, в предельных представлениях, маркирующих границы наших возможностей представлять, опредмечивать, т.е. *понимать*. Таким образом, мысленные эксперименты оказываются своего рода свидетельством в пользу наличия неконвенционального общественного согласия в сфере знания – они вскрывают универсальные способы представления, эффективные сценарии конструирования предметов.

С другой стороны, используемые в мысленных экспериментах предельные представления с необходимостью носят нереалистический, т.е. выходящий за границы перцептивно-практической действительности, характер. Например, Дж. Роуз в знаменитом мысленном эксперименте с «завесой неведения» предлагает нам выбрать принципы устройства общества, не имея возможности узнать, какое место мы в нем займем, а Р. Фогель построил модель развития экономики США, как если бы железнодорожная сеть в стране не была построена. В результате мысленные эксперименты оказываются не только основанием консолидации, но и средством фиксации разногласий. Выявляемые в мысленных экспериментах предельные представления предъявляют ресурсы воображения, разделяющие тех, кто их принимает, и тех, кто их отвергает: мы можем пойти за Роузом или Фогелем, воспользовавшись

найденными ими способами собирать предмет («справедливость», «экономический рост»), а можем указать на абсурдность их опорных представлений и на этом основании счесть предложенные ими формы работы воображения подозрительными.

Наконец, мысленные эксперименты оказываются мощным инструментом социальной практики, соединяя функции, названные С.В. Тихоновой «праксисом» и «дейксисом». Успешный, т.е. апеллирующий к предельным представлениям, мысленный эксперимент реализует мечту Р. Бойля о всеобщем свидетельстве – он доступен и убедителен (демонстративен) для неограниченного круга лиц, включая неспециалистов. Хотя эффект свидетельства создается здесь вокруг *способа* представления, а не самого *образа* (по поводу которого как раз типичны разногласия, отделяющие сторонников и противников данного *способа* представления), мысленный эксперимент сохраняет важную для обеспечения консенсуса связь с перцептивно-практической действительностью: он направлен на решение почерпнутой оттуда задачи и всегда содержит остаточные перцептивные элементы – воображение сохраняет связь с перцептивной действительностью и удерживает ее компоненты для обеспечения предметности представления, его возможности выступать *представлением чего-то* (например, справедливости в приведенном выше примере мысленного эксперимента Дж. Роуза). И несмотря на то, что профессиональный контекст и тонкости интерпретации предельного представления останутся достоянием внутрицехового знания, предъявленная в мысленном эксперименте возможность (или невозможность) легко превращается в общее место – в само собой разумеющейся способ представлять мир. Колоссальный манипулятивный потенциал мысленных экспериментов встречается здесь с важной продуктивной возможностью сделать основания знания ясными и отчетливыми для всякого счастливого обладателя воображения.

Список источников

1. *Фейерабенд П.* Ответ на критику // Структура и развитие науки. М. : Прогресс, 1978. С. 419–470.

2. *Шиповалова Л.В.* Судьба визуализаций в публичной научной коммуникации: между действием и представлением // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 4 (30). С. 273–292.

3. *You* don't have to be a scientist to do science. URL: http://boinc.bakerlab.org/rosetta/ (accessed: 10th June 2023)

4. *Фуллер С.* Постправда: знание как борьба за власть. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

5. *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 2 (28). С. 9–27.

6. *Кошовец О.Б.* Образы экономической реальности в науке, политике и публичном пространстве: тенденции XXI века. М. : Ин-т экономики РАН, 2023. 376 с.

7. *Short D.B.* The public understanding of science: 30 years of the Bodmer report // The School Science Review. 2013. Vol. 95 (350). P. 39–44.

8. *Вархотов Т.А.* Роль воображения в системе конструирования предметностей научного знания у Г.Лейбница // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2017. № 4. С. 53–68.

9. *Sorensen, R.* Thought experiment and imagination // The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination / ed. A. Kind. Routledge, 2016. P. 420–436.

10. *Вархотов Т.А.* Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Вып. 2 (24). С. 199–224.

References

1. Feyerabend, P. (1978) *Struktura i razvitie nauki* [Structure and Development of Science]. Translated from English. Moscow: Progress. pp. 419–470.

2. Shipovalova, L.V. (2021) The destiny of visualizations in public science communication: Between action and representation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 273–292. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292

3. *Rosetta@home website.* [Online] Available from: http://boinc.bakerlab.org/rosetta/ (Accessed: 10th June 2023).

4. Fuller, S. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth. Knowledge as a Power Game]. Translated from English. Moscow: HSE.

5. Artamonova, Yu.D. & Volodenkov, S.V. (2021) Mediatization as a research concept: Main prerequisites of the formation and possibilities for further development. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2(28). pp. 9–27. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27

6. Koshovets, O.B. (2023) *Obrazy ekonomicheskoy real'nosti v nauke, politike i publichnom pro-stranstve: tendentsii XXI veka* [Images of economic reality in science, politics and public space: trends of the 21st century]. Moscow: RAS.

7. Short, D.B. (2013) The public understanding of science: 30 years of the Bodmer report. *The School Science Review*. 95(350). pp. 39–44.

8. Varkhotov, T.A. (2017) The role of imagination in G. Leibniz' system of constructing the subject-matters of scientific knowledge. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 4. pp. 53–68.

9. Sorensen, R. (2016) Thought Experiment and Imagination. In: Kind, A. (ed.) *The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination*. Routledge. pp. 420–436.

10. Varkhotov, T.A. (2020) Imagination as a Borderline of Understanding: The Function of Imagination in Thought Experiments. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2(24). pp. 199–224. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-199-224

Сведения об авторе:
Вархотов Т.А. – кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и методологии науки философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: varkhotov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Varkhotov T.A. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, acting head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: varkhotov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 319–323.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. 75. pp. 319–323.

Научная статья
УДК 167.7
doi: 10.17223/1998863X/75/28

«ПОСТ-НОРМАЛЬНОЕ» СОСТОЯНИЕ НАУКИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ИЗМЕРЕНИЯМ

Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, melik-irina@yandex.ru

Аннотация. Высказаны возражения против фиксации нового качества науки в «цифровую» эпоху. Гуманитарные исследования находились и находятся в проблемной ситуации: они исследуют системы, превосходящие по своей сложности объекты фундаментальной науки, но без основных инструментов, которыми вооружено естествознание. Такими инструментами являются процедуры измерения и проведение экспериментов. Заменой этим инструментам служат концептуальные модели. Сделан вывод о том, что современное состояние науки как социального института способна диагностировать модель, в которой установлены взаимосвязи фаз самоорганизации, стадий информационного процесса (всех стадий, а не только процессов трансляции информации) и этапов семиотической динамики.
***Ключевые слова*:** информационные процессы, семиотическая динамика, инвариант научной деятельности, трансформация правил, «парадокс профана»

Для цитирования: Мелик-Гайказян И.В. «Пост-нормальное» состояние науки: противостояние впечатлений измерениям // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 319–323. doi: 10.17223/1998863X/75/28

Original article

A “POST-NORMAL” STATE OF SCIENCE: CONFRONTATION BETWEEN IMPRESSIONS AND MEASUREMENTS

Irina V. Melik-Gaykazyan

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, melik-irina@yandex.ru

Abstract. The laconicism of this phrasing is achieved due to the analogy of doing science with playing chess. The analogy serves to illustrate the difference between the invariant rules of the game of chess and the transformation of the rules of chess tournaments. Similarly, there is a difference between the unchanged (over the last four centuries) norms of doing science and the constant transformation of science as a social institution. In the context of the proposed analogy, the concept of post-normal science captures changes in the rules of chess tournaments. The transformation of communication methods within the scientific community is similar to familiarization with the rules by which online chess functions. In the scientific community, a “player” is confronted with time, which determines the speed of achieving new results. Delay costs the “player” the loss of opportunities and the loss of their position in the competition. This interpretation of the concept’s locus reveals a number of reasons why researchers become socially active outside their professional field. Research in the humanities faces a great challenge: it studies systems that are more complex than those of fundamental science but without the essential tools that the natural sciences possess. These tools are measurement procedures and conducting experiments. Conceptual models

© И.В. Мелик-Гайказян, 2023

act as replacements for these tools. It is concluded that the current state of science as a social institution enables one to diagnose a model where the interrelationship between the phases of self-organization, the stages of the information process (all its stages, rather than just the processes of information transmission), and the steps of semiotic dynamics is established.
Keywords: information processes, semiotic dynamics, invariant of scientific activity, transformation of rules, ignoramus paradox

For citation: Melik-Gaykazyan I.V. (2023) A “post-normal” state of science: confrontation between impressions and measurements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 75. pp. 319–323. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/28

Лаконичность моей реплики в данной дискуссии обеспечит сравнение науки с шахматами. Эта аналогия возникла благодаря воспоминанию о давних впечатлениях от книги, посвященной крушению шахматных дебютов [1]. В книге был произведен разбор множества шахматных партий, в которых «нормальный» дебют разбивался о нестандартное противостояние. Науку с шахматами роднят древность их происхождения и строгость неизменных правил. Наука как деятельность движима поиском нестандартных решений и, самое главное, движима постановкой задач, опрокидывающих норму, превращающих универсальное решение в частное. Но цель науки – приращение достоверных знаний, – и этические табу, подчиненные этой цели, остаются инвариантными по крайней мере последние четыре века. Другое дело трансформация науки как социального института. Здесь изменение правил подобно изменению правил шахматных турниров. Аналогию понятным образом продолжат сравнения: показателей публикационной активности с приобретаемыми турнирными очками, образовательной деятельности с деятельностью шахматных школ, разнообразной просветительской деятельности с популяризацией шахмат, экспертной деятельности с деятельностью шахматных журналистов, необходимости одновременного поиска и формирования социального заказа с привлечением новой аудитории любителей шахмат посредством online-игр и баталиями человек–компьютер. Отнюдь не случайно сравнения завершает упоминание технических реалий, по которым часто отождествляют коммуникационные, компьютерные технологии с информационными процессами. В этой частоте отождествления проявляет себя укоренение кибернетической парадигмы. Особенно приверженность кибернетической парадигме можно обнаружить в обсуждении эффектов «цифровизации». В большей части этих обсуждений не ставят вопрос о конкретности того, что фиксируется «в цифре»: код отправляемого сообщения или оператор действий получателя сообщения. С позиций принципиального различения этих стадий можно понять, что акцент на этапе кодирования ставят, например, при обсуждении «цифровизации» образовательной среды, и на основе этого последовательно приходят к уподоблению отношения ученик / учитель соотношению репрезентамен / интерпретанта [2. С. 15–18]. Стадию формирования оператора (стадии создания способа реализации информации) акцентируют при обсуждении нового качества «человека в цифровую эпоху», приходя к выводу о создании digital human [3]. К позитивным итогам обсуждения впечатлений от феномена «цифровизации» следует отнести констатацию создания неких разных семиотических эффектов как результатов разных стадий информационного процесса. К дискуссионным итогам приверженно-

сти кибернетической парадигме следует отнести то, что в эти пределы концептуальной модели никогда не попадал этап генерации информации. Кибернетика (в том числе «Кибернетика 2:0») всегда имела и имеет дело с извне поступающими данными или сведениями. Стадия создания безусловной новизны – стадия генерации информации – вошла в структуру информационного процесса только на основе «синергетической парадигмы».

Вернемся к продолжению сравнения шахмат и науки для иллюстрации еще двух нюансов. Один из них касается особенностей конкуренции, другой – делению шахматных турниров на соревнования только между любителями и только между профессионалами. С конца первой половины XX в., т.е. с тех пор, когда подготовка для занятия наукой стала систематической, а эта «научная педагогика» [4. С. 198] уже сформировала новые поколения научных работников [4. С. 328–332], конкуренция за право принадлежать научному сообществу приобрела характер постоянного состязания, требующего максимального напряжения сил. Эта конкуренция схожа с игрой «на время». В научном сообществе каждому противостоит время, что обусловливает темп достижения новых результатов. И если в шахматах противник убирает с доски ваши фигуры, то в конкуренции внутри научного сообщества время «съедает» ваши возможности и ваши «достигнутые уровни» в рейтингах, обладающих разной степенью проявления. В научном сообществе конкуренция потребовала «командной игры»: подобно тому как в шахматных турнирах высокого ранга гроссмейстер обладает своей командой поддержки, анализирующей комбинации ходов в прошедших партиях и разрабатывающей эти комбинации для предстоящих партий, так и в науке исследования реализуют коллективы с четким внутренним распределением частных задач для достижения общего результата. Трансформация организационной нормы, во-первых, не затронула норму получения научного результата, поскольку согласно характеристике состояния науки, данной в первой половине XX в. [5], требования к способу приращения достоверного знания оставались неизменными. Во-вторых, оптимизация распределения задач внутри научного коллектива инициировала разработку новых сервисов, которыми стали новые коммуникационные технологии, и полную их реализацию в наши дни. Известные же искушения «цифровизации» проводят более четкую границу между исследователями, следующими неизменной норме получения научного результата и поддающимися соблазнам. Иными словами, в этой состязательности выигрывает тот, кто готов проиграть, но не отступить от этических табу науки.

К сожалению (или к счастью) наука крайне редко меняет свое состояние. Смена состояний наиболее ясно представлена в уже упомянутой выше синергетике[1]. С позиций нелинейной динамики стартом смены состояний становятся достижение «точки бифуркации» (подобной смене парадигмы в интерпретации Т. Куна) и соревнования будущих сценариев в «окрестности точки бифуркации» (подобного ситуации, актуализированной П. Фейерабендом). В последние десятилетия состояние науки атакуют не новые коммуникационные технологии, а то, что можно назвать «парадокс профана». И этот парадокс уже затрагивает сферу, подобную делению шахматных турниров на лю-

[1] Синергетикой в отечественном гуманитарном дискурсе именуют нелинейную динамику – широкое направление фундаментальных исследований.

бительские и профессиональные. На поверхности ситуации, выраженной в «парадоксе профана», лежит необходимость, продиктованная темпом смены объектов исследования и заставляющая любого эксперта время от времени утрачивать свою экспертную роль и «садиться за ученическую парту». В принципе, в центре обсуждения «пост-нормального» состояния [6–8] находятся ситуации, при которых исследователи проявляют активность за пределами своей профессиональной области. Но есть и более глубокий пласт формирования этой ситуации. Гуманитарные исследования имеют большую проблему: они исследуют системы, превосходящие по своей сложности объекты фундаментальной науки, но без основных инструментов, которыми вооружено естествознание. Такими инструментами являются процедуры измерения и проведение экспериментов. Заменой этим инструментам служат концептуальные модели, систематизирующие впечатления от наблюдения за проявлениями того или иного объекта. Вместе с тем эти проявления выражают себя в формах знаков, что создает перспективы для семиотической диагностики наблюдаемых эффектов. Следует отметить, что семиотика, во-первых, является, пожалуй, самым строгим из методов гуманитарных исследований; во-вторых, она находит применение во всем дисциплинарном делении наук о человеке и обществе. Поэтому модель, на основе которой можно сделать вывод о состоянии науки, должна вбирать возможность семиотической диагностики. Поскольку и сама наука, и ее социокультурное окружение являются самоорганизующимися системами, релевантность модели обеспечивают методологические потенциалы для фиксации взаимосвязей фаз самоорганизации и стадий информационного процесса (всех стадий, а не только процессов трансляции информации). Без такого инструмента, способного обеспечить переход к паллиативу процедур измерения, любая оценка смены состояния остается сбором впечатлений.

Предложенная аналогия содержит изъян – она открыта для атаки. Уязвимость позиции служит поводом для возможных размышлений о надежности метода аналогий, который часто применяют в гуманитарных исследованиях и в сборе впечатлений.

Список источников

1. *Нейштадт Я.И.* По следам дебютных катастроф. М. : Физкультура и спорт, 1979.

2. *Агатова О.А., Ермолина К.А., Червонный М.А.* Киберсемиотика анализа данных в цифровых образовательных средах // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 4. С. 9–28. doi: 10.23951/2312-7899-2022-4-9-27

3. *Дыдров А.А., Невелева В.С., Тихонова С.В., Труфанова Е.О.* Человек в цифровую эпоху // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 4. С. 102–122. doi: 10.23951/2312-7899-2022-4-102-122

4. *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М. : Новое литературное обозрение, 2018.

5. *Уайтхед А.Н.* Наука и современный мир // Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 56–271.

6. *Шиповалова Л.В.* Судьба визуализаций в публичной научной коммуникации: между действием и представлением // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Т. 4, № 30. С. 273–292. doi: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292

7. *Шиповалова Л. В.* Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 61–73. doi: 10.5840/eps202259341.

8. *Вархотов Т.А.* А была ли наука «нормальной»? Реплика к статье Л.В. Шиповаловой «Как возможна пост-нормальная наука?» // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 74–80. doi: 10.5840/eps202259342

References

1. Neishtadt, Ya.I. (1979) *Po sledam debyutnykh katastrof* [Following the debut disasters]. Moscow: Fizkul'tura i sport.

2. Agatova, O.A., Ermolina, K.A. & Chervonnyy, M.A. (2022) Cybersemiotics of Data Analysis in Digital Educational Environments. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 9–27. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-4-9-27

3. Dydrov, A., Neveleva, V., Tikhonova, S. & Trufanova, E. (2021) A Person in the Digital Age. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 48–94. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-1-48-94

4. Daston, L. & Galison, P. (2018) *Ob"ektivnost'* [Objectivity]. Translated from English. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

5. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: [s.n.]. pp. 56–271.

6. Shipovalova, L.V. (2021) The destiny of visualizations in public science communication: Between action and representation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 273–292. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-273-292

7. Shipovalova, L.V. (2022) How is Post-Normal Science Possible? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 59(3). pp. 61–73. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202259341

8. Varkhotov, T. (2022) Has Science Ever Been “Normal”? A reply to “How is Post-Normal Science Possible?” by Lada Shipovalova. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 59(3). pp. 74–80. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.5840/eps202259342

Сведения об авторе:
Мелик-Гайказян И.В. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии науки Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: melik-irina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Melik-Gaykazyan I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: melik-irina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication 07.10.2023

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

2023. № 75

Редакторы *Е.Г. Шумская*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 14.11.2023 г. Дата выхода в свет 24.11.2023 г.
Формат 70x100 1/16. Печ. л. 20,25; усл. печ. л. 26,33; уч.-изд. 27,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 5644. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail: rio.tsu@mail.ru